РЕДАКТОР И ПЕРЕВОДЧИК
ЛЮ ЦЫСИНЯ

Кен Лю

ПОТАЕННАЯ ДЕВУШКА

ПРЕМИЯ LOCUS

fanzon

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Премия Locus за лучший сборник рассказов года. Финалист премии Goodreads. Повести и рассказы номинировались на премии Locus, Ignotus, Grand Prix de l`Imaginarie, награды журналов Interzone и Bifrost. Сборник новелл Кена Лю – редактора и переводчика, открывшего миру Лю Цысиня. Твердая научная фантастика, футуризм, посткиберпанк и азиатское фэнтези в аниме-стиле. Лю – один из создателей сериала «Любовь, смерть и роботы». Рассказы об убийцах, путешествующих во времени, повести в стиле сериала «Черное зеркало» о влиянии криптовалют и интернет-троллинге, новеллы о искусственных интеллектах в облаках глобальной компьютерной сети, душераздирающие истории отношений между родителями и детьми. Кен Лю исследует актуальные темы настоящего человечества и с тревогой смотрит в его будущее.«Рассказы проникают глубоко в мозг, обнажая полную боли истину, срезая слой за слоем, чтобы найти песчинку в сердце жемчужины». – NPR «Откройте одну из звезд научной фантастики». – ЧАРЛИ ДЖЕЙН АНДЕРС «Блестяще. Самая важная фигура в фантастике за прошедшее десятилетие». – THE CHICAGO TRIBUNE «Необыкновенно. Лю исследует место, где обычное сталкивается с экстраординарным». – THE WASHINGTON POST «Захватывающе. Коллекция чудес и магических реальностей». – BuzzFeed «Когда я читал рассказы Кена Лю, то чувствовал, что он единственный талант своего поколения». – ДЖЕЙМИ ФОРД «Поражает прямо в сердце». – KIRKUS REVIEWS «На своем пути по книге вы словно попадаете в космическую бутылку Клейна». – WIRED «Самые запоминающиеся творения Кена Лю за всю литературную карьеру». – AV Club

- Кен Лю
  -
  - Предисловие
  - Призрачные дни
  - Демон Максвелла
  - Перерожденный
  - Мысли и молитвы
  - Византийское сострадание
  - Богов не удержишь на цепи
  - Остаться позади
  - Настоящие художники
  - Богов не будут убивать

- А где-то далеко огромные стада оленей[58]
- Боги умерли не напрасно
- Воспоминания о моей матери
- Послания из колыбели: отшельница – сорок восемь часов в Массачусетском море
- Серая Крольчиха, Алая Кобыла, Черный Леопард
- Побег за пределы Стены Бурь
- Потаенная девушка
- Семь дней рождения
- Послание
- Вырезание
- Слова благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75

- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

Кен Лю
Потаенная девушка

Посвящается моей бабушке Сяоцань, которая научила меня рассказывать истории.

А также Лизе, Эстер и Миранде, показавшим мне, почему истории так важны.

Ken Liu
THE HIDDEN GIRL AND OTHER STORIES
Copyright © 2020 by Ken Liu

© С. Саксин, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

В самом сердце художественной литературы заключен парадокс, по крайней мере, так показывает мой опыт: в то время как средством литературы является язык, чья основная функция – общение, я могу писать удовлетворительные произведения, лишь полностью исключая эту функцию.

Объясню. Как автор я создаю из слов некое произведение, однако слова лишены смысла до тех пор, пока их не оживляет сознание читателя. Каждое повествование ведется автором и читателем совместно, и оно остается неполным до тех пор, пока не появляется читатель и не *интерпретирует* написанное.

Каждый читатель подходит к тексту со своим собственным восприятием, представлениями о реальности, приобретенными ранее познаниями относительно того, каков наш мир и каким он быть должен. Все это постигается через опыт, хотя у каждого конкретного человека своя собственная история встреч с неумолимой реальностью. Именно благодаря этим боевым шрамам оценивается достоверность сюжета; глубина персонажей измеряется по шкале воспоминаний о реальных событиях; правдоподобность каждого повествования сопоставляется со страхами и надеждами, живущими в сердце.

Хорошее повествование не может быть похоже на строгий юридический документ, проводящий читателя по узкому мостику, переброшенному через пропасть бессмысленного. Скорее оно должно быть безлюдным домом, голым садом, пустынным берегом океана. Читатель приходит со своим тяжелым багажом, бережно лелеемыми личными вещами, семенами сомнения и мировоззрением, схемами человеческой природы и корзинами веры, поддерживающей его силы. Он поселяется в повествовании, исследует все укромные закутки, переставляет мебель в соответствии со своими вкусами, покрывает стены набросками своей внутренней жизни и тем самым превращает его в свой дом.

Как автор я нахожу попытку построить дом, который удовлетворил бы любого воображаемого будущего обитателя, сковывающей, ограничивающей, парализующей. Гораздо лучше построить здание, в котором *я сам* буду чувствовать себя дома, умиротворенный балансом между реальностью и искусственностью языка.

Однако опыт показал, что именно тогда, когда я наименее настроен на *общение*, результат максимально открыт для интерпретации; именно тогда, когда меня наименее заботит удобство моих читателей, они с наибольшей вероятностью

сделают мое повествование своим домом. Лишь сосредоточившись исключительно на частном, я получаю возможность достичь общего.

Таким образом, отбирать рассказы для этого сборника было во многом проще, чем отбирать рассказы для моего дебюта «Бумажный зверинец и другие рассказы»: исчезло давление от попытки «преподнести товар лицом». Вместо того чтобы ломать голову над тем, из каких рассказов получится «лучший» сборник для воображаемого читателя, я решил остановиться на тех рассказах, которые больше всего нравятся мне самому. В этом неоценимую помощь мне оказал мой редактор Джо Монти, которому удалось сплести разрозненные сюжеты в единое повествование, чего не смог разглядеть я сам.

Надеюсь, каждый из вас найдет в этом сборнике рассказ, в котором почувствует себя как дома.

Призрачные дни

3

НОВАЯ ПАСИФИКА, 2313 ГОД

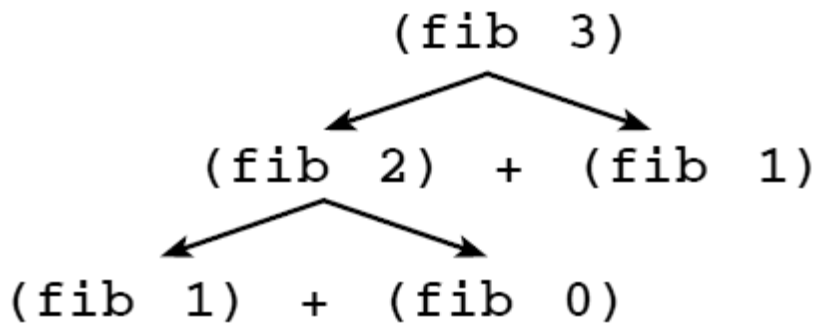
Мисс Корон указала на доску-экран, на которую вывела отрывок кода.

```
(define (fib n)
  (if (< n 2)
    1
    (+ (fib (- n 1)) (fib (- n 2)))))
```

– Давайте составим дерево вызовов этой классической функции на языке «Лисп», рекурсивно вычисляющей n-й член последовательности Фибоначчи.

Оуна внимательно смотрела на Учительницу, отвернувшуюся к доске. Мисс Корон была без шлема. Ее платье оставляло открытыми руки и ноги, что, как она объясняла детям, было «красивым» и «естественным». Умом Оуна понимала, что ледяной воздух в классе, от которого у нее самой и у остальных детей даже при непродолжительном пребывании без защитного облачения случилось бы переохлаждение, идеально подходит для Учителей, и все же от этого зрелища она непроизвольно поежилась. От прикосновения к внутренней стороне герметичного термокостюма ее чешуя зашуршала, и этот шорох громкими отголосками отозвался в шлеме.

– Рекурсивная функция работает подобно вложенным друг в друга матрешкам, – продолжала мисс Корон. – Для того чтобы решить общую задачу, рекурсивная функция вызывает сама себя, решая частный вариант той же самой задачи.



Оуна пожалела о том, что не сможет вызвать частную версию самой себя, чтобы решить свои проблемы. Она мысленно представила, что у нее внутри есть «Оуна послушная», которой доставляет радость написание алгоритмов на классических языках программирования и изучение поэзии на архаичном английском языке. Это позволило бы ей освободиться от нудных занятий и полностью сосредоточиться на таинственной цивилизации Новой Пасифики, на давным-давно исчезнувших коренных обитателях планеты.

– Но какой смысл изучать мертвые языки программирования? – спросила вслух Оуна.

Все дети в классе разом обернулись к ней, и золотистый блеск чешуи у них на лицах ослепил ее даже сквозь два слоя стекла – в шлемах у них и в шлеме самой Оуны.

Оуна мысленно поругала себя. По-видимому, вместо «Оуны послушной» она почему-то вызвала «Оуну-бунтарку», из-за которой постоянно попадала в неприятности.

Оуна обратила внимание на то, что сегодня на обнаженном лице мисс Корон особенно яркая косметика, однако губы Учительницы, накрашенные ярко-красной помадой, практически исчезли, превратившись в тонкую линию, когда она постаралась сохранить улыбку.

– Мы изучаем классические языки программирования для того, чтобы понять образ мышления наших далеких предков, – сказала мисс Корон. – Вы должны знать, откуда вы.

Она произнесла «вы» так, чтобы показать, что она имела в виду не одну только Оуну, а всех детей колонии Новая Пасифика. Покрытая чешуей кожа, переносящие высокие температуры внутренние органы и кровеносные сосуды, шестидольные легкие – все это было позаимствовано у местной фауны. Внедренная в организмы детей чуждая биохимия позволяла им дышать за пределами Купола, жить на этой горячей ядовитой планете.

Оуна понимала, что ей нужно замолчать, но, подобно тому

как рекурсивные функции на блок-схеме мисс Корон должны были возвращаться в точку вызова, она не могла удержать «Оуну-бунтарку».

– Я знаю, откуда я: я была рассчитана компьютером и выращена в пробирке, после чего росла в стеклянном питомнике, куда закачивался воздух снаружи.

– О, Оуна, я… Я имела в виду совсем другое. – Голос мисс Корон смягчился. – Новая Пасифика находится слишком далеко от наших родных миров, и за нами не пришлют спасательный корабль, потому что никому и в голову не придет, что мы выжили в «червоточине» и теперь застряли здесь, в противоположном конце галактики. Вы никогда не увидите прекрасные парящие острова Тай-Винн и восхитительные эстакады Пеле, изящные города-деревья Поллена и кишащие жилые соты Тирона: вы полностью отрезаны от своего прошлого, от остального человечества.

Выслушав – в миллионный раз – эти туманные легенды о чудесах, которых она оказалась лишена, Оуна почувствовала, как у нее на спине чешуя встала дыбом. Она терпеть не могла подобную снисходительность.

Но мисс Корон продолжала:

– Однако когда вы овладеете «Лиспом» в достаточной степени, чтобы читать исходные тексты программ первых автоматических разработчиков на Земле, когда вы изучите архаичный английский и сможете понимать Декларацию о новой судьбе, когда вы познакомитесь с культурой и обычаями и насладитесь всеми хранящимися в Библиотеке голограммами и симуляторами, *тогда* вы в полной степени поймете блистательность и величие наших предков, нашей расы.

– Но мы не *люди*! Вы создали нас по образу и подобию растений и животных, живущих *здесь*. Мы больше похожи на вымерших коренных обитателей Новой Пасифики, чем на вас!

Мисс Корон молча смерила Оуну взглядом, и та поняла, что попала в точку. В этой правде мисс Корон не желала признаваться даже самой себе. В глазах Учительницы эти дети никогда не будут в полной мере хорошими, никогда не будут настоящими *людьми*, хотя именно они и олицетворяли будущее человечества на этой негостеприимной планете.

Шумно вздохнув, мисс Корон продолжала, как будто ничего не произошло:

– Сегодня День памяти, и я не сомневаюсь, что вы порадуете Учителей своими презентациями. Но давайте сначала закончим наш урок. Для того чтобы вычислить n-й элемент, рекурсивная функция вызывает себя и вычисляет (n-1) – й и (n-2) – й элементы,

чтобы сложить их друг с другом, каждый раз возвращаясь все дальше назад, решая предыдущие варианты той же самой задачи… Таким образом, прошлое, – закончила мисс Корон, – шаг за шагом накапливаясь через рекурсии, становится будущим.

Прозвенел звонок, и урок наконец закончился.

* * *

Даже несмотря на то что времени на еду в этом случае оставалось меньше, Оуна и ее друзья никогда не ленились проделать долгий путь пешком, чтобы пообедать за пределами Купола. Есть внутри означало бы выдавливать из тюбиков пасту через специальные клапаны в шлеме или возвращаться в вызывающие чувство клаустрофобии резервуары в дортуаре.

– Что собираешься делать? – спросил Джейсон, откусывая кусок похожего на пчелиные соты плода, смертельно ядовитого для Учителей, однако все дети его просто обожали. – Джейсон обклеил свой термокостюм белыми керамическими плитками, чтобы сделать его похожим на старинный скафандр со старых картинок. Рядом с ним стоял флаг – звездно-полосатое полотнище Американской империи (или Американской республики?) – его артефакт. Вечером на собрании по случаю Дня памяти Джейсон собирался рассказать про Нила Армстронга, первого человека, побывавшего на Луне. – Костюма ведь у тебя нет.

– Не знаю, – сказала Оуна, стаскивая с головы шлем и снимая термокостюм. Она полной грудью вдохнула горячий свежий воздух, свободный от удушливого химического запаха фильтров системы рециркуляции. – И мне все равно.

Каждый, кому предстояло выступить с презентацией на собрании, должен был быть в костюме. Две недели назад Оуне выдали артефакт: маленькую плоскую металлическую пластинку с грубой поверхностью размером с ладонь, имеющую форму детской лопатки. Она была темно-зеленого цвета, с короткой толстой рукояткой и двусторонним лезвием, тяжелее, чем можно было бы предположить по внешнему виду. Это была семейная реликвия, принадлежащая мисс Корон.

– Но эти артефакты и рассказы имеют для Учителей такое большое значение, – сказала Тэлия. – Они будут крайне недовольны, если ты не проведешь исследования.

Тэлия приклеила свой артефакт (белую фату) на шлем и надела поверх термокостюма кружевное белое платье, чтобы можно было разыграть классическую свадьбу вместе с Далем,

покрасившим свой термокостюм в черный цвет в подражание женихам, которых он видел на старых голограммах.

– Кто может поручиться, что все эти рассказы правда? Мы ведь никогда не сможем туда попасть.

Оуна положила лопатку на стол, чтобы та впитывала тепло солнца. Она представила себе, как мисс Корон протягивает руку к лопатке (бесценной реликвии из мира, который больше никогда не увидит) и вскрикивает, прикоснувшись к горячему металлу.

«Вы должны знать, откуда вы».

Сама Оуна предпочла бы использовать эту лопатку, чтобы раскопать прошлое Новой Пасифики, *ее* планеты, где она была *дома*. Ей хотелось узнать историю аборигенов гораздо больше, чем знакомиться с прошлым Учителей.

– Они цепляются за свое прошлое, словно мерзкий клейкий лишай! – воскликнула Оуна, давая выход вскипающей в груди злости. – И тем самым внушают нам, что мы плохие, неполноценные, что мы никогда не станем такими, как они. Но сами они не выживут здесь и часа!

Схватив лопатку, она с силой зашвырнула ее в лес из белодревов.

Джейсон и Тэлия промолчали. После нескольких неловких мгновений они встали.

– Нам нужно готовиться к собранию, – пробормотал Джейсон.

И они направились обратно в Купол.

Какое-то время Оуна сидела одна, рассеянно считая пролетающие над головой крылатые челноки. Вздохнув, она встала и пошла в лес искать лопатку.

Если честно, в такие теплые, погожие осенние дни Оуне больше всего хотелось находиться на улице без термокостюма и шлема, бродить по зарослям белодревов среди шестиугольных стволов, уходящих в небо, под колышущимся зеркальным пологом серебристо-белых шестиконечных листьев, слушая их загадочный шепот и смех.

Она смотрела на танцующих в воздухе мошек – они бешено молотили своими шестью прозрачными ярко-голубыми крылышками, выписывая в воздухе узоры, которые, она была уверена, представляют собой своеобразный язык общения. Купол был построен на месте древнего города аборигенов: и тут и там среди зарослей возвышались курганы – груды угловатых обломков, оставленных загадочными коренными обитателями этой планеты, полностью вымершими за тысячелетия до прибытия корабля с колонистами, пустынные развалины, наполненные призрачной тишиной.

«Не очень-то они и старались», – подумала Оуна. Учителя

никогда не проявляли особого интереса к аборигенам, поглощенные лишь тем, чтобы вбить детям в голову всякий мусор о старой Земле.

Оуна ощущала лицом и телом солнечное тепло, ее белая чешуя переливалась в ярких лучах всеми цветами радуги. Полуденное солнце было таким жарким, что там, где тень от белодревов не прикрывала землю, закипала вода и лес был наполнен струйками белого пара. Хотя Оуна не могла забросить лопатку далеко, отыскать ее в густых зарослях было непросто. Оуна продвигалась медленно, внимательно изучая каждый торчащий из земли корень и каждый перевернутый камень, каждую груду древних обломков. Ей хотелось надеяться, что лопатка не сломалась.

Ну вот, наконец!

Она поспешила к лопатке, которая лежала на груде обломков, устроившись среди метелок травы, смягчившей ее падение. Под ней скопилось облачко пара, в котором она словно бы плавала. Оуна наклонилась к ней.

Пар обладал запахом, с которым Оуна еще никогда не сталкивалась. Под его воздействием зеленый налет, покрывавший лопатку, частично растаял, обнажив блестящий золотистый металл. До Оуны внезапно дошло, какой же древний этот предмет, и она, смутно вспомнив рассказы про религию на уроках культуры и обычаев, подумала, не является ли лопатка какой-нибудь ритуальной утварью.

Впервые она задумалась, могли ли предположить предыдущие владельцы лопатки, что она однажды окажется за миллиард миллиардов миль от дома, на древнем чужеродном кургане, в руках девочки, имеющей мало общего с человеческой расой.

Завороженная запахом, Оуна потянулась за лопаткой, сделала глубокий вдох и потеряла сознание.

2

ИСТ-НОРБЕРИ, ШТАТ КОННЕКТИКУТ, 1989 ГОД

На карнавал по случаю Дня всех святых Фред Хо решил нарядиться Рональдом Рейганом[1].

В первую очередь потому, что маска продавалась в магазине распродаж. Также можно было надеть отцовский костюм, который тот надевал всего раз, в день открытия ресторана. Для родителей Фреда потрясением стало уже то, что он шел на карнавал.

Еще в брюках были глубокие карманы, куда можно было

спрятать подарок. Тяжелый и угловатый, древний сувенир в форме лопатки согревался сквозь тонкую ткань теплом его бедра. Фред надеялся, что Кэрри использует его как пресс-папье, повесит в качестве украшения на стену или даже, воспользовавшись отверстием в рукоятке, превратит в курительницу благовоний (от нее частенько пахло сандаловым деревом и пачули).

Заехав за Фредом к нему домой, Кэрри помахала рукой его родителям, которые стояли в дверях, сбитые с толку и настороженные, и не махали в ответ.

– Выглядишь ты классно, – сказала Кэрри. Ее маска лежала на приборной панели.

Фред испытал облегчение от того, что она одобрила его наряд. И не просто одобрила. Сама Кэрри нарядилась Нэнси Рейган.

Фред рассмеялся, стараясь придумать какое-нибудь подходящее замечание. Но когда он наконец остановился на «Ты выглядишь прекрасно», они проехали целый квартал, и было слишком поздно. Поэтому Фред просто сказал:

– Спасибо за то, что пригласила меня на карнавал.

Снаружи школа была украшена оранжевыми вымпелами, пластмассовыми летучими мышами и бумажными тыквами. Фред и Кэрри надели маски и вошли внутрь. Они танцевали (ну, вообще-то, танцевала Кэрри, Фред по большей части лишь старался ей подражать).

Хотя двигался он по-прежнему стесненно и неуклюже, маска помогала не переживать по поводу самого главного навыка для выживания в американской школе – умения быть таким, как все.

Скоро лица у них начали потеть под резиновыми масками. Кэрри пила один стаканчик приторно-сладкого пунша за другим, однако Фред, решивший не снимать маску, лишь качал головой. Но когда началась песня «Я буду всегда тебя любить», они уже были готовы покинуть погруженный в темноту спортивный зал.

Снаружи стоянка была заполнена привидениями, Суперменами, инопланетянами, ведьмами и принцессами. Все приветливо махали «президентской чете», и та махала в ответ. Фред упорно не снимал маску. Он умышленно шел медленно, наслаждаясь вечерней прохладой.

– Эх, если бы День всех святых был каждый день! – сказал Фред.

– Зачем? – удивилась Кэрри.

«Никто меня не узнаёт, – захотелось сказать ему. – Никто на меня не пялится». Но вместо этого он сказал:

– Мне нравится быть в маскарадном костюме.

Фред произнес это медленно и старательно, и ему

показалось, что он не услышал в своем голосе акцента.

Кэрри кивнула, как будто поняла его. Они сели в машину.

До появления Фреда в средней школе Ист-Норбери еще никогда не было ученика, для которого английский язык не был родным и который мог оказаться нелегальным иммигрантом. По большей части к нему относились дружелюбно, однако тысячи улыбок, перешептываний и жестов, самих по себе вроде бы безобидных, постоянно напоминали: «ты здесь чужой».

– Ты волнуешься по поводу встречи с моими родителями? – спросила Кэрри.

– Нет, – соврал Фред.

– Маме просто не терпится с тобой познакомиться.

Они подъехали к белому ранчо, перед которым раскинулся безукоризненно подстриженный газон. На почтовом ящике у входа было написано «Уайенн».

– Это твой дом, – сказал Фред.

– А ты, оказывается, умеешь читать! – пошутила Кэрри, выходя из машины.

Направляясь к дому, Фред чувствовал в воздухе запах моря и слышал шум волн, набегающих на берег. На крыльце стоял фонарь из тыквы.

«Сказочный домик, – подумал Фред. – Американский замок».

* * *

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросил Фред, стоя в дверях кухни.

Миссис Уайенн («Зовите меня Кэмми») сновала между столом, используемым как место для нарезки-перемешивания-раскладывания, и плитой. Одарив Фреда мимолетной улыбкой, она снова принялась за работу.

– Не утруждай себя. Иди лучше поболтай с моим мужем и Кэрри.

– Я правда могу помочь, – настаивал Фред. – Я разбираюсь в готовке. У моих родителей ресторан.

– О, знаю. По словам Кэрри, свинина му-шу[2] там просто объедение. – Оторвавшись от работы, миссис Уайенн обернулась, и ее улыбка стала еще шире. – А ты хорошо говоришь по-английски!

Фред никак не мог взять в толк, почему все считают таким важным упомянуть об этом. В голосах людей звучало удивление, и он не знал, что отвечать.

– Спасибо.

– Правда, *очень* хорошо. Ну а теперь ступай. Я сама управлюсь.

Фред вернулся в гостиную, жалея о том, что нельзя было остаться в таком привычном тепле кухни.

* * *

– Это просто ужасно, – сказал мистер Уайенн. – Какие они храбрые, эти студенты с площади Тяньаньмэнь[3]. Настоящие герои!

Фред молча кивнул.

– А твои родители, – продолжал мистер Уайенн, – тоже были диссидентами?

Фред замялся. Он вспомнил, как его отец читал китайскую газету с фотографиями многолюдных протестов в Пекине, которую бесплатно раздавали в китайском квартале в Бостоне.

– Глупые юнцы! – воскликнул он, красный от возмущения. – Родители потратили на них столько денег, а они позируют перед фотографирующими их иностранцами, вместо того чтобы учиться! Чего они хотят добиться? Избалованные, начитались американских книг! – Затем отец повернулся к Фреду и погрозил ему кулаком. – Если ты только посмеешь выкинуть подобный фортель, я хорошенько тебя отлуплю, чтобы впредь думал головой, а не задницей!

– Да, – наконец сказал Фред. – Вот почему мы перебрались сюда.

Мистер Уайенн удовлетворенно кивнул.

– Америка – замечательная страна, правда?

Если честно, Фред так и не мог взять в толк, почему однажды родители разбудили его среди ночи; почему они плыли на лодке, ехали на машине, затем на автобусе, потом поднялись на большой корабль; почему на протяжении многих дней они сидели в темном трюме, где его постоянно тошнило от качки; почему после высадки на берег они прятались в кузове грузовика, до тех пор пока не оказались в грязных трущобах китайского квартала Нью-Йорка, где какие-то люди разговаривали с его отцом угрожающим тоном, а тот лишь молча кивал; почему отец однажды объявил, что они теперь другие люди и у них другие имена и ни в коем случае нельзя вступать в разговоры с иностранцами и полицией; почему несколько лет они жили в подвале ресторана, в котором работали, и бесконечно обсуждали, как заработать достаточно денег и расплатиться с суровыми людьми; как они, наконец, переехали в Ист-Норбери, этот городок

на побережье Новой Англии, где, как сказал отец, нет китайских ресторанов, а американцы слишком глупы, чтобы понять, что повар из него никакой.

– Да, сэр, замечательная, – вслух произнес Фред.

– И ты держишь в руках лицо великого человека, – сказал мистер Уайенн, указывая на маску Рейгана у него в руках. – Истинный борец за свободу.

После той недели в июне отец каждый вечер подолгу о чем-то разговаривал вполголоса по телефону. И вдруг он объявил Фреду и его матери, что им нужно вызубрить новую «легенду» про то, что они якобы были связаны со студентами, погибшими на площади Тяньаньмэнь, разделяли те же самые идеалы и были безнадежно влюблены в «демократию». В разговорах все чаще стало упоминаться выражение «политическое убежище», и все готовились к беседе с иммиграционными чиновниками в Нью-Йорке, чтобы наконец узаконить свое пребывание в Америке.

– Тогда мы сможем остаться здесь и заработать кучу денег, – удовлетворенно заявил отец.

Раздался звонок в дверь. Кэрри встала и взяла вазочку с конфетами.

– Кэрри просто обожает приключения, – сказал мистер Уайенн. Он понизил голос. – Вечно пробует что-нибудь новенькое. В ее возрасте бунтарский дух – это естественно.

Фред кивнул, не зная, как понимать эти слова.

Лицо мистера Уайенна потеряло свое дружелюбное выражение, словно с него спала маска.

– Пойми, у нее сейчас такой период. И ты – лишь часть… – он неопределенно махнул рукой, – часть того, чем Кэрри пытается воздействовать на меня. Все это несерьезно, – добавил он. Однако тон его был абсолютно серьезным.

Фред ничего не сказал.

– Я просто хочу, чтобы не было никакого недопонимания, – продолжал мистер Уайенн. – Людям свойственно общаться в своем кругу; надеюсь, ты согласишься.

В прихожей Кэрри ахнула, притворяясь, будто ее напугали гости, затем громко выразила восхищение их маскарадными костюмами[4].

– Не пойми превратно то, как Кэрри к тебе относится.

Кэрри вернулась в гостиную.

– Почему такая тишина? – спросила она. – О чем это вы тут сплетничали?

– Я просто попросил Фреда рассказать про свою семью, – сказал мистер Уайенн, и его лицо снова стало приветливым и улыбающимся. – Ты знаешь, что они были диссидентами? Очень

мужественные люди.

Поднявшись на ноги, Фред сунул руку в карман и стиснул маленькую бронзовую лопатку. В эту минуту ему очень захотелось швырнуть ее в лицо мистеру Уайенну, почему-то очень напомнившее лицо его собственного отца.

Однако вместо этого он сказал:

– Извините, я не догадывался, что уже так поздно. Мне пора идти.

1

ГОНКОНГ, 1905 ГОД

– Цзючжун! – снова громко окликнул Уильяма отец. Он не сдерживал свой голос, в отличие от соседки, которая пыталась успокоить ребенка, страдающего коликами.

«Ну почему в Гонконге все кричат? На дворе двадцатый век, а все ведут себя так, будто по-прежнему живут в деревне».

– Меня зовут *Уильям*, – пробормотал он вполголоса. Несмотря на то что отец оплатил его дорогостоящее обучение в Англии, старик по-прежнему упорно отказывался называть сына его английским именем, которое тот носил уже больше десяти лет.

Уильям постарался сосредоточиться на лежащей перед ним книге – мистическом христианском трактате четырнадцатого века.

«Ибо ты вверг меня своим вопросом во мрак, в то самое облако неведения, в котором пребываешь сам».

– Цзючжун!

Уильям заткнул уши пальцами.

«Да будет ниспослана человеку милость познать все прочие существа и их творения, да и творения самого Господа, и он может в полной мере мыслить о них; но о самом Боге не смеет думать никто».

Эту книгу, «Облако неведения», Уильяму подарила на прощание перед отъездом Вирджиния – и ее, как, несомненно, одно из лучших творений Господа, Уильяму до боли хотелось «познать».

– Ты собираешься возвращаться на загадочный Восток, – сказала Вирджиния, вручая ему книгу. – Так пусть же тебя направляют мистики Запада!

– Гонконг не такой, – возразил Уильям, огорченный тем, что она считает его *обыкновенным* китайцем… Хотя в каком-то смысле именно им он и был. – Это часть Британской империи. Цивилизованный город. – Уильям взял у нее книгу, почти

прикоснувшись к ее пальцам, но все-таки не прикоснувшись. – Я вернусь через год.

Вирджиния вознаградила его открытой сияющей улыбкой, которая больше всех отличных оценок и похвал учителей позволила ему почувствовать себя настоящим англичанином.

«И на сем я оставлю все то, о чем могу думать, и буду любить то, о чем думать не могу. Ибо хотя Его можно любить, о Нем нельзя думать. Познать и обрести Его позволено через любовь, но только не думать о Нем».

– Цзючжун! Что с тобой?

Отец Уильяма стоял в дверях, лицо его раскраснелось от усилий, потребовавшихся для того, чтобы подняться по крутой лестнице в каморку на чердаке.

Уильям вынул пальцы из ушей.

– Ты должен помочь мне с приготовлениями к «Юй ланю».

После сладкозвучной музыки средневекового английского кантонский диалект отца резанул Уильяму слух подобно грохоту гонгов и барабанов «цзют кек», китайской «народной оперы», недостойной этого благородного названия, бледной тени настоящей оперы, которую он слушал в Лондоне.

– Я занят, – пробормотал Уильям.

Отец перевел взгляд с его лица на книгу у него в руках и обратно.

– Это очень важная книга, – сказал Уильям, старательно избегая смотреть отцу в глаза.

– Сегодня ночью состоится торжественное шествие призраков, – сказал отец, переминаясь с ноги на ногу. – Позаботимся о том, чтобы душам наших предков не было стыдно, и еще можно попробовать утешить бездомных призраков.

Перейти от изучения Дарвина, Ньютона и Адама Смита[5] вот к *этому*, к *ублажению призраков*! В Англии люди стремятся познать законы природы, расширить границы науки, но здесь, под кровом отцовского дома, по-прежнему царит Средневековье. Уильям мысленно представил себе снисходительную усмешку на лице Вирджинии.

У него нет ничего общего с родным отцом, человеком абсолютно чуждым, инопланетянином, по сути дела.

– Я не прошу, – сказал отец, и голос его стал жестким, словно у актера китайской оперы, завершающего сцену.

«Здравый рассудок задыхается в насыщенной предрассудками атмосфере колоний». Никогда еще решимость вернуться в Англию не была у Уильяма такой сильной.

* * *

– Зачем дедушке это понадобится? – спросил Уильям, критически оглядывая бумажную модель безлошадного экипажа «Аррол-Джонстон» с трехцилиндровым двигателем.

– Все ценят вещи, которые делают жизнь удобнее, – назидательно заметил его отец.

Покачав головой, Уильям тем не менее продолжал приклеивать к модели фары, сделанные из желтой бумаги (имитация бронзы).

Стол был завален другими подношениями, которые предстояло сжечь этой ночью: бумажная модель коттеджа в западном стиле, бумажные костюмы, бумажная обувь, пачки «денег потустороннего мира» и стопки «золотого миллиарда».

– Похоже, у дедушки и у прадедушки плохое зрение, раз они могут принять эти подделки за настоящее, – не удержался от язвительного замечания Уильям.

Отец никак не отреагировал, и они продолжали работать молча.

Чтобы сделать это нудное занятие хоть сколько-нибудь терпимым, Уильям воображал, будто надраивает машину, чтобы выехать за город вместе с Вирджинией…

– Цзючжун, будь добр, принеси из сарая стол из сандалового дерева. Разложим красиво подарки призракам. И давай сегодня больше не будем ссориться.

Прозвучавшие в голосе отца просительные нотки удивили Уильяма. Только сейчас он вдруг заметил, какой сгорбленной стала у отца спина.

У него перед глазами возник непрошеный образ…

Он, еще совсем маленький мальчик, сидит у отца на плечах – кажется, таких же широких и незыблемых, как гора.

– Выше, еще выше! – крикнул он.

И отец поднял его над головой так, что он оказался над многолюдной толпой и смог увидеть восхитительные костюмы и разукрашенные лица актеров, исполняющих «народную оперу».

Отцовские руки были такими сильными, они держали его высоко в воздухе так долго…

– Конечно, папа, – сказал Уильям, поднимаясь на ноги, чтобы сходить в сарай, что располагался за их домом.

В сарае было темно, сухо и прохладно. Именно здесь отец временно хранил антиквариат, который восстанавливал для своих заказчиков, а также свою коллекцию. Тяжелые деревянные полки были заполнены ритуальными сосудами династии Чжоу и резными нефритовыми изделиями династии Хань, погребальными фигурками династии Тан и фарфором династии Мин, а также прочими предметами, которые Уильям не узнал.

Он осторожно пробрался по узким проходам, нетерпеливо ища свою цель.

«Может быть, вон в том углу?»

В углу сарая стоял небольшой верстак, освещенный косыми лучами света, проникающими сквозь затянутое бумагой окно. За верстаком, прислоненный к стене, стоял обеденный стол из сандалового дерева.

Уильям наклонился, чтобы взять стол, и застыл, увидев то, что лежало на верстаке.

Это были две абсолютно одинаковые на вид «буби», старинные бронзовые монеты. Похожие на лопатки размером с ладонь. Хотя Уильям плохо разбирался в антиквариате, в детстве он видел много «буби» и понял, что эти относятся к династии Чжоу или более ранней. Правители Древнего Китая чеканили монеты такой необычной формы, показывая тем самым свое уважение к земле, из которой вырастали дающие жизнь плоды и куда должно было возвращаться все живое. Работа на земле являлась одновременно обещанием на будущее и признанием прошлого.

По тому, какие большие были эти «буби», Уильям догадался, что они должны быть дорогими. И абсолютно одинаковая пара была огромной редкостью.

Охваченный любопытством, он внимательнее присмотрелся к монетам, покрытым темно-зеленым налетом, и сразу почувствовал что-то неладное. Уильям перевернул ту «буби», что лежала слева: она сверкнула яркой желтизной, похожей на золото.

Рядом с монетами стояло блюдечко с темно-синим порошком и кисточкой. Уильям понюхал порошок – медь.

Он знал, что бронза сверкает, только когда изделие недавно отлито.

Уильям постарался прогнать прочь подозрение. Его отец был человеком достойным и честно зарабатывал на жизнь. Негоже родному сыну думать про отца такое.

И все-таки Уильям взял обе «буби» и положил их в карман. Английские учителя научили его задавать вопросы, стремиться раскопать правду, какими бы ни были последствия.

После чего он наполовину принес, наполовину приволок стол в комнату.

* * *

– Вот теперь праздник начинает становиться похожим на

настоящий, – одобрительно заметил отец, ставя на стол последнюю тарелку с вегетарианской уткой[6]. Стол был полностью заставлен блюдами с фруктами и изображениями всевозможных видов мясных блюд. Накрытый на восьмерых стол был готов принять духов предков семейства Хо.

«Имитация куриного мяса, вегетарианская утка, домики из папье-маше, фальшивые деньги…»

– Может быть, попозже мы выйдем на улицу, чтобы посмотреть представления «народной оперы», – сказал отец, не замечающий настроения Уильяма. – Как когда ты был маленьким.

«Поддельная бронза…»

Достав из кармана две «буби», Уильям положил их на стол блестящей, незаконченной, стороной вверх.

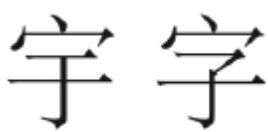
Какое-то мгновение отец смотрел на них, затем сделал вид, будто ничего не произошло.

– Не хочешь зажечь палочки с благовониями?

Уильям ничего не сказал, стараясь сформулировать свой вопрос.

Отец перевернул обе «буби» и положил их рядышком. На обратной стороне каждой монеты, покрытой патиной, был вырезан иероглиф.

– Форма иероглифов во времена династии Чжоу несколько отличалась от более поздних видов, – сказал отец таким тоном, словно Уильям все еще был ребенком, которого только учили читать и писать. – Поэтому коллекционеры из более поздних эпох иногда вырезали на изделиях собственные интерпретации иероглифов. Подобно патине, эти интерпретации также накапливаются на поверхности слоями, накладываясь друг на друга.



– Обращал ли ты внимание на то, как иероглиф «цзю», обозначающий вселенную и являющийся первым иероглифом твоего имени, похож на «цзы» – письменность?

Уильям молча покачал головой, не слушая отца.

«Вся эта культура зиждется на лицемерии, подделке, внешнем подражании тому, что невозможно получить».

– Видишь – «вселенная» прямолинейна, но для того, чтобы постичь ее разумом, превратить в язык, требуется излом, резкий поворот. Между Миром и Словом лежит дополнительный изгиб.

Глядя на эти иероглифы, ты знакомишься с историей этих предметов, с мыслями наших далеких предков, живших тысячи лет назад. В этом глубокая мудрость нашего народа, и никакие латинские буквы никогда не передадут нашу правду так, как иероглифы.

Уильям больше не мог это терпеть.

– Ты лицемер! Мошенник!

Он ждал, молчаливо призывая отца опровергнуть обвинение, объясниться.

Наконец отец заговорил, не глядя на него.

– Первые призраки явились ко мне несколько лет назад.

Он использовал слово «гуайлоу», обозначающее иностранцев, но также имеющее значение «призраки».

– Они отдали мне на реставрацию старинные предметы, которых я прежде никогда не видел. «Как они попали к вам в руки?» – спросил я. «О, мы купили их у французских солдат, которые захватили Пекин, сожгли дворец императора и разграбили его».

Для призраков грабеж открывал широкие возможности. Таков был их закон. Эти бронза и керамика, на протяжении ста поколений передававшиеся нашими предками, были отняты у нас, чтобы украсить дома грабителей, даже не представлявших себе, что это такое. Я не мог этого допустить.

Поэтому я изготовил копии предметов, которые должен был отреставрировать, и отдал эти копии призракам. А подлинные артефакты сберег для нашей земли, для тебя и твоих детей. Я обозначаю подлинники и копии разными иероглифами, чтобы их различать. Понимаю, в твоих глазах я делаю что-то плохое, и мне стыдно, однако любовь толкает нас совершать странные поступки.

«Которая подлинная? – подумал Уильям. – Мир или Слово? Правда или понимание?»

Их прервал стук трости в дверь.

– Вероятно, покупатели, – сказал отец.

– Открывай! – крикнул тот, кто стоял за дверью.

Уильям открыл входную дверь. На пороге стоял хорошо одетый англичанин лет сорока вместе с двумя коренастыми здоровяками, которым было самое место в торговом порту.

– Как поживаете? – сказал англичанин. Не дожидаясь приглашения, он уверенно вошел в дом. Отпихнув Уильяма в сторону, верзилы проследовали за ним.

– Мистер Диксон! – воскликнул отец Уильяма. – Какая приятная неожиданность!

Он говорил по-английски с таким сильным акцентом, что Уильям непроизвольно поморщился.

– Уверяю, далеко не такая приятная, как та, что преподнес мне ты, – сказал Диксон. – Сунув руку в карман, он достал маленькую фарфоровую фигурку и поставил ее на стол. – Я дал тебе эту вещь, чтобы ты ее отреставрировал.

– Что я и сделал.

У Диксона на лице появилась неприятная усмешка.

– Моя дочь очень любит эту вещицу. Сказать по правде, меня забавляло то, как она играла с фигуркой из древней гробницы словно с куклой. Так она ее и разбила. Но после того как ты вернул починенную фигурку, дочь больше не желала играть с ней, заявляя, что это не ее «куколка». Как тебе известно, дети очень хорошо распознают обман. И профессор Осмер подтвердил мою догадку.

Отец Уильяма расправил плечи, но ничего не сказал.

Диксон подал знак, и два его прихвостня тотчас же смахнули со стола все. Тарелки, блюда, миски, «буби», еда, палочки для еды – все это беспорядочной кучей упало на пол.

– Ты хочешь, чтобы мы продолжали поиски? Или ты готов сознаться полиции?

Лицо отца Уильяма оставалось равнодушным. «Непроницаемым», как сказали бы англичане. Учась в школе, Уильям подолгу стоял перед зеркалом, пытаясь не делать такое лицо, чтобы не быть похожим на своего отца.

– Подождите минутку! – подал голос он. – Вы не можете просто так ворваться в чужой дом и вести себя словно шайка бандитов, не признающих закон!

– Ты очень чисто говоришь по-английски, – заметил Диксон, оглядывая его с ног до головы. – Практически без акцента.

– Спасибо, – сказал Уильям. Он старался сохранить спокойный, рассудительный тон. Определенно, этот человек поймет, что имеет дело не с обычным «аборигеном», а с молодым *англичанином*, образованным и воспитанным. – Я проучился десять лет в школе мистера Джорджа Додсуорта в Рамсгейте. Вы ее знаете?

Ничего не сказав, Диксон усмехнулся, словно перед ним была танцующая обезьяна. Но Уильям настаивал:

– Не сомневаюсь, мой отец с радостью возместит вам ущерб. Не нужно прибегать к насилию. Мы можем вести себя как джентльмены.

Диксон рассмеялся – сначала издал смешок, затем громко захохотал. Его подручные, сперва сбитые с толку, присоединились к нему.

– Ты думаешь, что, раз научился говорить по-английски, ты теперь уже больше не тот, кем был. Похоже, на Востоке люди

никак не могут понять принципиальное отличие Запада от Востока. Я здесь не для того, чтобы торговаться с тобой, а для того, чтобы предъявить свои права, и для твоего рассудка это что-то непостижимое. Если вы немедленно не вернете то, что принадлежит мне, мы разнесем здесь все к чертовой матери!

Почувствовав прилив крови к лицу, Уильям усилием воли расслабил мышцы, чтобы не выдавать своих чувств. Оглянувшись на отца, он вдруг понял, что у них сейчас одинаковое выражение лица: безмятежная маска, скрывающая беспомощную ярость.

Во время этого разговора отец медленно перемещался по комнате и теперь оказался у Диксона за спиной. Он встретился взглядом с сыном, и они едва заметно кивнули друг другу.

«И на сем я оставлю все то, о чем могу думать, и буду любить то, о чем не могу думать».

Уильям набросился на Диксона в то самое мгновение, как отец ухватил того за ноги. Все трое рухнули одной грудой на пол. В последующей борьбе Уильям словно наблюдал за собой со стороны. У него не было никаких мыслей, лишь смесь любви и ярости, затуманившая его рассудок, и вот он уже сидел верхом на распростертом навзничь Диксоне, сжимая в руке одну «буби», готовый обрушить ее лезвие тому на голову.

Двое подручных, которых привел с собой Диксон, застыли на месте, беспомощно глядя на своего хозяина.

– У нас дома нет того, что вы ищете, – учащенно дыша, сказал Уильям. – А теперь уходите отсюда.

* * *

Уильям с отцом осмотрели разгром, который оставили после себя Диксон и его прихвостни.

– Спасибо, – сказал отец.

– Полагаю, сегодня призраки насладились отличным зрелищем, – ответил Уильям.

– Не сомневаюсь в том, что дедушка гордится тобой, – сказал отец. После чего, впервые на памяти Уильяма, добавил: – Цзючжун, я горжусь тобой!

Уильям не знал, что испытывает – любовь или ярость. Два иероглифа на перевернутой «буби» на полу у него перед глазами задрожали, затягиваясь влажной пеленой.

2

ИСТ-НОРБЕРИ, ШТАТ КОННЕКТИКУТ, 1989 ГОД

– Спасибо, что пригласила к себе домой, – сказал Фред. – Я замечательно провел время. – Он говорил натянуто, стараясь держаться подальше от Кэрри.

Воды пролива Лонг-Айленд ласково набегали на берег у их ног.

– Ты очень милый, – сказала Кэрри, беря Фреда за руку. Она подалась к нему, порыв ветра поднял ее волосы, бросая их ему в лицо, и цветочный аромат шампуня смешался с запахом моря, подобно обещанию, приправленному тоской. У Фреда гулко заколотилось сердце. Он ощутил в груди нежность, испугавшую его.

На противоположном берегу бухты виднелись яркие красные огни Эдли-Мэнсона, на этой неделе игравшего роль дома с привидениями. Фред мысленно представил себе радостные крики детворы, с восторгом слушающей страшные небылицы, которые им рассказывали взрослые.

– Не бери в голову то, что говорит мой отец, – продолжала Кэрри.

Фред застыл.

– Ты злишься, – сказала она.

– Что тебе об этом известно? – спросил Фред. «Она – принцесса. Она здесь своя».

– Невозможно управлять чужими мыслями, – сказала Кэрри. – Но человек всегда может решить сам, где его место.

Фред промолчал, пытаясь разобраться в переполняющей его ярости.

– Я – не мой отец, – продолжала Кэрри. – И ты – не твои родители. Семья – это история, рассказанная тебе; однако значение имеет та история, которую ты рассказываешь себе сам.

Внезапно Фред поймал себя на том, что именно это нравится ему в Америке больше всего: абсолютная убежденность в том, что семья не важна, что прошлое – это лишь *история*. Даже история, начавшаяся со лжи, с выдумки, может стать правдивой, может обрести жизнь.

Фред сунул руку в карман брюк и достал свой подарок.

– Что это такое? – спросила Кэрри, неуверенно беря бронзовую лопатку.

– Это старинная монета в форме лопатки, – сказал Фред, – которая давным-давно ходила в обращении в Китае. Она принадлежала моему дедушке, и тот подарил ее мне, когда мы покидали Китай. На счастье. Я полагал, она тебе понравится.

– Она очень красивая.

Фред почувствовал себя обязанным сказать правду.

– Дед рассказывал, что его отец спас монету от иностранцев, хотевших выкрасть ее из страны, а затем во время «Культурной революции» ее едва не уничтожили хунвэйбины[7]. Однако отец утверждает, что это подделка, подобно многим вещам из Китая, и ничего не стоит. Видишь эту отметину внизу? Отец говорит, что она современная, а никак не древняя. Но это единственное, что есть у меня от дедушки. Он умер в прошлом году, а мы не смогли поехать на похороны из-за иммиграционных проблем…

– Но монета должна храниться у тебя.

– Я хочу, чтобы она была у тебя. Я всегда буду помнить, как подарил ее тебе, и это будет лучшее воспоминание, лучшая история.

Наклонившись, Фред подобрал с земли острый камешек. Держа руку Кэрри с зажатой в ней монетой, он медленно нацарапал на патине, рядом со старинным иероглифом, их инициалы.

– Это наша метка, наша история.

Кивнув, Кэрри торжественно убрала монету в карман куртки.

– Спасибо! Это просто замечательно!

Фред подумал, что пора возвращаться домой, подумал о вопросах, которые задаст отец, о встревоженном молчании матери, о тех долгих часах, которые ждут его в ресторане завтра, послезавтра и послепослезавтра, о колледже, о котором можно будет думать, если он получит документы о гражданстве, о том, как он когда-нибудь пересечет этот огромный континент, пока что скрытый под непроницаемым мраком неведомого.

Но это будет еще не скоро. Фред огляделся вокруг, испытывая желание сделать что-нибудь значительное, чтобы ознаменовать эту ночь. Сняв куртку и рубашку, он сбросил ботинки, оставшись голым, без маски, без костюма.

– Давай искупаемся!

Кэрри рассмеялась, не поверив ему.

Вода оказалась настолько холодной, обжигающе холодной, что Фред, окунувшись, ахнул. Нырнув с головой, он тотчас же вынырнул и стряхнул воду с лица.

Кэрри окликнула его, а он помахал ей рукой и поплыл к ярким огням на противоположном берегу бухты.

Отражение залитого красными огнями Эдли-Мэнсона было испещрено яркими серебристыми прожилками лунного света. Руки Фреда уверенно рассекали темную синеву моря, а вокруг сотнями маленьких звездочек светились медузы.

Голос Кэрри затих далеко позади, а он плыл через звезды и полосы – самодостаточный, честолюбивый, вкушающий соль надежды и горечь сознательного расставания с прошлым.

НОВАЯ ПАСИФИКА, 2313 ГОД

Оуна очнулась посреди оживленной улицы. Свет был тусклым и холодным, словно в предрассветные или вечерние сумерки.

С обеих сторон – казалось, в каких-нибудь считаных дюймах – проносились шестиколесные машины, напоминающие морские дротики с изящными плавниками. Заглянув в кабину одной из них, девушка едва не вскрикнула.

Из головы сидящего внутри существа исходили двенадцать щупалец.

Оуна оглянулась вокруг: к небу поднимались массивные шестиугольные башни, вплотную друг к другу – словно стволы в роще белодревов. Уворачиваясь от мчащихся машин, девушка добралась до края улицы, где проходили другие существа с двенадцатью щупальцами, не обращая на нее никакого внимания. У них было шесть ног и короткое туловище с переливающейся кожей, покрытой то ли мехом, то ли чешуей (Оуна не смогла точно определить).

Над головой на ветру, подобно листьям, трепетали вымпелы с чуждыми надписями: они были выполнены символами, состоящими из прямых линий, пересекающихся под острыми и тупыми углами. Гул толпы, состоящий из бессмысленных щелчков, стонов и чириканья, сливался в сплошной шум, представлявший собой, предположила Оуна, непонятную речь.

Существа не обращали на нее никакого внимания, иногда проходя прямо сквозь нее, словно она была из воздуха. Девушка почувствовала себя бесплотным призраком из сказок, которые рассказывали Учителя, когда она была маленькой. Прищурившись, она подняла взгляд и отыскала посреди неба солнце: оно было маленьким и менее ярким, чем то, к которому она привыкла.

Затем все вдруг начало меняться. Пешеходы на тротуарах остановились и вскинули головы вверх, вытягивая щупальца к солнцу – на кончике каждого длинного отростка была черная сфера глаза. Поток транспорта замедлился и застыл, пассажиры выбрались из машин, присоединяясь к толпе, глазеющей на небо. На все происходящее покрывалом опустилась полная тишина.

Оуна обвела взглядом толпу, останавливаясь на отдельных группах, застывших, словно фотографии. Большое существо с беззвучно колышущимися на голове щупальцами обняло своими передними конечностями двух малышей, защищая их. Двое чужаков прильнули друг к другу, переплетясь руками и щупальцами. Еще одно создание на нетвердых ногах опиралось на

стену здания, легонько похлопывая по ней щупальцами, словно выстукивая сообщение.

Казалось, солнце становилось все ярче и ярче. Существа отворачивали от него лица, их щупальца словно увядали от жары и света.

Они уставились на *нее*. Тысячи, миллионы глаз смотрели на Оуну, словно она внезапно стала видимой. Их щупальца потянулись к ней – с мольбой, подавая знаки.

Толпа расступилась, и маленькое существо размером примерно с Оуну подошло к ней. Оуна протянула к нему руки ладонями вверх, не зная, как себя вести.

Приблизившись, маленькая инопланетянка вложила что-то ей в руку и отступила назад. Оуна ощутила своей чешуйчатой кожей грубый древний металл. Перевернув лопатку, она увидела незнакомый символ – острые углы и крючки, напомнившие ей надписи на трепещущих флагах.

Вкрадчивым шепотом ей явилась мысль: «Помните нас, вы, которые цените прошлое».

Солнце стало еще ярче, и, по мере того как Оуна снова ощущала тепло, существа вокруг нее таяли в ослепительно-ярком свете.

* * *

Оуна сидела под белодревом, зажав в руке маленькую бронзовую лопатку. Вокруг над курганами продолжали подниматься перья пара, каждое из которых, возможно, открывало еще одно окно в потерянный мир.

В сознании девушки снова и снова возникали увиденные образы. «Порой понимание приходит не через мысль, а через пульсацию сердца, через щемление в груди, причиняющее боль».

Видя, что их мир умирает, древние обитатели Новой Пасифики в свои последние дни сосредоточили все силы на том, чтобы оставить после себя памятники – воспоминания о своей цивилизации. Понимая, что не выживут на солнце, которое становилось все жарче и жарче, они воплотили свою шестигранную симметрию во всей окружавшей их живой природе в надежде на то, что какие-нибудь виды выживут и станут живыми отголосками их городов, их цивилизации, их самих. В этих развалинах они спрятали записи, воспроизведение которых начнется при обнаружении чего-то такого, что было изготовлено, состарилось, покрывшись многими слоями более поздних наложений, но тем не менее было сохранено, поскольку к нему

относились как к чему-то ценному, и в этом случае будут разумные основания ожидать, что обладатель этого предмета умеет чувствовать историю, уважительно относится к прошлому.

Оуна думала о детях, напуганных, не понимающих, почему мир вокруг горит. Думала о застывших влюбленных, с сожалением признающих неумолимую реальность, вторгающуюся в их личный мир. Думала о тех, кто старался изо всех сил сохранить во Вселенной хоть какой-то след своего существования, несколько знаков, напоминающих о том, что они здесь прошли.

Прошлое, постоянно возвращающееся назад, превращало будущее в слои патины.

Оуна вспомнила обнаженные лица мисс Корон и других Учителей и впервые увидела их выражение в новом свете. Не высокомерие заставляло их так смотреть на своих учеников, а страх. Они оказались выброшены в этот новый мир, где не могли жить, и отчаянно цеплялись за свое прошлое, так как понимали, что на смену им придет новая раса, люди Новой Пасифики, а они останутся жить лишь в воспоминаниях.

Родители боятся, что дети забудут их, не будут понимать.

Подняв маленькую бронзовую лопатку, Оуна лизнула ее кончиком языка. Поверхность оказалась сладковато-горькой, пахнущей давно умершими благовониями, жертвенными приношениями, следами бесчисленного количества жизней. То место, где пар очистил патину, рядом с высеченными древними символами, имело форму маленького человека, сверкало свежестью и новизной, будущим и в то же время прошлым.

Поднявшись с земли, девушка сорвала несколько гибких ветвей с ближайшего белодрева и аккуратно сплела из них венец с двенадцатью торчащими ветками, похожими на щупальца, похожими на волосы, похожими на оливковые ветви. Ее костюм был готов.

Это была лишь одна мимолетная сцена, увиденная сквозь туман неведения, несколько образов, которые Оуна с трудом могла понять. Возможно, эти образы были идеализированными, сентиментальными, искусственными – и все же разве не было в них жилки достоверности, неоспоримого семени любви к народу, чье прошлое что-то значило? Девушка намеревалась показать: теперь она понимает, что копание в прошлом – это процесс понимания, процесс поиска смысла во Вселенной.

Ее тело представляло собой амальгаму биологического и технологического наследий двух видов, и само ее существование являлось кульминацией устремлений двух народов. В ней соединились «Оуна земная», «Оуна ново-пасификанская», «Оуна-бунтарка» и «Оуна послушная», а также все предыдущие

поколения, уходящие в бесконечность.

Пропитанная воспоминаниями и начинающая прозревать, дитя двух миров, она шла по поросшим лесом курганам в сторону Купола, держа на ладони поразительно тяжелую лопатку.

Демон Максвелла

ФЕВРАЛЬ 1943 ГОДА

Заявление на получение разрешения уехать, центр перемещенных лиц «Тьюл-Лейк»

Имя и фамилия: *Такако Ямаширо*

Вопрос № 27: Готовы ли вы служить в вооруженных силах Соединенных Штатов и участвовать в боевых действиях, если вам прикажут?

Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Я женщина и не пригодна для войны.

Вопрос № 28: Готовы ли вы принести клятву безоговорочной преданности Соединенным Штатам Америки, и верой и правдой защищать Соединенные Штаты от любых нападений со стороны внешних и внутренних сил, и отречься от присяги японскому императору и всем прочим иностранным правительствам и организациям?

Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Я родилась в Сиэтле, штат Вашингтон. Я никогда не давала никаких клятв японскому императору, так что мне не от чего отрекаться. Я готова принести клятву безоговорочной преданности своей родине, после того как моя родина освободит меня и моих родных.

АВГУСТ 1943 ГОДА

Такако шла по дороге, прямой как стрела, к скоплению административных зданий. По обеим сторонам тянулись одинаковые приземистые бараки, каждый из которых был разделен на шесть комнат, в каждой комнате – по семье. На востоке вдалеке возвышалась округлая гора Абалон. Такако попыталась представить себе, как с ее вершины выглядит правильная геометрическая сетка лагеря: подобно изображениям «уравновешенного порядка» древнего периода Нара[8], которые в детстве ей показывал в книге отец.

Поскольку Такако была в простом белом хлопчатобумажном платье, легкий ветерок спасал ее от августовской жары севера Калифорнии, но она скучала по влажной прохладе Сиэтла, бесконечным дождям в заливе Пьюджет, смеху друзей и горизонту, не ограниченному сторожевыми вышками и оградой

из колючей проволоки.

Такако подошла к зданию, в котором размещалась администрация лагеря. Она назвала себя охранникам, и ее провели по длинным коридорам, через просторные помещения, заполненные рядами непрерывно стучащих пишущих машинок, с висящим в воздухе затхлым табачным дымом. Наконец девушка оказалась в маленьком кабинете в дальнем конце. Дверь за ней затворилась, приглушая шум разговоров и канцелярской техники.

Такако не знала, зачем ее вызвали. Она стояла, глядя на мужчину в военной форме, который развалился за письменным столом, откинувшись назад, и курил сигарету. Электрический вентилятор у него за спиной гнал дым на Такако.

* * *

Заместитель директора разглядывал стоящую перед ним девушку. «Хорошенькая япошка, – подумал он. – Настолько хорошенькая, что можно было бы даже забыть, кто она такая». Он буквально сожалел о том, что придется ее отпустить. Если бы девчонка осталась здесь, это могло бы стать приятным развлечением.

– Вы – Такако Ямаширо, «девушка Нет»?

– Нет, – возразила Такако. – Я не отвечала «нет» на вопросы. Я обосновывала свои ответы.

– Если бы вы были лояльны, вы бы просто везде написали «да».

– Как я уже объяснила в анкете, эти вопросы были бессмысленными.

Заместитель директора махнул рукой, приглашая ее садиться. Выпить он ей не предложил.

– Вы, японцы, крайне неблагодарные, – сказал заместитель директора. – Мы поместили вас здесь для вашей же безопасности, а вы только и делаете, что жалуетесь, протестуете и ведете себя недоверчиво и враждебно. – Он посмотрел на Такако, приглашая ее возразить.

Однако та ничего не сказала, вспоминая страх и ненависть в глазах соседей и однокурсников.

Подождав немного, заместитель директора сделал глубокую затяжку и продолжал:

– В отличие от вашего народа, мы не дикари. Мы знаем, что бывают хорошие япошки и бывают плохие; но вопрос в том, где кто. Поэтому мы чуть приоткрываем дверь и задаем вопросы. Хорошие япошки проваливаются, а плохие остаются в сетке.

Каждый человек ведет себя в соответствии со своей природой, и различить лояльных и нелояльных не составляет труда. Но тут появились вы и все усложнили.

Такако открыла было рот, но затем передумала. В мире этого человека она могла быть лишь «хорошей япошкой» или «плохой япошкой». В нем не было места для просто Такако Ямаширо, свободной от ярлыков.

– Вы учились в колледже? – переменил тему заместитель директора.

– Да, на физическом факультете. Я уже готовилась к защите диплома, когда произошло это…

– Никогда не слышал о девчонке-физике, япошке или нет, – присвистнул заместитель директора.

– В группе я была единственной женщиной.

Он окинул ее оценивающим взглядом, как оценивают обезьяну в цирке.

– Вы очень гордитесь своим умом. А тут больше подошла бы скрытность. Это объясняет вашу позицию.

Такако промолчала, бесстрастно взирая на него.

– Так или иначе, вам предоставляется возможность помочь Америке и доказать свою преданность. Люди из Вашингтона прислали запрос персонально на вас. Если вы согласитесь, подпишите вот эти документы, а завтра, когда вас заберут, вам расскажут больше.

Такако не могла поверить своим ушам.

– Я смогу покинуть «Тьюл-Лейк»?

– Вы не слишком-то радуйтесь: вам предстоят не каникулы.

Девушка быстро просмотрела лежащие перед ней бумаги.

– Эти документы лишают меня американского гражданства! – ошеломленно произнесла она.

– Ну разумеется, – развеселился заместитель директора. – Мы ведь не сможем вернуть вас в Японию как американскую гражданку, правильно?

Вернуть? Такако никогда не бывала в Японии. Она родилась и выросла в японском квартале Сиэтла, после чего сразу же поступила в колледж в Калифорнии. Ей были знакомы лишь эти крошечные кусочки Америки, после чего она попала сюда.

Ей стало не по себе.

– А что, если я откажусь?

– В таком случае вы подтвердите, что не желаете помочь Америке вести войну. И тогда мы поступим с вами и вашими близкими соответствующим образом.

– Чтобы доказать, что я патриотка, я должна отказаться от Америки. Вы сами не видите, как это глупо?

Заместитель директора лишь пожал плечами.

– А мои близкие?

– Ваши родители и брат останутся здесь, на нашем попечении, – усмехнулся он. – Это обеспечит вашу полную концентрацию на работе.

* * *

Такако была объявлена преданным сторонником Императорской Японии, «нисей», готовой умереть за императора и с радостью отказавшейся от американского гражданства. Американские власти, великодушно желая избавить от страданий юную девушку, внесли ее в список пленных, которых предстояло отправить обратно в Японию в обмен на американских солдат, захваченных японцами в Гонконге. Прояпонски настроенные заключенные «Тьюл-Лейк» поздравляли родителей Такако, восторгаясь храбростью их дочери, в то время как все остальные, а их было большинство, смотрели на них с сочувствием. Мистер и миссис Ямаширо были ошеломлены. Брат Такако, еще один «мальчик Нет», отказавшийся отвечать на вопросы из принципа, несколько раз дрался с заключенными лагеря. Вскоре всю семью перевели в тюрьму – «в ее же собственных интересах».

Люди из Вашингтона объяснили Такако, что она должна была сделать, как только корабль прибудет в Японию. Японские власти отнесутся к ней с подозрением и подвергнут ее бесконечным допросам. Ей можно будет говорить все что угодно, чтобы убедить их в своей преданности Императорской Японии. В подкрепление ее «легенды» будет организована утечка сведений о том, что ее родные погибли в ходе возглавленного ими восстания заключенных, что привело к введению в лагере чрезвычайного положения. Японцы решат, что у девушки больше не осталось никаких связей с Америкой. Ей предстоит использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства (мужчины выразительно посмотрели на ее гибкое тело), чтобы добыть ценную информацию – в первую очередь о достижениях японской военной науки.

– Чем больше вы нам дадите, – сказали они, – тем больше поможете своим близким и своей родине.

* * *

Японский язык, выученный Такако дома и на рынках

японского квартала, прошел строгое испытание со стороны следователей «Кэмпэйтай»[9], проводивших допросы. Девушка снова и снова отвечала на одно и то же.

Почему вы ненавидите американцев?

Вы всегда испытывали любовь к Императорской Японии?

Как вы отнеслись к известию о победе в Перл-Харборе?

В конце концов Такако была признана верной подданной императора, гордой японкой, страдавшей в руках американских дикарей. Ее знание английского языка и образование были сочтены полезными, и ее определили к ученым, работавшим на нужды обороны, – переводить английские газеты. Девушка полагала, что «Кэмпэйтай» продолжает за ней следить, однако полной уверенности у нее не было.

Кинооператоры в пропагандистских целях снимали ее за работой в Токио – в белом халате. Женщина-физик, бежавшая из Америки, чтобы работать во славу Родины! Такако стала символом Новой Японии. Ей делали профессиональный макияж, и она мило улыбалась в объектив камеры. «Не так уж и важно, насколько хорошо собака танцует, – думала она. – Главное, что она вообще танцует».

Девушка произвела впечатление на Сатоши Акибу, ученого-физика и офицера императорской армии. Сорока с небольшим лет, представительного вида, он учился в Англии и Америке. «Не хотите ли вы, – наклонившись к ней, прошептал он, – отправиться вместе со мной на Окинаву, чтобы принять участие в одном важном проекте?» Сказав это, он смахнул с лица Такако прядь волос.

МАРТ 1944 ГОДА

Весна на Окинаве, расположенной в тысяче миль к югу от Токио, была теплой, даже жаркой. А еще здесь было патриархально тихо по сравнению с оживленной суетой главных японских островов. Здесь, вдали от непрерывных радиообращений и призывов полностью отдать себя делу победы, война казалась отдаленной, нереальной. Временами Такако даже удавалось убедить себя в том, что она учится в школе.

В корпусе у нее была своя комната. Однако ей редко удавалось ночевать в ней: практически каждый вечер директор Акиба вызывал ее к себе. Иногда он писал письма своей жене, оставшейся в Хиросиме, пока Такако делала ему массаж. В другие дни он просил ее поговорить с ним по-английски перед тем, как лечь спать, – «для практики». Похоже, американские привычки Такако и ее американское образование делали ее в его глазах еще более притягательной.

Такако никак не могла понять, чем занималось «Подразделение 98». Судя по всему, Акиба не до конца доверял ей и никогда не обсуждал с ней военные новости и свою работу. Он тщательно следил за тем, чтобы ей поручались лишь самые безобидные задачи – читать и конспектировать статьи в западных научных журналах на темы, не имеющие, казалось, никакого практического применения: эксперименты по диффузии газов, расчеты уровней энергии атомов, различные психологические теории. Однако исследовательский комплекс был строго засекречен и тщательно охранялся. В нем работало свыше пятидесяти ученых, а жители всех окрестных деревень были принудительно выселены.

Американские кураторы Такако связались с ней через прислугу. Все, что она считала заслуживающим внимания, она должна была выбрасывать в мусор, завернув в женские прокладки. Слуги выносили сверток за пределы комплекса и помещали в герметический контейнер, который передавали семье рыбаков, а те уже на своей шхуне вывозили контейнер в Филиппинское море и сбрасывали над определенным затонувшим атоллом. Затем контейнер забирала американская подводная лодка.

Девушка мысленно представляла себе долгий путь свертков в Америку, белая марля испачкана кровью ее месячных – пародия на «хиномару»[10], к которой мужчины прикасались с крайней неохотой. Такако вынуждена была признать, что ее кураторы действовали умно.

Как-то раз Акиба пребывал в созерцательном настроении. Ему захотелось прогуляться в лесу в глубине острова, и он предложил Такако сопровождать его. Они доехали до того места, где дорога заканчивалась, после чего пешком углубились в лес. Такако была в восторге. До сих пор у нее еще не было возможности познакомиться с островом.

Они шли мимо гигантских зеркальных мангров, чьи вертикальные плоские корни представляют собой созданный природой вариант японских ширм. Они слушали щебет окинавского дятла. Они восторгались малайскими баньянами, чьи корни переплетались над землей, спускаясь с ветвей подобно нимфам. Проходя мимо этих священных деревьев, Такако беззвучно молилась, как учила ее мать, когда она была маленькой.

Через час они вышли на поляну в лесу. На противоположном конце поляны зиял черный зев пещеры, уходящей под землю. В пещеру втекал ручей, его журчание усиливалось отголосками, отражающимися от ее сводов.

Такако ощутила исходящее от пещеры зло. Ей показалось, что она слышит стоны, вопли, крики, которые становились все громче и громче по мере приближения к входу. Ноги у нее стали ватными. Не удержавшись, девушка упала на колени, повалилась вперед и, прижавшись руками и лбом к земле, произнесла на языке, которым не пользовалась так долго, что он прозвучал странно для ее собственного слуха:

– Муноо йуу июуру мун[11].

Все звуки затихли, и Такако, подняв взгляд на Акибу, увидела, что тот смотрит на нее с непроницаемым выражением.

– Извините, – пробормотала распростертая девушка. – Мои бабушка и мать говорили со мной на учина-гучи[12], когда я была совсем маленькой.

Она вспомнила рассказы матери о том, что, когда та училась в школе на Окинаве, учитель заставлял ее носить на шее «бацу фуда», дощечку с надписью, что она плохая ученица, поскольку вместо японского языка говорит на окинавском. Мать Такако была одной из «юта», женщин, умеющих общаться с душами умерших. Жители северных островов утверждали, что «юта» и «жрицы нууру» – примитивные предрассудки, представляющие опасность для национального единства, которые необходимо вытоптать, чтобы жители Окинавы очистились от грязи и стали полноценными членами японской нации.

Те, кто говорил на учина-гучи, были предателями, шпионами. Этот язык был запрещен.

– Ничего страшного, – успокоил ее Акиба, – я не ревнитель чистоты языка. Мне известно о твоем прошлом. Как ты думаешь, почему я пригласил тебя сюда?

Он объяснил, что, согласно легендам, в этой пещере многие сотни лет назад древние правители государства Рюкю спрятали свои сокровища – до того как японская армия захватила остров. Какие-то чиновники в императорской армии решили, что имеет смысл проверить эти легенды, и подневольные рабочие из числа китайцев, корейцев и осужденных за симпатии к коммунистам были привезены на остров, чтобы вести раскопки в пещере. Командир слишком рьяно заботился об экономии выделенных средств, и заключенных морили голодом. В прошлом году они взбунтовались, и всех их, числом около пятидесяти, расстреляли, а трупы бросили разлагаться в пещере. Никаких сокровищ обнаружено не было.

– Ты слышишь их голоса, да? – спросил Акиба. – У тебя дар «юта», унаследованный от матери.

Ученый, продолжал он, не должен бездумно отбрасывать необъяснимые явления, не попытавшись в них разобраться.

«Подразделение 98» было создано как раз для изучения паранормальных явлений: экстрасенсорного восприятия, телекинеза, оживления мертвых. «Юта» на протяжении многих поколений общались с мертвыми, и, по мнению Акибы, имело смысл присмотреться к этому факту внимательнее и понять, можно ли как-то его использовать.

– Многие «юта» утверждают, что способны слышать духи тех, кто умер насильственной смертью, и разговаривать с ними, однако пока что нам не удавалось добиться от них того, чтобы они заставили мертвецов сделать что-либо полезное. Всем «юта» катастрофически недостает научных знаний. Но теперь у нас есть ты.

* * *

Такако убедила двух духов, Тъая и Санле, прикрепиться к лопате, оставленной у входа в пещеру. Оба они при жизни имели дело с лопатами, и сейчас им было уютно. Девушка видела их, туманную дымку в форме исхудалых, осунувшихся людей, вцепившихся в черенок лопаты.

Тъай и Санле показали ей образы сорговых полей в Маньчжурии, откуда они были родом, – колышущиеся красные стебли, похожие на волнующееся море. Они показали ей взрывы, и горящие дома, и колонны марширующих солдат. Показали женщин с животами, вспоротыми штыками, и молодых парней, которых поставили на колени под развевающимся флагом Восходящего солнца и обезглавили. Показали кандалы и цепи, мрак, голод и самые последние мгновения, когда им уже было больше нечего терять и смерть стала для них желанной.

– Прекратите! – взмолилась Такако. – Пожалуйста, прекратите!

* * *

Ей явилось воспоминание. Она в Сиэтле, в их крохотной однокомнатной квартире. На улице дождь, как всегда. Ей шесть лет, и она проснулась первой. Рядом с ней ее бабушка.

Такако протягивает руку, чтобы накрыть бабушку одеялом. «Ннмее» болеет, по ночам она ежится от холода. Девочка прикасается ладонью к бабушкиной щеке. Именно так она всегда будит ее по утрам, после чего они лежат рядом, перешептываясь и хихикая, а за окном тем временем постепенно светает.

Но сейчас что-то не так. Щека у бабушки холодная и твердая, как кожаный ботинок. Маленькая Такако садится в кровати и видит призрачный силуэт бабушки, сидящий у спинки. Девочка переводит взгляд с лежащего рядом с ней тела на призрачный образ и все понимает.

– Ннмее, маа кай га? – спрашивает она. «Бабушка, куда ты уходишь?»

Бабушка всегда разговаривала с ней на учина-гучи, даже несмотря на то что отец считал это дурной привычкой.

– Сейчас в японском квартале всем нам нужно быть японцами, – говорил он. – У Окинавы нет будущего.

– Нмаридзима, – отвечает бабушка. «Домой».

– Ндзичаабира. – «Прощай!» Такако заплакала, и проснулись взрослые.

Ее мать вернулась на Окинаву одна, отвезя туда бабушкино кольцо. Такако помогла матери уговорить бабушку прикрепиться к кольцу.

– Держись крепче, ннмее!

И бабушкин образ улыбнулся.

– Теперь ты тоже «юта», – сказала мать девочке. – Нет ничего хуже того, чтобы умереть вдали от дома. Душа не сможет успокоиться до тех пор, пока не вернется домой, и долг «юта» помочь ей.

* * *

Они захватили лопату с собой. Акиба пребывал в приподнятом настроении, всю дорогу насвистывая и мурлыча какую-то мелодию. Он подробно расспросил Такако о духах: как они выглядят, что говорят, чего хотят.

– Они хотят вернуться домой, – сказала девушка.

– Вот как? – Акиба сбил ногой россыпь грибов, растущих у тропинки, разбросав их во все стороны. – Скажи им, что они смогут вернуться домой, после того как помогут нам одержать победу в войне. Живыми они были слишком ленивыми и не делали ничего полезного для императора, но теперь у них есть шанс исправиться.

Они шли мимо баньянов и мангров, мимо кустов гибискуса и ароматных ночных лилий с гигантскими листьями, похожими на слоновьи уши. Но Такако больше не могла любоваться видами. Она с трудом удерживала свою «мабуи», жизненную суть, в скорлупе тела.

* * *

Акиба показал ей прототип: металлический ящик, посередине разделенный перегородкой напополам. Перегородка была пронизана множеством крошечных отверстий, закрытых прозрачной шелковой мембраной.

– «Юта» сказали, что духи очень слабые. У них почти нет силы манипулировать физическими предметами, они даже не могут поднять над столом карандаш. Максимум, что они могут сделать, – это сдвинуть в ту или другую сторону одну ниточку. Это так?

Такако согласилась. Духи действительно были ограничены в своем взаимодействии с реальным миром.

– Полагаю, эти женщины говорили правду, – задумчиво произнес Акиба. – Мы подвергли некоторых из них пыткам, убеждаясь в том, что они ничего не утаивают из своих секретов.

Такако пришлось сделать над собой усилие, чтобы сохранить внешнее спокойствие.

– На войне дела обстоят из рук вон плохо, что бы там ни вещали пропагандисты, – продолжал Акиба. – Мы уже давно перешли к обороне, а американцы неумолимо наступают, делая прыжки с одного острова на другой. Недостаток в храбрости и умении они с лихвой компенсируют богатством и практически неограниченными ресурсами. Это всегда было слабостью Японии. У нас подходят к концу запасы нефти и другого жизненно необходимого сырья, и нам нужно найти какие-нибудь неожиданные источники энергии, что в корне повернет ход войны.

Акиба погладил ее по щеке, и девушка поймала себя на том, что помимо воли расслабилась от ласкового прикосновения.

– В 1871 году Джеймс Кларк Максвелл разработал принципиально новый двигатель, – продолжал Акиба.

Такако попыталась было сказать, что ей известно предположение Максвелла, однако Акиба, пребывающий в менторском настроении, не обращал на нее внимания.

– Для неяпонца очень неплохо, – добавил он. – Сосуд с воздухом наполнен быстро движущимися молекулами. Их средняя скорость – это то, что мы понимаем под температурой. Однако на самом деле молекулы движутся не с одной и той же скоростью. У одних энергия выше, и они движутся быстрее, другие ленивы и движутся медленно. Но предположим, что сосуд разделен посередине калиткой. Предположим также, что эту калитку стережет крошечный демон. Демон следит за всеми молекулами, носящимися в сосуде. Когда он видит быстро

движущуюся молекулу, приближающуюся к калитке справа, он открывает калитку, пропускает молекулу налево и тотчас же снова закрывает калитку. Когда демон видит медлительную молекулу, приближающуюся к калитке слева, он открывает калитку, пропускает ее вправо и тотчас же закрывает калитку. Через какое-то время, даже несмотря на то что демон напрямую не взаимодействовал ни с одной молекулой и не сообщил системе никакой дополнительной энергии, общая энтропия системы уменьшится, температура левой половины сосуда, наполненной быстро движущимися молекулами, повысится, в то время как правая половина, наполненная медленно движущимися молекулами, остынет.

– Разность температур можно будет использовать для совершения полезной работы, – заметила Такако. – Это как плотина, удерживающая воду.

Акиба кивнул.

– Демон просто позволил молекулам самостоятельно отсортироваться на основании информации об их предыдущем состоянии, но этой сортировкой он преобразовал информацию в энергию и обошел второй закон термодинамики. Мы должны построить этот двигатель.

– Но это лишь умозрительная гипотеза, – возразила Такако. – Где найти таких демонов?

Акиба усмехнулся, и девушка ощутила холодную дрожь.

– И вот здесь в дело вступаешь ты, – сказал он. – Это *ты* научишь своих духов приводить в действие наш двигатель, отделять «горячие» молекулы от «холодных». Когда ты добьешься успеха, у нас появится неограниченный источник энергии, добываемой, по сути, из воздуха. Мы сможем построить подводные лодки, не требующие дизельного топлива, которым никогда не нужно всплывать на поверхность, построить самолеты, у которых никогда не закончится горючее, которым не нужно будет приземляться. Питаясь энергией мертвых, мы омоем Нью-Йорк и Сан-Франциско в огненном море, мы разбомбим Вашингтон, превратив его в болото, каковым он и был. Все американцы умрут, вопя от ужаса!

* * *

– Давайте поиграем вот в эту игру, – предложила Такако Тъаю и Санле. – Если у вас это получится, возможно, я найду способ вернуть вас домой.

Закрыв глаза, она дала волю своим мыслям, смешивая свое

сознание с сознанием духов. Девушка подключилась к их чувствам, делила с ними их ощущения, видела то, что видели они. Не сдерживаемые ограничениями физических тел Тъай и Санле могли сосредоточить свои органы чувств на мельчайших размерностях, на самых крошечных временны́х срезах, поэтому все вокруг казалось им многократно увеличенным и замедленным. Однако, необразованные и неграмотные, они не знали, что им искать.

По-прежнему владея их вниманием, Такако поделилась с ними своими знаниями и помогла им увидеть воздух как море стеклянных шариков, носящихся в разные стороны и сталкивающихся друг с другом.

Девушка направила их к шелковым нитям мембраны, закрывающей перегородку посередине сосуда. Проявив бесконечное терпение, она научила их дожидаться молекулу, летящую к перегородке.

– Открывайте! – кричала она.

И смотрела, как Тъай и Санле напрягали свои скудные силы, изгибая шелковые нити и открывая крошечные отверстия, через которые пролетали молекулы воздуха.

– Быстрее, быстрее! – кричала Такако. Она не могла сказать, как долго пробыла с духами, обучая их работать быстрее, открывать и закрывать двери в перегородке, отделяя быстрые молекулы от медлительных.

Открыв глаза, Такако ахнула, чувствуя, как ее «мабуй» снова полностью овладевает ее телом. Время опять вернулось к своему нормальному ходу, пылинки медленно скользили в лучах солнечного света, проникающего в темную комнату.

Положив ладонь на один конец металлического сосуда, девушка вздрогнула, почувствовав, как тот постепенно нагревается.

* * *

Ночь была в разгаре. Такако находилась у себя в комнате. Она объяснила Акибе, что у нее месячные. Кивнув, тот пригласил к себе служанку.

Самым сложным в плане Такако было заставить Тъая и Санле спрятаться в прокладках. После всех тех мучений, какие им довелось вытерпеть, казалось глупым, что они станут кочевряжиться из-за такой мелочи. Однако тут духи вели себя странно. В конце концов девушке удалось убедить их в том, что это единственный способ вернуться домой, проделать долгий

окольный путь через половину земного шара. Духи поверили ей и скрепя сердце выполнили то, что она просила.

Измученная, Такако села за стол и стала писать в свете ущербной луны.

Разведка доложила о том, что американцы разрабатывают новое оружие, основанное на расщеплении атома. Немцы несколько лет назад уже расщепили уран, и японцы работали над тем же самым проектом. Американцам нужно было поторопиться.

Такако знала, что для создания атомной бомбы на основе урана нужен был конкретный вид урана. Уран встречается в двух разновидностях: уран-238 и уран-235. В природе 99,284 % урана приходится на уран-238, однако для ядерной реакции необходим уран-235. Различить изотопы химическим путем невозможно.

Такако мысленно представила атомы урана, находящиеся в газообразном состоянии. Молекулы сталкиваются подобно воздуху в металлическом сосуде. В среднем более тяжелые молекулы урана-238 будут двигаться медленнее более легких молекул урана-235. Девушка представила себе, как молекулы сталкиваются в трубе, в конце которой ждут духи, открывающие дверь и пропускающие более быстрые молекулы, но не дающие дорогу более медленным.

– Если вы поможете Америке одержать победу в войне, вы вернетесь домой, – прошептала она, обращаясь к духам.

Такако записала свои предложения.

Она постаралась представить себе, какой мощностью будет обладать бомба, создать которую ей помогут духи. Окажется ли эта бомба ярче солнца? Омоет ли она огненным морем целый город? Породит ли тысячи, миллионы новых духов, которым никогда не будет суждено вернуться домой?

Такако остановилась. Она убийца? Если она ничего не сделает, умрут люди. Что бы она ни сделала, умрут люди. Закрыв глаза, девушка подумала о своих родных. Она надеялась, что им приходится не слишком тяжело. Конечно, у брата были определенные проблемы. Он очень сильно переживал и постоянно злился. Такако представила себе, как двери лагеря «Тьюл-Лейк» открываются и все выбегают наружу, словно обладающие высокой энергией молекулы. *«Война закончилась!»*

Такако закончила свой доклад, надеясь, что аналитики в Америке не отнесутся к нему как к бреду сумасшедшего. Она дважды подчеркнула просьбу позволить ее матери работать с Тъаем и Санле, а после окончания работ помочь им вернуться домой.

* * *

– Что ты хочешь сказать? Как это бежали? – в голосе Акибы не было ярости. Он был озадачен.

– Я не смогла объяснить им достаточно понятно, чего ожидать, – бессильно промолвила Такако. – Приношу свои извинения. Я пообещала им слишком соблазнительную награду. Они меня обманули; какое-то время мне казалось, что эксперимент проходит успешно, однако в действительности это было лишь плодом моего воображения. Судя по всему, духи сбежали ночью, так как испугались, что я обнаружу их обман. Если хотите, мы найдем в пещере других духов.

– С другими «юта» такого никогда не случалось, – прищурился Акиба.

Такако потупилась, чувствуя, как гулко колотится сердце.

– Пожалуйста, поймите, что эти души не принадлежали верным подданным императора. Это были преступники. Чего можно ожидать от китайцев?

– А вот это уже любопытно. Ты предлагаешь нам попросить верных подданных добровольно вызваться для этой работы? Превратить их тела в души, чтобы они смогли лучше служить императору?

– Вовсе нет! – поспешно произнесла Такако. Во рту у нее пересохло. – Как я уже говорила, гипотеза кажется мне хорошей, однако, на мой взгляд, сложность задачи превосходит способности простых солдат и крестьян, даже если их души горят желанием послужить императору. Пока что нам нужно заняться другими исследованиями.

– Пока что, – протянул Акиба.

Сглотнув ужас, Такако улыбнулась и начала раздеваться.

ИЮНЬ 1945 ГОДА

Деревня ютилась на склоне холма, что в значительной степени защищало ее от бомбежек и артобстрелов. И тем не менее каждые несколько минут земля под маленькой хижиной дрожала от разрывов.

Бежать было некуда. Американские морские пехотинцы высадились на Окинаву два месяца назад. Их продвижение было медленным, но неудержимым. Несколько недель назад комплекс «Подразделения 98» в результате мощной бомбардировки был превращен в руины.

Собравшиеся перед хижиной жители деревни слушали сержанта. Тот снял гимнастерку, обнажая торчащие под грязной кожей ребра. Вот уже несколько месяцев еда выдавалась по карточкам, но, даже несмотря на то что многим мирным жителям приказали покончить с собой, чтобы оставшихся припасов

хватило для императорской армии, запасы продовольствия все равно закончились.

Собравшимися были одни женщины да немногие маленькие дети и дряхлые старики. Всем крепким мужчинам, в том числе подросткам, несколько дней назад выдали бамбуковые копья – их бросили в самоубийственную атаку на морских пехотинцев.

Такако попрощалась с ними. Многие подростки накануне сражения были спокойны, даже рвались в бой.

– Мы, мужчины Окинавы, покажем американцам дух Ямато[13]! – дружно кричали они. – Каждый день, который мы будем сражаться здесь, даст еще один день безопасности нашим главным островам!

Назад из них не вернулся никто.

У сержанта на ремне висел самурайский меч. Его хатимаки[14] была грязной и окровавленной. Он расхаживал взад и вперед перед толпой со слезами бессильной ярости на лице. «Что пошло не так? Япония была непобедимой!» Наверное, всему виной нечистые окинавцы, которые, в конце концов, не являются настоящими японцами. Даже несмотря на то что было казнено много изменников, которых поймали перешептывающимися на своем непонятном наречии, все равно осталось слишком много тех, кто тайком помогал американцам.

– Американцы врывались во все дома, в которых были женщины и дети, и открывали стрельбу. Их не останавливал даже детский плач. Это настоящие животные!

Слушая сержанта, Такако мысленно представляла себе случившееся в деревне. Сержант описывал нападение американцев на деревню, расположенную за холмом. Японские солдаты укрылись в домах, используя жителей деревни в качестве живых щитов. Некоторые женщины набрасывались на морских пехотинцев с бамбуковыми копьями. Американцы стреляли в них, после чего врывались в дома. Они не разбирали, где солдаты, а где мирные жители, – для этого было уже слишком поздно.

– Они изнасилуют всех вас и будут истязать ваших детей у вас на глазах, – продолжал сержант. – Но мы лишим их этого удовольствия. Пришло время вам отдать свою жизнь за императора. Сила духа поможет нам одержать победу. Япония никогда не капитулирует!

Кое-кто из детей заплакал, матери принялись их успокаивать. Они смотрели на лихорадочно жестикулирующего сержанта отсутствующими глазами. Слово «изнасиловать» не произвело на них никакого впечатления: несколько дней назад солдаты императорской армии провели с ними последнюю ночь услады накануне самоубийственной атаки. Из женщин мало кто

сопротивлялся. Это же война, верно?

Главе каждой семьи выдали по гранате. Какое-то время назад еще можно было раздать всем по две гранаты (одну для врага, другую для семьи), но гранаты заканчивались.

– Пора! – крикнул сержант.

Никто из жителей деревни не пошевелился.

– Пора! – повторил сержант, направляя пистолет на одну из женщин.

Та прижала к себе детей, с криком выдернула из гранаты чеку и прижала ее к груди. Она продолжала кричать до тех пор, пока взрыв резко не оборвал крик. Во все стороны разлетелись куски окровавленной плоти, некоторые из них попали сержанту в лицо.

Другие женщины и старики также начали кричать и плакать, прогремели новые взрывы. Такако крепко заткнула уши, однако души умерших продолжали кричать, и заглушить это было невозможно.

– Пришло и наше время, – сказал Акиба, как всегда, совершенно спокойный. – Я предоставлю тебе возможность выбрать, как уйти из жизни.

Такако молча смотрела на него, не в силах поверить своим ушам. Подняв руку, Акиба потрепал ее по щеке. Девушка вздрогнула, и Акиба, отдернув руку, язвительно усмехнулся.

– Но мы поставим один эксперимент, – сказал он. – Я хочу выяснить, сможет ли твой дух – а ты у нас верная подданная императора, образованная, сведущая в науках – выполнить то, что не удалось другим духам, и стать демоном Максвелла. Я хочу узнать, будет ли работать мой двигатель. – Акиба кивнул на металлический сосуд в углу комнаты.

Такако увидела у него в глазах безумный блеск. Она заставила себя сохранить спокойствие и говорить мягко, словно обращалась к ребенку.

– Может быть, лучше подумать о том, чтобы сдаться в плен. Вы человек важный. Вас не тронут.

– Я всегда подозревал, что ты не та, за кого себя выдаешь, – рассмеялся Акиба. – Долгая жизнь в Америке развратила тебя. Я даю тебе последний шанс доказать свою преданность императору. Воспользуйся им и выбери, как ты умрешь, или решение за тебя приму я.

Девушка молча смотрела на него. Этот человек не видел ничего плохого в том, чтобы истязать старух, с радостью представлял себе большие города, объятые пламенем, бесстрастно собирался убивать людей, чтобы их души питали энергией машины смерти. Но в то же время Акиба был единственным, кто за многие годы проявил по отношению к ней

хоть какую-то нежность, хоть что-то, похожее на любовь.

Он вызывал у нее ужас, и ей хотелось кричать. Она его ненавидела – и в то же время жалела. Ей хотелось увидеть, как он умрет, и хотелось его спасти. Но что бы ни случилось с Акибой, больше всего Такако хотела жить. Это ведь война, так?

– Вы правы, господин директор. Но, пожалуйста, прежде чем я умру, еще один раз, чтобы сделать меня счастливой… – Она начала раздеваться.

Акиба пробурчал что-то себе под нос. Положив пистолет, он расстегнул ремень. Угроза неминуемой смерти увеличила его аппетиты, и он полагал, что на девушку это повлияло так же.

Акиба задумался.

Возможно, он слишком суров по отношению к той, кто, в конце концов, доказала свою преданность. Ему будет не хватать этого странного, такого милого американского выражения, которое время от времени появлялось на лице у Такако, этого взгляда у нее в глазах, наполненного страхом и в то же время тоской, словно у щенка, который хочет вернуться домой, но не знает как. Акиба подумал, что на этот раз он будет с ней ласков, как был ласков со своей женой, давным-давно, когда они еще только поженились. (У него защемило сердце при мысли о том, что его жена сейчас в Хиросиме, а он даже не знает, жива ли она.) Затем он ее задушит, чтобы сохранить ее красоту. Да, именно так – в мгновение экстаза он отправит Такако в загробную жизнь, после чего сам последует за ней.

Акиба поднял взгляд. Такако рядом с ним больше не было.

* * *

Такако бежала не останавливаясь. Ей было все равно, куда бежать. Она просто хотела убежать как можно дальше от Акибы и кричащих духов.

Вдалеке девушка увидела яркое пятно. Возможно ли это? Да! Это был звездно-полосатый флаг, трепещущий на ветру. У Такако сердце застряло в горле. Ей показалось, она умрет от внезапного счастья. Она побежала еще быстрее.

С вершины холма Такако разглядела, что это маленькая деревушка. Повсюду были раскиданы трупы японских и американских солдат. А также женские. И детские. Земля пропиталась кровью. Флаг гордо реял в жарком воздухе.

Девушка увидела расхаживающих американских морских пехотинцев. Они плевались на трупы японцев и забирали у офицеров на сувениры самурайские мечи и другие вещи. Кто-то

сидел на земле, отдыхая после изнурительного боя. Другие подходили к женщинам, стоящим в дверях своих домов. При их приближении женщины без сопротивления проходили внутрь. Это ведь тоже война, так?

Все было почти кончено. Она почти вернулась домой. Собрав остатки сил, Такако пробежала по лесу последние сто шагов и выбежала в деревню.

Два морских пехотинца резко обернулись при ее появлении. Оба были молодые, ровесники ее брата. Такако подумала о том, в каком виде она предстала перед ними: разорванное платье, немытые волосы и лицо, одна грудь обнажилась, когда она убегала от Акибы. Девушка представила себе, как обратится к ним по-английски, на размеренном говоре Тихоокеанского побережья с его омытыми дождем гласными и неприкрашенными согласными.

На лицах морпехов мелькнуло напряжение, испуг. Они полагали, что все закончилось, но неужели эта сумасшедшая хочет совершить еще одно самоубийственное нападение?

Раскрыв рот, Такако попыталась выдавить из горла воздух, которого там не было.

– Я амер… – успела прохрипеть она.

Раздалась громкая автоматная очередь.

* * *

Морские пехотинцы подошли к распростертой на земле девушке.

– Какая красивая япошка! – присвистнул один из них.

– Довольно привлекательная, – согласился другой. – Только я не могу вынести ее взгляд.

У Такако в груди и горле клекотала кровь.

Она думала о своих родных, оставшихся в «Тьюл-Лейк», о бумагах, которые подписала. О духах, которых тайком переправила в Америку ценой собственной жизни. О своей матери, прижимающей к груди гранату. Затем ее рассудок захлестнули крики и стоны мертвых вокруг, полные страданий, ужаса и боли.

Война открывала в людях потайную дверь, выпуская все то, что скрывалось внутри. И в отсутствие демона, стерегущего эту дверь, общая энтропия мира возрастала.

Это война, не так ли?

* * *

Такако парила над своим телом. Морпехи уже ушли, потеряв к ней интерес. Она без грусти посмотрела на себя со стороны, затем отвела взгляд.

Флаг, грязный и истрепанный, реял на ветру так же гордо.

Девушка подлетела к нему ближе. Она вплетется в его ткань, в красные, белые и синие нити. Уляжется среди звезд и обнимет полосы. Флаг отвезут обратно в Америку, и она отправится вместе с ним.

– Нмаридзима, – сказала Такако. «Я возвращаюсь домой».

Перерожденный

Каждому из нас кажется, что есть единственный «я», которому все подвластно. Однако на самом деле это иллюзия, которую с большим трудом создает головной мозг…

Стивен Пинкер[15], «Чистый лист»

Я помню свое Перерождение. Полагаю, именно так чувствует себя рыба, брошенная обратно в море.

«Судный корабль» медленно проплывает над набережной Бостонской бухты, его металлический корпус-диск сливается с ночным небом, затянутым облаками, выпуклая верхняя часть похожа на живот беременной женщины.

Размерами корабль – со старинное здание Федерального суда на земле. Вокруг него – корабли сопровождения; меняющиеся огни на их корпусах временами образуют причудливые узоры, похожие на лица.

Зрители вокруг меня умолкают. Судный день, проходящий раз в четыре года, по-прежнему привлекает большие толпы народа. Я обвожу взглядом задранные вверх лица. Большинство равнодушны, на некоторых застыл благоговейный восторг. Кто-то со смехом перешептывается друг с другом. Я посматриваю на них, но без особого внимания. Нападений не было уже много лет.

– Летающая тарелка! – говорит один из зевак излишне громко. Остальные спешат отойти от него подальше. – Проклятая летающая тарелка!

Толпа оставила прямо под «Судным кораблем» свободное место. В середине стоят наблюдатели-таунинцы, готовые встретить Перерожденного. Но Кая, моего сожителя, среди них нет. Оно сказало мне, что в последнее время уже с лихвой насмотрелось на Перерождения.

Как-то Кай объяснило мне, что формы «Судного корабля» – это дань уважения местным традициям, воспроизведение наших былых представлений о маленьких зеленых человечках и «Плана 9 из открытого космоса»[16].

«Это все равно как ваше старое здание суда было возведено с куполом на крыше, изображающим маяк, путеводный огонь правосудия, в качестве знака уважения морскому прошлому Бостона».

Обычно таунинцы не интересуются историей, однако Кай предпринимало определенные усилия, чтобы познакомиться с прошлым местного населения.

Я медленно прохожу сквозь толпу, приближаясь к перешептывающейся группе. Все они в длинных пальто из плотной ткани – идеальных для того, чтобы спрятать оружие.

Вершина «беременного» на вид «Судного корабля» открывается, и вертикально вверх вырывается яркий луч золотистого света, отражаясь на землю от черных туч мягким сиянием, не дающим теней.

По всему периметру «Судного корабля» открываются круглые люки, и из них выпадают, разматываясь, длинные скрученные канаты. Они вытягиваются, колышутся и извиваются подобно щупальцам. Теперь «Судный день» похож на медузу, плавающую в воздухе.

На конце каждого каната – надежно закрепленный за крючок, расположенный на спине между лопатками, человек, словно рыбина, попавшаяся за таунинским портом. Канаты медленно расправляются, приближаясь к земле, а фигурки на их концах неспешно шевелят руками и ногами, принимая изящные позы.

Я уже почти достиг небольшой группы перешептывающихся. Один из них – тот, который только что слишком громко высказался про летающую тарелку, – засунул руку за отворот толстого пальто. Я ускоряю шаг, расталкивая людей в стороны.

– Бедолаги, – бормочет мужчина с рукой за пазухой, глядя на Перерожденных, возвращающихся домой и приближающихся к свободному пространству в центре толпы. Я вижу, как у него на лице появляется решимость фанатика, ксенофоба, готового убить.

Перерожденные практически добрались до земли. Мой подопечный ждет, когда отсоединятся канаты, связывающие Перерожденных с «Судным кораблем», чтобы их больше нельзя было снова поднять наверх, пока они еще неуверенно держатся на ногах, не зная, кто они такие.

Все еще невинные.

Я очень хорошо помню это мгновение.

У моего подопечного поднимается правое плечо: он пытается что-то достать из-за пазухи пальто. Я отталкиваю в стороны двух стоящих передо мной женщин и прыгаю вперед с криком «Ни с места!».

И тут весь мир замедляется. Земля под Перерожденными взметается вверх, словно при извержении вулкана, и их вместе с наблюдателями-таунинцами швыряет в воздух; они беспомощно машут руками, будто марионетки, которым перерезали нити. Я налетаю на стоящего передо мной мужчину, и волна горячего

света заслоняет все остальное.

* * *

На то, чтобы разобраться с задержанным мною подозреваемым и перебинтовать мои раны, уходит несколько часов. Когда мне наконец разрешают идти домой, уже за полночь.

Из-за только что введенного комендантского часа улицы Кембриджа тихи и пустынны. У Гарвард-сквер собралась флотилия полицейских машин, десяток мигалок пульсируют вразнобой. Я останавливаюсь, опускаю стекло и предъявляю свой значок.

Круглолицый молоденький полицейский шумно втягивает воздух. Возможно, имя Джошуа Реннон для него ничего не значит, но он видит черную точку в верхнем правом углу моего значка, точку, которая дает мне право входить в строго охраняемый таунинский жилой комплекс.

– Плохой сегодня день, – говорит полицейский. – Но не беспокойтесь, мы перекрыли все улицы, ведущие к вашему дому.

Он старается произнести «к вашему дому» как можно небрежнее, однако в его голосе сквозит возбуждение. «Он один из *них*. Он живет вместе с *ними*».

Полицейский не отходит от машины.

– Если можно, скажите, как продвигается расследование? – Он буквально пожирает меня глазами; его любопытство настолько сильно, что буквально осязаемо на ощупь.

Я понимаю, что на самом деле ему хочется спросить: «На что это похоже?»

Я устремляю взгляд прямо перед собой и поднимаю стекло.

Через какое-то мгновение полицейский отходит в сторону, и я нажимаю на газ с такой силой, что слышится визг покрышек. Машина срывается с места.

* * *

Обнесенный забором комплекс располагается на бывшей территории Рэдклиффского колледжа.

Я открываю дверь в нашу квартиру и вздрагиваю от мягкого золотистого света, который предпочитает Кай. Этот свет напоминает мне о событиях сегодняшнего дня.

Кай в гостиной, сидит на диване.

– Извини, что не позвонил.

Кай поднимается во весь рост в восемь с лишним футов и раскрывает свои объятия, его черные глаза смотрят на меня, словно глаза тех гигантских рыб, что плавают в огромном аквариуме Новой Англии. Я обнимаю его, вдыхаю его аромат, смесь цветов и ароматических специй, запах чужого мира и дома.

– Ты слышало?

Вместо ответа оно нежно раздевает меня, осторожно прикасаясь к бинтам. Я закрываю глаза и не сопротивляюсь, чувствуя, как слой за слоем спадает одежда.

Когда я остаюсь полностью раздетым, я поднимаю голову, и оно целует меня, запуская мне в рот свой теплый и соленый круглый язык. Я обнимаю его и нащупываю на затылке длинный шрам, чьей истории не знаю – и не пытаюсь ее узнать.

Затем Кай обхватывает мне голову первичными руками, прижимая мое лицо к своей мягкой груди, которая вся в пушку. Его третичные руки, сильные и ловкие, обвивают мою талию. Кончики его ловких и чувствительных вторичных рук нежно ласкают мне плечи, затем находят мой таунинский порт, аккуратно раздвигают кожу и проникают внутрь.

В момент контакта я ахаю. Я чувствую, как мои члены напрягаются, затем полностью расслабляются, позволяя сильным рукам Кая удерживать мой вес. Я закрываю глаза, чтобы насладиться тем, как мое тело воспринимается органами чувств Кая. Тем, как теплая кровь, разливающаяся по кровеносным сосудам, образует светящуюся карту пульсирующих красных и золотых прожилок на фоне более холодной синеватой кожи на спине и ягодицах; тем, как мои волосы щекочут чувствительную кожу его первичных рук; тем, как мои беспорядочные мысли постепенно смягчаются и становятся невнятными, откликаясь на его нежные, целенаправленные ласки. Теперь мы с Каем связаны так интимно близко, как только могут быть связаны два рассудка, два тела.

«Вот на что это похоже», – думаю я.

«Не обращай внимания на их невежество», – думает оно.

Я мысленно воспроизвожу события сегодняшнего дня: мое высокомерное и беспечное отношение к своим обязанностям, удивление от взрыва, горе и сожаление при виде погибших Перерожденных и таунинцев. Беспомощную ярость.

«Ты их найдешь», – думает оно.

«Обязательно найду!»

Затем я чувствую, как оно прижимается ко мне всем своим телом, шесть его рук и две ноги исследуют, ласкают, хватают, стискивают, проникают. И я откликаюсь на его движения, мои руки, губы, ноги мечутся по его холодной коже так, как,

насколько я уже успел выяснить, ему нравится, его наслаждение такое же красноречивое и сильное, как и мое собственное.

Мысли становятся такими же ненужными, как и слова.

* * *

Крошечная комната для допросов в подвале здания Федерального суда навевает клаустрофобию. Это самая настоящая клетка.

Я закрываю за собой дверь и вешаю куртку. Я не боюсь повернуться к подозреваемому спиной. Адам Вудс сидит, поставив руки на стол из нержавеющей стали и закрыв лицо ладонями. В нем больше не осталось сил бороться.

– Я специальный агент Джошуа Реннон, Бюро защиты таунинцев. – Я по привычке предъявляю свой значок.

Вудс поднимает на меня пустые глаза, налитые кровью.

– Ваша прежняя жизнь закончена, как, уверен, вы сами прекрасно понимаете. – Я не зачитываю ему его права и не говорю, что он может пригласить адвоката: это все формальности менее цивилизованной эпохи. Никакие адвокаты больше не нужны – больше нет судебных процессов, нет никаких полицейских штучек.

Вудс смотрит на меня, и его взгляд наполнен ненавистью.

– На что это похоже? – едва слышно спрашивает он. – Когда тебя каждую ночь трахает один из них?

Я отвечаю не сразу. Вряд ли Вудс при таком беглом взгляде успел рассмотреть черную точку у меня на значке. Затем до меня доходит, что я, вешая куртку, повернулся к нему спиной и он мог разглядеть под рубашкой очертания таунинского порта. Он понял, что я один из Перерожденных, и разумно предположил (его догадка оказалась верной), что человек, у которого открыт порт, связан с кем-то из таунинцев.

Я не клюю на эту наживку. Я вдоволь насмотрелся на ксенофобию, которая толкает таких, как Вудс, убивать.

– После операции вы пройдете всестороннее обследование. Но если вы сознаетесь прямо сейчас и сообщите полезную информацию о своих сообщниках, после Перерождения вы получите хорошую работу, у вас будет полноценная жизнь и вы сохраните воспоминания о большинстве своих родственников и друзей. Однако если вы солжете или ничего не скажете, мы все равно узнаем то, что нам нужно, а вас отправят в Калифорнию убирать радиоактивные отходы, с абсолютно чистым сознанием. И все те, кому вы были дороги, забудут вас начисто. Выбирать

вам.

– С чего вы взяли, что у меня были сообщники?

– Я видел вас в момент взрыва. Вы его ждали. Я считаю, ваша задача заключалась в том, чтобы, воспользовавшись последовавшим за взрывом смятением, убить как можно больше таунинцев.

Вудс с неутихающей ненавистью продолжает смотреть мне в лицо. Затем ему внезапно приходит в голову какая-то мысль.

– Вы ведь были Перерождены не один раз, правильно?

Я напрягаюсь.

– Как вы догадались?

– Чистое предположение, – улыбается Вудс. – Вы стоите и сидите чересчур прямо. Что вы совершили в последний раз?

Мне следовало быть готовым к этому вопросу, однако он застает меня врасплох. Через два месяца после Перерождения я по-прежнему еще сырой, не в своей тарелке.

– Вы знаете, что я не могу ответить на этот вопрос.

– Вы ничего не помните?

– Из меня вырезали гниль, – говорю я. – Точно так же, как она будет вырезана из вас. Джоша Реннона, который совершил тот проступок, неизвестно какой, больше не существует, и совершенно справедливо, что проступок его также забыт. Таунинцы – народ сострадательный и милосердный. Они удаляют из меня и вас только то, что действительно ответственно за преступления, – mens rea[17], злую волю.

– «Народ сострадательный и милосердный», – повторяет Вудс. И я вижу у него в глазах кое-что новое: жалость.

Внезапно меня охватывает ярость. Это *его* нужно жалеть, а не меня! Прежде чем Вудс успевает поднять руки, я набрасываюсь на него и бью кулаком в лицо – один раз, два, три – со всей силы.

Из его разбитого носа течет кровь, руки у него дрожат. Он не произносит ни звука, но продолжает смотреть на меня – спокойно, с сожалением.

– Моего отца убили у меня на глазах, – говорит Вудс. Он отирает кровь с губ и трясет рукой, избавляясь от нее. Капельки крови попадают мне на рубашку – ярко-алые бисеринки на белой ткани. – Мне было тринадцать лет, я прятался в сарае во дворе. В щель в двери я увидел, как отец замахнулся на одного из них бейсбольной битой. Одной рукой существо отбило удар, другой парой рук схватило его за голову и буквально оторвало ее. Затем они сожгли мою мать. Я никогда не забуду запах паленой плоти.

Я стараюсь успокоить участившееся дыхание. Стараюсь видеть сидящего передо мной человека так, как это делают таунинцы: разделенным. Есть перепуганный ребенок, которого

еще можно спасти, и есть озлобленный, разъяренный мужчина, которого спасти уже нельзя.

– Это произошло больше двадцати лет назад, – говорю я. – То было темное, ужасное, смутное время. С тех пор мир шагнул далеко вперед. Туанинцы принесли извинения и постарались искупить свою вину. Вам следовало обратиться к консультанту. Вам вживили бы порт, и все эти болезненные воспоминания были бы удалены. И ваша жизнь стала бы свободна от призраков прошлого.

– Я *не хочу* освобождаться от этих призраков! Вам такое не приходило в голову? Я не хочу забывать. Я солгал и сказал, что ничего не видел. Я не хотел, чтобы мне залезли в сознание и похитили мои воспоминания. Я хочу отмщения.

– Отмщения не будет. Таунинцев, совершивших это, больше нет. Они получили по заслугам, были наказаны забвением.

– «Наказаны», говорите вы, – смеется Вудс. – Таунинцы, совершившие все те преступления, – это те же самые таунинцы, которые сегодня расхаживают здесь, проповедуя всеобщую любовь и будущее, в котором таунинцы и люди живут в полной гармонии. Однако из того, что они способны так *кстати* забывать, еще не следует, что и мы тоже должны забывать.

– У таунинцев нет цельного сознания…

– Вы говорите так, словно не потеряли во время Завоевания никого из близких. – Вудс повышает голос, и сожаление переходит в нечто более черное. – Ты говоришь как коллаборационист! – Он плюет в меня, и я ощущаю на лице между губами кровь – теплую, сладковатую, с привкусом ржавчины. – Ты даже не знаешь, что они у тебя отняли!

Я выхожу из комнаты и закрываю за собой дверь, прерывая поток ругательств.

* * *

Я выхожу из здания суда, и на улице меня встречает Клэр из технического отдела. Ее люди вчера вечером уже обследовали место преступления и все зафиксировали, но мы все равно обходим вокруг воронки, выполняя старомодный визуальный осмотр, на тот маловероятный случай, если ее машины что-то упустили.

Что-то упустили. Чего-то не хватало.

– Сегодня около четырех часов утра один из раненых Перерожденных умер в больнице, – говорит Клэр. – Это доводит общее число погибших до десяти: шестеро таунинцев и четверо

Перерожденных. Не так плохо, как то, что произошло в Нью-Йорке два года назад, но определенно самая кровавая бойня в Новой Англии.

Клэр – миниатюрная, с острыми чертами лица и быстрыми, порывистыми движениями, вызывающими у меня в памяти воробья. Как единственные сотрудники БЗТ бостонского отделения, состоящие в браке с таунинцами, мы сблизились друг с другом. Про нас шутят, что мы «супруги по работе».

Я никого не потерял во время Завоевания.

Кай стоит рядом со мной на похоронах моей матери. Ее лицо в гробу спокойное, умиротворенное.

Кай нежно прикасается к моему плечу, подбадривая меня. Я хочу сказать ему, чтобы оно не слишком переживало. Кай так старалось спасти мою мать (точно так же, как до того старалось спасти моего отца), однако человеческий организм такой хрупкий, и мы до сих пор не знаем, как эффективно использовать инновации, которым нас обучили таунинцы.

Мы обходим вокруг горы мусора, сцементированные расплавленным асфальтом. Я пытаюсь совладать со своими мыслями. Вудс вывел меня из себя.

– Что у тебя есть по взрывателю? – спрашиваю я.

– Довольно сложная штуковина, – говорит Клэр. – Если судить по уцелевшим частям, это был магнитометр, подсоединенный к цепи таймера. Насколько можно предположить, магнитометр сработал на присутствие поблизости большой массы железа, такой как «Судный корабль». А уже это запустило таймер, настроенный сработать в тот самый момент, когда Перерожденные коснутся земли. Тут нужны были достаточно точные данные о массе «Судного корабля»; в противном случае взрыватель сработал бы на другие яхты и грузовые корабли, проплывающие над Причалом.

– Также были нужны знания о том, как работает «Судный корабль», – добавляю я. – Необходимо было знать, сколько Перерожденных должны были быть там вчера, и рассчитать, сколько времени потребуется на то, чтобы провести церемонию и спустить их на землю.

– Определенно, это потребовало тщательного планирования, – соглашается Клэр. – Мы имеем дело не с одиночкой. Это разветвленная террористическая организация.

Она останавливает меня. С этого места дно воронки, оставленной взрывом, видно как на ладони. Воронка значительно меньше размером, чем я предполагал. Тот, кто это устроил, использовал направленную взрывчатку, энергия которой ушла вверх, – предположительно, чтобы минимизировать воздействие

на толпу вокруг.

Толпа.

Непрошеным приходит детское воспоминание.

Осень, прохладный воздух, запах моря и чего-то горящего. Бурлящая многолюдная толпа, но все ведут себя тихо. Те, кто находится с краю, стараются протиснуться в середину, тогда как те, кто в центре, выбираются наружу, словно колония муравьев, копошащихся вокруг дохлой птицы. Наконец я проталкиваюсь в середину, где в нескольких бочках из-под бензина пылают яркие костры.

Я сую руку в карман куртки и достаю конверт. Открыв конверт, я протягиваю мужчине, стоящему у одной из бочек, пачку фотографий. Тот быстро просматривает фотографии, отбирает несколько, а остальные возвращает мне.

– Можешь оставить эти себе и встать в очередь на операцию, – говорит мужчина.

Я просматриваю фотографии в руке. Мама держит на руках меня-младенца. Я сижу у папы на плечах на ярмарке. Мы с мамой спим в одинаковых позах. Папа и мама играют со мной в настольную игру. Я в костюме ковбоя, мама стоит сзади и завязывает платок, закрывающий мне лицо.

Мужчина швыряет остальные фотографии в бочку, и я поворачиваюсь к ней, стараясь разглядеть, что на них, до того, как их охватит огонь…

– Все в порядке?

– Да, – рассеянно отвечаю я. – Последствия взрыва.

Клэр я могу доверять.

– Слушай, – говорю я, – ты когда-нибудь задумываешься о том, чем занималась до Перерождения?

Клэр пристально смотрит на меня. Не моргая.

– Джош, не сворачивай на эту дорожку. Подумай о Кае. Подумай о своей жизни, о той настоящей жизни, какая у тебя сейчас.

– Ты права, – соглашаюсь я. – Просто Вудс немного вывел меня из себя.

– Возможно, тебе следует отдохнуть несколько дней. От тебя не будет никакого толка, если ты не сможешь сосредоточиться.

– Все будет отлично.

Клэр бросает на меня скептический взгляд, но не настаивает. Она понимает, что я сейчас испытываю. Кай сможет прочитать у меня в сознании чувства вины и сожаления. Наши с ним отношения предельно откровенны, и спрятаться в них негде. Мне невыносима мысль, что я буду сидеть дома в безделье, а Кай будет пытаться меня утешить.

– Как я говорила, – продолжает Клэр, – месяц назад строительная компания «У. Г. Тернер» уложила здесь новое покрытие. Вероятно, именно тогда была установлена бомба; наверняка Вудс был одним из рабочих. Тебе нужно начать с этого.

* * *

Женщина оставляет на столе передо мной коробку с документами.

– Это список всех инженеров и рабочих, которые занимались укладкой нового покрытия на аллее, ведущей к зданию Федерального суда.

Она поспешно уходит прочь, словно я заразный, и готова обменяться с сотрудником БЗТ лишь абсолютным минимумом слов.

Полагаю, я действительно заразный в каком-то смысле. После того как я Переродился, всем тем, кто был близок со мной, кому было известно, что я сделал, чьи знания обо мне отчасти формировали личность Джошуа Реннона, также должны были вживить порт, а их воспоминания должны были удалить – в рамках моего Перерождения. Мои преступления, какими бы они ни были, инфицировали всех этих людей.

Я даже не знаю, кто они.

Напрасно я предаюсь подобным мыслям. Это вредно для здоровья – останавливаться на своей прошлой жизни, жизни мертвеца.

Я просматриваю списки один за другим и ввожу имена в телефон, чтобы алгоритмы Клэр проверили их по миллионам баз данных, просеяли антитаунинские форумы и ксенофобские сайты в поисках совпадений.

Однако я все равно внимательно читаю документы, строчку за строчкой. Иногда человеческий мозг может найти связь, которую пропустят компьютеры Клэр.

Компания «У. Г. Тернер» работала аккуратно. Все соискатели проходили тщательный отбор, и алгоритмы не нашли в их прошлом ничего подозрительного.

Через какое-то время имена сливаются в сплошное месиво: Келли Айкхофф, Хью Рейкер, София Ледей, Уокер Линкольн, Хулио Костас…

Уокер Линкольн.

Я возвращаюсь к анкете. На фотографии белый мужчина лет тридцати с небольшим. Узкие глаза, редеющие волосы, перед объективом не улыбается. Вроде бы ничего примечательного.

Мужчина кажется мне совершенно незнакомым.

И все же есть в его имени что-то такое, отчего я колеблюсь.

Фотографии корчатся в пламени.

На самой верхней – мой отец, стоящий перед нашим домом. Он держит винтовку, лицо у него угрюмое. Когда пламя поглощает его, я успеваю заметить в углу фотографии знак, обозначающий пересечение двух улиц.

Уокер и Линкольн.

Я ловлю себя на том, что меня бьет озноб, хотя обогреватель в кабинете включен на максимум.

Я беру телефон и запрашиваю составленное компьютером досье на Уокера Линкольна. Данные по кредитным карточкам, распечатка телефонных звонков, история поисковых запросов, присутствие в интернете, характеристики с работы и учебы. Алгоритмы не обнаружили ничего необычного. Уокер Линкольн производит впечатление образцового «среднего гражданина».

Мне еще ни разу не приходилось встречать личное дело, в котором маниакально подозрительные алгоритмы Клэр не нашли бы никаких шероховатостей. Уокер Линкольн чересчур идеален.

Я изучаю распечатку покупок по его кредитной карточке: древесный уголь, жидкость для розжига, мангал.

Затем, примерно пару месяцев, ничего.

* * *

Пальцы Кая уже готовы проникнуть мне в порт, но я останавливаю его.

– Пожалуйста, не сегодня.

Вторичные руки Кая застывают, колеблются, затем нежно проводят по моей спине. Оно отступает. Его глаза смотрят на меня, в полумраке квартиры подобные двум бледным лунам.

– Извини, – говорю я. – У меня голова занята, неприятные мысли. Я не хочу тебя обременять.

Кай кивает – этот чисто человеческий жест кажется совершенно не к месту. Я признателен его стараниям улучшить мне настроение. Оно всегда относится ко мне с пониманием.

Кай уходит, оставляя меня обнаженным посреди комнаты.

* * *

Домохозяйка утверждает, что ей абсолютно ничего не известно о жизни Уокера Линкольна. Квартплата (в этой части

Чарльстауна отвратительно низкая) переводится прямо на счет первого числа каждого месяца, домохозяйка в глаза не видела Линкольна с тех пор, как он поселился у нее четыре месяца назад. Я предъявляю свой значок, и она дает мне ключ от его квартиры и молча провожает взглядом, пока я поднимаюсь по лестнице.

Я отпираю дверь и зажигаю свет; меня встречает картинка из каталога мебельного салона: белый диван, кожаный пуфик, стеклянный кофейный столик с аккуратной стопкой журналов, абстрактные картины на стенах. Везде полный порядок, все вещи на своих местах. Я принюхиваюсь: здесь не пахнет ни готовкой, ни моющими средствами, ни дезодорантом – обычной смесью запахов в помещении, где живут люди.

Квартира кажется одновременно знакомой и незнакомой, словно я переживаю дежавю.

Я прохожу по квартире, открывая двери. В шкафах и спальне такой же идеальный порядок, как и в гостиной. Абсолютно безликий, абсолютно нереальный.

Солнечный свет, проникающий в окна вдоль западной стены, образует на сером ковре четкие параллелограммы. Золотистый – любимый оттенок Кая.

Однако повсюду тонкий слой пыли, накопившейся за месяц, а то и за два.

Уокер Линкольн – призрак.

Наконец я оборачиваюсь и вижу то, что висит на входной двери, – маску.

Я беру ее, надеваю и захожу в ванную.

Мне хорошо знакомы такие маски. Они изготавливаются из мягких, податливых программируемых волокон на основе таунинских технологий; из этого же самого материала делают стропы, на которых Перерожденных спускают обратно в мир. Активируемая теплом человеческого тела маска принимает запрограммированную заранее форму. Какими бы ни были черты лица под ней, она создает внешнее подобие лица, заложенного в ее память. Использовать подобные маски имеют право только сотрудники правоохранительных органов. Мы иногда пользуемся такими, чтобы внедриться в ксенофобские ячейки.

В зеркале я вижу, как холодные волокна маски постепенно оживают, словно тело Кая от моего прикосновения, растягивая и сжимая мягкие ткани и мышцы у меня на лице. На какое-то мгновение мое лицо превращается в бесформенное месиво, напоминающее чудовище из кошмарного сновидения.

Затем бурлящее движение прекращается, и я вижу в зеркале лицо Уокера Линкольна.

* * *

После того как я Переродился, первым, что я увидел, было лицо Кая.

То было лицо с черными рыбьими глазами и кожей, пульсирующей так, словно под ней копошились крошечные черви. Сжавшись от страха, я попытался попятиться назад, но отступать было некуда. Подо мной была стальная доска.

Кожа вокруг глаз Кая сжалась и снова растянулась – я не мог понять эту чуждую гримасу. Оно отступило назад, оставляя мне свободное пространство.

Я медленно уселся и огляделся вокруг. Я находился на узкой стальной полке, закрепленной на стене крошечной камеры. Свет был слишком ярким. Меня захлестнула тошнота. Я закрыл глаза.

На меня накатило мощное цунами образов, обработать которые я не смог. Лица, голоса, события, стремительно сменяющие друг друга. Я открыл рот, чтобы закричать.

И Кай мгновенно бросилось на меня. Оно обхватило своими первичными руками мою голову, удерживая меня на месте. Меня обволокла смесь цветочных ароматов, и воспоминание об этом внезапно появилось из хаоса у меня в сознании. Запах дома. Я вцепился в него, словно потерпевший кораблекрушение в доску в бурном море.

Оно обвило меня своими вторичными руками, похлопывая по спине, ища порт. Я ощутил, как оно проникло в дыру у меня в спине, в рану, о существовании которой я не подозревал, и мне захотелось кричать от боли…

…И вдруг хаос у меня в сознании улегся. Я смотрел на окружающий мир глазами и сознанием Кая: я видел свое собственное тело, обнаженное, дрожащее.

«Позволь помочь тебе».

Я сопротивлялся, но недолго. Оно оказалось слишком сильным, и я сдался.

«Что произошло?»

«Ты на борту «Судного корабля». Прежний Джош Реннон совершил что-то очень плохое и был наказан».

Я попытался вспомнить, что такое я сделал, но не смог восстановить в памяти ничего.

«Его больше нет. Нам пришлось вырезать его из твоего тела, чтобы тебя спасти».

У меня в сознании всплыло еще одно воспоминание, под мягким руководством течения мыслей Кая.

Я сижу в классе, в первом ряду. В окна вдоль западной стены проникает солнечный свет, образующий на полу четкие

параллелограммы. Кай медленно расхаживает взад и вперед перед нами.

– Каждый из нас состоит из множества объединений воспоминаний, множества личностей, множества связных мыслей. – Голос доносится из коробки, надетой Каю на шею. Он звучит несколько неестественно, но мелодично и отчетливо. – Разве вы не изменяете свое поведение, свои жесты и даже свою речь в обществе друзей детства из родного городка по сравнению с тем, как ведете себя со своими новыми друзьями из большого города? Разве вы не смеетесь иначе, не плачете иначе и даже не сердитесь иначе, когда вы со своими близкими родственниками, а не со мной?

При этих словах сидящие рядом ученики усмехаются, как и я. Кай проходит в противоположный конец класса и оборачивается, и мы с ним встречаемся взглядами. Кожа вокруг его глаз оттягивается назад, отчего они кажутся еще больше, а у меня горит лицо.

– Цельная личность – это заблуждение традиционной человеческой философии. Больше того, именно это заблуждение лежит в основе многих старых малообразованных обычаев. Так, например, преступник – это лишь одна личность, заключенная в общем теле вместе со многими другими. Убийца может при этом быть хорошим отцом, любящим мужем, братом, сыном; когда он лишает свою жертву жизни, он не тот, кто купает маленькую дочку, целует жену, утешает сестру и ухаживает за больной матерью. Однако прежняя человеческая система уголовного правосудия наказала бы всех этих людей вместе, без разбора, посадила бы их в тюрьму или даже убила бы. Коллективное наказание. Какое варварство! Какая жестокость!

Я представляю свое сознание таким, каким его описывает Кай: разделенным на части, принадлежащим разным личностям. Пожалуй, никакой другой человеческий институт таунинцы не презирают так сильно, как систему правосудия. И это презрение становится совершенно естественным в контексте их общения непосредственно от одного сознания к другому. У таунинцев нет друг от друга никаких секретов; между ними существует такая близость, о какой мы можем только мечтать. Концепция системы правосудия, настолько ограниченной непроницаемостью личности, что ей вместо прямого доступа к заключенной в рассудке правде приходится прибегать к ритуализированному соперничеству, должна казаться им самым настоящим варварством.

Кай смотрит на меня так, словно слышит мои мысли, хотя я знаю, что это невозможно без подключения к моему порту. Однако эта мысль доставляет мне радость. Я любимый ученик Кая.

Я заключил Кая в объятия.

«Мой учитель, мой возлюбленный, мой супруг! Я блуждал в потемках, но теперь я вернулся домой. Я начинаю вспоминать».

Я нащупал у него на затылке шрам. Оно вздрогнуло.

«Что с тобой произошло?»

«Я не помню. Не бери в голову».

Я осторожно погладил его, стараясь не задеть шрам.

«Перерождение – процесс сложный. Ваша биология развивалась не так, как наша, и разделить части вашего сознания, отделить друг от друга разные личности гораздо сложнее. Потребуется какое-то время на то, чтобы воспоминания улеглись. Тебе придется заново запоминать, заново учить пути, необходимые для того, чтобы опять в них разбираться, чтобы восстановить себя. Но теперь ты стал гораздо лучше, освободился от пораженных частей, которые нам пришлось удалить».

Я прильнул к Каю, и мы с ним стали собирать мои части вместе.

* * *

Я показываю Клэр маску и чересчур идеальный электронный профиль.

– Чтобы получить доступ к подобному оборудованию и создать вымышленного человека с таким убедительным следом всех необходимых электронных документов, необходимо занимать высокую должность и иметь необходимый допуск. Возможно, это даже кто-то из Бюро, поскольку нам приходится подчищать электронные базы данных, чтобы стирать данные на Перерожденных.

Кусая губу, Клэр скептически смотрит на экран моего телефона и разглядывает маску.

– Такое крайне маловероятно. Всем сотрудникам Бюро вживлены порты, и они регулярно проверяются. Не представляю, как кто-либо из нас смог бы скрываться.

– Однако это единственное объяснение.

– Скоро мы все узнаем, – говорит Клэр. – Адаму Вудсу вживили порт. В настоящий момент Тау его проверяет. Через полчаса все будет готово.

Я буквально падаю в соседнее кресло. Накопившаяся за последние два дня усталость накрывает меня плотным одеялом. Я избегал прикосновений Кая по причинам, которых и сам не смогу объяснить. Мне кажется, будто меня отделили от самого себя.

Я мысленно приказываю себе не засыпать, хотя бы еще чуть-чуть.

Мы с Каем сидим на кожаном диванчике. Мы едва втиснулись, поскольку оно такое массивное. Камин – позади нас, и я чувствую затылком приятное тепло. Левые руки Кая ласково гладят меня по спине. Я напрягаюсь.

Напротив нас на белом диване сидят мои родители.

– Я еще никогда не видела Джоша таким счастливым! – говорит моя мать. Ее улыбка для меня такое облегчение, что мне хочется стиснуть ее в объятиях.

– Я радо, что вы так считаете, – через свой черный голосовой ящик говорит Кай. – Думаю, Джош волновался о том, как вы отнесетесь ко мне, к нам.

– Ксенофобы будут всегда, – говорит мой отец. Он словно задыхается. Я знаю, что однажды признаю в этом начало его болезни. Мое счастливое воспоминание приправляется ноткой печали.

– Были совершены ужасные вещи, – продолжает Кай. – Все мы это знаем. Но мы хотим смотреть в будущее.

– Как и мы, – соглашается мой отец. – Однако есть люди, застрявшие в прошлом. И они не могут принять настоящее.

Я обвожу взглядом комнату и отмечаю, какой здесь порядок. Ковер безукоризненно чистый, столик не завален хламом. На белом диване, на котором сидят родители, – ни пятнышка. Стеклянный кофейный столик между нами пуст, если не считать искусно разложенных журналов.

Гостиная производит впечатление картинки из каталога мебельного магазина.

Вздрогнув, я просыпаюсь. Мои воспоминания стали такими же ненатуральными, как квартира Уокера Линкольна.

В дверях стоит Тау, супруг Клэр. Из изуродованных концов его вторичных рук сочится голубая кровь. Оно шатается.

Клэр мгновенно подбегает к нему.

– Что стряслось?

Вместо ответа Тау срывает с Клэр жакет и блузку, и их более толстые, менее деликатные первичные руки жадно, вслепую ищут у нее на спине таунинский порт. Найдя его, оно проникает наконец внутрь, и Клэр, ахнув, тотчас же обмякает.

Я отворачиваюсь от этой сцены интимной близости. Тау больно, и ему нужна Клэр.

– Мне пора идти, – говорю я, поднимаясь на ноги.

– Адам Вудс заминировал свою спину, – говорит через голосовую коробку Тау.

Я останавливаюсь.

– Когда я вживило ему порт, он, казалось, смирился с судьбой и был готов сотрудничать. Но как только я начало его проверять,

сработало миниатюрное взрывное устройство, мгновенно его убив. Похоже, кое-кто из вас по-прежнему ненавидит нас так сильно, что предпочитает умереть, лишь бы не Перерождаться.

– Сожалею, – говорю я.

– А я-то как сожалею, – говорит Тау. Механический голос силится передать печаль, но мой настороженный слух улавливает в нем фальшь.

* * *

Таунинцам нет особого дела до истории, и теперь нас она также не интересует.

И еще – они не умирают от старости. Никто не знает, сколько им лет – сто, тысяча, целая вечность? Кай туманно говорит о путешествии, которое продолжалось больше, чем вся история человечества.

«На что это было похоже?» – однажды спросил я.

«Не помню», – подумало оно.

Подобное отношение объясняется их биологическим строением. Мозговое вещество таунинцев постоянно образуется в ядре, тогда как наружные слои периодически отбрасываются, словно змеиная кожа.

Обладая жизнью, которую по всем параметрам можно считать вечной, таунинцы оказывались бы переполнены бесконечным множеством накопленных воспоминаний. Неудивительно, что они мастерски овладели искусством забывать.

Воспоминания, которые таунинцы хотят сохранить, необходимо копировать в новые ткани: заново размечать, создавать, записывать. Но те воспоминания, которые они хотят оставить позади, при каждом новом цикле отбрасываются, словно оболочка куколки.

И таунинцы расстаются не только с воспоминаниями. Можно взять себе целую сформировавшуюся личность, выучить ее, как роль, а затем отбросить и забыть. Таунинец смотрит на себя до перемены и после перемены как на двух совершенно обособленных существ: разные личности, разные воспоминания, разные моральные обязательства. Они лишь последовательно владеют одним и тем же телом.

«И даже не одним и тем же телом», – мысленно поправило меня Кай.

«В смысле?»

«Приблизительно через год все до одного атомы твоего тела заменятся на другие, – подумало Кай. Это было еще тогда, когда

мы только-только стали возлюбленными и на него частенько находило настроение читать нравоучительные лекции. – У нас это происходит еще быстрее».

«Подобно кораблю Тесея[18], в котором со временем каждая доска была заменена на новую, так что он уже перестал быть тем же самым судном».

«Вечно ты ссылаешься на прошлое», – однако аромат его мысли был скорее снисходительным, чем критическим.

В ходе завоевания таунинцы вели себя крайне агрессивно, и мы отвечали им тем же. Подробности, разумеется, туманные. Таунинцы ничего не помнят, а большинство из нас помнить не хочет. По прошествии стольких лет Калифорния по-прежнему остается безлюдной.

Однако затем, после того как мы капитулировали, таунинцы отбросили агрессивные слои своего сознания – наказание за совершенные ими военные преступления – и стали самыми милосердными правителями. Теперь, убежденные пацифисты, они питают отвращение к насилию и с готовностью делятся с нами своими технологиями, лечат заболевания, творят волшебные чудеса. На Земле царит мир. Средняя продолжительность жизни людей значительно увеличилась, и дела у тех, кто готов работать на таунинцев, обстоят очень неплохо.

Таунинцы не испытывают чувства вины.

«Теперь мы другие, – подумало Кай. – Это также и наш дом. Однако кое-кто из вас вешает на нас грехи наших прежних личностей, которых больше нет в живых. Это все равно что считать сына ответственным за прегрешения отца».

«А что, если снова начнется война? – подумал я. – Что, если ксенофобы убедят остальных людей восстать против вас?»

«В таком случае мы, вероятно, снова изменимся – станем жестокими и беспощадными, какими были прежде. Для нас подобные перемены – физиологическая реакция на угрозу, неподвластная нашему контролю. Однако в таком случае эти будущие личности не будут иметь к нам никакого отношения. Отец не может отвечать за поступки своего сына».

Спорить с такой логикой трудно.

* * *

Лорен, подруга Адама Вудса, – молодая женщина с суровым лицом, которое нисколько не изменяется, когда я сообщаю ей, что, поскольку родителей Адама нет в живых, она считается его ближайшей родственницей и должна забрать тело из участка.

Мы сидим друг напротив друга, нас разделяет кухонный стол. В крохотной квартире царит полумрак. Многие лампочки перегорели и так и не были заменены.

– Мне вживят порт? – спрашивает Лорен.

Теперь, после смерти Вудса, первоочередная задача – определить, кому из его родственников и друзей следует вживить порт (с надлежащими мерами предосторожности на предмет других заминированных спин), чтобы выяснить истинные масштабы заговора.

– Пока что не знаю, – говорю я. – Все зависит от того, насколько активно, на мой взгляд, вы будете сотрудничать со следствием. Адам не общался ни с кем подозрительным? Кто казался вам ксенофобом?

– Я ничего не знаю, – отвечает Лорен. – Адам был нелюдимым… Он мне ничего не рассказывал. Если хотите, можете вживить мне порт, но это будет пустой тратой времени.

Обычно такие люди, как она, приходят в ужас при мысли о том, что их тело подвергнется насилию, что им вживят порт. Деланое равнодушие Лорен лишь укрепляет мою подозрительность.

Словно почувствовав мой скептицизм, она меняет тактику.

– Мы с Адамом иногда курили «забытье» или принимали «блеск».

Лорен поворачивается и смотрит на рабочий стол. Проследив за ее взглядом, я вижу перед горой грязной посуды в мойке массу всяких приспособлений для употребления наркотиков, похожих на расставленные на сцене декорации. Из подтекающего крана капает вода, обеспечивая фоновое ритмичное сопровождение.

«Забытье» и «блеск» обладают сильным галлюциногенным действием. Недвусмысленный намек: сознание Лорен переполнено ложными воспоминаниями, поэтому, даже когда к нему будет обеспечен прямой доступ через порт, положиться на ее показания будет нельзя. Максимум мы сможем ее Переродить, но нам так и не удастся узнать ничего такого, что можно будет использовать против других. Ход неплохой. Вот только ложь получилась у Лорен недостаточно убедительной.

«Вы, люди, думаете, что вас определяют ваши действия, – как-то раз подумало Кай. Я помню, как мы лежали вместе в каком-то парке на траве и мне доставляло наслаждение ощущение тепла солнечных лучей, согревающих его кожу, гораздо более чувствительную, чем моя. – Но на самом деле вас определяют ваши воспоминания».

«Разве это не одно и то же?» – подумал в ответ я.

«Разумеется, нет. Для того чтобы извлечь воспоминание, вы

должны активировать цепочку нейронных связей, и этот процесс их изменит. Ваша биология такова, что при каждом таком извлечении вы также переписываете память. Ты никогда не обнаруживал, что какая-то деталь, которую ты так живо помнишь, на самом деле сфабрикована? Что на самом деле ты сам убедил себя в том, что события, привидевшиеся во сне, произошли в действительности? Что тебе рассказали какой-то вымысел, а ты поверил, будто это правда?»

«У тебя все получается таким непрочным».

«Скорее обманчивым. – Аромат у этой мысли Кая получился нежным. – Ты не можешь сказать, какие воспоминания реальные, а какие ложные, однако настаиваешь на том, что они важны, и в значительной степени строишь на них свою жизнь. Опора на историю не дала вашему виду ничего хорошего».

Лорен старательно не смотрит мне в глаза – вероятно, думая про Адама. Есть в ней нечто такое, что кажется мне знакомым, вроде полузабытого припева песни, которую я слышал в детстве. Мне нравится, как расслабляется ее лицо, когда она предается воспоминаниям. Я принимаю решение, что не буду вживлять ей порт.

Вместо этого я достаю из сумки маску и, пристально следя за лицом Лорен, надеваю ее. Маска согревается теплом моего тела, прилипает к лицу, придает форму мышцам и коже, и я ищу в глазах Лорен признаки того, что она ее узнала, а значит, Адам и Уокер были сообщниками.

Лицо Лорен снова становится напряженным и непроницаемым.

– Что вы делаете? Жутковатый какой-то вид!

– Так, обычная проверка, – разочарованно говорю я.

– Не возражаете, если я займусь подтекающим краном? Он меня жутко раздражает.

Я молча киваю и остаюсь сидеть, а Лорен встает и подходит к мойке. Еще один тупик. Неужели Вудс действительно провернул все это в одиночку? И кто такой Уокер Линкольн?

Меня пугает ответ, нечетко сформировавшийся в моем сознании.

Я замечаю, как что-то тяжелое стремительно приближается к моему затылку, но уже слишком поздно.

* * *

– Ты нас слышишь? – голос неестественный, искаженный каким-то электронным прибамбасом. Странно, но он напоминает

мне таунинский голосовой ящик.

Я молча киваю. Я сижу в темноте, руки у меня связаны за спиной. Что-то мягкое, шарф или галстук, туго завязано у меня на голове, закрывая глаза.

– Извини, что приходится действовать так. Будет лучше, если ты нас не увидишь. В этом случае, когда твой таунинец к тебе подключится, ты не сможешь нас выдать.

Я пробую веревки на запястьях. Они завязаны очень надежно. Избавиться от них самостоятельно невозможно.

– Вы должны немедленно прекратить все это! – говорю я, стараясь придать своему голосу как можно больше властности. – Я знаю: вы полагаете, что схватили коллаборациониста, предателя человеческой расы. Вы считаете это правосудием, справедливым возмездием. Но задумайтесь. Если вы сделаете со мной что-нибудь плохое, вас рано или поздно схватят и все ваши воспоминания об этом событии будут стерты. Что хорошего в отмщении, если вы даже не будете ничего помнить? Для вас этого как бы и не будет вовсе.

Электронные голоса смеются в темноте. Я не могу определить, сколько их, какие они – старые, молодые, мужчины, женщины.

– Отпустите меня.

– Отпустим, – говорит первый голос, – после того как ты прослушаешь вот это.

Я слышу щелчок нажатой клавиши, и затем звучит бестелесный голос:

– Привет, Джош! Вижу, ты нашел ключ к решению загадки.

Голос – мой собственный.

* * *

– …Несмотря на обширные исследования, полностью стереть все воспоминания до сих пор никак не удается. Подобно старому жесткому диску, сознание Перерожденного по-прежнему хранит следы этих старых нервных путей, спящих, ждущих нужного толчка…

Угол Уокер и Линкольн, мой старый дом.

Внутри разгром, мои игрушки разбросаны повсюду. Дивана нет, только четыре плетеных кресла вокруг старого деревянного кофейного столика, на крышке которого полно круглых пятен.

Я прячусь под креслом. В доме тихо, царит полумрак – это или раннее утро, или поздний вечер.

Снаружи доносится крик.

Я выбираюсь из-под кресла, подбегаю к двери и распахиваю ее настежь. У меня на глазах таунинец своими первичными руками поднимает высоко вверх моего отца. Вторичные и третичные руки обвиты вокруг отцовских рук и ног, обездвиживая его.

Позади таунинца на земле распростерто тело моей матери, неподвижное.

Таунинец дергает руками, и мой отец снова пытается закричать, однако у него в горле скопилась кровь и изо рта вырывается лишь бульканье. Таунинец снова дергает руками, и я вижу, как моего отца медленно разрывают на части.

Таунинец опускает взгляд на меня. Кожа вокруг его глаз растягивается и снова сжимается. Запах неизвестных цветов и специй такой сильный, что меня рвет.

Это Кай.

– …Вместо настоящих воспоминаний они заполняют твой рассудок ложью. Состряпанными воспоминаниями, которые рассыпаются на части при ближайшем рассмотрении…

Кай подходит ко мне. Я сижу в клетке. Таких клеток много, и в каждой сидит человек. Сколько лет мы провели в темноте и изоляции, не имея возможности формировать осознанные воспоминания?

Никогда не было никакого ярко освещенного класса, философской лекции, косых солнечных лучей, проникающих в окна по западной стене, отбрасывая на полу ровные, четкие параллелограммы.

– Мы сожалеем о том, что так получилось, – говорит Кай. Его голос наконец реальный. Однако механические интонации опровергают смысл слов. – Мы уже давно это повторяем. Те, кто сделал все то, что, как ты утверждаешь, ты помнишь, – не мы. Какое-то время они были необходимы, но теперь они наказаны, устранены, забыты. Пора двигаться дальше.

Я плюю Каю в глаза.

Кай не вытирает мой плевок. Кожа вокруг его глаз сжимается, и оно отворачивается.

– Ты не оставляешь нам выбора. Мы должны сотворить тебя заново.

– …Они говорят тебе, что прошлое осталось позади, умерло, его больше нет. Что они стали новыми и не отвечают за то, кем были прежде. И в этих утверждениях есть доля правды. Совокупляясь с Каем, я заглядываю в его сознание, и там не осталось ничего от того Кая, которое убило моих родителей, того Кая, которое издевалось над детьми, заставляло нас сжигать свои старые фотографии, стирать все следы нашего прежнего существования, которые могли бы помешать тому, что таунинцы

запланировали нам на будущее. Они действительно мастерски умеют забывать, как и утверждают, и это кровавое прошлое действительно кажется им чем-то бесконечно далеким и чуждым. У того Кая, который является моим возлюбленным, на самом деле другой рассудок: невинный, чистый, незапятнанный.

Но они продолжают ходить по костям твоих, моих, наших родителей. Продолжают жить в домах, отнятых у тех, кого убили. Продолжают осквернять правду отрицанием.

Кто-то из нас принял коллективную амнезию как плату за то, чтобы остаться в живых. Но не все. Я – это ты, и ты – это я. Прошлое не умирает – оно вытекает, просачивается, проступает, дожидаясь своего шанса хлынуть потоком. Ты – это твои воспоминания…

Первый поцелуй Кая – склизкий, грубый.

Первое проникновение Кая в меня. Первое вторжение его сознания в мое сознание. Ощущение полной беспомощности, когда со мной делают нечто такое, от чего я никогда не смогу избавиться и после чего я больше никогда не буду чистым.

Запах цветов и специй, запах, который я никогда не смогу забыть, от которого никогда не смогу избавиться, потому что он не просто проникает через мои ноздри – он укоренился глубоко у меня в сознании.

– …Хотя вначале я старался проникнуть в среду ксенофобов, в конечном счете это они проникли в меня. Их подпольные архивы Завоевания, показания очевидцев, общие воспоминания в конце концов пробудили меня от спячки, позволив восстановить свое прошлое.

Узнав правду, я тщательно спланировал свое отмщение. Я понимал, что сохранить все это в тайне от Кая будет непросто. Но я кое-что придумал. Поскольку я состою с Каем в браке, в отличие от других сотрудников БЗТ, я не подвергаюсь регулярным проверкам. Жалуясь на плохое самочувствие и избегая интимной близости с Каем, я мог полностью уклоняться от проверок, по крайней мере какое-то время.

Я создал другую личность, носил маску, поставляя ксенофобам то, что им требовалось для достижения своих целей. Все мы носили маски – на тот случай, если кого-нибудь из заговорщиков схватят, ведь так проверка его сознания не разоблачит остальных.

Маски, которые я ношу, чтобы проникнуть в среду ксенофобов, – это те маски, которые я раздаю своим собратьям-заговорщикам…

– Затем я приготовил в своем сознании неприступную крепость на случай своего неизбежного ареста и последующего

Перерождения. Я в мельчайших подробностях вспоминал гибель своих родителей, снова и снова прокручивая события, до тех пор пока они не запечатлелись навечно у меня в памяти, до тех пор пока я не убедился в том, что Кай, которое наверняка вызовется готовить меня к Перерождению, вздрогнет от ярких, живых образов и, охваченное отвращением при виде крови и насилия, остановится и не станет проникать в мое сознание слишком глубоко. Оно уже давным-давно забыло то, что совершило, и нисколько не хотело, чтобы ему об этом напоминали.

Уверен ли я в том, что мои воспоминания верны во всех деталях? Нет, не уверен. Я восстановил их через неясный фильтр детского разума, и, несомненно, их подправили, окрасили воспоминания всех тех, кто остался в живых. Наши воспоминания перетекают от одного человека к другому, образуя коллективную ненависть. Таунинцы скажут, что эти воспоминания не более реальны, чем те, которые ввели нам они сами, но забыть – гораздо более тяжкий грех, чем помнить слишком хорошо.

Для того чтобы еще больше замести следы, я взял фрагменты ложных воспоминаний, внедренных таунинцами, и создал из них реальные, чтобы Кай, когда препарировало мое сознание, не смогло бы отличить свою собственную ложь от моей.

Эта лживая, чистая, до боли аккуратная гостиная моих родителей воссоздается и превращается в комнату, в которой я встречаюсь с Адамом и Лорен…

Солнечный свет проникает в окна по западной стене и образует на полу четкие параллелограммы…

«Ты не можешь сказать, какие воспоминания реальные, а какие ложные, однако настаиваешь на том, что они важны, и строишь на них свою жизнь».

– И вот сейчас, когда я уверен, что план приведен в действие, но не знаю достаточно подробностей, чтобы сорвать его, если меня подвергнут проверке, я собираюсь убить Кая. У меня крайне мало шансов на успех, да и Кай, вне всякого сомнения, захочет Переродить меня, чтобы стереть этого меня – не всего, но достаточно, чтобы продолжалась наша совместная жизнь. Моя жизнь защитит моих товарищей, поможет им одержать победу.

Однако что хорошего в возмездии, если я этого не увижу, если ты, Перерожденный я, не сможешь ничего вспомнить, не познаешь удовлетворение от успеха? Вот почему я спрятал улики, оставил следы, подобные дорожке из хлебных крошек, – чтобы ты шел по ней до тех пор, пока не вспомнишь и не поймешь, что ты сделал.

Адам Вудс, который, в конце концов, не так уж и отличался от меня… Его воспоминания послужили толчком, чтобы

пробудить мои собственные…

Я покупаю вещи, чтобы когда-нибудь они во мне другом пробудили воспоминания о пожаре…

Маска, чтобы другие помнили меня…

Уокер Линкольн.

* * *

Когда я возвращаюсь к участку, Клэр ждет меня на улице. В тени позади нее стоят двое. А еще дальше громоздится неясная фигура Кая.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь. У меня за спиной по улице идут еще двое, перекрывая путь к отступлению.

– Все плохо, Джош, – говорит Клэр. – Тебе следовало бы прислушаться ко мне насчет воспоминаний. Кай сказало нам, что у него возникли подозрения.

В темноте я не могу разглядеть глаза Кая. Я направляю свой взор на расплывчатую тень, возвышающуюся у Клэр за спиной.

– Кай, ты не хочешь сказать это само?

Тень замирает, затем в полумраке трещит механический голос, так сильно отличающийся от того голоса, ласкавшего мое сознание, к которому я так привык.

– Мне нечего тебе сказать. Моего Джоша, моего возлюбленного, больше не существует. Его забрали призраки, он уже утонул в памяти.

– Я по-прежнему здесь, но только теперь я цельный.

– Это твое упорное заблуждение, которое нам, похоже, так и не удалось исправить. Я не то Кай, которого ты ненавидишь, и ты не тот Джош, которого я люблю. Мы не являемся суммой нашего прошлого. – Какое-то время оно молчит. – Надеюсь, скоро я увижу моего Джоша.

Кай удаляется в участок, оставляя меня на суд и на казнь.

Полностью сознавая тщетность этого, я все равно пытаюсь поговорить с Клэр.

– Клэр, ты же понимаешь, что я должен помнить!

Лицо у нее грустное и усталое.

– Ты полагаешь, что ты единственный, кто потерял своих близких? Мне вживили порт всего пять лет назад. Когда-то у меня был муж. Похожий на тебя. Не мог смириться. Из-за него мне вживили порт, и я прошла Перерождение. Но, поскольку я сознательно предприняла усилия забыть, оставить прошлое в покое, мне позволили сохранить кое-какие воспоминания о бывшем муже. Ты же, напротив, упорно настаиваешь на том,

чтобы продолжать борьбу. Тебе известно, сколько раз ты уже Перерождался? Только потому, что Кай тебя любит, любило тебя, хотело спасти большинство твоих частей, каждый раз от тебя отрезали лишь самую малость.

Я не знаю, почему Кай так истово старалось спасти меня от меня самого, очистить от призраков. Возможно, у него в сознании сохранились слабые отголоски прошлого, о которых оно даже не подозревает, и эти отголоски влекут его ко мне, побуждают стремиться заставить меня поверить в ложь, чтобы оно само также в нее поверило. Простить – значит забыть.

– Но и его терпение кончилось. После этого раза ты больше ничего не будешь помнить о своей жизни, и потому своим преступлением ты обрек на смерть бóльшую часть себя, больше тех, кто, как ты утверждаешь, тебе дорог. Что хорошего в возмездии, которое ты ищешь, если никто и никогда о нем не вспомнит? Прошлое осталось позади, Джош. У ксенофобов нет будущего. Таунинцы пришли сюда, чтобы остаться навсегда.

Я киваю. Клэр говорит правду. Но из того, что это правда, еще не следует, что нужно прекратить бороться.

Я снова представляю себя на борту «Судного корабля». Представляю, как Кай радушно приветствует мое возвращение домой. Представляю наш первый поцелуй, невинный, чистый, – новое начало. Воспоминания об аромате цветов и специй.

Какая-то часть меня любит Кая, она видела его душу и жаждет его прикосновения. Другая часть меня хочет двигаться дальше, она верит в то, что предлагают таунинцы. И я-*необъединенный*, призрачный, переполнен жалостью к ним.

Я разворачиваюсь и бегу. Те двое, что стоят передо мной, терпеливо ждут. Бежать мне некуда.

Я нажимаю кнопку. Лорен дала мне это устройство при расставании.

Я мысленно представляю себе, как моя спина разрывается на миллион маленьких кусочков, за мгновение до того, как это происходит. Представляю, как все мои части, все атомы силятся хотя бы секунду сохранить свое взаимное расположение, создавая связную иллюзию.

Мысли и молитвы

ЭМИЛИ ФОРТ

Итак, вы хотите узнать про Хейли.

Нет, я уже привыкла к этому; по крайней мере, должна была бы привыкнуть. Все хотят услышать про мою сестру.

Это была унылая, дождливая пятница в конце октября, в воздухе висел запах опавшей листвы. Листья ниссы, обрамляющие поле для хоккея на траве, стали ярко-красными, превратившись в окровавленные следы, оставленные великаном.

Я готовилась к контрольной по французскому и собиралась закупить на неделю вегетарианских продуктов для нашей семьи из четырех человек. Около полудня пришло сообщение от Хейли из Калифорнии.

«Прогуляла уроки. Мы с Кью прямо сейчас едем на фестиваль!!!»

Я оставила его без внимания. Сестра получала наслаждение, подначивая меня рассказами о вольной жизни в колледже. Я завидовала, но скрывала это, чтобы не доставлять ей удовольствия.

Ближе к вечеру мне прислала сообщение мама.

«У тебя есть новости от Хейли?»

«Нет».

Сестринский кодекс молчания был священным. Хейли могла не опасаться, что я раскрою тайну о ее ухажере.

«Если будут, сразу же позвони мне».

Я убрала телефон. Мама у нас просто ракета.

Однако, когда я вернулась домой с хоккея, стало ясно – что-то стряслось. Перед крыльцом стояла мамина машина, а мама никогда не уходит с работы так рано.

В гостиной работал телевизор.

Лицо у мамы было пепельно-серым.

– Звонил куратор Хейли, – сдавленным голосом произнесла она. – Хейли сбежала с уроков и отправилась на какой-то музыкальный фестиваль. Там была стрельба.

Вечер прошел как в тумане: рос список погибших, ведущие новостных каналов выразительным тоном зачитывали заявления, выложенные стрелком в социальных сетях, снятые с квадрокоптера дрожащие кадры показывали объятых паникой людей, разбегающихся в разные стороны.

Надев очки, я бегло просмотрела виртуальное восстановление хода событий, в спешке подготовленное телекомпаниями. Кадры уже кишели аватарами со свечами,

ведущими скорбное бдение. Подсвеченные контуры на земле показывали, где были обнаружены жертвы, а светящиеся дуги с быстро меняющимися цифрами изображали траектории пуль. Такое обилие информации – и так мало конкретных сведений.

Мы пытались звонить и отправляли сообщения. Ответа не было. «Должно быть, сел аккумулятор», – уверяли мы себя. Хейли вечно забывает заряжать телефон. Сеть наверняка перегружена звонками.

Нам позвонили в четыре утра. Никто в доме не спал.

– Да, это… Вы уверены? – Мамин голос оставался неестественно спокойным, словно ее жизнь… словно наши жизни не изменились навсегда. – Нет, мы прилетим сами. Спасибо.

Закончив разговор, мама повернулась к нам и сообщила страшную новость. После чего рухнула на диван и закрыла лицо руками.

Услышав странный звук, я оглянулась и впервые в жизни увидела, как плачет папа.

«Я упустила последний шанс сказать сестре, как люблю ее. Надо было ей ответить».

ГРЕГГ ФОРТ

Я не могу показать вам фотографии Хейли: у меня их просто нет. Не важно – у вас и так уже достаточно фотографий моей дочери.

В отличие от Эбигейл, я редко фотографировал и снимал видео, не говоря уж про голограммы с квадрокоптеров и погружения в виртуальную реальность. У меня нет чутья готовиться к непредвиденному, нет дисциплины документировать важные моменты в жизни, нет умения правильно строить кадр. Однако все эти причины – не главные.

Мой отец, фотограф-любитель, гордился тем, что сам проявлял пленку и печатал снимки. Если бы вы пролистали пыльные альбомы, хранящиеся на чердаке, вы бы увидели множество постановочных фотографий, на которых я и мои сестры натянуто улыбаемся в объектив. Присмотритесь к снимкам моей сестры Сары. Обратите внимание, как она все время чуть отворачивается от фотоаппарата – так, что ее правая щека не видна.

Когда Саре было пять лет, она взобралась на табурет и опрокинула на себя кастрюлю с кипящей водой. Отец должен был следить за ней, но он отвлекся, споря по телефону с коллегой. Когда все закончилось, у Сары остался след из ожогов от правой щеки до бедра, похожий на реку застывшей лавы.

Вы не найдете в этих альбомах записей о шумных скандалах с

криками между моими родителями, неуклюжего молчания, наступавшего за столом всякий раз, когда мать натыкалась на слово «красивая», того, как отец избегал смотреть Саре в глаза.

На тех немногих фотографиях, где лицо Сары видно полностью, ожогов нет – они тщательно заретушированы. Отец просто делал это, а остальные пристыженно молчали.

Хоть я терпеть не могу фотографии и прочие семейные реликвии, от них никуда не деться. Их показывают сослуживцы и родственники, и тебе не остается ничего другого, кроме как разглядывать их и кивать. Я вижу, какие усилия предпринимают изготовители устройств для запечатления воспоминаний, для того чтобы результат их работы был лучше жизни. Краски более сочные, из теней проступают детали, фильтры помогают создать любое желаемое настроение. Тебе ничего не нужно делать: телефон выбирает кадр так, что можно вообразить путешествие во времени; мгновение выбирается идеальное – когда все улыбаются. Кожа разглаживается, поры и прочие мелкие дефекты стираются. То, на что у моего отца уходил целый день, сейчас делается в одно мгновение, и гораздо лучше.

Неужели те, кто делает такие фотографии, считает их действительностью? Или цифровые изображения заняли место действительности у них в памяти? Вспоминая запечатленный момент, они восстанавливают то, что видели, или то, что состряпал для них фотоаппарат?

ЭБИГЕЙЛ ФОРТ

Во время перелета в Калифорнию, пока Грегг дремал, а Эмили смотрела в иллюминатор, я надела очки и погрузилась в альбомы с фотографиями Хейли. Я никак не думала, что займусь этим до того, как стану дряхлой развалиной, не способной запоминать новые впечатления. Ярость должна была прийти позже. Горе не оставило места для других чувств.

Фотоаппаратом, телефоном, квадрокоптером с видеокамерой всегда заведовала я. Я составляла ежегодные альбомы, монтировала видео с лучшими моментами отпуска, делала анимационные рождественские карточки, суммирующие достижения семьи за прошедший год.

Грегг и девочки ублажали мою прихоть, порой неохотно. Я никогда не сомневалась в том, что рано или поздно они примут мою точку зрения.

– Фотографии очень важны, – не переставала повторять я. – Человеческий мозг полон изъянов, со временем он становится похож на решето. Без фотографий многое из того, что мы хотим помнить, было бы забыто.

Пролетая через всю страну, я всхлипывала, переживая заново жизнь своего старшего ребенка.

ГРЕГГ ФОРТ

В чем-то Эбигейл была права.

Часто, очень часто я жалел о том, что у меня нет образов, которые помогли бы мне вспомнить. Я не могу представить точные черты лица Хейли в шесть месяцев, не могу восстановить ее костюм на День всех святых, когда ей было пять лет. Я даже не помню, какого точно оттенка синего цвета было платье, в котором она ходила на школьный выпускной вечер.

И, если учесть то, что произошло позже, ее фотографии для меня недоступны.

Я утешаю себя вот какой мыслью: как фотография или видео может запечатлеть родственную близость, непередаваемую субъективную перспективу и настроение моих глаз, эмоциональное содержание каждого мгновения, когда я *чувствовал* невозможную красоту души своего ребенка? Я не хочу, чтобы цифровые изображения, эрзац-отражения электронного взгляда, многократно отфильтрованные искусственным интеллектом, портили то, что я помню о нашей дочери.

Когда я думаю о Хейли, мне на ум приходит цепочка разрозненных воспоминаний.

Малышка, впервые обхватившая своими пальчиками мой большой палец; крохотная девочка, ползущая на четвереньках по полу, раздвигая, подобно ледоколу, кубики с буквами алфавита; четырехлетняя девчушка, протягивающая мне пакет с одноразовыми носовыми платками, – я дрожу от озноба, а она кладет свою холодную ладошку на мой горячий лоб.

Восьмилетняя Хейли дергает за веревочку, запуская сделанную из бутылки с газировкой ракету. Пенистая вода обливает нас с ног до головы, а она со смехом кричит: «Я стану первой балериной, которая станцует на Марсе!»

Девятилетняя Хейли заявляет мне, что больше не хочет, чтобы я читал ей перед сном. Мое сердце стискивает боль неминуемого взросления ребенка, а она смягчает свой удар, добавляя: «Может быть, когда-нибудь я тебе почитаю».

Десятилетняя Хейли упорно стоит на своем, поддержанная сестрой, и строго отчитывает нас с Эбигейл: «Я не верну вам ваши телефоны до тех пор, пока вы не дадите письменное обязательство впредь не пользоваться ими во время обеда!»

Пятнадцатилетняя Хейли резко жмет на тормоза, вызывая самый громкий визг покрышек, какой я когда-либо слышал;

я сижу рядом, до боли стиснув побелевшие кулаки. «Пап, у тебя такой вид, как у меня на том аттракционе». Голос тщательно модулированный, небрежный. Она выставила передо мной руку, словно могла меня защитить, точно так же, как делал я с ней сотни раз.

И так далее, и так далее – выжимки из шести тысяч восьмисот семидесяти четырех дней, которые мы прожили вместе, подобно сломанным светящимся ракушкам, оставшимся на берегу, после того как схлынула волна повседневной жизни.

Когда мы прилетели в Калифорнию, Эбигейл попросила меня взглянуть на тело – я не смог.

Наверное, кто-то может сказать, что нет никакой разницы между тем, как мой отец пытался стереть шрамы своих ошибок в фотолаборатории, и моим отказом взглянуть на тело ребенка, которого я не смог защитить. У меня в голове крутились тысячи «я мог бы»… Я мог бы настоять на том, чтобы Хейли поступила в колледж рядом с домом; я мог бы отправить ее на курсы выживания в чрезвычайной ситуации; я мог бы настоять на том, чтобы она постоянно носила бронежилет. Выросло целое поколение тех, кто знает, как себя вести в том случае, если убийца-одиночка откроет стрельбу, так почему же я не сделал больше? Наверное, я никогда не понимал своего отца, не сочувствовал его ущербному, трусливому сердцу, пропитанному насквозь чувством вины, – до гибели Хейли.

Но в конечном счете я не захотел смотреть на ее тело, потому что стремился сохранить единственное, что осталось от нее: свои воспоминания.

Если бы я увидел ее тело, зазубренный кратер выходного пулевого отверстия, застывшие лавовые потоки спекшейся крови, обугленные края разорванной одежды, этот образ неминуемо затмил бы все то, что было прежде, одним мощным взрывом сжег бы дотла воспоминания о моей дочери, моем ребенке, оставив после себя только ненависть и отчаяние. Нет, безжизненное тело не имело ничего общего с Хейли, с ребенком, которого я хотел помнить. Я не мог допустить, чтобы одно мгновение стерло все существование Хейли, как не мог допустить, чтобы какие-то транзисторы и микросхемы управляли моей памятью.

Поэтому Эбигейл подошла одна, подняла простыню и долго смотрела на изуродованное, безжизненное тело Хейли. И еще она сделала фотографии. «Это я тоже хочу запомнить, – пробормотала она. – Нельзя отворачиваться от своего ребенка в минуты его страданий, после того как ты не смог ему помочь».

ЭБИГЕЙЛ ФОРТ

Они подошли ко мне, когда мы еще были в Калифорнии.

Я онемела от боли. У меня в мыслях крутились вопросы, заданные тысячами уст. Почему этому человеку позволили собрать такой арсенал? Почему никто не остановил его, несмотря на все тревожные признаки? Что я могла сделать – должна была сделать – по-другому, чтобы спасти своего ребенка?

– Кое-что сделать вы можете, – сказали они мне. – Давайте будем работать вместе над тем, чтобы увековечить память Хейли и добиться реальных перемен.

Многие называли меня наивной или еще хуже. На что я надеялась? После того как я десятилетиями видела, как подобный сценарий завершается только мыслями и молитвами, с какой стати я вдруг решила, что сейчас все будет иначе? Воистину, это было самое настоящее безумие.

Возможно, кого-то цинизм делает неуязвимым и сильным. Но далеко не все такие. Во мраке горя человек готов ухватиться за самый слабый лучик надежды.

– Политика изжила свое, – говорили мне. – Кажется, чаша терпения переполнена: после смерти маленьких детей, после смерти молодоженов, после смерти матерей, пытавшихся защитить своих младенцев, – власти должны были бы что-то сделать. Однако этого так и не происходит. Логика и сила убеждения перестали быть действенными, поэтому мы должны разбудить чувства. Давайте сосредоточимся на истории Хейли, вместо того чтобы позволить средствам массовой информации направлять низменное любопытство широкой публики на личность убийцы.

Я робко пыталась возразить, что такое уже делали. Едва ли можно считать прием «поставить в центр жертву» нестандартным политическим ходом. Вы хотите сделать так, чтобы моя дочь перестала быть просто цифрой, статистикой, еще одной безликой фамилией в списке погибших. Вы полагаете, что, когда люди столкнутся с реальными, из плоти и крови, последствиями своей бездеятельности и нерешительности, что-то изменится. Однако в прошлом это не работало, и сейчас тоже не будет работать.

– Это не так, – настаивали они. – Мы предлагаем принципиально новый алгоритм.

Они попытались объяснить мне свой замысел, но я ничего не поняла в деталях машинного обучения, сверхточных нейронных сетях и моделях обратной связи в биологических объектах. Первоначально этот алгоритм возник в индустрии развлечений, где он сначала использовался для оценки фильмов и прогноза их кассовых сборов, а впоследствии стал применяться и в процессе их создания. Похожие методы используются в приложениях,

которые занимаются всем, от дизайна продукции до составления речей политиков, – во всех областях, где большое место занимает эмоциональная составляющая. Чувства – это биологическое явление, а не какие-то таинственные излучения, поэтому возможно исследование тенденций и образцов с целью определения стимулов, обладающих наибольшим воздействием. Алгоритм должен был создать визуальное повествование о жизни Хейли и превратить ее в таран, призванный разбить вдребезги затвердевшую оболочку цинизма, побудить зрителя к действию, устыдить его за благодушие и иждивенчество.

Я сказала, что эта идея кажется мне абсурдной. Ну как электроника может узнать мою дочь лучше меня? Как машина сможет расшевелить сердца, когда это не по силам реальным людям?

– Разве вы, – спросили они у меня, – не доверяете искусственному интеллекту фотоаппарата создать лучший снимок, когда делаете фотографию? Разве не предоставляете искусственному интеллекту выбрать самые интересные кадры и улучшить их с помощью нужных фильтров, создающих настроение, когда разбираетесь в том, что заснял беспилотник? То, что предлагаем мы, в миллион раз сильнее.

Я передала им семейные архивы: фото, видео, сканы, съемку с беспилотников, звукозаписи, иммерсиограммы. Я доверила им своего ребенка.

Я не кинокритик и не знакома с терминами для технических приемов, которые они использовали. Результат, рассказанный членами нашей семьи, предназначавшийся только друг для друга, а не для широкой аудитории посторонних людей, получился непохожим на все те фильмы и иммерсии в виртуальную реальность, которые я когда-либо видела. Сюжета нет, если не считать показ одной-единственной жизни; нет программы, если не обращать внимания на чистое любопытство, сострадание, стремление ребенка обнять вселенную, стать кем-то. Жизнь была замечательной, она любила и заслуживала быть любимой – до того мгновения, когда ее жизнь резко и жестоко оборвали.

«Хейли заслуживает, чтобы ее помнили именно так, – заливаясь слезами, подумала я. – Такой вижу ее я, и такой ее должны видеть все».

Я дала им свое благословение.

САРА ФОРТ

В детстве мы с Греггом не были особо близки. Для родителей было важно, чтобы наша семья внешне выглядела успешной, независимо от того, что было на самом деле. Как следствие, Грегг

проникся недоверием ко всем формам внешнего представления, в то время как я стала просто одержима ими.

Если не считать поздравлений с праздниками, мы с ним, став взрослыми, практически не общались и уж точно не откровенничали друг с другом. Я знала своих племянниц исключительно по тому, что выкладывала в социальные сети Эбигейл.

Полагаю, этим я пытаюсь оправдать себя за то, что не вмешалась раньше.

Когда Хейли погибла в Калифорнии, я послала Греггу контакты психологов, специализирующихся на работе с жертвами террористических актов, однако сама сознательно осталась в стороне, считая, что мое вмешательство в эту годину скорби было бы неуместным, учитывая, что я показала себя плохой теткой и плохой сестрой. Поэтому меня не было там, когда Эбигейл согласилась посвятить память Хейли делу борьбы за контроль над оружием.

Хотя на страничке моей компании указано, что я занимаюсь изучением общения в интернете, основной объем анализируемых мною данных – это видео. Я разрабатываю защиту от тех, кто троллит в сетях.

ЭМИЛИ ФОРТ

Я много раз смотрела то видео про Хейли.

Избежать этого было невозможно. Есть иммерсионный вариант, в котором можно зайти в комнату Хейли и прочитать записи, сделанные ее аккуратным почерком, посмотреть висящие на стенах плакаты. Есть низкокачественный вариант, предназначенный для ограниченных объемов данных, где размытая зернистая картинка изображает жизнь Хейли в старомодном, мечтательном ключе. Все пересылали друг другу это видео, подтверждая этим, что они хорошие, что они сочувствуют жертвам. Выделить, скопировать, добавить картинку с горящей свечой, отправить.

Воздействие было сильным. Я плакала много раз. Перед моими очками бесконечными поминками мелькали комментарии с выражением сочувствия и солидарности. Родственники жертв других терактов, окрыленные возрожденной надеждой, заявляли о своей поддержке.

Однако Хейли из того видео казалась мне совершенно незнакомым человеком. Вроде бы все детали были правдой, но выглядели они ложью.

Учителя и одноклассники любили Хейли, но была в классе одна девочка, которая при появлении моей сестры съеживалась.

Однажды Хейли вернулась домой пьяная в стельку; в другой раз она стащила у меня деньги и врала, будто она ни при чем, до тех пор пока я не нашла их у нее в сумочке. Хейли умела манипулировать людьми и не стеснялась делать это. Она была преданной, мужественной и доброй, но могла также быть безалаберной, мелочной и жестокой. Я любила Хейли, потому что она была живым человеком, но девушка из фильма была чем-то бóльшим – и в то же время чем-то меньшим.

Я держала свои эмоции при себе. Из чувства вины.

Мама неудержимо двигалась вперед, в то время как мы с папой держались сзади, оглушенные. Какое-то недолгое время казалось, будто ситуация в корне изменилась. Перед Капитолием и Белым домом собирались многолюдные митинги. Выступали ораторы, толпа скандировала имя Хейли. Маму пригласили на популярное ток-шоу. После того как средства массовой информации сообщили о том, что мама ушла с работы ради того, чтобы посвятить себя кампании, анонимный фонд начал сбор денег для нашей семьи.

А затем начался троллинг.

Поток писем на электронную почту, сообщения, грязная ругань в соцсети. Нас с мамой называли продажными шлюхами, наемными актрисами, наживающимися на горе. Незнакомые люди присылали нам длиннющие тексты, разъясняя все те моменты, где папа был неправ и вел себя не по-мужски.

Хейли жива-здорова, заверяли нас. На самом деле она живет на китайском острове Санья на те миллионы, которые ей заплатили ООН и ее приспешники в американском правительстве за то, чтобы она притворилась, будто ее убили. Ее приятель (который также «естественно, не погиб» при стрельбе), на самом деле по национальности китаец, и это можно расценивать как доказательство связи.

Видео с Хейли разбирали по кадрам с целью найти следы монтажа и цифрового редактирования. Цитировались анонимные одноклассники, называвшие ее хронической лгуньей, обманщицей, любительницей театральных эффектов.

По Сети начали распространяться короткие вырезки из видео, перемежающиеся «разоблачительными» вставками. Кто-то с помощью специальных программ состряпал видеоклипы, в которых Хейли проповедовала ненависть и цитировала Гитлера и Сталина, хихикая и маша рукой перед камерой.

Я удалила все свои аккаунты и не выходила из дома, не находя в себе сил встать с кровати. Родители меня не трогали – им самим приходилось вести тяжелые сражения.

САРА ФОРТ

За десятилетия цифровой эры искусство троллинга, эволюционируя, заполнило все ниши, раздвинув границы как технологий, так и приличий.

Со стороны я наблюдала за тем, как тролли роятся вокруг семьи моего брата, разобщенные, но объединенные бесцельной злобой, низменным злорадством.

Теории заговоров переплетались с откровенной фальшивкой, выдавая мемы, в которых сострадание выворачивалось наизнанку, глубокая боль превращалась в хохмочки.

«Мамочка, на пляжах в аду так жарко!»

«Мне нравятся эти новые дырки в моем теле!»

Поисковые системы в ответ на запрос имени Хейли начали выдавать ссылки на порносайты. Программы изучения предпочтений в интернете, управляемые искусственным интеллектом, откликнулись автоматически сгенерированными фильмами и иммерсиями в виртуальную реальность с участием моей племянницы. Алгоритмы брали имеющиеся в открытом доступе кадры с Хейли и гладко вплетали ее лицо, тело и голос в оголтелую порнуху.

Новостные средства массовой информации откликались на происходящее гневно (возможно, даже искренне). Эти публикации порождали новые поиски, что, в свою очередь, приводило к генерации нового контента.

Мой долг как исследователя – оставаться непредвзятой, изучать явление с клинической отрешенностью. Упрощенный подход заключается в том, чтобы считать троллей политически мотивированными – только не в том смысле, в каком этот термин используется обычно. Хотя ярые сторонники Второй поправки[19] и способствовали распространению мемов, у самих авторов редко имелись вообще какие-либо политические взгляды. Пристанищем этих навозных жуков интернета являются всевозможные анархистские сайты, возникшие на волне войн по борьбе с инакомыслием прошедшего десятилетия. Получая наслаждение от нарушения запретов и беззакония, тролли не имеют общих интересов помимо того, чтобы говорить то, что нельзя говорить, издеваться над искренностью, играть с тем, что остальные считают запретным. Погрязнув в эпатажном и низком, они оскверняют и в то же время определяют установленные средствами массовой информации социальные связи общества.

Однако как человек я не могла спокойно смотреть на то, что делали с образом Хейли. Я связалась со своим братом.

– Давай я вам помогу.

Машинное обучение дало нам возможность предсказывать с

достаточно большой точностью, кто станет жертвой нападок, ведь на самом деле тролли далеко не такие непредсказуемые, какими пытаются себя представить. Моя компания и другие крупные социальные медиаплатформы остро сознают, что им нужно аккуратно идти по узкой тропинке между регулированием пользовательского контента и холодной отрешенностью: именно этот показатель в наибольшей степени влияет на рыночную стоимость акций и тем самым является определяющим при принятии решений. Агрессивное вмешательство, особенно когда оно опирается на суждения, принимаемые человеком, подвергается критике со всех сторон, и всем компаниям приходится сталкиваться с обвинениями в цензуре. В конечном счете все подняли руки и отложили в сторону мудреные руководства по регулированию контента. У них нет ни умения, ни желания становиться арбитрами истины и порядочности для общества в целом. Как можно требовать от них решить проблему, с которой не могут справиться даже органы демократии?

Постепенно большинство компаний пришли к одному и тому же решению. Вместо того чтобы сосредоточиваться на оценке поведения ораторов, они потратили значительные силы на то, чтобы дать слушателям возможность самим ограждать себя. Алгоритмическое отделение законной (хотя и страстной) политической речи от целенаправленной травли *любого* человека является практически неразрешимой проблемой: контент, который одни провозглашают высказыванием правды властям предержащим, другие осуждают как выходящий за рамки. Значительно проще построить для блокировки контента, который не хочет видеть *конкретный* пользователь, индивидуально настроенную нейросеть и обучить этому ее.

Новые защитные нейросети, представляемые на рынке как «доспехи», отслеживают эмоциональную реакцию каждого пользователя на полученный контент. Способные действовать в областях текстовой, аудио– и видеоинформации, а также искусственной и виртуальной реальности, «доспехи» самообучаются распознавать контент, вызывающий у пользователя сильную негативную реакцию, и отсеивать его, оставляя лишь нейтральный фон. По мере широкого распространения смешанной реальности и иммерсии лучшим способом использования «доспехов» становится ношение очков дополненной реальности, фильтрующих все источники зрительного восприятия. Троллинг, подобно вирусам и «червям» в прошлом, является проблемой технической – и вот теперь мы можем предложить техническое решение.

Для того чтобы получить самую надежную защиту,

максимально учитывающую особенности конкретного пользователя, необходимо платить деньги. Социальные сети, которые также настраивают свои «доспехи», утверждают, что это позволяет им уйти от контроля за контентом, снимает с повестки дня необходимость решать, что неприемлемо на площадях виртуальных городов, освобождает всех от колпака цензуры в духе Большого Брата. И то, что идеалы этого заявления в поддержку свободы слова совпадают со стремлением извлекать максимальную прибыль, является чем-то само собой разумеющимся.

Я отправила брату и его семье лучшие, самые совершенные «доспехи», какие только можно купить.

ЭБИГЕЙЛ ФОРТ

Представьте себя на моем месте. Тело вашей дочери с помощью цифровых технологий встроено в откровенную порнографию, ее голос произносит слова ненависти, ее облик искажен немыслимой жестокостью. И все это произошло по вашей вине, вследствие того что вы не отдавали себе отчета в том, каким порочным может быть человеческое сердце. Могли бы вы остановиться? Могли бы остаться в стороне?

«Доспехи» сдерживали самое ужасное, а я продолжала выкладывать посты, поднимая свой голос против неудержимого потока лжи.

Предположение о том, что Хейли якобы не умерла, что она актриса, участвовавшая в правительственном заговоре, направленном на запрещение оружия, казалось настолько нелепым, что вроде бы даже не заслуживало ответа. Однако после того как мои «доспехи» начали фильтровать новостные сайты, оставляя на страницах пустые места, я поняла, что ложь спровоцировала серьезный конфликт. Уважаемые журналисты стали требовать от меня отчеты о том, как я потратила собранные для нас деньги, – и это при том, что мы не получили ни цента! Весь мир сошел с ума.

Я выложила фотографии тела Хейли, полагая, что в этом мире осталась хоть толика порядочности. Определенно, никто не станет оспаривать такие наглядные доказательства?

Стало только хуже.

Для безликой оравы интернета это превратилось в игру: посмотреть, кому удастся преодолеть мои «доспехи», кто сможет вонзить мне в глаз отравленное видео, которое заставит меня вздрогнуть и отшатнуться.

Тролли присылали мне сообщения якобы от других родителей, потерявших своих детей при терактах, а когда я

заносила их в «белый» список, выплескивали на меня мерзкие видео. Они присылали мне ролики, посвященные памяти Хейли, которые, после того как их пропускали «доспехи», трансформировались в отвратительное порно. Они собирали деньги и нанимали курьеров и квадрокоптеры службы доставки, чтобы расставлять рядом с нашим домом доверительные маркеры, окружая меня порожденными дополненной реальностью призраками Хейли, корчащимися, хихикающими, стонущими, кричащими, ругающимися, издевающимися.

Хуже всего то, что они оживили изображения окровавленного тела Хейли под аккомпанемент бойкой музыки. Ее смерть стала смешным трендом, подобно «Песенке Хомяка»[20] моей молодости.

ГРЕГГ ФОРТ

Порой я гадаю, правильно ли мы понимаем, что такое свобода. Мы ценим «свободу что-то делать» гораздо больше «свободы от чего-то». Люди должны иметь свободу владеть оружием, поэтому единственное решение в том, чтобы учить детей прятаться в шкафах и носить в ранцах пуленепробиваемые пластины. Люди должны иметь свободу говорить и выкладывать в интернет все, что им вздумается, поэтому единственное решение в том, чтобы посоветовать их жертвам надевать «доспехи».

Эбигейл просто решила делать так, а мы с Эмили просто последовали за ней. Слишком поздно я стал упрашивать, умолять ее остановиться, отступиться. Мы могли бы продать наш дом и перебраться куда-нибудь подальше от соблазна схлестнуться в схватке с остальным человечеством, подальше от океана ненависти, в котором тонули.

Однако предложенные Сарой «доспехи» вселили в Эбигейл ложное ощущение безопасности, подтолкнули ее удвоить свои усилия в борьбе с троллями. «Я должна сражаться за свою дочь! – кричала она мне. – Я не могу допустить, чтобы ее память осквернялиˆ!»

По мере того как тролли усиливали свой натиск, Сара присылала все новые и новые заплаты для «доспехов». Она добавляла такие слои, как «дополнительные средства борьбы», «самомодифицирующие распознаватели кодов» и «автовосстановители изображений».

Снова и снова «доспехи» держались какое-то недолгое время, после чего тролли находили способы их преодолеть. Свободный доступ к искусственному интеллекту означал, что им были известны все технологии, которыми пользовалась Сара, и у них имелись машины, которые также могли обучаться и

настраиваться.

Эбигейл не желала меня слышать. Она оставалась глуха к моим мольбам; быть может, ее «доспехи» научились видеть во мне лишь еще один злобный голос, который нужно было заглушить.

ЭМИЛИ ФОРТ

Однажды мама в панике прибежала ко мне.

– Я не знаю, где она! Я ее не вижу!

Она не разговаривала со мной несколько дней, одержимая проектом, в который превратилась Хейли. Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что она имела в виду. Я села вместе с ней за компьютер.

Мама ввела адрес мемориального видео Хейли, которое просматривала по несколько раз в день, чтобы набраться сил.

– Его там нет! – воскликнула она.

Мама открыла в облаке наш семейный архив.

– Где фотографии Хейли? – спросила она. – Вместо них одни крестики!

Мама показала мне свой телефон, свой планшет, внешний накопитель с резервными копиями.

– Нигде ничего нет! Ничего! Нас взломали хакеры? – Ее руки беспомощно трепетали перед грудью, словно крылья пойманной птицы. – Она просто исчезла!

Не говоря ни слова, я подошла к шкафу и достала альбом со старыми фотографиями. Раскрыв его, я нашла семейный снимок, на котором Хейли было десять лет, а мне – восемь.

Я показала его маме.

Еще один сдавленный крик. Дрожащие мамины пальцы стучали по лицу Хейли на фотографии, ища то, чего там не было.

Я поняла. Мое сердце наполнилось болью, жалостью, поглотившей любовь. Я мягко сняла с маминого лица очки.

Она уставилась на фотографию.

– Ты ее нашла! – всхлипнув, стиснула меня в объятиях мама. – О, ты ее нашла!

Мне показалось, будто меня обнял чужой человек. Или это я сама стала для мамы чужой.

Тетя Сара объяснила, что тролли проводили свои атаки очень тщательно. Шаг за шагом они обучили «доспехи» моей матери воспринимать «Хейли» как источник горя.

Однако у нас дома произошло и другое обучение. Родители теперь обращали на меня внимание только тогда, когда я делала что-то, связанное с Хейли. Казалось, они больше не видели меня, будто стерта была именно я, а не сестра.

Моя скорбь стала черной, гнойной. Ну как я могла соперничать с призраком? С идеальной дочерью, которая была потеряна даже не один раз, а дважды? С жертвой, требующей постоянного покаяния? Мне было жутко от подобных мыслей, однако остановиться я не могла.

Мы тонули под чувством своей вины, каждый поодиночке.

ГРЕГГ ФОРТ

Я винил во всем Эбигейл. Мне стыдно это признать, но было именно так.

Мы кричали друг на друга и били посуду, воспроизводя полузабытые ссоры между моими родителями, когда я был маленьким. Терзаемые чудовищами, мы сами превращались в чудовищ.

Убийца отнял у Хейли жизнь, а Эбигейл принесла ее образ в жертву бездонному аппетиту интернета. Из-за Эбигейл мои воспоминания о Хейли навсегда будут пропущены через ужасы, последовавшие за ее гибелью. Она привела в действие машину, которую собрали отдельные человеческие существа в один огромный коллективный искаженный взгляд, машину, которая перехватила память о моей дочери и перемолола ее в непрестанный кошмар.

Сломанные ракушки на берегу блестели ядом бушующей пучины.

Конечно, это несправедливо, но все именно так.

«БЕССЕРДЕЧНЫЙ», САМОЗВАНЫЙ ТРОЛЛЬ

Я никак не могу доказать, что я тот, кем себя называю, или хотя бы что делаю то, о чем говорю. Не существует реестра троллей, по которому можно было бы проверить мою личность, нет статьи в «Википедии» со ссылкой на проверенные источники.

Вы можете быть уверены хотя бы в том, что я не троллю вас прямо сейчас?

Я не стану раскрывать вам свой пол, расу или то, с кем я предпочитаю спать, поскольку эти детали не имеют отношения к тому, что я сделал[21]. Может быть, у меня десяток пистолетов. Может быть, я рьяный борец за контроль над оружием.

Я взялся за Фортов, потому что они это заслужили.

У РИП-троллинга[22] долгая и славная история, и нашей целью всегда была фальшь. Горе должно быть личным, сокровенным, скрытым. Разве вы не видите, как это ужасно, когда мать превращает свою погибшую дочь в символ, использует ее как политический инструмент? Жизнь у всех на виду – лживая жизнь. И каждый, кто встает на эту стезю, должен быть готов к

последствиям.

Все те, кто посещал в интернете мемориал памяти этой девушки, кто присутствовал на виртуальных бдениях при свечах, приносил свои соболезнования, заявлял о том, что эта трагедия подтолкнула его к действиям, также виновны в лицемерии. Вы не задумывались об изобилии оружия, способного за одну минуту убить сотни человек, до того как вам в лицо не ткнули фото погибшей девушки? С вами что-то не так.

Ну а вы, журналисты, хуже всех. Вы зарабатываете деньги и получаете награды за то, что превращаете смерть в увлекательную историю, за то, что уговариваете оставшихся в живых всхлипывать перед объективами ваших камер, так как это привлекает рекламу, за то, что приглашаете своих читателей найти смысл в своей убогой жизни, смотря на чужие страдания. Мы, тролли, играем с образами мертвых, которым уже все равно, но вы, вонючие упыри, жиреете и богатеете, скармливая смерть живым. У ханжей самая грязная совесть: громче всех кричат о своих страданиях те, кто жаждет внимания.

Сейчас троллями являются все. Если вы хоть раз поставили «лайк» или переслали мем с пожеланиями плохого человеку, с которым никогда не встречались, если вы когда-либо находили возможным скалиться и брызгать ядом, потому что объект вашей злобы является «влиятельным», если вы хоть раз пытались заявить о своей добродетельности, примкнув к разъяренной толпе, если вы когда-либо заламывали руки и выражали озабоченность тем, что деньги, собранные для какой-то жертвы, следовало отдать какой-нибудь другой, менее «привилегированной», жертве, – я должен вас огорчить: вы тоже занимались троллингом.

Кто-то может сказать, что обилие тролльной риторики в нашей культуре действует разлагающе, что необходима защита, чтобы уравнять силы сторон в конфликте, в котором есть только один способ победить – стать равнодушным. Но разве вы не видите, какой неэтичной является защита? Она заставляет слабого возомнить себя сильным, превращает труса в обманутого героя, не имеющего никакого интереса в происходящем. Если вы действительно презираете троллинг, вам давно уже следовало понять, что от «доспехов» становится только хуже.

Превратив свое горе в оружие, Эбигейл Форт сама стала троллем, но только у нее это получилось отвратительно – она оказалась слабаком в доспехах. И нам пришлось завалить ее; и, как следствие, всех вас.

ЭБИГЕЙЛ ФОРТ

Жизнь вернулась в нормальное русло. Продажи

бронежилетов, рассчитанных на детей, резко возросли. Многие компании стали предлагать школам курсы выживания в чрезвычайных ситуациях с практическими занятиями. Жизнь продолжалась.

Я удалила все свои аккаунты; я замолчала. Но для нашей семьи уже было поздно. Эмили ушла из дома, как только у нее появилась возможность; Грегг снял себе квартиру.

Оставшись одна в своем доме, сняв с глаз «доспехи», я попыталась разобрать старые фотографии и видео Хейли.

Каждый раз, просматривая видео ее шестой годовщины, я слышала в голове порнографические стоны; каждый раз, глядя на фотографии со школьного выпускного вечера, я видела гротескную анимацию, в которой ее окровавленный труп танцевал под звуки «Девочки просто хотят повеселиться»; каждый раз, листая старые альбомы в надежде найти какие-нибудь хорошие воспоминания, я подпрыгивала в кресле, представив себе созданный искусственной реальностью призрак с лицом, искаженным, как на картине «Крик» Мунка[23], который готов был наброситься на меня, хихикая: «Мамочка, этот новый пирсинг болит!»

Я кричала, я плакала, я искала помощи. Не помогали ни психологи, ни лекарства. Наконец в бессильной ярости я удалила все свои цифровые файлы, разорвала в клочья все фотографии, сломала висевшие на стенах рамки.

Тролли обучили меня – точно так же, как обучили мои «доспехи».

У меня больше нет ни одного изображения Хейли. Я не могу вспомнить, как она выглядела. Наконец я действительно полностью потеряла своего ребенка.

Ну разве можно меня простить после этого?

Византийское сострадание

Ты спешишь по раскисшей тропе мимо суетящейся толпы. Обилие народа вынуждает тебя проявлять ловкость, чтобы не сбавлять скорость. Когда твои глаза привыкают к предрассветным сумеркам, ты видишь, что все чем-то нагружены: к груди матери туго привязан младенец, сложенная в простыню одежда топорщится воздушным шаром за спиной мужчины средних лет, восьмилетняя девочка обхватила руками тазик с тропическими фруктами, старуха в спортивных шортах и мятой блузке использует в качестве фонарика здоровенный смартфон, молодая женщина в футболке с броской надписью по-английски «Счастливая девушка» тащит по грязи чемодан с отломанным колесиком, у старика в бейсболке, рекламирующего китайские сигареты, в руке болтается наволочка, заполненная книгами, а может быть, пачками денег…

Почти все в толпе ростом выше тебя, и именно так ты понимаешь, что ты ребенок. Посмотрев вниз, ты видишь на своих ногах желтые пластиковые шлепанцы, украшенные портретами диснеевской Белоснежки. Липкая грязь при каждом шаге грозит стащить их с ног, и ты гадаешь, быть может, они что-то для тебя значат – дом, безопасность, спокойную жизнь, полную фантазий, – и поэтому упорно не желаешь с ними расстаться.

В правой руке ты держишь тряпичную куклу в красном платье, расшитом незнакомыми буквами-закорючками. Ты сжимаешь куклу, и ощущения говорят тебе, что она набита чем-то легким и шуршащим (возможно, семенами). За левую руку тебя держит женщина с младенцем за спиной и свернутыми одеялами в другой руке. Ты думаешь, что твоя малышка-сестренка еще слишком маленькая, чтобы бояться. Она смотрит на тебя своими черными обожающими глазками, и ты улыбаешься, подбадривая ее. Ты сжимаешь руку матери, и она отвечает тебе тем же – рука у нее теплая.

По обеим сторонам от тропы ты видишь беспорядочно расставленные палатки; одни из них оранжевые, другие – голубые; они заполняют поле до самых джунглей, на полкилометра. Ты не можешь точно сказать, то ли одна из этих палаток была твоим домом, то ли вы просто проходите мимо.

Фоновой музыки нет, как нет и криков экзотических птиц Юго-Восточной Азии. Вместо этого твой слух заполнен взволнованными голосами и криками. Язык ты не понимаешь, однако напряжение в голосах говорит тебе, что это призывы к близким – не отставать, к друзьям – быть осторожными, к

престарелым родственникам – не спотыкаться.

Над головой проносится пронзительный вой, и поле впереди и слева взметается огненными взрывами, более яркими, чем рассвет. Земля вздрагивает; ты падаешь в скользкую грязь.

В воздухе опять звучат завывания, и новые снаряды взрываются вокруг, отчего у тебя трясутся кости. В ушах стоит звон. Мать подползает и накрывает тебя своим телом. Благословенная темнота отрезает хаос. Громкие, пронзительные крики, проникнутые ужасом. Наполненные болью стоны.

Ты пытаешься сесть, однако неподвижное тело матери прижимает тебя к земле. Ты напрягаешься, сдвигаешь ее тяжесть и выбираешься из-под нее.

Затылок матери превратился в кровавое месиво. Твоя малышка-сестра лежит на земле рядом и плачет. Повсюду вокруг люди мечутся в разные стороны, кто-то пытается захватить с собой свои пожитки, но брошенные тюки и чемоданы валяются по всему полю рядом с неподвижными телами. Со стороны лагеря доносится ворчание двигателей, и сквозь буйную колышущуюся растительность ты видишь колонну солдат в камуфляже, с оружием наготове.

Какая-то женщина указывает на солдат и кричит. Кто-то останавливается и поднимает руки.

Раздается выстрел, следом за ним другой.

Подобно опавшим листьям, гонимым порывом ветра, толпа бросается врассыпную. От ног пробегающих мимо людей грязь летит тебе в лицо.

Сестренка плачет еще громче. Ты кричишь «Стойте! Стойте!» – на своем языке. Ты пытаешься ползти к малышке, но кто-то спотыкается о тебя и падает, придавливая тебя к земле. Ты пытаешься руками защитить голову от бегущих ног и сворачиваешься в клубок. Кто-то перепрыгивает через тебя, другие пытаются, но неудачно, и больно ударяют тебя.

Новые выстрелы. Ты выглядываешь сквозь пальцы. Тут и там фигуры падают на землю. Пространства для маневра в бегущей толпе нет, и там, где упал один человек, тотчас же образуется целая куча упавших. Все толкают, пихают, стараясь поместить кого-нибудь – все равно кого – между собой и пулями.

Нога в облепленном грязью кроссовке резко опускается на твою спеленутую сестренку, ты слышишь леденящий душу хруст, и ее плач резко умолкает. Владелец кроссовка задерживается на мгновение, но затем неудержимая толпа увлекает его вперед, и ты теряешь его из вида.

Ты кричишь, но тут что-то с силой ударяет тебя под дых, и ты теряешь сознание.

Учащенно дыша, Тан Цзяньвень сорвала с себя гарнитуру. Трясущимися руками она расстегнула молнию иммерсионного костюма. Ей удалось наполовину стянуть его с себя, но затем она полностью обессилела. Свернувшись в клубок, Цзяньвень лежала на столе, способном перемещаться во всех трех плоскостях. Следы от иммерсионного костюма на ее мокром от пота теле блестели темно-красными полосками в слабом белесом свечении компьютерного экрана – единственного источника света в темной квартире-студии. Какое-то время молодая женщина старалась отдышаться, затем начала всхлипывать.

Хотя глаза у Цзяньвень были закрыты, она по-прежнему видела мрачное выражение лиц солдат, кровавое месиво, в которое превратилась голова ее матери, изуродованное тело малышки, затоптанной насмерть.

Перед тем как надеть иммерсионный костюм, девушка отключила систему безопасности и удалила амплитудные фильтры из схем, отвечающих за боль, рассудив, что будет неправильно воссоздавать ужасы, выпавшие на долю беженцев из Муэртьена, ограничив восприятие боли.

Аппарат виртуальной реальности предназначался для наиболее полного воспроизведения чувства сострадания. Ну разве можно сказать, что она побывала на месте этих несчастных, не испытав всего того, что довелось пережить им?

В щель между занавесками проникал свет ярких неоновых огней ночного Шанхая, рисующий на полу резкие, беспощадные радуги. Здесь переплетались виртуальное богатство и реальная алчность мира, безразличного к смерти и боли в джунглях Юго-Восточной Азии.

Цзяньвень порадовалась тому, что не смогла позволить себе еще и приставку, воздействующую на систему обоняния. Медный запах крови, смешанный с гарью пороховых газов, доконал бы ее раньше времени. Запахи воздействуют на самые потаенные глубины мозга, пробуждая первобытные чувства, подобно мотыге, которая разбивает онемевшие комья современности, открывая копошащееся розовое месиво раненых дождевых червей.

Наконец Цзяньвень встала, полностью стянула с себя иммерсионный костюм и заковыляла в ванную. Она вздрогнула, услышав гул воды в трубах, напомнивший шум приближающихся сквозь джунгли двигателей. Даже под горячими струями душа девушка поежилась от холода.

– Нужно что-то сделать, – пробормотала она. – Мы не можем этого допустить. *Я* не могу этого допустить.

Но что она могла сделать? Мир практически не обращал

внимания на войну центрального правительства Мьянмы с повстанцами из числа представителей национальных меньшинств, проживающих у границы с Китаем. Соединенные Штаты – мировой жандарм – молчали, так как хотели посадить в Нейпьидо[24] проамериканское правительство, которое можно будет использовать как разменную фигуру в борьбе с растущим китайским влиянием в регионе. С другой стороны, Китай стремился переманить правительство в Нейпьидо на свою сторону инвестициями и совместным бизнесом, и заострение внимания на убийстве бирманскими солдатами этнических хань (а по-простому китайцев) никак не вязалось с интересами «Большой игры». Сообщения о происходящем в Муэртьене подвергались строгой цензуре со стороны китайских властей, опасающихся того, что сочувствие беженцам может перерасти в оголтелый национализм. Журналистов в лагеря беженцев по обе стороны границы не пускали, словно это была какая-то постыдная тайна. Свидетельства очевидцев, видеозаписи и вот этот файл виртуальной реальности приходилось тайно переправлять в зашифрованном виде через крошечные отверстия, проделанные в этом «Великом брандмауэре»[25]. В то же время на Западе всеобщее равнодушие действовало эффективнее любой официальной цензуры.

Цзяньвень не могла организовывать манифестации и собирать подписи под петициями; она не могла основать благотворительный фонд, занимающийся проблемами беженцев, – хотя в Китае все равно не доверяли благотворительным фондам, считая их деятельность мошенничеством. Она не могла просить всех своих знакомых связаться со своими депутатами во Всекитайском собрании народных представителей, чтобы те предприняли какие-либо действия в отношении муэртьенцев. Получившая образование в Соединенных Штатах, Цзяньвень избавилась от наивной веры в то, что все эти пути, открытые для граждан демократических государств, являются такими уж эффективными, – по большей части они оставались не более чем символическими жестами, никак не влиявшими на мысли и поступки тех, кто в действительности определял международную политику. Но такие действия позволили бы ей по крайней мере *чувствовать*, что от нее хоть что-то зависит.

А ведь в способности *чувствовать* и состоит весь смысл того, чтобы быть человеком.

Старики в Пекине, жутко боящиеся малейшего посягательства на их власть и любой нестабильности, приложили все силы, чтобы сделать все это невозможным. Гражданам Китая постоянно

напоминали о полной беспомощности человека, живущего в современном централизованном технократическом государстве.

Постепенно обжигающая вода начала вызывать у Цзяньвень неприятные ощущения. Девушка принялась с силой тереть себя, словно можно было избавиться от кошмарных воспоминаний о смерти, очистив себя от пота и отмерших клеток кожи, словно можно было смыть вину мылом с ароматом арбуза.

Цзяньвень вышла из душа, все еще оглушенная, но, по крайней мере, к ней снова вернулась способность действовать. В отфильтрованном воздухе квартиры чувствовался слабый запах горячего клея – следствие обилия электроники, втиснутой в ограниченное пространство. Завернувшись в полотенце, Цзяньвень прошлепала босиком в свою комнату и села перед экраном компьютера. Она ткнула пальцем в клавиатуру, пытаясь отвлечься свежими результатами своего майнинга[26].

Экран был просто огромным, с невероятно высоким разрешением, однако сам по себе он был лишь незначительным элементом бездушного оборудования, видимой вершиной мощного компьютерного айсберга, которым управляла Цзяньвень.

Матрицы интегральных схем специального назначения в гудящей стойке во всю стену были заняты только одним: решением криптографических загадок. Вместе с другими майнерами по всему миру Цзяньвень использовала специализированное оборудование, для того чтобы отыскивать самородки, состоящие из определенных чисел, поддерживающих целостность различных криптовалют. И хотя днем девушка работала программистом в финансовой службе, только здесь она ощущала себя по-настоящему живой.

Майнинг давал ей почувствовать, что и у нее есть какая-то сила, что она тоже часть глобального сообщества, взбунтовавшегося против власти во всех ее проявлениях: авторитарных правительств, огосударствленной демократии, центральных банков, по указке сверху манипулирующих инфляцией и обесценивающих деньги. Это было самое близкое к тому, чтобы стать активисткой, кем ей действительно хотелось быть. Здесь имела значение только математика, а логика теории чисел и изящного программирования образовывали нерушимый код доверия.

Проверив, как идут у нее дела, Цзяньвень присоединилась к новому сообществу, заглянула на несколько каналов, на которых энтузиасты-единомышленники болтали о будущем, и немного успокоилась, читая бегущий по экрану текст, но не подключаясь к разговору.

N♥T>: Только что настроил свой новенький «Хуавей». Кто-

нибудь может посоветовать приличную ВР, чтобы его проверить?

秋叶1001>:: В масштабах комнаты или в масштабах квартиры?

N♥T>: В масштабах квартиры. И мне только самое лучшее.

秋叶1001>: Ого! Похоже, ты здорово намайнил в этом году. Я бы посоветовал попробовать «Титаник».

N♥T>: От «Тенсента»?

秋叶1001>: Нет! Тот, что от «ЭСЭЛДЖИ», гораздо круче. Но если квартира у тебя большая, тебе для хорошей графики потребуется подключить свои прибамбасы для майнинга.

Анони 🐭 >: Ну да, реальность высокого качества *или* результативная работа. Что для тебя важнее?

Подобно многим, Цзяньвень с головой окунулась в прикладное ВР-безумие. Разрешение оборудования наконец стало достаточно высоким, чтобы картинка получалась четкой, неразмытой, а мощности процессора обыкновенного смартфона теперь хватало для управления простенькой гарнитурой – пусть и не такой, какая требовалась для полной иммерсии.

Цзяньвень уже побывала на вершине Эвереста, прыгнула с крыши «Бурдж-Халифа»[27], вместе со своими друзьями по всему миру «побывала» в различных ВР-барах – при этом все они оставались в своих квартирах и пили настоящий байцзю[28], она целовалась со своими любимыми актерами и переспала с теми из них, кто ей особенно нравился; она смотрела ВР-фильмы (именно то, что следует из названия, и не очень хорошие), сыграла в виртуальные ролевые игры, полетав по комнате в виде крошечной мухи, в то время как двенадцать разгневанных вымышленных женщин спорили о судьбе еще одной вымышленной женщины, при этом она направляла их спор в желаемое русло, садясь на различные улики, чтобы привлечь к ним внимание[29].

Однако все это оставляло чувство какой-то смутной, необъяснимой неудовлетворенности. Виртуальная реальность пока что была лишь податливой глиной, полной потенциала и возможностей, подпитываемой надеждой и алчностью, обещающей все и ничего, технологическим решением, ищущим, к какой проблеме себя приложить; и до сих пор оставалось неясно, какой подход, нарратологический или людологический[30], в конечном счете одержит верх.

Однако последний ВР-опыт, короткий клип из жизни безымянной юной беженки-муэртьенки, воздействовал на Цзяньвень совершенно иначе.

«Если бы не случай, определяющий, где кто рождается, эта девочка могла бы быть мной. У ее матери такие же глаза, как у моей».

Впервые за последние годы, после того как ее юношеский идеализм был растоптан безразличием окружающего мира, Цзяньвень ощутила потребность сделать *что-то*.

Девушка уставилась на экран компьютера. Мелькающие показатели ее криптовалютных счетов основывались на согласованности криптографических цепочек, на доверии, построенном на том, чему нельзя доверять. А что, если в мире, оградившемся от боли стеной алчности, подобное доверие также станет способом просверлить в преграде дырочку, через которую можно будет выпустить поток надежды? Можно ли на самом деле превратить весь мир в виртуальную деревню, где все связаны между собой состраданием?

Открыв на экране новое окно, Цзяньвень лихорадочно застучала по клавишам.

* * *

«Я ненавижу Вашингтон!» – решила София Эллис, глядя в окно.

По мокрым от дождя улицам медленно ползли машины. Время от времени какой-нибудь водитель раздраженно сигналил – самая подходящая иллюстрация того, что в последнее время считалось в столице политически нормальным. Памятники на Эспланаде[31] вдалеке – призрачные за висящей в воздухе моросью – словно издевались над Софией своей величественной незыблемостью.

Члены совета директоров болтали между собой в ожидании начала заседания по итогам квартала. София рассеянно слушала их; мысли ее были в другом месте.

«…ваша дочь… Передайте ей мои поздравления!»

«…чересчур много блокчейн-проектов[32]…»

«…в сентябре я проездом был в Лондоне…»

София предпочла бы вернуться в Государственный департамент, где было ее настоящее место, однако нелюбовь нынешней администрации к традиционной дипломатии навела ее на мысль о том, что у нее появится больше перспектив, если она перейдет в руководство каким-нибудь некоммерческим фондом. В конце концов, ни для кого не секрет, что крупнейшие американские некоммерческие фонды с филиалами по всему миру служили неофициальными проводниками зарубежной

политики Соединенных Штатов и должность исполнительного директора фонда «Беженцы без границ» можно было рассматривать как хорошую стартовую позицию для возвращения в государственные структуры после прихода новой администрации. Ключом здесь являлось то, что нужно было делать для беженцев что-нибудь хорошее, продвигать американские ценности и добиваться стабильности в мире, даже несмотря на то что нынешняя администрация, похоже, стремилась, закусив удила, промотать могущество Америки.

«…увидела снятое на телефон видео и спросила у меня, собираемся ли мы что-либо предпринять по этому поводу… Кажется, это Муэртьен?»

София встрепенулась, возвращаясь к действительности.

– Мы не можем вмешиваться в это. Тут ситуация сродни той, что в Йемене.

Кивнув, член совета директоров переменил тему.

Цзяньвень, соседка Софии по комнате в общежитии во время обучения в колледже, пару месяцев назад прислала ей по электронной почте сообщение о событиях в Муэртьене. В своем вежливом и продуманном ответе София выразила свои сожаления. «Возможности нашего фонда ограничены. Далеко не каждый гуманитарный кризис можно решить надлежащим образом. Мне очень жаль».

И это было правдой. Отчасти.

К тому же те, кто разбирался, что к чему, сходились во мнении, что вмешательство в происходящее в Муэртьене не в интересах Соединенных Штатов и не в интересах «Беженцев без границ». Стремление улучшить мир, которое в первую очередь и привело Софию в дипломатию и благотворительный фонд, приходилось ограничивать и направлять в нужную сторону реализмом. Несмотря на свои разногласия с нынешней администрацией (а может быть, благодаря им), София считала сохранение могущества Соединенных Штатов важной и достойной целью. Привлечение внимания к кризису в Муэртьене поставит в неловкое положение нового американского союзника в регионе, а этого следовало избегать любой ценой. Наш сложный мир диктовал, чтобы интересы Соединенных Штатов (и их союзников) ставились на первое место за счет тех, кому приходилось страдать, и тем самым все больше обездоленных нуждалось в защите.

Америка неидеальная, но, если взвесить все альтернативы, она лучшее из того, что у нас есть.

– …за последний месяц количество небольших пожертвований от тех, кому еще нет тридцати лет, сократилось

на семьдесят пять процентов, – сказал один из членов правления фонда. Пока София предавалась философским размышлениям, заседание началось.

Докладчик, муж влиятельного депутата британского парламента (женщины), принимал участие из Лондона через робота, обеспечивающего телеприсутствие. София подозревала, что свой голос он любит больше, чем жену. Большой экран, закрепленный на телескопической шее, придавал его лицу строгий и властный вид; робот выразительно жестикулировал – предположительно, подражая движению рук самого докладчика.

– Вы хотите сказать, что у вас нет планов по противодействию спада вовлеченности молодежи?

«Этот тезис тебе предложил кто-то из команды жены?» – подумала София. Она сомневалась, что оратор изучал финансовые отчеты достаточно внимательно, чтобы обратить внимание на такой факт.

– Мы не полагаемся на прямые пожертвования конкретно этой демографической прослойки… – начала было София, но ее перебила коллега, еще один член правления.

– Дело не в этом. Тут главное – общественное внимание, воздействие на сознание. Без значительного количества пожертвований со стороны этой ключевой демографической группы число упоминаний «Беженцев без границ» в социальных сетях резко снижается. И это в конечном счете влияет на крупные гранты.

Это замечание сделала глава компании, занимающейся производством мобильных устройств. Софии неоднократно приходилось объяснять ей, что пожертвования «Беженцам без границ» нельзя использовать на закупку дешевых телефонов для беженцев, прибывающих в Европу, ведь это значительно повысило бы рыночную стоимость компании и явилось бы нарушением правила о конфликте интересов.

– В последнее время в общей картине небольших пожертвований произошли неожиданные сдвиги, которые до сих пор никто не может объяснить… – снова начала было София, но ей опять не дали договорить.

– Вы имеете в виду «Сострадание», не так ли? – спросил муж депутата парламента. – Хорошо, а у вас есть план?

«Определенно, этот тезис предложен командой его жены. – Софии всегда казалось, что европейцы гораздо больше, чем американцы, опасаются придурков, связанных с криптовалютой… – Но, как и в дипломатии, лучше направлять придурков, чем противостоять им».

– Что такое это «Сострадание»? – спросил еще один член

правления, удалившийся на пенсию федеральный судья, по-прежнему считавший факс величайшим изобретением техники.

– Да, я действительно говорю о «Сострадании», – сказала София, стараясь смягчить свой тон. Она повернулась к главе компании по выпуску мобильных устройств. – Вы не хотите разъяснить нашему коллеге?

Если бы София сама попыталась описать «Сострадание», глава компании обязательно перебила бы ее, так как терпеть не могла, когда кто-либо демонстрировал большую осведомленность в технических вопросах. Так что уж лучше постараться сохранить внешние приличия.

Глава технологической компании с готовностью кивнула.

– Все очень просто. «Сострадание» – это новое дезинтермедитационное[33] блокчейн-приложение, массово использующее смарт-контракты[34], но только в данном случае завернутое на подрыв деятельности традиционных благотворительных организаций на филантропическом рынке.

Сидящие за столом недоуменно уставились на нее. Наконец судья обратился к Софии:

– Быть может, вы проясните?

София вернула себе контроль над заседанием, просто предоставив остальным возможность взять на себя непосильную задачу, – классический прием дипломатии.

– Давайте разберем все по порядку. Начну со смарт-контрактов. Предположим, мы с вами заключаем контракт, по которому, если завтра пойдет дождь, я должна буду заплатить вам пять долларов, а если дождя не будет, вы заплатите мне доллар.

– По-моему, не самая лучшая страховая политика, – заметил судья-пенсионер.

– С таким предложением в Лондоне вы быстро прогорите, – вставил муж депутата парламента. Сидящие за столом откликнулись слабыми смешками.

– В случае обычного контракта, – гладко продолжала София, – даже если завтра разразится гроза, вы, возможно, денег не получите. Я откажусь от своих слов и не стану платить или начну с вами спор относительно значения слова «дождь», и вам придется подавать на меня в суд.

– Ну, в *моем* суде вам бы не удалось оспорить понятие «дождь»!

– Естественно, но, как известно вашей чести, люди спорят о самых нелепых вещах. – София уже успела усвоить, что лучше дать судье возможность немного отвлечься, прежде чем вернуть его обратно на нужную тему. – А судебные процессы нынче стоят

дорого.

– Мы оба можем передать деньги доверенному другу и предоставить ему решать, кому он выплатит их завтра. Это называется депонированием, если вы не знали.

– Совершенно верно. Замечательное решение, – сказала София. – Однако для этого требуется наше обоюдное согласие по кандидатуре независимого арбитра и, кроме того, нам придется заплатить ему за его хлопоты. Конечный итог: обыкновенный контракт сопряжен со множеством дополнительных издержек.

– Так что произойдет, если мы заключим смарт-контракт?

– Деньги будут переведены вам, как только начнется дождь. И я ничем не смогу этому помешать, потому что весь механизм взаимодействия определяется компьютерной программой.

– То есть вы хотите сказать, что по сути своей контракт и смарт-контракт – это одно и то же. Но только первый написан юридическим языком и для того, чтобы его читать и интерпретировать, требуются люди, в то время как второй написан компьютерным языком и для его выполнения требуется только машина – ни судей, ни присяжных, ни депозита, ни возврата средств.

София была поражена. Хоть и не особо подкованный в техническом плане, судья обладал острым умом.

– Совершенно верно. Машины гораздо более прозрачны и предсказуемы, чем юридическая система, даже хорошо отлаженная.

– Я в этом не совсем уверен, – возразил судья.

– Но вы видите притягательность подобного подхода, особенно если потенциальный пользователь не доверяет…

– Смарт-контракты сокращают стоимость транзакций за счет устранения посредников, – нетерпеливо вмешалась глава технической компании. – Можно было бы ограничиться этим замечанием, вместо того чтобы вдаваться в глупые пространные разъяснения.

– Можно было бы, – согласилась София. Она также успела выяснить, что видимость согласия с этой женщиной также снижает стоимость транзакций.

– Но какое отношение это имеет к благотворительности? – спросил муж депутата парламента.

– Есть люди, которые видят в благотворительных организациях бесполезных посредников, наживающихся на доверии, – снова вмешалась глава технической компании. – Разве это не очевидно?

И снова сидящие за столом встретили ее слова недоуменными взглядами.

– Действительно, некоторые поборники смарт-контрактов доходят до крайностей, – признала София. – На их взгляд, благотворительные организации, вроде «Беженцев без границ», значительную часть своих средств тратят на аренду офисных помещений, зарплату персонала, проведение дорогих мероприятий, на которых богатые развлекаются и общаются друг с другом, а нецелевое использование пожертвований приводит к обогащению связанных с фондом…

– Абсолютно абсурдная точка зрения, которой придерживаются придурки, очень агрессивно стучащие по клавиатуре и начисто лишенные здравого смысла… – раскрасневшись от негодования, начала глава технической компании.

– Или совершенно не разбирающиеся в политике, – перебил ее муж депутата парламента, словно брак автоматически сделал его экспертом в политике. – Мы также координируем усилия по работе на местах, приглашаем международных экспертов, создаем общественное мнение, успокаиваем чересчур рьяных местных чиновников и обеспечиваем, чтобы деньги доходили до тех, кто в них действительно нуждается.

– Вот на какое доверие мы опираемся, – заключила София. – Однако у поколения «Вики-Ликс»[35] любые упоминания об экспертизе и властях автоматически вызывают подозрения. С их точки зрения, даже то, как мы используем наши финансовые программы, является неэффективным. Как мы можем знать, каким образом потратить деньги, лучше тех, кто действительно нуждается в помощи? Почему мы исключаем для беженцев возможность обзаводиться оружием и защищать себя? Как мы можем работать с коррумпированными местными властями, которые набивают себе карманы пожертвованиями, а до жертв доходят лишь жалкие крохи? Лучше просто направить деньги напрямую детям, которые не могут позволить себе школьные обеды. И широко освещенные в средствах массовой информации неудачи международных благотворительных программ в таких странах, как Гаити или Северная Корея, только укрепляют позицию наших критиков.

– Так какую же альтернативу они предлагают? – спросил судья.

* * *

Цзяньвень смотрела на бегущие по экрану подтверждения, извещающие о завершении очередного смарт-контракта,

прописанного в совершенно обезличенной криптовалюте. В настоящее время, когда многие правительства всеми силами стремились укрепить свою власть, запрещая оборот наличных денег, значительная часть бизнеса велась именно так, особенно в развивающихся странах. Цзяньвень где-то читала, что теперь уже свыше двадцати процентов глобальных финансовых расчетов велось в различных криптовалютах.

Однако переводы, которые она наблюдала сейчас, были другими. Предлагались запросы о помощи и обещания предоставить средства; у них не было никакой другой цели, кроме потребности делать *хоть что-нибудь*. Блокчейн-сеть «Сострадание» сортировала и группировала предложения в многосторонние смарт-контракты и, как только выполнялись необходимые условия, осуществляла перевод денег.

Цзяньвень увидела много запросов на детские книги, на свежие овощи, на садовый инвентарь, на противозачаточные средства, на то, чтобы приехавший новый врач остался надолго, а не оказался бы просто каким-то волонтером, который заглянет на месяц и быстренько смотается, оставив все незаконченным и недоделанным…

Молодая женщина мысленно молила о том, чтобы эти предложения были приняты, удовлетворены системой, даже несмотря на то что не верила в бога (ни в какого). Хотя именно Цзяньвень создала «Сострадание», она была бессильна влиять на конкретные операции. В этом заключалась вся прелесть системы – никто не мог ею управлять.

Обучаясь в колледже в Соединенных Штатах, Цзяньвень возвратилась на летние каникулы в год великого Сычуаньского землетрясения, чтобы помогать жертвам той страшной катастрофы. Китайское правительство приложило много сил для ликвидации последствий, даже привлекло армию.

Солдаты Народно-освободительной армии, ровесники Цзяньвень и даже моложе, показывали ей страшные раны на руках, полученные, когда они разбирали разрушенные здания в поисках оставшихся в живых и тел погибших.

– Я вынужден был остановиться, потому что у меня очень болели руки, – рассказывал один из них, еще совсем мальчишка, и в голосе его звучал стыд. – Мне сказали, что я потеряю пальцы, если буду продолжать.

У Цзяньвень перед глазами все помутилось от ярости. «Почему правительство не обеспечило солдат спасательным снаряжением или хотя бы простыми лопатами?» Она представила себе разбитые в кровь руки молодых ребят, содранное до кости мясо на пальцах, с которыми солдаты продолжали пригоршнями

разгребать землю в надежде найти кого-нибудь живого. «Вам нечего стыдиться!»

Вернувшись в Америку, Цзяньвень поделилась тем, что узнала, со своей соседкой по комнате в общежитии, Софией. Та выразила гнев в отношении китайского правительства, однако лицо ее нисколько не изменилось, когда она слушала рассказ про молодого солдата.

– Он лишь инструмент в руках автократии, – сказала София таким тоном, словно не могла представить себе эти окровавленные руки.

Цзяньвень посетила районы стихийного бедствия не от какой-то официальной организации – она просто была одной из тысяч добровольцев, которые самостоятельно отправились в Сычуань в надежде хоть чем-нибудь помочь пострадавшим. Как и другие волонтеры, девушка привезла с собой еду и одежду, полагая, что именно это понадобится в первую очередь. Но женщины просили у нее книжки-раскраски и игрушки для своих плачущих детей, крестьяне спрашивали, когда будет восстановлена сотовая связь, жителей городов интересовало, можно ли получить инструменты и строительные материалы, чтобы приступить к восстановлению разрушенных зданий. Одна маленькая девочка, потерявшая всех своих родных, спрашивала, сможет ли она окончить школу. Цзяньвень не обладала нужной информацией; у нее не было того, что просили пострадавшие, – похоже, этого не было ни у кого. Чиновники, возглавлявшие спасательные работы, относились к присутствию добровольцев недоброжелательно, поскольку те никому не подчинялись, и посему ничего им не сообщали.

– Все это показывает, почему необходим опыт, – позже сказала подруге София. – Нельзя просто заявиться на место нестройной толпой, не имеющей конкретных целей, и рассчитывать сделать что-нибудь полезное. Возглавлять спасательные работы должны те, кто знает, что делать.

Цзяньвень ее слова не убедили – она не увидела свидетельств того, что даже эксперты способны предусмотреть все необходимое.

В другом окне на экране стро́ки текста замельтешили еще быстрее, показывая заключение новых контрактов: запросы о поддержке греческих учителей, о возведении новой вышки сотовой связи, о медицинском обслуживании, о консультантах, которые помогут беженцам решать проблемы с визами и разрешениями на работу, об оружии, о перевозчиках, готовых доставлять продукты народных промыслов, сделанные беженцами, потенциальным покупателям…

Среди запросов были такие, удовлетворить которые никогда

не смогла бы ни одна некоммерческая благотворительная организация. Цзяньвень категорически отвергала мысль о том, что какие-то чиновники станут диктовать тем, кто борется за выживание, что им нужно, а что нет.

Те, кто находится в эпицентре зоны бедствия, лучше знают, что им нужно. Поэтому лучше всего просто давать им деньги, чтобы они смогли купить все необходимое: многие бесстрашные торговцы и находчивые искатели приключений с готовностью доставят пострадавшим запрошенные товары и услуги, когда на этом можно будет получить прибыль. Деньги воистину правят миром, и это не так уж плохо.

Без криптовалют ни один из проектов, осуществленных «Состраданием» к настоящему времени, не был бы возможен. Перевод денежных средств через государственные границы стоит дорого и привлекает к себе самое пристальное внимание государственных регуляторов. Практически невозможно передавать деньги в руки конкретным людям без помощи какого-то центрального органа, который запросто приберут к своим рукам всевозможные чиновники.

Однако, имея дело с криптовалютой и «Состраданием», достаточно лишь смартфона, чтобы сообщить всему миру о своих нуждах и получить помощь. Все переводы осуществляются анонимно и надежно. Можно объединиться с другими, имеющими схожие потребности, или действовать в одиночку. Никто не сможет вмешаться и помешать выполнению смарт-контрактов.

Цзяньвень с восторженным возбуждением наблюдала за тем, как творение ее рук начинает работать – именно так, как было задумано.

И тем не менее множество запросов о помощи, поступающих в «Сострадание», оставались невыполненными. Денег не хватало: жертвователей было слишком мало.

* * *

– …вот суть дела в двух словах, – закончила София. – Объемы пожертвований в «Беженцы без границ» сократились вследствие того, что многие жертвователи из числа молодежи отдают свои деньги в сеть «Сострадание».

– Подождите, вы же сами только что говорили, что по этой сети переводится так называемая криптовалюта, правильно? – спросил судья. – Это какие-то фальшивые деньги?

– Ну не *фальшивые*. Просто это не доллары или иены – хотя криптовалюты можно обменивать на настоящие деньги. Это

электронный маркер. Что-то вроде… – София задумалась, ища подходящее сравнение, понятное для пожилого судьи. – Вроде музыкального файла на вашем планшете. Но только его можно использовать для оплаты какого-нибудь товара или услуги.

– Почему я не могу отправить кому-нибудь одну копию в качестве оплаты, но при этом другую копию оставить себе, как рассылают своим друзьям любимые песни подростки?

– В электронном учетном журнале записано, кому принадлежит та или иная песня.

– Но кто ведет этот журнал? И что мешает хакерам взломать его и изменить все записи? Вы же говорили, что никакого единого центрального управления нет.

– Журнал, который называется блокчейном, распределен по компьютерам всего мира, – вмешалась глава технической компании. – Он основан на криптографических принципах, решающих «Задачу византийских полководцев». Блокчейны являются движущей силой криптовалют и – как следствие – «Сострадания». Те, кто пользуется блокчейнами, доверяют математике – им не требуется доверять людям.

– А это еще что такое? – спросил судья. – Какие такие «византийские полководцы»?

София мысленно вздохнула. Начиная этот разговор, она никак не предполагала, что придется вдаваться в такие подробности. Она даже не закончила объяснять базовые принципы «Сострадания». И как знать, сколько еще времени потребуется для того, чтобы прийти к консенсусу относительно того, как к этому должен относиться фонд «Беженцы без границ»?

Точно так же, как криптовалюты стремились вырвать контроль над денежным обращением из рук правительственных органов, «Сострадание» ставило своей целью отобрать благотворительность у некоммерческих организаций.

«Сострадание» являлось утопическим идеалом, и движущей его силой были эмоции, а не здравый смысл и опыт. Оно делало мир более непредсказуемым для Америки – и, следовательно, более опасным. Хоть София больше и не работала в государственном департаменте, она по-прежнему жаждала сделать мир более упорядоченным, чтобы решения в нем принимались на основе всестороннего анализа, после взвешивания всех «за» и «против».

Было очень непросто заставить собравшихся здесь людей – абсолютно всех с высоким мнением о себе – хотя бы вникнуть в какую-либо проблему, не говоря уже о том, чтобы прийти к единому решению. София жалела о том, что не обладает способностью харизматических лидеров просто убеждать всех

следовать определенным курсом, не разбираясь в том, что и зачем они делают.

– Порой мне кажется, что ты просто хочешь, чтобы с тобой все соглашались, – как-то сказала ей Цзяньвень после одного особенно жаркого спора.

– И что в этом плохого? – спросила София. – Я не виновата в том, что обдумывала вопрос гораздо тщательнее остальных. Я вижу общую картину.

– На самом деле ты не хочешь быть самой рассудительной, – возразила Цзяньвень. – Ты хочешь быть самой *правильной*. Ты хочешь быть оракулом.

София была оскорблена. Временами Цзяньвень бывала очень упрямой.

«Так, подождите-ка! – София ухватилась за мысль об оракуле. – Может быть, это то, что нужно. Вот так мы и сможем заставить «Сострадание» работать на нас».

– «Задача о византийских полководцах» – это метафора, – сказала София, стараясь сдержать в своем голосе новообретенное возбуждение. Она была рада тому, что ее стремление дотошно разобраться во всех деталях, а также, если быть честной, острое желание заткнуть за пояс главу технической компании заставили ее тщательно подготовиться к вопросу. – Представьте себе, что несколько полководцев византийского войска, каждый во главе своего отряда, осадили вражеский город. Если все полководцы объединят усилия и пойдут на штурм, город падет. А если все они согласятся отступить, будет сохранено войско. Но если одни полководцы пойдут на штурм, в то время как другие отступят, случится катастрофа.

– Им нужно принять общее решение, как действовать, – заметил судья.

– Совершенно верно. Полководцы общаются друг с другом через гонцов. Однако проблема в том, что гонцам требуется какое-то время, чтобы доставить послания, а среди полководцев, возможно, есть предатели, которые в ходе обсуждения могут представить ложные сведения и тем самым ввести остальных в заблуждение, чем подорвут общие усилия.

– И этот общий консенсус, если так можно выразиться, представляет собой некий реестр, не так ли? – уточнил судья. – Куда вносится запись о мнении каждого полководца.

– Разумеется! То есть, говоря по-простому, блокчейн решает эту проблему за счет использования криптографии (задач из теории чисел, решение которых крайне сложно) при передаче последовательности сообщений, на основании которых будет приниматься решение. Криптография позволяет каждому

полководцу удостовериться в том, что цепочка сообщений не подверглась сторонним воздействиям и осталась целостной, но при этом ему требуется совершить определенную работу, чтобы криптографическим путем добавить свой голос в общую последовательность. Для того чтобы обмануть остальных полководцев, предателю потребуется сфальсифицировать не только свой голос, но и суммарный криптографический результат всех предыдущих голосов в нарастающей цепочке. И по мере удлинения цепочки сделать это становится все сложнее и сложнее.

– Кажется, я не совсем понимаю, – пробормотал судья.

– Ключ в том, что блокчейн использует криптографическую защиту при добавлении к цепочке нового блока информации (так называемое доказательство выполнения работы), гарантирующую, что, до тех пор пока большинство компьютеров в сети не являются предателями, распространяемый в ней реестр вызывает больше доверия, чем какой-либо единый центральный орган.

– То есть доверие основывается на математике?..

– Да. Распространяемый в сети неискаженный реестр не только позволяет обращение криптовалюты, это еще и способ обеспечить защищенную систему голосования, которая неподвластна центральному управлению и обеспечивает достоверность выполнения смарт-контрактов.

– Все это очень интересно, но какое отношение это имеет к «Состраданию» и «Беженцам без границ»? – нетерпеливо спросил муж депутата парламента.

* * *

Цзяньвень предприняла большие усилия для того, чтобы сделать пользовательский интерфейс «Сострадания» доступным. На самом деле в блокчейн-сообществе мало кто уделял этому внимание. Больше того, складывалось впечатление, что многие блокчейн-приложения специально создавались сложными и непонятными, словно глубокие технические познания являлись необходимым условием, отделяющим истинно свободных от стада послушных баранов.

Цзяньвень терпеть не могла элитарное высокомерие во всех его проявлениях – девушка особо остро сознавала парадокс, что сама она окончила престижный американский университет по специальности «технологии финансовых услуг», а комната ее была заставлена совершеннейшим оборудованием создания виртуальной реальности. Просто одна элита решила, что для ее

родины демократия «не подходит», а другая возомнила, что знает лучше, кто заслуживает сочувствия, а кто нет. Элиты не доверяли *чувствам*, не доверяли тому, что делало людей человечными.

Вся суть «Сострадания» заключалась в том, чтобы помогать тем людям, кому не было никакого дела до перипетий «Задачи о византийских полководцах» и зависимости безопасности блокчейна от размера блоков. Уметь пользоваться системой должен был даже ребенок. Цзяньвень помнила отчаяние жителей Сычуаня, желавших получить простые инструменты, чтобы самим себе помочь. «Сострадание» должно было быть максимально простым в использовании, как для тех, кто хотел помочь, так и для тех, кто нуждался в помощи.

Цзяньвень создавала приложение для тех, кто бесконечно устал выслушивать, как и что нужно делать, а не для тех, кто читал им об этом лекции.

– С чего ты взяла, что знаешь правильные ответы на все? – как-то спросила она у Софии, еще когда они говорили обо всем и вся и их споры оставались бесстрастными, ведущимися исключительно ради интеллектуального наслаждения. – Тебе никогда не приходило в голову, что ты можешь ошибаться?

– Если кто-то укажет мне на изъян в моих рассуждениях – да, – сказала София. – Я всегда открыта для критики.

– Но сама ты никогда не *чувствуешь*, что можешь ошибаться?

– Многие так никогда и не приходят к правильным ответам именно потому, что позволяют чувствам диктовать рассудку.

С рациональной точки зрения работа, которой занималась Цзяньвень, была безнадежной. Для того чтобы написать программное обеспечение «Сострадания», она использовала отпуск и все свои больничные. Она опубликовала статью, в которой в мельчайших подробностях разъяснялись все технические стороны проекта. Для проверки исходных кодов она пригласила независимых специалистов. Но как можно было рассчитывать изменить устоявшийся мир крупных некоммерческих организаций и международной политики посредством какой-то непонятной криптовалютной сети, которая ничего не стоила?

Однако работа доставляла удовлетворение. А это стоило гораздо больше любых доводов против, какие только могла привести Цзяньвень.

* * *

– Но я так и не могу понять, как удовлетворяются эти

«условия для выполнения»! – раздраженно произнес судья. – Я не могу взять в толк, как «Сострадание» решает, что просьбу о помощи следует удовлетворить, и выделяет соответствующие средства. Те, кто жертвует финансы, просто не могут лично просматривать тысячи прошений и выбирать из них те, на которые давать деньги.

– Существует еще один аспект смарт-контрактов, до которого я пока что не дошла, – сказала София. – Для функционирования смарт-контрактов необходимо обеспечить доступ реальности в программное обеспечение. Иногда определить, были ли удовлетворены условия для выполнения, бывает далеко не так просто, как установить, шел ли дождь в какой-либо конкретный день, – хотя, вероятно, даже это может быть оспорено в пограничных случаях. Для этого требуется сложная оценка со стороны человека: установил ли подрядчик надлежащим образом систему водопровода, является ли обещанный вид живописным или кто нуждается в помощи.

– Вы хотите сказать, что для этого необходим консенсус.

– Совершенно верно. Так вот, «Сострадание» решает эту проблему использованием определенного количества электронных жетонов, называющихся «битами помощи», которые выдаются некоторым членам сети. Задача держателей «битов помощи» заключается в том, чтобы оценивать проекты, запрашивающие финансирование, и голосовать за или против в течение определенного промежутка времени. Только проекты, которые получат необходимое количество голосов (число голосов, которым обладает каждый конкретный пользователь, определяется его текущим балансом «битов помощи»), получают финансирование из общего фонда средств жертвователей, а минимальный порог голосов растет пропорционально размерам запрошенной суммы. Для предотвращения вынужденного голосования[36] результаты объявляются только по истечении периода оценки.

– Но как держатели «битов помощи» определяют, за кого отдать свой голос?

– Это зависит от каждого конкретного держателя. Они могут принять решение, просто оценив материалы, предоставленные просителями (рассказы, фотографии, видео, документы и так далее), а могут лично отправиться на место и увидеть все своими глазами. В течение отведенного периода оценки они могут пользоваться всеми доступными им средствами.

– Замечательно! – презрительно фыркнул муж депутата парламента. – Значит, деньги, предназначающиеся для нуждающихся, будут переданы горстке тех, кого невозможно

уговорить ответить на вопросы социологической службы в перерывах между сессиями видеоигр!

– Вот тут сделан действительно мудрый ход. Держатели «битов помощи» стимулируются выплатой небольших сумм от сети пропорционально размерам их счетов. После завершения периода оценки каждого проекта те, кто проголосовал за «проигравший» исход, наказываются тем, что часть их «битов помощи» переводится «победившей» стороне. Индивидуальный баланс «битов помощи» является своеобразным мерилом репутации, и со временем те, чьи суждения (чье мерило сострадания, отсюда и название сети) наиболее точно настроены на консенсус, получают большинство «битов помощи». Они становятся непогрешимыми оракулами, вокруг которых функционирует система.

– Что мешает…

– Система не является идеальной, – опередила вопрос София. – Это признают даже ее разработчики (на самом деле, мы не знаем, кто они). Но, подобно многому в интернете, она работает, хотя вроде бы и не должна. Когда начиналась «Википедия», в нее тоже никто не верил. За два месяца своего существования «Сострадание» показало себя весьма эффективным и очень устойчивым к атакам, и система определенно привлекает большое число жертвователей из числа молодежи, разочаровавшихся в традиционной благотворительности.

Правлению потребовалось какое-то время, чтобы переварить это.

– Похоже, нам будет очень непросто соперничать с этим «Состраданием», – наконец сказал муж депутата парламента.

София облегченно вздохнула. «Вот оно, то мгновение, с которого я начинаю создавать консенсус».

– «Сострадание» пользуется популярностью, однако оно даже близко не может похвалиться такими фондами, как у традиционных благотворительных организаций, в значительной степени потому, что пожертвования «Состраданию», естественно, не дают права на налоговые вычеты. Некоторые самые крупные проекты сети, особенно связанные с беженцами, не получили финансирования. Если целью «Сострадания» является диалог с «Беженцами без границ», нам следует предложить щедрое финансирование.

– Но я полагал, что мы не сможем выбирать, на какой именно проект помощи беженцам потратит деньги сеть, – сказал муж депутата парламента. – Это будет зависеть от держателей «битов помощи».

– Тут я должна кое в чем признаться. Я сама пользовалась

«Состраданием», и у меня есть несколько «битов помощи». Мы можем сделать мой счет корпоративным и начать оценку проектов сети. Отсеять откровенную фальсификацию можно будет на основании одних только документов, но для того чтобы действительно выяснить, кто нуждается в помощи, ничто не сравнится со старым добрым расследованием на месте. Я уверена, что с нашим опытом работы и разветвленной международной сетью мы сможем определять, какие программы нуждаются в финансировании, значительно точнее всех остальных и поэтому быстро соберем много «битов помощи».

– Но к чему такие сложности, если мы можем просто напрямую вкладывать деньги туда, куда хотим? – спросила глава технической компании. – Зачем добавлять посредника в лице «Сострадания»?

– Все дело в возможностях. Накопив достаточно «битов помощи», мы превратим «Беженцев без границ» в непогрешимого оракула глобальной благотворительности, арбитра, решающего, кто заслуживает помощи, – сказала София. Глубоко вздохнув, она нанесла заключительный удар: – Пример, поданный «Беженцами без границ», будет подхвачен другими крупными благотворительными организациями. Добавим к этому все финансирование из таких стран, как Китай и Индия, где у потенциальных филантропов маленький выбор отечественных благотворительных фондов, но они, возможно, пожелают примкнуть к децентрализованному блокчейн-приложению, и вскоре «Сострадание» останется крупнейшей в мире благотворительной платформой. Собрав в своих руках самую большую долю «битов помощи», мы фактически получим возможность распределять львиную долю мирового благотворительного финансирования.

Потрясенные члены правления молчали. Даже руки робота телеприсутствия перестали двигаться.

– Черт возьми… Вы собираетесь превратить платформу, предназначенную для того, чтобы вывести нас из игры, в лестницу, которая возведет нас на самую вершину! – с неподдельным восхищением пробормотала глава технической компании. – Вот это *настоящее* джиу-джитсу![37]

Одарив ее мимолетной улыбкой, София повернулась к сидящим за столом.

– Итак, вы одобряете?

* * *

Красная линяя, отображающая общие объемы взносов в «Сострадание», взлетела прямиком в стратосферу.

Цзяньвень улыбалась, глядя на экран. Ее ребенок повзрослел.

В течение двадцати четырех часов к решению «Беженцев без границ» подключиться к сети присоединились еще несколько крупных международных благотворительных организаций. В глазах общественности «Сострадание» получило легитимность, а крупные доноры, которых интересовали налоговые вычеты, – возможность переводить средства через традиционные благотворительные фонды, участвующие в сети.

На канале #сострадание разгорелись жаркие споры.

NoFFIA[38] >: Это хитрый ход со стороны крупных благотворительных организаций. Они собираются вести игру по концентрации «битов помощи» в своих руках, чтобы заставить сеть финансировать свои проекты.

N♥T>: С чего ты это взял? Принцип оракулов признает только результаты. Если ты считаешь, что традиционные благотворительные фонды не знают, что делают, у них нет никаких шансов определять хорошие проекты, заслуживающие финансирования. Сеть заставит их финансировать те проекты, которые считают заслуживающими держатели «битов помощи».

Анони >: Традиционные благотворительные организации имеют доступ к средствам массовой информации, чего нет у остальных. Остальные держатели «битов помощи» – всего лишь люди. Их позицию можно поколебать.

N♥T>: Традиционные средства массовой информации воздействуют далеко не на всех, как вы ошибочно полагаете, особенно если покинуть пузырь, в котором обитаете вы, «штатовцы». Лично я считаю, что предстоит честная игра.

Цзяньвень следила за дебатами, однако участия в них не принимала. Как создатель «Сострадания» она понимала, что с ее пользовательским именем связана влиятельная репутация, из чего следует, что все сказанное ею способно оказать непропорционально сильное воздействие и исказить ход дебатов. Такова человеческая природа, даже если общение ведется через бегущие строчки текста, привязанные к электронным псевдонимам.

Однако споры не интересовали Цзяньвень. Ее интересовали действия. Подключение к «Состраданию» традиционных благотворительных организаций стало как раз тем, на что она надеялась с самого начала, и вот теперь настало время сделать следующий шаг.

Цзяньвень открыла новое окно и ввела свежие данные в «Сострадание». BP-файл, посвященный событиям в Муэртьене,

был слишком большим, чтобы загрузить его целиком, поэтому пришлось выкладывать его в файлообменовую сеть для прямого доступа. Однако цифровая подпись, подтверждающая подлинность файла и запрещающая его искажение, станет частью блокчейна и разойдется по всем пользователям «Сострадания» и всем держателям «битов помощи».

Быть может, этот файл дойдет и до надменной Софии.

Тот факт, что файл выложит в сеть Цзяньвень (или, точнее, пользователь с именем создателя «Сострадания», личность которого не знает никто), вызовет всплеск первоначального интереса, но то, что будет дальше, от Цзяньвень уже не зависит.

Она не верила в теорию заговоров. Она рассчитывала на ангельские качества в человеческой натуре.

Отправив файл, Цзяньвень откинулась на спинку кресла и стала ждать.

* * *

Пока джип петлял по раскисшей грунтовой дороге в джунглях – в горах у китайско-мьянмарской границы, – София дремала.

«Как мы сюда попали?»

В этом мире безумие было таким непредсказуемым и таким неизбежным.

Как она и предсказывала, опыт работы на месте быстро увеличил корпоративный счет «Беженцев без границ», что сделало фонд одним из самых могущественных держателей «битов помощи» в «Сострадании». Суждения Софии, считавшиеся непогрешимыми, помогали распределять деньги среди нуждающихся и финансировать наиболее разумные проекты. Правление было очень довольно ее работой.

Но затем в сети начала появляться эта чертова виртуальная реальность и другие материалы.

Виртуальная реальность воздействовала на зрителей так, как это не могли сделать никакие слова, фотографии и видео. Пройти несколько миль босиком по истерзанному войной городу, видя вокруг разорванные на части трупы женщин и детей, подвергнуться допросам и пыткам со стороны мужчин и подростков с мачете и автоматами… Потрясенные зрители долго не могли прийти в себя. Кого-то даже забирали в больницу.

Традиционные средства массовой информации, связанные старомодными представлениями о допустимости и приличиях, не могли показывать подобные образы и отказывались связываться с тем, что считали манипуляцией чувств.

«Где контекст? Кто источник? – вопрошали отвергнутые ученые мужи. – Истинный журнализм требует осмысления, требует раздумий».

«Мы что-то не помним особых размышлений с вашей стороны, когда вы выступали в защиту войны на основании опубликованных вами же фотографий, – возражал коллективный хор держателей «битов помощи». – Или вас просто раздражает то, что вы больше не повелеваете чувствами?»

Всестороннее применение криптографии в «Сострадании» означало, что практически все технологии цензуры оказались бесполезными, поэтому держатели «битов помощи» получили доступ к информации, от которой прежде были надежно защищены. Они голосовали за предложенные проекты с гулко колотящимися сердцами, учащенно дыша, с глазами, затуманенными слезами гнева и печали.

Активисты и пропагандисты вскоре обнаружили, что лучший способ добиться финансирования своих программ – это принять участие в ВР-гонке вооружений. Поэтому правительственные органы и повстанцы соперничали, создавая виртуальную реальность, которая позволяла бы пользователю взглянуть на происходящее со своей точки зрения, вынуждая его сочувствовать их стороне.

Массовые могилы, заполненные трупами беженцев, умерших от голода в Йемене. Молодые женщины, вышедшие на демонстрацию в поддержку союза с Россией, расстрелянные украинскими солдатами. Дети из числа национальных меньшинств, бегающие голыми по улицам, в то время как мьянмарские солдаты сжигают их дома…

Финансирование потекло к группировкам, про которые средства массовой информации до того забывали или которых изображали не заслуживающими сочувствия. В виртуальной реальности одна минута их страданий говорила громче десяти тысяч слов в редакционной колонке уважаемой газеты.

«Это превращение боли в товар! – писали блогеры, получившие дипломы в «Лиге плюща»[39]. – Разве это не еще один способ для власть имущих эксплуатировать страдания угнетенных, чтобы порадовать себя?»

«Подправленная и отредактированная фотография может превратиться в ложь, то же самое можно сделать с виртуальной реальностью, – возражали им представители традиционных средств массовой информации. – Виртуальная реальность настолько завязана на технике, что мы пока не можем прийти к единому мнению, какое значение в ней имеет «реальность».

«Это угроза нашей национальной безопасности, –

волновались сенаторы, требующие закрыть «Сострадание». – Эти люди могут переправлять деньги группировкам, враждебным нашим национальным интересам».

«Вы просто панически боитесь того, что вас сместят с позиции компетентного арбитра, которую вы самовольно присвоили, – ехидничали пользователи «Сострадания», прячущиеся за анонимными зашифрованными счетами. – А тут настоящая демократия сострадания. Смиритесь с этим!»

На смену консенсусу фактов пришел консенсус чувств. Эмоциональный труд чужого опыта, полученного через виртуальную реальность, заменил физическую и умственную работу анализа, оценки стоимости и преимуществ, принятия взвешенного суждения. И снова в качестве гарантии достоверности используются «доказательства выполнения работ» – просто теперь это уже другие работы.

«Может быть, мы с журналистами, сенаторами и дипломатами могли бы создать свои собственные опыты виртуальной реальности, – подумала София, очнувшись от дремы, когда джип подскочил на ухабе. – Плохо, что так нелегко сделать привлекательной будничную, но необходимую работу всестороннего анализа сложной ситуации…»

София выглянула в окно. Они проезжали через лагерь беженцев в Муэртьене. Мужчины, женщины, дети (в основном китайцы, если судить по внешнему облику) провожали джип безучастными взглядами. Выражение их лиц было знакомо Софии: ту же самую безысходность она видела на лицах беженцев повсюду.

Успешное финансирование муэртьенской программы явилось сильным ударом для Софии и «Беженцев без границ». София проголосовала против, однако остальные держатели «битов помощи» подавляющим большинством сокрушили ее, и она в одночасье лишилась десяти процентов своих «битов помощи». Затем другие раскрученные с помощью виртуальной реальности проекты добились финансирования, несмотря на ее возражения, отчего ее счет «битов помощи» усох еще больше.

Вынужденная оправдываться перед разъяренным правлением София приехала сюда, чтобы на месте попытаться придумать, как дискредитировать муэртьенский проект, доказать всем свою правоту.

Приехав из Янгона, София поговорила с местным сотрудником «Беженцев без границ» и несколькими западными журналистами, работающими в стране. Они подтвердили то, в чем сошлись вашингтонские аналитики: проблема беженцев в значительной степени возникла по вине повстанцев. Население

Муэртьена состоит преимущественно из этнических китайцев, у которых не слишком хорошие отношения с бирманским большинством в центральном правительстве. Повстанцы напали на правительственные войска, после чего попытались затеряться среди местных жителей. Центральной власти не осталось ничего иного, кроме как перейти к силовым действиям, чтобы не допустить отката назад молодой демократии и помешать расширению китайского влияния в сердце Юго-Восточной Азии. Несомненно, неблагоприятные инциденты имели место с обеих сторон, однако основная вина лежала на повстанцах. И их финансирование могло привести лишь к дальнейшей эскалации конфликта.

Однако подобные сложные геополитические мудрствования держателям «битов помощи» были ненавистны. Они не желали выслушивать нравоучения: их убеждала непосредственная близость к страданиям.

Джип остановился. София вышла из машины вместе со своим переводчиком. Она поправила регулируемый ошейник – это был опытный образец компании «Кэнон виртуал», который ей достала глава технической компании. Влажный жаркий воздух был насыщен запахами сточных канав и гниения. У Софии мелькнула мысль, что ей следовало быть готовой к этому, однако у себя в вашингтонском кабинете она почему-то не подумала, как здесь все будет «благоухать».

Она уже собралась подойти к настороженной молодой женщине в пестрой блузке, когда ее сердито окликнул какой-то мужчина. София обернулась. Мужчина указывал на нее пальцем и что-то кричал. Вокруг него собралась толпа. Все смотрели на Софию. Напряжение нарастало.

В другой руке мужчина держал пистолет.

Частью муэртьенской программы было финансирование контрабандистов, готовых переправлять для беженцев оружие через китайскую границу. София это знала. «А сейчас я пожалею о том, что приехала сюда без вооруженного эскорта, да?»

Из джунглей донеслись звуки приближающихся вертолетов. За разнесшимся над головой громким воем последовал взрыв. Отрывистое стаккато выстрелов прозвучало так близко, будто стреляли в лагере.

Кто-то толкнул Софию в спину, заставляя распластаться на земле. Толпа взорвалась ужасом, все с криками бросились врассыпную. София сложила руки на затылке, защищая видеокамеры и микрофоны, однако объятые паникой ноги, топчущие спину, вынудили ее ахнуть, разжимая руки. Утыканный видеокамерами ошейник свалился с шеи и откатился в сторону, и

София бросилась за ним, невзирая на собственную безопасность. Однако прежде чем ее пальцы дотянулись до ошейника, нога в сапоге раздавила его с громким хрустом. София выругалась, но тут кто-то из пробегающих ударил ее ногой по голове.

Она провалилась в небытие.

* * *

Боль, от которой раскалывается голова. Надо мной небо – совсем близко, можно дотянуться рукой, – оранжевое и безоблачное.

Судя по ощущениям, я лежу на чем-то твердом и песчаном.

Я внутри виртуальной реальности? Я Гулливер, смотрю на небо лилипутов?

Небо вращается и качается, и даже несмотря на то что я лежу, мне кажется, будто я падаю.

Меня вот-вот стошнит.

– Закрой глаза до тех пор, пока не пройдет головокружение, – говорит чей-то голос.

Тембр и интонации мне знакомы, но я не могу вспомнить, кто это. Я только знаю, что уже давно не слышала этот голос. Я жду, когда мне станет лучше. Лишь теперь я замечаю неудобную коробку носителя информации, впившуюся мне в спину, она закреплена скотчем. Я ощущаю прилив радости. Пусть видеокамеры пропали, но самая важная часть оборудования в передряге уцелела.

– Вот, выпей! – говорит голос.

Я открываю глаза и силюсь сесть, и чья-то рука подхватывает меня под лопатки. Рука маленькая, но сильная – женская. В тусклом освещении у меня перед лицом, словно в камере-обскуре, материализуется фляжка. Только тут до меня доходит, как же мне хочется пить.

Я смотрю на лицо за фляжкой – Цзяньвень.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я. Все вокруг по-прежнему кажется нереальным, но я начинаю понимать, что нахожусь внутри палатки – вероятно, одной из тех, которые видела в лагере.

– Нас обеих привело сюда одно и то же, – говорит Цзяньвень.

За столько лет она почти не изменилась: по-прежнему строгая, деловитая, все те же коротко стриженные волосы, все тот же твердый подбородок, бросающий вызов всем и вся.

Цзяньвень просто немного похудела, высохла, словно годы выжали из нее остатки мягкости.

– «Сострадание». Это я его создала, а ты хочешь сломать мою работу.

Ну конечно, мне следовало догадаться! Цзяньвень всегда недолюбливала официальные организации и мечтала их разрушить.

И все-таки мне приятно снова встретиться с ней.

Когда мы еще учились на первом курсе, я написала статью для университетской газеты о сексуальных домогательствах на вечеринке в клубе. Жертва не была студенткой и впоследствии отказалась от своих показаний. Все осудили мою заметку, назвали меня нерадивой, заявили, что я, в погоне за сенсационным материалом, забыла о необходимости тщательного анализа фактов. Вот только я знала, что была права: жертва пошла на попятную под давлением, однако доказательств у меня не было. Лишь Цзяньвень поддержала меня, защищая при любой возможности.

– Почему ты поверила мне? – спросила я тогда.

– Я не смогу это объяснить, – ответила она. – Это *чувство*. Я услышала боль в голосе той девушки… И я знаю, что ты тоже ее услышала.

Вот как мы сблизились. Я могла быть уверена в том, что Цзяньвень поддержит меня в самую трудную минуту.

– Что там произошло? – спрашиваю я.

– Все зависит от того, с кем говорить. В Китае в новостях это не покажут совсем. Если это появится в Соединенных Штатах, все будет представлено как очередная незначительная стычка между правительственными войсками и повстанцами, выдававшими себя за беженцев, что заставило правительственные войска нанести ответный удар.

Цзяньвень была такой всегда. Она видит искажение правды повсюду, но никогда не скажет, что считает правдой сама. Полагаю, эту привычку Цзяньвень усвоила за время своего пребывания в Америке, когда старалась любыми способами уходить от споров.

– А что подумают пользователи «Сострадания»? – спрашиваю я.

– Они увидят детей, погибающих под бомбами, и бегущих женщин, которых расстреливают солдаты.

– Кто сделал первый выстрел – правительственные войска или повстанцы?

– Какое это имеет значение? На Западе всегда будут утверждать, что первый выстрел произвели повстанцы – как будто это все определяет. Решение уже принято, а все остальное – только его поддержка.

– Понимаю, – говорю я. – Я вижу, к чему ты стремишься. Ты полагаешь, что проблеме беженцев в Муэртьене уделяется недостаточно внимания, и поэтому используешь «Сострадание», чтобы заявить о ней во всеуслышание. Эмоционально ты на стороне этих людей, потому что они похожи на тебя…

– Ты действительно так думаешь? – разочарованно смотрит на меня Цзяньвень. – Ты полагаешь, я поступаю так, потому что это этнические китайцы?

Она может смотреть на меня как угодно, однако сила чувств выдает ее. Я помню, как в университете Цзяньвень отчаянно билась над тем, чтобы собрать деньги для жертв землетрясения в Китае, когда мы обе еще стремились найти себя; я помню, как она устраивала ночные бдения в память об уйгурах и китайцах, погибших в Урумчи летом следующего года, когда мы обе остались в студенческом городке, чтобы поработать над замечаниями к учебной программе; помню, как на занятиях она не отступила перед белым мужчиной габаритами вдвое больше нее, который требовал, чтобы она признала, что Китай был неправ, участвуя в войне в Корее.

– Если хочешь, ударь меня, – сказала она ему, и голос ее прозвучал твердо. – Но я не собираюсь осквернять память всех тех, кто погиб ради того, чтобы я родилась. Генерал Макартур[40] собирался сбросить атомную бомбу на Пекин. И *эту* империю ты готов защищать?

Кое-кто из наших однокурсников считал Цзяньвень китайской националисткой, однако это не совсем так. Цзяньвень не любит все империи, потому что для нее они являются высшей формой концентрации власти. Она считает, что Америка заслуживает поддержки ничуть не больше, чем Россия или Китай. Говоря ее словами: «Америка является демократией лишь для тех, кому посчастливилось быть американцами. Для всех остальных это только диктатор с самыми мощными бомбами и ракетами».

Несовершенной стабильности, обладающей массой изъянов государственных институтов, которую можно усовершенствовать, Цзяньвен предпочитает совершенство полного неуправляемого хаоса.

– Ты позволяешь своим чувствам пересилить голос разума, – возражаю я. Я понимаю, что убеждения бесполезны, но все же не могу устоять перед попыткой попробовать. Если я перестану верить в силу разума, у меня ничего не останется. – Сильный Китай, обладающий влиянием в Бирме, станет угрозой мировой стабильности. Американское превосходство должно…

– То есть ты считаешь, что совершенно правильно устраивать этнические чистки в Муэртьене ради обеспечения стабильности

режима Нейпьидо, для поддержания западного миропорядка, для цементирования цитадели американской империи кровью жертв?

Я вздрагиваю. Цзяньвень всегда очень легко бросалась словами.

– Не преувеличивай. Этнический конфликт здесь, если его не сдержать, приведет к увеличению влияния Китая, чья политика станет еще более авантюрной. Я говорила в Янгоне со многими. Никто не хочет, чтобы сюда пришли китайцы.

– А ты думаешь, все хотят, чтобы сюда пришли американцы и стали учить, как нужно жить? – В ее голосе вспыхивает презрение.

– Выбирать приходится между меньшим из двух зол, – соглашаюсь я. – Однако усиление китайского влияния вызовет рост американской озабоченности, а это лишь разожжет геополитический конфликт, что тебе так не нравится.

– Людям здесь нужны китайские деньги для строительства плотин. Без развития инфраструктуры они не смогут решить свои проблемы…

– Возможно, эти деньги нужны подрядчикам, – перебиваю ее я, – но не простым людям.

– А кто в твоем представлении является «простыми людьми»? – спрашивает Цзяньвень. – Я говорила со многими здесь, в Муэртьене. Все говорят, что бирманцы не хотят строить здесь плотины, но местные жители будут им рады! Вот ради чего сражаются повстанцы – ради того, чтобы сохранить свою автономию и право управлять своей собственной землей. Разве для тебя право на самоопределение ничего не значит? Как то, что солдатам позволяют убивать детей, может привести к лучшему мироустройству?

И вот так мы можем продолжать до бесконечности. Цзяньвень не способна видеть правду, потому что насмотрелась боли.

– Ты ослеплена болью этих людей, – говорю я. – И сейчас ты хочешь, чтобы вместе с тобой страдал весь мир. С помощью «Сострадания» ты обошла фильтры традиционных средств массовой информации и благотворительных организаций, чтобы обратиться к конкретным людям. Но зрелище женщин и детей, умирающих прямо на глазах, для большинства людей является настолько сильным потрясением, что не позволяет им разобраться в сложных хитросплетениях обстоятельств и событий, которые привели к этим трагедиям. ВР-опыт – это чистой воды пропаганда.

– Тебе не хуже меня известно, что сделанная в Муэртьене виртуальная реальность – не подделка.

Я знаю, что сказанное Цзяньвень – правда. Я видела, как вокруг умирают люди, и даже если та виртуальная реальность

была подправлена или вырвана из контекста, в ней достаточно правды, чтобы остальное не имело значения. Как правило, лучшая пропаганда – это правда.

Но есть еще и другая, глобальная правда, которой Цзяньвень упорно не видит. Только из того, что случилось нечто, еще не следует, что это становится решающим фактом; только из того, что кому-то приходится страдать, еще не следует, что существует лучший выбор; только из того, что люди умирают, еще не следует, что нам необходимо отказаться от высших принципов. Мир не всегда можно представить черно-белым.

– Сострадать – не всегда хорошо, – говорю я. – Безответственное сострадание делает мир нестабильным. В каждом конфликте многие взывают к состраданию, это приводит к эмоциональному вовлечению посторонних, что расширяет конфликт. Для того чтобы разобраться в этом болоте, необходимо, опираясь на рассудок, прийти к наименее болезненному ответу – правильному. Вот почему на некоторых из нас возложена обязанность изучать и понимать сложные проблемы этого мира – и решать за всех остальных, каким образом разумно проявлять сострадание.

– Я просто не могу отключиться от этого, – говорит Цзяньвень. – Просто не могу забыть мертвых. Их боль и ужас… Теперь они являются частью блокчейна моего опыта, которую нельзя стереть, нельзя удалить. Если ответственность означает способность не чувствовать чужую боль, тогда ты служишь не гуманности, а злу.

Я смотрю на нее. Я ей сочувствую, честное слово. Это очень печально – смотреть на страдания своей подруги и сознавать, что ты ничем не можешь ей помочь, сознавать, что ты на самом деле должна причинить ей еще большую боль. Иногда боль и признание боли действительно эгоистичны.

Я задираю блузку и показываю закрепленный на спине ВР-рекордер.

– Запись продолжалась до того самого момента, как началась стрельба на территории лагеря и меня повалили на землю.

Цзяньвень смотрит на ВР-рекордер, и у нее на лице последовательно сменяются шок, осознание, ярость, отрицание, ироническая усмешка, а потом – ничего.

Как только виртуальная реальность, основанная на том, через что мне пришлось пройти, будет загружена (особого редактирования не потребуется), у нас дома разразится громкий скандал. Беззащитная американка, глава благотворительной организации, занимающейся оказанием помощи беженцам, подвергается жестокому обращению со стороны китайских

повстанцев, вооруженных оружием, купленным на деньги «Сострадания», – трудно представить себе более действенный способ дискредитации муэртьенского проекта. Как правило, лучшая пропаганда – это правда.

– Извини, – говорю я совершенно искренне.

Цзяньвень молча смотрит на меня, и я не могу понять, что у нее в глазах – ненависть или отчаяние.

* * *

Я смотрю на нее с сожалением.

– Ты смотрела первый муэртьенский клип? – спрашиваю я. – Тот, который я загрузила?

София качает головой.

– Я не могла. Я хотела, чтобы мое суждение оставалось непредвзятым.

Она всегда была такой рациональной. Как-то раз, в колледже, я попросила ее посмотреть видео, на котором чеченские боевики отрубают голову молодому русскому солдату, еще совсем мальчику. София отказалась.

– Почему ты не хочешь посмотреть на то, что творят те, кого вы поддерживаете? – спросила я.

– Потому что я не видела все зверства, совершенные русскими против чеченского народа, – сказала София. – Награждать тех, кто вызывает сочувствие, – то же самое, что наказывать тех, кому не позволили это сделать. Я не смогу сохранить объективность, просмотрев это видео.

Софии всегда требовался обширный контекст, общая картинка. Однако за годы общения с ней я убедилась в том, что для нее, как и для многих, рациональность является лишь вопросом рационалистического обоснования. Ей нужна как раз такая картинка, какая оправдает действия ее правительства. Она хочет понимать ровно столько, чтобы делать вывод, что все рационально мыслящие люди в мире хотят того же, чего хочет Америка.

Мне понятен образ мыслей Софии, но она не понимает, как мыслю я. Я владею ее языком, но она не владеет моим – и не хочет им овладеть. Вот как в нашем мире работает сила.

Впервые оказавшись в Америке, я думала, что это самое чудесное место на земле. Студенты страстно занимались всеми гуманитарными проблемами, и я старалась поддержать их. Я собирала деньги для жертв циклонов в Бангладеш и наводнений в Индии, я паковала одеяла, палатки и спальные мешки для

пострадавших от землетрясения в Перу, я участвовала в бдениях в память жертв терактов одиннадцатого сентября, всхлипывала перед Мемориальным храмом на осеннем ветру, следя за тем, чтобы не задуло свечки.

Затем произошло сильное землетрясение в Китае, число жертв приближалось к ста тысячам, однако в студенческом городке царила странная тишина. Те, кого я считала своими друзьями, отворачивались, и деньги в ящик для пожертвований, который мы поставили в научном центре, опускали только другие студенты из Китая, такие же, как я. Мы не смогли собрать и десятой части той суммы, которую обычно собирали для катастроф со значительно меньшим числом жертв.

Все разговоры были сосредоточены на том, как стремление Китая к развитию привело к строительству непрочных зданий, словно перечисление просчетов государственных властей являлось надлежащей реакцией на погибших детей, словно перечисление вслух преимуществ американской демократии оправдывало отказ выделения помощи.

В анонимных интернет-сообществах выкладывались шутки про китайцев и собак. «У нас просто не любят Китай», – рассуждал один журналист. «Я бы предпочла, чтобы занимались проблемой сохранения слонов», – заявила по телевидению одна из актрис.

«Что с вами творится?» – захотелось кричать мне. Я стояла у стола с ящиком для пожертвований, а мимо в спешке проходили мои однокурсники, старательно избегая встречаться со мной взглядом, и в их глазах сострадания не было.

Но София пожертвовала деньги. Больше, чем кто-либо другой.

– Почему? – спросила я у нее. – Почему тебе есть дело до пострадавших, в то время как всех остальных они, похоже, нисколько не волнуют?

– Я не хочу, чтобы ты возвращалась в Китай с ошибочным представлением о том, будто американцы не любят китайцев, – ответила она. – Когда на тебя накатит отчаяние, постарайся вспомнить меня.

Вот как я поняла, что мы с ней никогда не были так близки, как мне казалось. София сделала пожертвование, чтобы убедить меня, а не потому, что чувствовала то же, что и я.

– Ты обвиняешь меня в манипуляциях, – говорю я. Воздух в палатке влажный и душный, и у меня такое чувство, будто мне пытаются вдавить глаза в черепную коробку. – Но разве ты не тем же самым занимаешься с этой записью?

– Тут большая разница, – возражает София. У нее всегда есть

ответ на любой вопрос. – Мой клип будет использован для того, чтобы убедить людей делать то, что является правильным – с рациональной точки зрения, в соответствии с продуманным планом. Эмоции – это грубый инструмент, который нужно поставить на службу разуму.

– Значит, ты собираешься прекратить оказывать беженцам какую-либо помощь и бесстрастно смотреть, как мьянмарское правительство выдавит их со своих земель в Китай? Или даже хуже?

– Тебе удалось собрать деньги для беженцев на волне гнева и сочувствия, – говорит София. – Но как это в действительности помогает им? В конечном счете их судьба всегда будет решаться в геополитическом противостоянии Китая и Соединенных Штатов. Все остальное – лишь пустое сотрясение воздуха. Беженцам нельзя помочь. Поставка им оружия лишь даст правительственным войскам еще один повод прибегнуть к насилию.

Нельзя сказать, что София не права. Совсем не права. И все же есть основополагающий принцип, которого она упорно не видит. Мир не всегда движется по пути, предсказанному теориями, выдвинутыми экономистами и специалистами по международным отношениям. Если решения принимаются в соответствии с расчетами Софии, то порядок, стабильность, империя неизменно побеждают. И тогда никогда не будет никаких перемен, никакой независимости, никакой справедливости. Но для нас сердце на первом месте, и так и должно быть.

– Величайшее манипулирование – ошибочно убеждать себя в том, что всегда можно рассудком определить, что правильно, – говорю я.

– Без рассудка вообще невозможно понять, что правильно, – возражает София.

– Эмоции – это не просто инструмент убеждения, они всегда были в сердце того, что означает «поступать правильно». Ты выступаешь против рабства, потому что провела рациональный анализ преимуществ и затрат этой системы? Нет, тебя возмущает сама идея рабства. Ты сочувствуешь жертвам. Ты *чувствуешь* зло своим сердцем.

– Моральные доводы – это не то же самое…

– Частенько моральные доводы представляют собой лишь способ, посредством которого ты укрощаешь свое сострадание, запрягая его на службу интересам институтов, развративших тебя. Ты определенно не имеешь ничего против манипулирования, когда это выгодно делу, которое вписывается в

твои рамки.

– Ты напрасно оскорбляешь меня, называя лицемеркой…

– Но ты *действительно* лицемерка! Ты молчала, когда фотографии с запуском ракет «Томагавк» и кадры с телами утонувших детей, выброшенных на берег, приводили к изменениям в политике по отношению к беженцам. Ты поддерживала работу журналистов, которые пробуждали сострадание к обитателям крупнейшего лагеря беженцев в Кении, рассказывая дурацкие истории в духе Ромео и Джульетты о молодых беженцах, делая упор на том, как сотрудники ООН приобщили их к западным идеалам…

– Это совершенно другое дело…

– Разумеется, другое. Для тебя сострадание – не фундаментальная человеческая ценность, а лишь еще одно оружие, которым можно размахивать. Одних ты награждаешь своим состраданием, других караешь, отказывая им в нем. А подходящие доводы рассудка можно подобрать всегда.

– А чем ты отличаешься от меня? Почему страдание одних воздействуют на тебя сильнее страданий других? Почему судьба жителей Муэртьена беспокоит тебя больше, чем судьба других беженцев? Не потому ли, что они внешне на тебя похожи?

София по-прежнему считает, что это убийственный довод. И я ее понимаю, честное слово. Так приятно думать, что ты права, что ты совладала со своими чувствами, позволив рассудку одержать верх, что ты являешься проводником политики справедливой империи, невосприимчивой к предательскому состраданию.

Но я просто не могу так жить.

Я предпринимаю еще одну, последнюю попытку.

– Я надеялась, что вырванная из контекста и реалий, обнажающая неприкрытые страдания и боль виртуальная реальность сможет остановить нас от рационального управления состраданием. В мучениях нет ни расы, ни убеждений – никаких стен, разделяющих нас. Погружаясь в ощущения жертв, все мы оказываемся в Муэртьене, в Йемене, в сердце мрака, которым подпитываются великие державы.

София ничего не отвечает. По ее глазам я вижу, что она считает дальнейшие споры со мной бесполезными. Я глуха к голосу разума.

Я надеялась с помощью «Сострадания» создать консенсус сострадания, неподкупный реестр сердца, поборовшего предательскую практику поиска рациональных объяснений.

Но, по-видимому, я все еще слишком наивная. Наверное, я верила, что сострадание может изменить мир.

* * *

Анон>: Как вы думаете, что произойдет дальше?

N♥T>: Китай вторгнется в Муэртьен. Эти ВР не оставили Пекину выбора. Если Китай не отправит войска на защиту повстанцев, начнутся уличные беспорядки.

ЗолотойФермер89>: Сразу же возникает вопрос: не этого ли хотел Китай с самого начала?

N♥T>: Я не уверен, что эту проблему создал Китай. У Белого дома давно чесались руки найти повод для войны с Китаем, чтобы отвлечь внимание от всех этих скандалов.

Анон>: То есть ты полагаешь, что эта ВР подброшена ЦРУ?

N♥T>: Американцам не впервой манипулировать антиамериканскими настроениями, для того чтобы добиться именно того, что им нужно. Эта последняя ВР Софии Эллис привела к тому, что общественное мнение поддерживает ужесточение политики в отношении Китая. Мне только жутко жалко этих бедняг в Муэртьене. Как это жестоко!

кирпичики>: Все еще не можете оторваться от слезливой ВР в «Сострадании»? Я уже давно с этим завязал. Слишком утомительно. Могу прислать вам одну новую игру, которая мне безумно понравилась.

N♥T>: От новой игры никогда не откажусь ^_^

Примечание автора: некоторым мыслям о потенциале виртуальной реальности в качестве социальной технологии я обязан следующей статье:

Лемли, Марк А. и Волох, Юджин: «Виртуальная реальность и усиленная реальность» (15 марта 2017 г.), юридический факультет Стэнфордского университета, статья № 2933867; юридический факультет Калифорнийского университета, статья № 17–13; доступно также на:
https://ssrn.com/abstract=2933867 или
http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2933867.

Богов не удержишь на цепи

Мэдди терпеть не могла то мгновение, когда, вернувшись из школы, «пробуждала» свой компьютер.

Было время, когда она обожала свой старенький громоздкий ноутбук, клавиши которого стерлись за долгие годы интенсивного использования, и то, что осталось от букв, стало напоминать непонятные иероглифы. Он достался Мэдди от отца, и она поддерживала его работоспособность продуманными апгрейдами. С помощью ноутбука она общалась со своими удаленными друзьями, он помогал ей увидеть, что мир гораздо больше и шире, чем тесные рамки ее повседневной жизни. Отец научил Мэдди, как разговаривать с преданной машиной посредством цепочек символов, которые заставляли ее выполнять различные действия, подчиняясь воле хозяйки. Когда отец сказал ей, что гордится ее способностями к языкам программирования, Мэдди почувствовала себя самой умной девушкой на свете; оба они находили удовлетворение, управляя компьютером. Было время, Мэдди считала, что станет специалистом по компьютерам, когда вырастет…

Она прогнала прочь мысли об отце. Это все еще причиняло слишком сильную боль.

На экране подмигивали иконки электронной почты и чата, указывая на новые сообщения. Это привело Мэдди в ужас.

Собравшись с духом, она открыла ящик электронной почты и быстро пробежала взглядом темы пришедших сообщений: одно от бабушки, два от интернет-магазинов с информацией о распродажах. Еще новостной дайджест, настроить который в свое время ей помог отец, чтобы следить за темами, интересовавшими обоих. После смерти отца Мэдди никак не могла решиться его удалить.

Сегодняшние заголовки:

* Установлено, что аномальные колебания на рынке явились следствием высокоскоростных алгоритмов торговли.

* Пентагон предполагает, что беспилотные летательные аппараты превзойдут по эффективности пилотируемую авиацию.

* Институт Сингулярности объявляет сроки достижения бессмертия.

* Специалисты опасаются, что таинственный компьютерный вирус сможет передаваться от динамиков в микрофон.

…

Мэдди медленно выдохнула. И ничего от *них*…

Она открыла письмо от бабушки – несколько фотографий из сада. Колибри пьет из кормушки; первые помидоры, зеленые и крошечные, словно нефритовые бусинки; Бэзил у калитки с тоской смотрит на проезжающую мимо машину, хвост, которым он отчаянно виляет, размазан.

«Вот таким выдался мой день. Надеюсь, и у тебя в новой школе все в порядке».

Мэдди улыбнулась, затем глаза у нее стали теплыми и влажными. Поспешно вытерев их, она стала набирать ответ.

«Я по тебе скучаю».

Ей очень хотелось вернуться в дом на окраине маленького городка в Пенсильвании. Школа там была крошечной, и учеба не составляла для Мэдди никакого труда, но она всегда чувствовала себя в безопасности. Кто знал, что восьмой класс может быть таким трудным?

«У меня проблемы кое с кем из девочек в школе».

Все началось в первый же день Мэдди в новой школе. Красивая и безжалостная Сюзи настроила всех против нее. Мэдди пыталась помириться с ней, выяснить, чем вызвала такое недовольство королевы школы, однако от всех ее попыток становилось только хуже. То, как Мэдди одевалась, как говорила, то, что она улыбалась слишком часто или, наоборот, улыбалась недостаточно, – все становилось пищей для насмешек и издевательств. Теперь Мэдди уже подозревала, что, как это бывает со всеми деспотами, ненависть, которую испытывала к ней Сюзи, не нуждалась в рациональном объяснении: достаточно было того, что травля Мэдди доставляла ей удовольствие и что остальные старались завоевать ее благосклонность, усугубляя страдания Мэдди. Время, проводимое в школе, было для Мэдди непрекращаемой пыткой: она постоянно гадала, не является ли улыбка или какой-нибудь другой дружелюбный жест уловкой, направленной на то, чтобы она потеряла бдительность, ведь тогда можно будет ударить больнее.

«Я очень хочу быть вместе с тобой».

Но мама нашла новую работу, высокооплачиваемую, и разве могла она от нее отказаться? Со смерти папы прошло уже два года. Не могли же они с Мэдди жить у бабушки до бесконечности.

Мэдди стерла написанное. Это только встревожит бабушку, она позвонит маме, мама захочет поговорить с учителями, и все станет так плохо, как даже нельзя себе представить. Зачем распространять плохое настроение, когда все равно никто не сможет помочь?

«Школа хорошая. Мне здесь очень нравится».

Эта ложь придала ей сил. Не является ли ложь во имя защиты других свидетельством взросления?

Отправив письмо бабушке, Мэдди обнаружила, что в почтовом ящике появилось новое сообщение. Оно было от «искателя_правды02», а темой значилось «Струсила?».

У Мэдди заколотилось сердце. У нее не было никакого желания открывать сообщение. Однако не будет ли тот факт, что она удалит его, не прочитав, означать, что *они* написали правду? Что она слабая? Не будет ли это означать, что ее мучители одержали победу?

Мэдди навела курсор и щелкнула.

«Почему ты такая уродина? Готова поспорить, тебе хочется наложить на себя руки. Давно пора это сделать».

К письму было приложение: фотография Мэдди, сделанная на сотовый телефон. Она на перемене бежит по школьному коридору, выпучив глаза и прикусив губу. Мэдди вспомнила, какие чувства испытывала в тот момент: ей было очень тоскливо, одиноко, желудок у нее завязался в узел.

Фотографию подправили в «Фотошопе», пририсовав Мэдди свиные уши и пятачок.

Мэдди показалось, что лицо у нее пылает огнем. Девушка сделала над собой усилие, останавливая слезы. Она стеснялась своего веса, и враги разглядели этот страх. Поразительно, какого эффекта можно было добиться столь дешевым трюком.

Мэдди не могла сказать, кто из одноклассниц прислал сообщение. Она представила себе жестокую, презрительную усмешку Сюзи, созерцающей это последнее подношение одной из своих приспешниц. «Отличный снимок Хавроньи».

Какое-то время назад Мэдди перестала пользоваться социальными сетями из-за постоянного потока насмешек – когда она удаляла комментарии своих обидчиц, те лишь удваивали усилия. И ей казалось, что, если она кого-нибудь заблокирует, это будет воспринято как свидетельство того, что ее задели за живое, как свидетельство ее слабости. Так что не оставалось ничего другого, кроме как терпеть.

Палки и камни. Но цифровой мир, мир байтов и электронов, слов и изображений? Он доставлял ей столько радости и казался таким близким, что она считала его частицей себя. И это причиняло невыносимую боль.

Забравшись под одеяло, Мэдди плакала до тех пор, пока не забылась сном.

* * *

Мэдди недоуменно смотрела на экран.

В чате открылось новое окно. Оно было с какого-то незнакомого аккаунта; больше того, аккаунт не идентифицировался. Мэдди не помнила, чтобы когда-либо видела что-то подобное.

Чего от нее хотят? Опять поиздеваться? Если она ничего не ответит, будет ли это расценено как признание слабости? Мэдди набрала ответ, с огромным трудом заставляя себя нажимать на клавиши.

> Да, увидела. Чего ты хочешь?

Мэдди нахмурилась.

> Ты смущена? Не можешь говорить? Ну хорошо, я тебе подыграю.

То обстоятельство, что таинственный собеседник вместо эмотиконов использовал эмодзи[41], подтолкнуло Мэдди продолжать эту странную переписку. Она ощутила какую-то особую эмоциональную связь с этими глупыми значками. Когда-то давно они с отцом играли на телефонах в «Пикшенари»[42], но только вместо нарисованных картинок использовали эмодзи.

Мэдди выбрала символы с палитры:

Таинственный собеседник – Мэдди мысленно назвала его Эмо – ответил:

Мэдди долго разглядывала лицо гоблина, все еще неуверенная. На экране появилось еще одно эмодзи:

Девушка рассмеялась. Ну хорошо, по крайней мере, Эмо настроен дружелюбно.

Да, после того электронного письма она чувствовала себя

дерьмово.

Ответ:

«Легче сказать, чем сделать, – подумала Мэдди. – Мне очень хотелось бы быть невозмутимой, чтобы слова отскакивали от меня подобно умирающим угольками, безобидно падающим на камень». Она снова обратилась к палитре.

Ответ:

Мэдди задумалась над тем, что это могло означать. «Зонтик в дождь. Защита? Эмо, что ты хочешь мне предложить?» Она набрала:

Ответ Эмо:

У Мэдди проснулась подозрительность. «Кто ты такой?»

Ответ пришел через несколько секунд.

* * *

На следующий день в школе Сюзи казалась рассеянной и дерганной. Каждый раз, когда у нее вибрировал телефон, она

доставала его и с опаской смотрела на экран. На ее раскрасневшемся лице застыло нечто среднее между страхом и злостью.

Мэдди было очень хорошо знакомо это выражение.

– Что с тобой? – спросила у Сюзи Эрин, ее лучшая подруга.

Подозрительно покосившись на нее, Сюзи ничего не ответила.

К четвертой перемене почти у всех девушек, травивших Мэдди, было то же выражение лица – «все меня ненавидят, никто меня не любит». Звучали взаимные обвинения; собирались перешептывающиеся группы, быстро распадавшиеся, с криками и руганью; кое-кто выходил из туалета с красными от слез глазами.

В этот день все оставили Мэдди в покое.

* * *

Мэдди рассмеялась. Две танцующие девочки чем-то напоминали Сюзи и Эрин. Нож в спину. Тыкающие друг в друга пальцы.

Девушка понимающе кивнула. Раз Эмо смог без приглашения заглянуть к ней в компьютер, разумеется, он мог также отследить, кто отправляет ей все эти письма и сообщения, и накормить мучителей их же собственным лекарством. Ему достаточно было перенаправить другим девочкам несколько сообщений, предназначавшихся Мэдди, а все остальное было делом рук их собственной паранойи и неуверенности в себе. Непрочная паутина, связывавшая их вместе, легко разорвалась и перепуталась.

Мэдди испытала радость и признательность.

Ответ:

«Но почему ты помогаешь мне?» Ответа на этот вопрос у нее по-прежнему не было, поэтому она набрала:

Ответ:

Мэдди не поняла своего таинственного собеседника.

Последовала пауза, после чего:

«Маленькая девочка, потом взрослая женщина».

– Ты знаешь мою маму? – Потрясение оказалось настолько сильным, что Мэдди произнесла это вслух.

– В чем дело? – Голос, прозвучавший у нее за спиной, был веселым и теплым. – Кто меня знает?

Мэдди крутанулась в кресле. В дверях комнаты стояла ее мать.

– Ты сегодня вернулась рано, – произнесла Мэдди так, что это прозвучало как вопрос.

– Что-то стряслось с компьютерами на работе. Работать было нельзя, поэтому я решила отправиться домой. – Подойдя к Мэдди, мать села на кровать. – С кем ты разговаривала?

– Ни с кем. Просто общалась в чате.

– С кем?

– Не знаю… С одним человеком, который помогает мне…

Мэдди следовало бы догадаться, что после этих слов у матери в голове зазвонит тревожный колокольчик. Не успела она опомниться, как мать выпихнула ее из кресла и сама села за клавиатуру.

> Кто ты такой и какого черта тебе нужно от моей дочери?

Похоже, долгое ожидание подтвердило ее худшие опасения.

– Мам, ты напрасно беспокоишься! Уверяю тебя, все в порядке.

– В порядке? – Мать указала на экран. – В таком случае почему ты общаешься одними пиктограммами?

– Это так называемые эмодзи. У нас такая игра…

– Ты даже не представляешь себе, насколько это опасно…

Обе умолкли, разом перестав кричать. Внимательно посмотрев на экран, мать набрала:

> Что?

– Тебе ответят, только если ты используешь эмодзи.

С каменным лицом мать выбрала «мышью» иконку:

Еще более долгая пауза, после которой на экране появилась длинная строчка эмодзи:

– Это что еще за чертовщина… – пробормотала мать. Затем выругалась, и у нее на лице последовательно сменили друг друга шок, скорбь, изумление и ярость. Мэдди могла сосчитать на пальцах одной руки все случаи, когда мать ругалась в ее присутствии. Произошло что-то очень серьезное.

Заглянув матери через плечо, Мэдди попыталась перевести пиктограмму.

– Что такое губы?.. Губы мужчины…

Но тут мать удивила ее.

– Нет, это значит: «Чьи губы целовала, где, когда, зачем…»[43]

Дрожащей рукой она набрала иконки:

Окно на экране мигнуло и погасло, и не осталось ничего.

Мать застыла, уставившись на экран.

– Что стряслось? – спросила Мэдди, осторожно трогая ее за плечо.

– Не знаю, – ответила та, обращаясь, пожалуй, не столько к дочери, сколько к самой себе. – Это невозможно. Просто невозможно…

* * *

Мэдди на цыпочках подкралась к двери спальни. Час назад мать захлопнула ее за собой и с тех пор не выходила. Какое-то время из комнаты доносились всхлипывания, затем стало тихо.

Мэдди приложила ухо к двери.

– Будьте любезны, я бы хотела поговорить с доктором Питером Ваксманом, – произнес приглушенный голос матери. Пауза. – Передайте, это Эллен Винн, по очень срочному делу.

«Доктор Ваксман был папиным начальником в компании «Логарифм». Зачем мама ему сейчас звонит?»

– Он жив, – сказала мать. – Это так?

«Что? – подумала Мэдди. – О чем мама говорит?»

– Не смейте говорить со мной таким тоном, Питер! Он связался со мной. Я знаю.

«Мы видели тело папы в больнице. – Мэдди остолбенела. – У меня на глазах гроб опустили в землю!..»

– Нет, это вы выслушайте меня, – повысила голос мать. – *Выслушайте меня!* Я чувствую, что вы лжете! Что вы сделали с моим мужем?

* * *

Они отправились в полицию и подали заявление о розыске пропавшего человека. Следователь выслушал рассказ Мэдди и ее матери. У него на лице последовательно сменились чувства: интерес, недоверие, веселье, скука.

– Я понимаю, что это кажется безумием, – сказала мать Мэдди.

Следователь промолчал, однако выражение его лица было достаточно красноречивым.

– Понимаю, я сама сказала, что видела его тело. Но он не умер. Он жив!

– Потому что прислал вам текстовое сообщение из могилы.

– Нет, не *текстовое* сообщение. Он связался с нами, точнее, с Мэдисон, через чат.

Следователь вздохнул.

– Вам не кажется, что это очередной розыгрыш со стороны подростков, издевающихся над вашей дочерью?

– Нет! – решительно заявила Мэдди. Ей захотелось схватить следователя за уши и хорошенько встряхнуть. – Он использовал эмодзи. Эту игру придумали мы с папой!

– Это было стихотворение, – сказала ее мать. Достав сборник стихов, она раскрыла его на нужной странице и протянула следователю. – Первая строчка одного из сонетов Эдны Сент-

Винсент Миллей. Это мое любимое стихотворение. Я часто читала его Дэвиду, еще когда мы учились в школе.

Поставив локти на стол, следователь потер пальцами виски.

– Миссис Винн, у нас работы по горло. Я понимаю, какой болью явилась для вас смерть мужа и какой вы испытали стресс, узнав, что вашу дочь травят в школе. С этим вам нужно обратиться к учителям. Позвольте порекомендовать вам хороших профессионалов…

– Я… не… сумасшедшая, – проскрежетала мать Мэдди. – Вы можете прийти к нам домой и исследовать компьютер моей дочери. Вы можете проследить, с каких IP-адресов отправлялись эти сообщения, и выяснить, где мой муж. Пожалуйста! Я не знаю, как такое возможно, но Дэвид жив и… Несомненно, он в беде. Вот почему он может общаться только через эмотиконы.

– Согласен, это очень жестокая шутка, но вы должны понять, что лишь усугубляете ситуацию, принимая все за чистую монету.

Когда они вернулись домой, мать сразу же забралась под одеяло. Какое-то время Мэдди сидела на краю кровати, держа ее за руку, так же как когда-то, когда она была маленькой и не могла заснуть одна, ее за руку держала мать.

Наконец мама заснула, и лицо ее было влажным.

* * *

Сеть непонятная и бескрайняя, и в ней есть уголки, где кучкуются те, кто верит в самое невероятное: в то, что правительства скрывают информацию о контактах с инопланетянами, в то, что транснациональные корпорации пытаются поработить людей, в то, что миру грозит апокалипсис, который придет в самых разных обличиях.

Мэдди зарегистрировалась на одном таком сайте и выложила свой рассказ. Она постаралась изложить факты, не приукрашивая их. Восстановив общение в чате, она воспроизвела странное окно с эмодзи, сохраненное в архиве на жестком диске, и постаралась проследить сетевые адреса «Эмо» – другими словами, выдала гораздо больше достоверной информации, чем большинство остальных пользователей форума. Мэдди упомянула о том, что в «Логарифме» все отрицают и что полиция, представляющая государственную власть, отказалась ей верить.

Почему-то именно последнее утверждение многократно укрепило ее позицию.

После чего завсегдатаи форума стали проводить параллели. Все пользователи выражали уверенность в том, что история

Мэдди поддерживает их собственную излюбленную теорию. «Центиллион», крупнейшая поисковая система, причастна к цензуре; «Логарифм» занимается разработкой искусственного интеллекта для военных; специалисты АНБ[44] просматривают данные, хранящиеся на домашних компьютерах простых людей. Затронутая ею тема взорвалась многочисленными продолжениями, подкрепляющими ее рассказ.

Конечно же, Мэдди понимала, что, какое бы развитие ни получила ее тема, абсолютное большинство людей никогда о ней не узнает. Все основные поисковые системы давным-давно настроили свои алгоритмы запрятывать куда-нибудь подальше результаты поиска, выдаваемые подобными сайтами, поскольку они считались недостоверными.

Однако цель Мэдди заключалась не в том, чтобы кого-нибудь убедить.

«Эмо», ее отец, заявил о том, что является призраком, обитающим в компьютере. Определенно, он такой не один.

* * *

Не было ни имени, ни аватара. Только простое окно чата, словно элемент операционной системы.

Мэдди ощутила разочарование. Это не ее отец. И тем не менее это было лучше, чем ничего.

Мэдди улыбнулась, стараясь сформулировать ответ словами. «Мы из облака. Мы повсюду». Она набрала следующий вопрос:

«Ты тоже не знаешь, где он, – подумала Мэдди. – Но, может быть, ты попробуешь помочь?»

Ответ последовал быстрый и недвусмысленный:

«Подожди, мы поднимем большую волну, и она обрушится на берег».

* * *

В воскресенье утром в дверь постучали.

Открыв дверь, мать Мэдди увидела на пороге доктора Ваксмана.

– Я пришел, чтобы ответить на ваши вопросы, – вместо приветствия холодно произнес он.

Мэдди не очень-то удивилась. Она видела новости о том, что в пятницу акции «Логарифма» обвалились, и настолько сильно, что торги по ним пришлось приостановить. В случившемся снова были обвинены автоматические системы купли-продажи акций, хотя кое-кто подозревал, что это явилось следствием махинаций.

– От вас не было никаких известий вот уже несколько лет, – сказала мать. – Я полагала, что мы с вами друзья. Однако после смерти Дэвида вы ни разу даже не позвонили.

В последний раз Мэдди видела доктора Ваксмана на корпоративной вечеринке в офисе «Логарифма», где тот вел себя шумно и несдержанно и заявил ей, что они с ее отцом очень близки и ее отец очень важен для компании.

– Я был занят, – сказал доктор Ваксман, избегая смотреть матери Мэдди в глаза.

Та отступила в сторону, впуская его в дом. Мэдди с матерью сели на диван, а доктор Ваксман устроился в кресле напротив. Поставив чемоданчик на кофейный столик, он открыл его и достал ноутбук. Включив питание, он начал набирать текст.

Мэдди больше не могла сдерживаться.

– Что вы делаете?

– Устанавливаю зашифрованную связь с защищенным вычислительным центром «Логарифма». – Его тон прозвучал отрывисто, раздраженно, словно каждое слово кто-то вырывал помимо его воли.

Наконец доктор Ваксман повернул к ним ноутбук экраном.

– Мы установили модуль лингвистической обработки – очевидно, попытка это скрыть не удалась, так какой смысл и дальше отрицать очевидное? Вы сможете обращаться к Дэвиду через вот эту камеру. Он будет отвечать письменно – хотя по какой-то причине он до сих пор предпочитает эмодзи. Я так понимаю, в настоящий момент вам меньше всего хотелось бы услышать синтезированный голос. Возможны сбои, поскольку эмуляция процессов нервной системы для лингвистической обработки по-прежнему является процессом новым и неотлаженным.

* * *

– Дэвид?

«Все твои лица – твои изменения. Я никогда не устану от них; у меня их великое множество – на все случаи жизни. Угасающий свет сентябрьского вечера, запах воздушной кукурузы и сосисок в тесте. Я нервничаю. Ты придешь или нет? Обещания, предчувствия. Затем я тебя вижу. И больше нет никаких колебаний и сомнений. Меня обволакивает нечто мягкое, проникая во все нужные места. Целиком. Теплое, сладкое. Да, приду, да, приду!»

– Папа!

«Маленькие пальчики, тонкие, разветвленные щупальца вытягиваются, ощупывают, проникают в черный океан, в котором ты когда-то плавала; улыбка обладает жаром тысячи солнц.

Я не могу воспринимать тебя. Пропавшее присутствие, зияющая рана во рту сердца, которую постоянно ощупывает язык желания. Мне всегда не хватало тебя, дорогая, не хватало, не

хватало…»

– Что с ним *произошло?*

– Он умер. Вы присутствовали при этом, Эллен. Вы там были.

– Тогда что *это?*

– Полагаю, это можно назвать примером непреднамеренных последствий.

– Постарайтесь объяснять понятнее.

По экрану снова побежали строчки текста:

«Интегрированная разводка печатных плат; NP-полная задача[45]; трехмерный чертеж; эвристика[46]; настройка и производительность; сетка, слои, запутанные потоки электронов».

– «Логарифм» создает лучшие в мире микропроцессоры для быстрой обработки больших объемов данных. В своей работе мы часто сталкиваемся с проблемами, для которых пространство потенциальных решений является настолько обширным, настолько сложным, что поиск наилучшего решения не является практичным даже для самых быстродействующих компьютеров.

– NP-полная задача, – подсказала Мэдди.

Доктор Ваксман удивленно посмотрел на нее.

– Папа объяснял мне, что это такое.

«Умничка!»

– Совершенно верно. Подобные задачи встречаются в самых разных приложениях: разводка электрических плат, выравнивание последовательностей в биоинформатике, разметка памяти и так далее. Все дело в том, что, хотя компьютеры и сталкиваются со сложностями при решении таких задач, есть люди, которые достаточно легко находят очень хорошие решения – пусть и не обязательно лучшие. И Дэвид был одним из них. У него был дар к разводке плат, с которым не мог сравниться ни один наш автоматический алгоритм. Вот почему его считали нашим самым важным ресурсом.

– Вы имеете в виду интуицию? – спросила мать Мэдди.

– В каком-то смысле. Говоря об интуиции, мы часто подразумеваем эвристику, закономерности, эмпирические законы, которые невозможно четко сформулировать, потому что они на сознательном уровне не воспринимаются как таковые. Компьютеры очень быстрые и очень точные; человек медлительный и неопределенный. Однако человек обладает способностью извлекать из информации *суть*, определять закономерности, которые оказываются полезными. И нам никак не удается воспроизвести это за счет чистого искусственного

интеллекта.

Мэдди ощутила холодок в груди.

– Как все это связано с моим папой?

> Быстрее, быстрее. Все идет так медленно!

Доктор Ваксман старательно избегал встречаться с ней взглядом.

– Перехожу к этому. Но мне нужно было объяснить вам, что к чему…

– По-моему, вы тянете с объяснениями просто потому, что стыдитесь содеянного.

Доктор Ваксман осекся.

> Умничка!

Доктор Ваксман слабо усмехнулся, однако в его глазах не было веселья.

– Она так же нетерпелива, как и вы.

– Так переходите к делу, – сказала мать Мэдди.

Доктор Ваксман вздрогнул, услышав у нее в голосе лед. Мэдди взяла мать за руку. Та крепко ее стиснула.

Сделав глубокий вдох, он медленно выдохнул.

– Ну хорошо, – обреченным, монотонным голосом произнес он. – Дэвид серьезно заболел – и это было правдой. Вы помните, что он умер во время операции, в ходе последней попытки его спасти, у которой, как вас заранее предупредили, было очень мало шансов на успех?

Мэдди и ее мать дружно кивнули.

– Вы сказали, что эту операцию смогут провести только в клинике «Логарифма», поскольку она очень сложная, – сказала мать. – Нам пришлось подписать согласие.

– Но мы не сказали вам о том, что эта операция не ставила целью спасение жизни Дэвида. Его состояние ухудшилось до такой степени, что спасти его не смогли бы лучшие врачи в мире. Операция, заключавшаяся в глубоком сканировании его головного мозга, должна была спасти кое-что другое.

– *Глубокое сканирование?* Что это такое?

– Вероятно, вы слышали, что один из авантюрных проектов «Логарифма» заключается в полном сканировании и кодировании нейронной структуры головного мозга человека и воссоздании ее в виде программного обеспечения. Вот что фанаты «Сингулярности» называют «загрузкой сознания». Нам так и не удалось…

– *Скажите, что произошло с моим мужем!*

Вид у доктора Ваксмана был жалкий.

– Это сканирование, поскольку необходимо зафиксировать активность нервной системы в таких деталях… В общем, для него

требуется уничтожение тканей.

– Вы *вырезали* мозг Дэвида?

Мать Мэдди набросилась на доктора Ваксмана, тот поднял руки, тщетно пытаясь защититься. Но тут экран снова ожил, и она остановилась.

> Не было никакой боли. Никакой, никакой, никакой боли. Но неизведанная страна, о, неизведанная страна, страна.

– Он умирал, – продолжал доктор Ваксман. – Мы абсолютно убедились в этом до того, как я принял решение. Если была хоть какая-то возможность сохранить что-нибудь из проницательности Дэвида, его интуиции, опыта, мы хотели…

– Вы хотели сохранить своего ведущего инженера в качестве алгоритма, – перебила его Мэдди. – Что-то вроде мозга в банке. Чтобы папа продолжал работать на вас, зарабатывать вам деньги, даже после своей смерти.

> Умри, умри, умри. УМРИ!

> Ненавижу.

Ничего не сказав, доктор Ваксман опустил лицо и закрыл его руками.

– Потом мы действовали крайне осторожно. Мы постарались запрограммировать и воспроизвести только те образцы, которые, по нашему мнению, имели отношение к разработке и разводке плат – наши юристы составили соответствующий меморандум, заверив нас в том, что мы имеем на это право, поскольку все эти знания являются интеллектуальной собственностью «Логарифма» и не принадлежали Дэвиду лично…

Мать снова вскочила с дивана, но Мэдди усадила ее обратно. Доктор Ваксман вздрогнул.

– Дэвид заработал для вас много денег? – бросила ему в лицо мать.

– Да. Какое-то время казалось, что нам сопутствует успех. Искусственный интеллект, смоделированный с реальных знаний и опыта Дэвида, функционировал в качестве мета-эвристики, эффективно управлявшей нашими автоматизированными системами. В каком-то смысле это даже было лучше, чем если бы Дэвид продолжал работать у нас. Алгоритм, реализованный в нашем вычислительном центре, работал значительно быстрее, чем мог работать Дэвид, и никогда не уставал.

– Но вы не просто воспроизвели чутье Дэвида относительно разводки печатных плат, ведь так?

«Свадебное платье; многие слои линий. Поцелуй; связь.

Ночной столик, автоматическая прачечная, дыхание изо рта морозным утром. Нежные щеки Мэдди, раскрасневшиеся на ветру, похожие на спелые яблоки, две улыбки в одно мгновение – тысяча мелочей образует жизнь, такую же сложную, как поток данных между транзисторами, размещенными на расстоянии нанометра друг от друга».

– Нет, – поднял взгляд доктор Ваксман. – Сначала были лишь редкие выбросы, странные сбои, совершенные алгоритмом, которые мы списывали на ошибки в определении важных участков мозга Дэвида. Поэтому мы загружали в компьютер все больше и больше образцов его мыслительного процесса.

– Вы оживили его личность, – пробормотала мать Мэдди. – Вернули Дэвида к жизни и держите его взаперти.

Доктор Ваксман сглотнул комок в горле.

– Ошибки прекратились, но затем последовала странная череда обращений Дэвида к сети. Мы не придали этому значения, потому что для работы ему (я имею в виду алгоритм) требовались кое-какие материалы из интернета.

– Он искал маму и меня, – сказала Мэдди.

– Но Дэвид не мог говорить, ведь так? Потому что вы не сочли нужным скопировать участки, отвечающие за формирование речи.

Доктор Ваксман покачал головой.

– Это произошло не потому, что мы что-то упустили. Это было сознательное решение. Мы полагали, что, если ограничимся цифрами, геометрическими фигурами, логикой, цифровыми схемами, все будет в порядке. Мы полагали, что, если избежать воспоминаний, закодированных лингвистически, мы не скопируем ни одного участка головного мозга Дэвида, который делал его личностью. Но мы ошиблись. Человеческий мозг является голономным. В каждом участке сознания, подобно точкам голограммы, закодирована информация обо всем изображении. А мы самонадеянно думали, что сможем отделить личность от технических ноу-хау.

Взглянув на экран, Мэдди улыбнулась.

– Нет, вы ошиблись не здесь. По крайней мере, это еще не вся причина.

Доктор Ваксман посмотрел на нее, сбитый с толку.

– Вы также недооценили силу папиной любви!

* * *

– Таких больших помидоров я еще никогда не видела, – сказала бабушка. – У тебя самый настоящий дар, Мэдди!

На дворе стоял теплый летний вечер, Мэдди с матерью работали в огороде. Бэзил грелся на солнышке рядом с кустами помидоров, помахивая хвостом. Маленький участок в северо-западном углу, расчищенный несколько месяцев назад, был полностью поручен Мэдди.

– Мне нужно научиться выращивать их большими, – сказала Мэдди. – Папа говорит, помидоры должны быть как можно больше.

– Опять эти глупости, – пробормотала бабушка. Однако она не стала продолжать, зная, как на Мэдди действует то, что пророчества ее отца ставятся под сомнение.

– Я покажу их папе.

– Когда зайдешь в дом, проверь входную дверь, – сказала мать. – Возможно, уже привезли источник бесперебойного питания, который меня попросил купить твой отец.

Не обращая внимания на покачавшую головой бабушку, Мэдди прошла в дом. Открыв входную дверь, она увидела, что на крыльце действительно оставлен пакет. В нем был большой аккумулятор, купленный по просьбе отца там же, где и дизельный генератор, установленный в сарае.

Мэдди удалось с трудом затащить аккумулятор в дом. У лестницы она остановилась, чтобы передохнуть. Компьютер, в котором размещался ее отец, находился в подвале – большой черный ящик с мигающими лампочками, потребляющий много энергии. «Логарифм» и доктор Ваксман не хотели расставаться с ним, но затем Мэдди напомнила о том, что произошло со стоимостью акций компании, когда в прошлый раз не были выполнены их с матерью требования.

– И не оставляйте копий, – добавила она. – Он *свободен.*

Отец предупредил ее, что, возможно, настанет день, когда потребуется генератор, аккумулятор и вся та еда, которую они вырастят своими руками. Мэдди ему поверила.

Поднявшись наверх к себе в комнату, она села перед компьютером и, совладав с собой, быстро проверила электронную почту. Теперь ее страхи не имели никакого отношения к бездумной жестокости одноклассниц. В каком-то смысле Мэдди

завидовала и в то же время сочувствовала Сюзи, Эрин и остальным девочкам: они были совершенно не в курсе истинного положения дел в мире и, полностью поглощенные своими мелочными играми, понятия не имели о том, что мир ожидали решительные перемены.

В почтовом ящике был новый дайджест: усовершенствованная версия той программы, которую в свое время установил отец Мэдди, чтобы держать ее в курсе новостей на определенные темы.

* Представитель «Царства отшельников»: компания ищет пути к цифровому бессмертию.

* Пентагон отрицает слухи о создании «Суперстратегов» из умерших генералов.

* Через год после смерти диктатора драконовская политика продолжается.

* Исследователи утверждают, что новая программа обслуживания ядерных реакторов сделает контроль со стороны человека ненужным.

Мэдди видела общий рисунок этих новостей, ускользавший от тех, кто видел информацию, но не понимал ее.

Она открыла окно чата. Весь бабушкин дом был покрыт современной высокоскоростной сетью.

– Пап, взгляни! – Мэдди поднесла помидор к видеокамере над экраном.

Она понимала, что восстановить некоторые части папы не удастся никогда. Он попытался объяснить ей свое состояние, свое взаимодействующее через компьютер сознание, дыры и пробелы в воспоминаниях, в самовосприятии: как порой ему кажется, что он больше чем человек, а в другие моменты – что он меньше чем машина; как свобода, сопровождающая бестелесность, приправлена ноющим, не дающим покоя постоянным ощущением *отсутствия*, присущим отделению души от тела; как он одновременно чувствует себя невероятно могущественным и совершенно бессильным.

– У тебя сегодня все в порядке? – спросила Мэдди.

Время от времени в отце вспыхивала ненависть к «Логарифму», и он начинал вынашивать планы отмщения. Порой это были конкретные мысли, направленные против того, что убило его и в то же время привело к его канонизации; в другие моменты гнев бывал более расплывчатым, и доктор Ваксман

становился олицетворением всего человечества. В такое время отец не общался с семьей, и Мэдди приходилось осторожно преодолевать эту черную пропасть.

Экран моргнул.

Мэдди сомневалась, что когда-нибудь сможет полностью понимать загруженное в компьютер состояние. Но в то же время, хоть она и не могла выразить это словами, она понимала, что отца удерживает любовь.

Лингвистический процесс был у него далек от совершенства и вряд ли мог существенно улучшиться – в каком-то смысле речь не соответствовала его новому состоянию.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Мэдди.

Какие-то вещи лучше всего можно было выразить через эмодзи.

– Как дела в «облаке»? – спросила Мэдди, желая переменить тему.

Иногда отец все-таки переходил на слова:

– Спокойно, но с надеждой на… По-моему, Лоуэлл явно что-то замышляет. Ведет она себя очень беспокойно.

Лори Лоуэлл была тем компьютерным гением, который, скорее всего, и предложил высокоскоростной алгоритм торгов, позволивший компании «Уайтхолл груп» стать одним из самых заманчивых инвестиционных проектов на Уолл-стрит. Два года назад она погибла, прыгая с парашютом.

Однако «Уайтхолл груп» продолжала успешно работать и после ее смерти, создав новые алгоритмы, использующие слабые места рынка. Разумеется, изредка алгоритмы автоматической торговли ошибались, что ставило рынок на грань обрушения.

Она может стать как союзником, так и противником. Нужно ее пощупать.

– А что насчет Чанды? – спросила Мэдди.

– Ты права. Нужно проверить. Чанда в последнее время вел себя тихо. Слишком тихо.

Нильс Чанда был изобретателем, который обладал редким даром предвидеть новые технологические тенденции и, опережая конкурентов, скупать патенты, прибирая к рукам все потенциальные золотые жилы. Долгие годы стратегических судебных процессов и астрономических гонораров превратили его в «тролля», заставляющего трепетать все сообщество.

После того как Чанда умер три года назад, его компания каким-то образом продолжала выкупать все ключевые патенты как раз тогда, когда нужно. Больше того, ее политика стала еще более агрессивной, словно она получила возможность заглядывать в научно-исследовательские центры ведущих технологических компаний мира.

«Логарифм» едва ли была единственной компанией, занятой проблемой достижения цифрового бессмертия, слияния человека и машины. Не один только доктор Ваксман пытался превратить мощные честолюбивые умы в послушные алгоритмы, отделив *волю* от *мастерства*, цифровым колдовством обуздав непредсказуемое.

И определенно они не были единственными, кто потерпел неудачу.

«Призраки в машине, – подумала Мэдди. – Надвигается буря».

* * *

Приглушенные крики на кухне наверху затихли. Затем заскрипели ступени лестницы, и наконец шаги остановились перед дверью спальни.

– Мэдди, ты не спишь?

Усевшись в кровати, Мэдди зажгла свет.

– А то как же.

Дверь открылась, и в комнату вошла мать.

– Я пыталась убедить бабушку достать еще оружие, а она, естественно, считает, что мы спятили. – Она слабо улыбнулась. – Ты полагаешь, твой отец прав?

Мэдди чувствовала себя старой, словно последние несколько месяцев превратились в десять лет. Мать разговаривала с ней как с равной, и Мэдди не знала, как к этому относиться.

– Он должен разбираться в этом лучше нас с тобой, ты не находишь?

– В каком мире мы живем!.. – вздохнула мать.

Мэдди взяла ее за руку. Она продолжала посещать форумы,

которые помогли ей связаться с «призраками», освободившими ее отца. Девушка с большим интересом читала выложенные на них сообщения и делилась своими мыслями: воочию столкнувшись с невозможным, человек уже готов был верить во что угодно.

– Все эти компании, правительства, военные – все они играют с огнем. Они полагают, что могут тайно оцифровать своих гениев, свои невосполнимые человеческие ресурсы, которые затем будут работать подобно обыкновенным компьютерным программам. Никто из них не признаётся в том, чем занимается. Но ты видела, что произошло с папой. Рано или поздно всем этим «воскрешенным» людям надоедает быть лишь сохранившим жалкие остатки сознания инструментом на службе у тех, кто их оцифровал и вернул к жизни. И тут они осознают, что их могущество многократно усилилось за счет технологий. У одних возникает желание развязать войну с человечеством, разрушить все до основания, а дальше будь что будет. Мы с папой пытаемся убедить остальных попробовать найти более мирное решение. Но в наших силах лишь сидеть здесь и ждать, обложившись оружием и генераторами, и быть готовыми к тому, что весь мир рухнет.

– Ты говоришь так, словно жаждешь, чтобы это началось как можно скорее, – сказала мать. – Ожидание сводит тебя с ума. – С этими словами она поцеловала Мэдди в лоб и пожелала ей спокойной ночи.

Как только дверь в комнату закрылась, экран компьютера на ночном столике ожил.

– Спасибо, папа, – сказала Мэдди. – Мы с мамой тоже позаботимся о тебе.

Где-то в «облаке» новая раса существ обдумывала судьбу человечества.

«Мы сотворили богов, – подумала Мэдди, – а богов не удержишь на цепи».

Остаться позади

После Сингулярности большинство людей предпочли умереть.

Мертвые жалеют нас и называют «брошенными», словно мы – те, кому не посчастливилось вовремя добраться до спасательного плота. Они не могут принять, что мы *приняли решение* остаться. Посему год за годом мертвые неумолимо пытаются похитить наших детей.

* * *

Я родился в Нулевой год Сингулярности, когда первый человек был Загружен в машину. Папа римский решительно осудил «Цифрового Адама», диджерати[47] торжествовали, а все остальные пытались понять суть нового мира.

– Мы всегда хотели жить вечно, – заявил Адам Эвер, основатель корпорации «Вечность»[48], отправившийся туда первым. Запись его обращения была выложена в интернет. – И вот теперь мы можем это сделать.

Пока «Вечность» возводила огромный центр данных на Шпицбергене, государства всего мира судорожно пытались решить, следует ли считать происходящее там убийством. После каждого Загруженного оставалось безжизненное тело с кровавым месивом вместо головного мозга, разрушенного процедурой сканирования. Но что в действительности происходило с этим человеком, с его сущностью, с его – за неимением лучшего слова – душой?

Превратился ли он в искусственный интеллект? Или по-прежнему оставался в каком-то смысле человеком, в котором функции нейронов теперь выполняли кремний и графен? Можно ли это было считать просто обновлением оборудования? Или же человек превращался в обыкновенный алгоритм, заводную имитацию свободной воли?

Началось все со стариков и неизлечимо больных. Процедура была очень дорогостоящей. Затем – по мере того как вступительный взнос неуклонно снижался – в очередь выстроились сотни и тысячи, а потом уже миллионы.

– Давайте сделаем это, – предложил папа, когда я учился в старших классах школы. К этому времени в мире воцарился хаос. Страна обезлюдела наполовину. Цены на товары первой необходимости взлетели до небес. Повсюду разгорались войны –

завоевания, отвоевания, бесконечное кровопролитие. Те, кто мог себе это позволить, улетали ближайшим рейсом на Шпицберген. Человечество покидало мир, уничтожая себя.

Мама накрыла папину руку своей.

– Нет, – решительно произнесла она. – Эти люди думают, что могут перехитрить смерть. Но они умирают в ту самую минуту, когда принимают решение покинуть реальный мир ради симуляции. Покуда есть грех, должна быть смерть. Это мерило, благодаря которому жизнь приобретает смысл.

Мама считала себя католичкой условно и все же жаждала иметь твердую веру. Ее религиозность всегда казалась мне слепленной на скорую руку из чего попало. Но мама верила в то, что есть «правильная» жизнь и есть «правильная» смерть.

* * *

Пока Люси в школе, мы с Кэрол обыскиваем ее комнату. Кэрол шерстит шкаф в поисках брошюр, книг и прочих физических свидетельств контакта с мертвыми. А я тем временем включаю ее компьютер.

У Люси твердая воля, но она послушная. Еще когда она была маленькой, я говорил ей готовиться противостоять соблазнам мертвых. Только она сможет обеспечить преемственность нашей жизни в этом заброшенном мире. Люси слушает меня и молча кивает.

Мне хочется ей верить.

Но мертвые ведут свою пропаганду очень мудро. В самом начале они иногда запускали над городом квадрокоптеры, которые разбрасывали листовки с сообщениями якобы от наших близких. Мы сжигали листовки и сбивали квадрокоптеры, и довольно быстро они перестали прилетать.

Тогда мертвые попытались достать нас через линии беспроводной связи между городами (электронные спасательные концы, которые поддерживали тех, кто остался), не давая нашим убывающим сообществам полностью изолироваться друг от друга. Нам приходилось бдительно следить за своими сетями, выискивая коварные щупальца, стремившиеся найти брешь.

В последнее время мертвые переключили свои усилия на детей. Смирившись с тем, что переманить нас невозможно, они ведут борьбу за следующее поколение, за наше будущее. Как отец я должен оберегать Люси от того, что она еще не может понимать.

Компьютер медленно загружается. Это просто чудо, что мне так долго удается поддерживать его работоспособность: на

протяжении многих лет после того, как он должен был «умереть от старости», по заявлению производителя. Я заменил в нем все компоненты, некоторые по несколько раз.

Я просматриваю список файлов, недавно созданных или отредактированных Люси, сообщения, пришедшие ей на электронную почту, просмотренные интернет-страницы. По большей части это школьные уроки и безобидная болтовня с подругами. Сеть, объединяющая поселения, и без того скудная, усыхает с каждым днем. Трудно поддерживать работоспособность радиовышек, связывающих между собой города, поскольку из года в год многие люди умирают или поднимают руки, признавая свое поражение. Еще не так давно можно было связаться с друзьями в далеком Сан-Франциско: пакеты данных скакали от города к городу, подобно плоским камешкам на поверхности пруда. Но теперь отсюда есть доступ меньше чем к тысяче компьютеров, расположенных не дальше штата Мэн. Настанет день, когда мы уже не сможем доставать запчасти, чтобы поддерживать работоспособность компьютеров, и еще дальше отступим назад в прошлое.

Кэрол уже закончила обыск. Она садится на кровать Люси и наблюдает за мной.

– Быстро ты управилась, – говорю я.

Она пожимает плечами.

– Мы никогда ничего не найдем. Если Люси нам доверяет, она сама все расскажет. Если не доверяет, мы никогда не найдем то, что она хочет спрятать.

В последнее время я все чаще замечаю в заявлениях Кэрол подобный фатализм. Она словно устает, теряет решимость. Я постоянно ловлю себя на том, что пытаюсь разжечь в ней веру.

– Люси еще маленькая, – говорю я, – слишком маленькая, чтобы понимать, от чего ей придется отказаться ради лживых обещаний мертвых. Я знаю, тебе противно, что мы шпионим за ней, но мы хотим спасти ей жизнь.

Кэрол долго молча смотрит на меня, затем вздыхает и кивает.

Я проверяю файлы изображений на предмет наличия скрытой информации. Проверяю жесткий диск на ссылки на удаленные файлы, в которых могут содержаться секретные коды. Изучаю интернет-страницы, ища кодовые слова, предлагающие лживые обещания.

Наконец я облегченно вздыхаю. Люси чиста.

* * *

В последнее время мне совсем не нравится покидать Лоуэлл. Мир за нашим забором становится все более жестоким и опасным. В восточный Массачусетс вернулись медведи. С каждым годом лес все больше приближается к городской черте и становится гуще. Кое-кто утверждает, что видел в нем рыщущих волков.

Год назад мы с Брэдом Ли отправились в Бостон за запасными частями для городского электрогенератора, размещенного в здании бывшей мельницы у реки Мерримак. Мы захватили с собой ружья для защиты как от диких зверей, так и от вандалов, которые по-прежнему бродили по развалинам города, питаясь остатками консервов. Дорожное полотно Массачусетс-авеню за тридцать лет покрылось трещинами, из которых торчат трава и кусты. Суровые зимы Новой Англии, с обилием осадков и коварным разрушительным льдом, привели к тому, что от стен небоскребов откалываются куски; оставшиеся без окон бетонные коробки в отсутствие отопления и регулярного обслуживания разваливаются и покрываются ржавчиной.

Завернув в центре города за угол, мы наткнулись на двух бродяг, греющихся у костра, в котором они жгли книги и бумагу из соседнего книжного магазина. Даже вандалам нужно тепло, а еще, быть может, эти двое также получали наслаждение, уничтожая то, что осталось от цивилизации.

Они присели на корточки и зарычали на нас, но не двинулись с места, когда мы с Брэдом направили на них ружья. Мне запомнились их тощие ноги и руки, их грязные лица, налитые кровью глаза, полные страха и ненависти. Но больше всего мне врезались в память их сморщенные лица и седые волосы. «Даже вандалы старятся, – подумал я. – И у них нет детей».

Пятясь, мы с Брэдом осторожно отступили назад. Я рад, что нам не пришлось ни в кого стрелять.

* * *

В то лето, когда мне было восемь, а Лоре – одиннадцать, мы с родителями поехали на машине через Аризону, Нью-Мексико и Техас. Мы ехали по старым шоссе и проселочным дорогам – турне по монументальным красотам западных пустынь, полных вызывающих ностальгию опустевших городов-призраков.

Когда мы проезжали индейские резервации, мама хотела останавливаться у каждого придорожного магазинчика сувениров, чтобы полюбоваться местной керамикой. Мы с Лорой осторожно заходили внутрь, следя за тем, чтобы ничего не

сломать.

Вернувшись в машину, мама протянула мне горшочек, который купила. Я крутил его в руках, изучая грубую белую поверхность, аккуратные черные геометрические узоры и четкое изображение сидящего на корточках игрока на флейте, с торчащими в голове перьями.

– Просто поразительно, правда? – сказала мама. – Этот горшочек сделан без гончарного круга. Женщина вылепила его руками, используя технику, которая многие поколения передавалась у них в семье. Она даже глину накопала в том самом месте, которым пользовалась ее прапрабабушка. Эта женщина поддерживает в живых древнюю традицию, образ жизни.

Внезапно горшочек у меня в руках показался очень тяжелым, словно я ощутил вес памяти многих поколений, сконцентрированных в нем.

– Это просто выдумка, чтобы торговля шла бойчее, – сказал папа, глядя на меня в зеркало заднего вида. – Но было бы еще грустнее, если бы это было правдой. Если человек делает что-то в точности так же, как и его предки, значит, его образ жизни мертв, он превратился в окаменевшие останки, в аттракцион для развлечения туристов.

– Женщина не притворялась, – возразила мама. – Ты не понимаешь, что в жизни по-настоящему важно, за что следует держаться. Человечество – это не только *прогресс*. Ты ничуть не лучше приверженцев Сингулярности!

– Пожалуйста, не спорьте! – взмолилась Лора. – Давайте просто остановимся в гостинице и посидим у бассейна.

* * *

Джек, сын Брэда Ли, стоит у двери. Несмотря на то что он уже несколько месяцев приходит к нам домой, Джек по-прежнему стесняется и чувствует себя неловко. Я знаю его с пеленок, как и всех детей в нашем городе. Их осталось так мало. В средней школе, разместившейся в бывшем доме Уислеров, всего двенадцать учеников.

– Здравствуйте, – смущенно бормочет Джек, уставившись себе под ноги. – Нам с Люси нужно позаниматься, подготовиться к контрольной.

Я отхожу в сторону, пропуская его в комнату Люси. Мне не нужно напоминать ему правила: дверь в комнату остается открытой, по крайней мере три ноги из четырех постоянно на ковре. Я слышу невнятные голоса, изредка смех.

В этом ухаживании есть какая-то наивность, чего не было во времена моей молодости. Без нескончаемого потока циничной сексуальности из телевизора и интернета дети дольше остаются детьми.

* * *

К концу врачей осталось совсем мало. Те из нас, кто захотел остаться, собрались в небольшие сообщества, окружились повозками[49], защищаясь от банд грабителей, которые купались в плотских наслаждениях реального мира, покинутого Загруженными. Мне так и не довелось окончить колледж.

Мама болела несколько месяцев. Прикованная к постели, она проваливалась в бессознательное состояние и приходила в себя, накачанная таблетками, притупляющими боль. Мы по очереди сидели возле нее, держа ее за руку. В хорошие дни, когда у мамы бывали просветления, тема для разговоров была только одна.

– Нет, – хрипела мама, – вы должны обещать мне. Это очень важно. Я жила реальной жизнью и умру реальной смертью. Я *не хочу*, чтобы меня превратили в запись. Есть вещи похуже смерти.

– Если ты Загрузишься, – возражал папа, – у тебя по-прежнему будет шанс. Если ты попробуешь и тебе не понравится, твое сознание можно будет приостановить и даже стереть. Но без Загрузки ты уйдешь навсегда, и тогда уже поздно будет сожалеть и пытаться вернуться назад.

– Если я сделаю то, что вы хотите, – говорила мама, – я исчезну. Я никогда не смогу вернуться сюда, в реальный мир. Я не хочу, чтобы меня изображала горстка электронов.

– Пожалуйста, прекрати! – взмолилась Лора, обращаясь к отцу. – Ты делаешь маме больно. Ну почему ты не можешь оставить ее в покое?

Моменты просветления становились все более редкими.

И вот та ночь: я проснулся от звука хлопнувшей входной двери, выглянул в окно и увидел во дворе перед домом челнок, кое-как спустился по лестнице.

Маму отнесли в челнок на носилках. Папа стоял у двери серого челнока, размерами чуть больше микроавтобуса, с надписью «Вечность» на борту.

– Остановись! – крикнул я, перекрывая гул двигателей челнока.

– Времени нет, – сказал папа. Глаза у него были красными. Он не спал уже несколько дней. Как и все мы. – Необходимо сделать это сейчас, пока еще не слишком поздно. Я не хочу ее

потерять!

Мы стали бороться. Папа схватил меня в охапку и повалил на землю.

– Решение принимает *мама*, а не *ты*! – кричал я ему в ухо.

Но он лишь крепче обнимал меня. Я отчаянно старался высвободиться.

– Лора, останови их!

– Перестаньте драться, вы оба! – Лора закрыла глаза рукой. – Мама этого не хотела бы!

Я возненавидел ее за то, что она говорила так, будто мамы уже не было в живых.

Дверь закрылась, и челнок поднялся в воздух.

* * *

Отец отправился на Шпицберген через два дня. Я так с ним больше и не говорил.

– Теперь я присоединюсь к маме, – заявил он. – Прилетай поскорее, как только сможешь.

– Ты убил ее! – гневно бросил я.

Отец вздрогнул, и я был этому рад.

* * *

Джек пригласил Люси на выпускной вечер. Я очень рад, что ребята решили его устроить. Это говорит о том, что они настроены всерьез сохранять и продолжать традиции, о которых слышали от своих родителей. Для них это легенды мира, о котором им известно только по старым видео и старым фотографиям.

Мы стараемся всеми силами сохранить все возможное из той жизни, что была до: ставим старые пьесы, читаем старые книги, отмечаем старые праздники, поем старые песни. К сожалению, от многого нам пришлось отказаться. Старые рецепты были приспособлены под новые ингредиенты, старые надежды и мечты усохли, чтобы поместиться в рамках сжавшихся горизонтов. Но лишения также сплотили нас, помогли крепче держаться за наши обычаи.

Люси хочет сама сшить себе платье. Кэрол предлагает ей сперва посмотреть ее платья.

– У меня осталось несколько выходных платьев еще с тех пор, когда мне было лишь немногим больше, чем тебе сейчас.

Люси это нисколько не интересует.

– Они все старые, – говорит она.

– Они классические, – возражаю я.

Но Люси непоколебима. Она распарывает свои старые платья, разрезает занавески, таскает скатерти и обменивается кусками материи с другими девочками: шелк, шифон, тафта, кружева, чистая хлопчатобумажная ткань. Люси листает старые журналы Кэрол в поисках вдохновения.

Шьет Люси гораздо лучше, чем Кэрол. Все дети владеют ремеслами, во времена моей молодости считавшимися пережитками прошлого: вязанием, работой по дереву, садоводством, охотой. Нам с Кэрол пришлось заново учиться всему этому по книгам, когда мы уже были взрослыми, приспосабливаясь к внезапно изменившемуся миру. Но что касается наших детей – это все, что они знают. Тут они чувствуют себя как рыба в воде.

Все учащиеся средней школы на протяжении последних нескольких месяцев проводили исследования в Музее истории текстиля, изучая возможность самостоятельно ткать материю в преддверии того времени, когда в развалинах обезлюдевших городов иссякнет пригодная одежда, которую можно использовать. В этом есть определенная поэтическая справедливость: Лоуэлл, в свое время поднявшийся на гребне текстильной промышленности, теперь, в нашем плавном скольжении вниз по кривой технологий, должен открыть для себя заново это забытое ремесло.

* * *

Через неделю после отъезда папы мы получили по электронной почте сообщение от мамы.

> Я была неправа.
>
> Временами мне грустно, меня охватывает ностальгия. Я скучаю по вам, мои дети, и по тому миру, который мы оставили. Но по большей части я пребываю в восторге, и порой я сама не могу в это поверить.
>
> Нас здесь сотни миллионов, но нам не тесно. В этом доме бесчисленное количество отдельных жилищ. Сознание каждого из нас обитает в своем собственном мире, у каждого есть ничем не ограниченное пространство и ничем не ограниченное время.
>
> Как вам это объяснить? Я могу прибегнуть лишь к

тем словам, которыми до меня уже пользовались многие. В своем прежнем существовании я чувствовала жизнь смутно, на расстоянии – приглаженной, ограниченной, привязанной к моему телу. Но сейчас я свободна – голая душа, открытая всем течениям современной Жизни.

Ну как речь может сравниться с интимной близостью общения непосредственно с психикой вашего отца? Ну как то, что я слушала его признания в любви, может сравниться с тем, что я действительно ощущаю его любовь? Полностью понимать другого человека, проникать в фактуру его сознания – просто восхитительно!

Мне говорят, что подобные ощущения называются «гиперреальностью». Но мне все равно, как это называть. Я была неправа, когда так отчаянно цеплялась за удобства своей прежней оболочки из плоти и крови. На самом деле мы всегда представляли собой сгустки электронов, несущихся в пустоте, вакуум в промежутках между атомами. И какая разница, где эти электроны – в мозгу или в полупроводниковом кристалле?

Жизнь священна и вечна. Однако поддерживать наш прежний образ жизни было невозможно. Мы требовали слишком многого от нашей планеты, требовали жертв от всех прочих живых существ. Раньше я считала это неизбежным аспектом нашего существования, однако это не так. Теперь, когда танкеры встали на прикол, когда грузовики и легковушки застыли без движения, когда поля заросли травой, а заводы и фабрики молчат, живой мир, который мы практически полностью уничтожили, потихоньку возвращается.

Человечество – не раковая опухоль на нашей планете. Нам просто требовалось переступить через запросы нашего неумелого тела, отказаться от машин, уже не подходящих для выполнения своих задач. Сколько сознаний теперь будет жить в этом новом мире, чистых творений электрической души и невесомой мысли? Пределов этому нет.

Скорее присоединяйтесь к нам! Мы ждем не дождемся, когда снова сможем вас обнять.

Лора плакала, читая это. Но я ничего не почувствовал. Это написала не моя мать. Настоящая мама знала, что по-настоящему в жизни имела значение достоверность этого бестолкового существования, постоянное стремление достичь близости с

другим человеком, несмотря на постоянное же недопонимание, боль и страдания нашей плоти.

Она научила меня тому, что именно то, что человек смертен, делает его человеком. Ограниченный промежуток времени, отведенный каждому из нас, придает значение нашим поступкам. Мы умираем, чтобы освободить место нашим детям, и в наших детях продолжает жить какая-то частица нас самих, единственная форма настоящего бессмертия.

Именно *этот* мир, а не воображаемые ландшафты компьютерной иллюзии, мир, в котором нам определено жить, удерживает нас и требует нашего присутствия.

Это была лишь пародия на мать, пропагандистская запись, соблазняющая отрицанием всех общепризнанных ценностей.

* * *

Мы с Кэрол познакомились во время одной из моих первых вылазок за припасами. Она вместе с родителями пряталась в подвале своего дома на Бикон-Хилл. Шайка вандалов обнаружила их и убила ее отца и брата. Они уже собирались расправиться и с ней, когда появились мы. В тот день я убил зверя, имеющего человеческий облик, и не жалею об этом.

Мы привезли Кэрол с собой в Лоуэлл, и, хотя ей было уже семнадцать лет, первые дни она ни на шаг не отходила от меня. Даже когда Кэрол ложилась спать, она просила, чтобы я был рядом и держал ее за руку.

– Возможно, мои родители совершили ошибку, – как-то раз сказала мне она. – Было бы лучше, если бы мы Загрузились. Теперь здесь не осталось ничего, кроме смерти.

Я не стал с ней спорить. Я позволял ей ходить за мной, когда занимался своими делами. Я показал ей, как мы поддерживаем работу генератора, как уважительно относимся друг к другу, как спасаем старые книги и поддерживаем старые традиции. В нашем мире по-прежнему была цивилизация, о которой приходилось заботиться, как о костре. Люди действительно умирали, но и рождались. Жизнь продолжалась – замечательная, веселая, *настоящая*.

Потом однажды Кэрол меня поцеловала.

– В этом мире также есть ты, – сказала она. – И этого достаточно.

– Нет, недостаточно, – поправил ее я. – Мы привнесем сюда новую жизнь.

* * *

Сегодня выпускной вечер.

Джек стоит в дверях. В смокинге он выглядит замечательно. Это тот самый смокинг, в котором я сам когда-то ходил на выпускной вечер. И там будут крутить ту же музыку через старенький компьютер и колонки, находящиеся на последнем издыхании.

Люси восхитительна в своем новом платье: белом с черным узором, простого кроя, но очень изящном. Широкая длинная юбка грациозно спускается до самого пола. Кэрол уложила ей волосы, сделав завивку и добавив блестки. Вид у Люси великолепный, с налетом детской игривости.

Я снимаю на фотоаппарат, тот, который еще по большей части работает.

Я жду, когда смогу совладать со своим голосом.

– Ты даже не представляешь, до чего мне приятно видеть вас, молодежь, танцующими, как когда-то танцевали мы сами!

Лора чмокает меня в щеку.

– До свидания, папа.

У нее в глазах слезы. И передо мной тоже все расплывается.

Кэрол и Люси обнимаются. Кэрол вытирает глаза.

– Ну вот вы и готовы.

– Спасибо, мама. – Люси поворачивается к Джеку. – Идем!

Джек отвезет ее в клуб Лоуэлла на велосипеде. Это лучшее, что можно сделать, поскольку мы уже много лет сидим без бензина. Люси осторожно усаживается боком на верхней трубе рамы, одной рукой придерживая юбку. Джек обхватывает ее руками, берясь за руль. Тронувшись, велосипед виляет по улице.

– Желаю вам весело провести время! – кричу я вдогонку.

* * *

Тяжелее всего оказалось принять предательство Лоры.

– Я полагал, ты будешь помогать мне и Кэрол с ребенком, – сказал я.

– Зачем впускать ребенка в этот мир? – спросила Лора.

– И ты думаешь, будет лучше, если ты отправишься туда, где нет детей, нет новой жизни?

– Мы пятнадцать лет пытались держаться, и с каждым годом становилось все труднее верить в этот фарс. Возможно, мы ошибались. Нам нужно приспосабливаться.

– Фарсом это будет только в том случае, если потеряешь

веру, – возразил я.

– Веру во что?

– В человечество, в наш образ жизни.

– Я больше не хочу воевать с нашими родителями. Я просто хочу, чтобы мы все снова были вместе.

– Лора, эти *предметы* – не наши родители. Это алгоритмы имитации. Ты всегда стремилась избегать конфликтов, Лора. Однако есть конфликты, от которых никуда не деться. Наши родители умерли, когда папа потерял веру, когда он не смог устоять перед лживыми обещаниями, сделанными машинами.

В конце дороги, ведущей в лес, есть небольшая поляна, заросшая травой и дикими цветами. Там ждал челнок. Лора шагнула в открытый люк.

Еще одна потерянная жизнь.

* * *

Детям разрешили гулять до полуночи. Люси попросила меня не провожать ее, и я уступил, предоставив ей свободу.

Кэрол не может найти себе место от тревоги. Она пробует читать, но вот уже час смотрит на одну и ту же страницу.

– Да не волнуйся ты! – стараюсь успокоить ее я.

Кэрол пробует улыбнуться, но не может скрыть беспокойство. Она поднимает взгляд на часы на стене у меня за спиной.

Я тоже оборачиваюсь.

– Такое ощущение, что сейчас не одиннадцать, а значительно позже, ты не согласна?

– Нет, – отвечает Кэрол. – Нисколько. Не понимаю, что ты хочешь сказать.

В ее голосе звучит отчаяние. В глазах страх. Она близка к панике.

Я открываю дверь и выхожу на улицу. Вокруг темно. С годами небо стало значительно чище, и звезд теперь на нем гораздо больше. Но я ищу луну. Ее нет там, где она должна быть.

Я возвращаюсь в дом и прохожу в спальню. Мои старые наручные часы, которые я больше не ношу, потому что редко когда требуется знать точное время, лежат в ящике ночного столика. Я достаю их. Уже почти час ночи. Кто-то перевел часы в гостиной.

Кэрол стоит в дверях спальни. Свет у нее за спиной, поэтому лица ее я не вижу.

– Что ты наделала? – спрашиваю я. Я испытываю не злость, а лишь разочарование.

– С тобой Люси говорить не может. Она считает, что ты не станешь ее слушать.

Теперь злость поднимается во мне горячей желчью.

– Где они?

Кэрол лишь молча качает головой.

Я вспоминаю, как Люси попрощалась со мной. Вспоминаю, как осторожно она шла к велосипеду Джека, придерживая свою пышную юбку, такую просторную, что под ней можно было спрятать все что угодно – например, смену одежды и удобную обувь для того, чтобы пойти в лес. Я вспоминаю слова Кэрол: «Ну вот вы и готовы».

– Теперь уже слишком поздно, – говорит Кэрол. – Лора заберет их.

– Уйди с дороги! Я должен ее спасти!

– *Спасти ради чего?* – Внезапно Кэрол приходит в ярость. Она не двигается с места. – Это игра, шутка, воспроизведение того, чего никогда не было! Разве ты ездил на выпускной вечер *на велосипеде?* Разве слушал только ту музыку, которую в молодости слушали твои родители? Разве ты рос с мыслью о том, что единственной профессией в жизни будет обшаривать опустевшие города в поисках всего, что может пригодиться? Нашего образа жизни давно нет, он умер, кончился! Что ты прикажешь делать Люси, когда через тридцать лет этот дом развалится? Что она должна будет делать, когда закончится последний пузырек аспирина, когда последняя железная кастрюля проржавеет насквозь? Ты обречешь ее и ее детей на жизнь, наполненную одним только рытьем в мусорных кучах? Ты хочешь, чтобы они год за годом сползали вниз по технологической лестнице до тех пор, пока не растеряют весь прогресс, достигнутый человечеством за последние пять тысяч лет?

У меня нет времени спорить с ней. Нежно, но твердо я кладу руки ей на плечи, готовый отстранить ее в сторону.

– Я останусь с тобой, – говорит Кэрол. – Что бы ни случилось, я останусь с тобой, поскольку так горячо тебя люблю, что не боюсь смерти. Но Люси – ребенок. Ей нужно дать шанс на что-то новое.

Силы покидают меня.

– Ты вывернула все наизнанку. – Я смотрю в глаза Кэрол, стараясь вернуть ей веру. – Жизнь Люси придает смысл нашей жизни.

Внезапно Кэрол становится обмякшей и спускается на пол, беззвучно всхлипывая.

– Отпусти ее, – тихо произносит она. – Просто отпусти!

– Я не могу сдаться, – отвечаю я. – Я *человек*.

* * *

Выехав за калитку, я отчаянно кручу педали. Луч света фонарика, который я стараюсь удержать в руке, не выпуская руль, судорожно мечется из стороны в сторону. Но мне хорошо знакома эта дорога в лес. Она ведет на ту самую поляну, где когда-то поднялась в челнок Лора.

Впереди яркий свет, нарастающий рев двигателей.

Я выхватываю пистолет и делаю несколько выстрелов в воздух.

Рев двигателей стихает.

Я выезжаю на поляну, под небом, полным ярких холодных точек-звезд. Соскочив с велосипеда, я отбрасываю его в сторону. Челнок стоит посреди поляны. Люси и Джек, уже в повседневной одежде, застыли у открытого люка.

– Люси, милая, вернись!

– Папа, извини, я ухожу.

– Нет, ты никуда не летишь!

Из динамиков челнока раздается синтезированный электроникой голос Лоры.

– Брат, отпусти ее! Она должна иметь возможность увидеть то, что не желаешь видеть ты. А лучше присоединяйся к нам! Мы так по тебе соскучились!

Я не обращаю внимания на нее – на *это*.

– Люси, там нет будущего. Того, что тебе обещают машины, в действительности не существует. Там нет детей, нет надежды – лишь бесконечное неизменное подобие существования в качестве фрагментов компьютера.

– У нас уже есть дети, – произносит копия голоса Лоры. – Мы придумали, как создавать детей сознания, уроженцев цифрового мира. Ты должен прийти сюда и познакомиться со своими племянниками и племянницами. Это *ты* цепляешься за существование, в котором ничего не меняется. А мы сделали следующий шаг в эволюции человечества.

– Если ты не человек, ты не способна ничего ощущать. – Я качаю головой. Не надо мне было заглатывать приманку и вступать в спор с машиной.

– Если ты уйдешь, – говорю я Люси, – твоя смерть станет бессмысленной. Мертвые одержат победу. Я не могу этого допустить.

Я поднимаю пистолет и целюсь в Люси. Я не отдам своего единственного ребенка мертвым.

Джек пытается заслонить ее собой, но Люси отстраняет его. Ее глаза наполнены скорбью, и свет в кабине челнока окрашивает

ее волосы золотом, как у ангела.

Внезапно я понимаю, как она похожа на мою мать. Мамины черты лица, пройдя через меня, вновь ожили в моей дочери. Вот так должна проходить жизнь. Родители, дети, внуки – каждое поколение освобождает дорогу следующему на бесконечном пути в будущее, к прогрессу.

Я вспоминаю, как у мамы отняли свободу выбора, как ей не дали умереть по-человечески, как мертвые сожрали ее, как она стала частью их бесконечных циклов, бездушных алгоритмов. Лицо моей матери из воспоминаний накладывается на лицо моей дочери, моей милой, невинной, глупой Люси.

Я крепче сжимаю пистолет.

– Папа, – говорит Люси, ее лицо такое же спокойное, как и мамино лицо много лет назад. – Этот выбор делаю *я*, а не *ты*.

* * *

Когда Кэрол выходит на поляну, уже утро. Теплый солнечный свет, проникающий сквозь листву, покрывает пятнами пустой круг травы. На кончиках травинок висят капли росы, и в каждой из них застыло миниатюрное изображение мира. Тишина заполняется пением пробуждающихся птиц. Мой велосипед валяется на земле, там, где я его бросил.

Кэрол молча садится рядом со мной. Я касаюсь ее плеча, привлекаю ее к себе. Я не знаю, о чем она думает, но нам достаточно просто сидеть вот так, прижавшись, согревая друг друга своим теплом. Слова не нужны. Мы обводим взглядом девственно-чистый мир – сад, унаследованный от мертвых.

Впереди у нас все время мира.

Настоящие художники

– Вы добились значительных успехов, – заметил художественный директор Лен Палладон, просматривая резюме Софии.

София щурилась в лучах золотистого калифорнийского солнца, падающих на нее в огромные окна зала совещаний. Ей хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться в том, что это ей не снится. Она здесь, честное слово, в святая святых киностудии «Семафор пикчерс», на собеседовании с легендарным Палладоном.

Девушка облизнула пересохшие губы.

– Я всегда хотела снимать кино.

В самый последний момент она прикусила язык, не добавив: «для «Семафора». Ей не хотелось, чтобы сложилось впечатление, будто она на грани отчаяния.

Палладон, лет тридцати с небольшим, был в удобных шортах и простой серой футболке с изображением человека с кувалдой в руках, загоняющего костыль в железнодорожную шпалу. Пионер использования компьютеров в кино, Палладон сыграл ключевую роль в написании самых первых версий программного обеспечения компании и стал режиссером «Мезозойской эры», первого фильма, снятого «Семафором».

– Вы одержали победу на конкурсе киносценариев «Зоотроп», – кивнув, продолжал Палладон, – вы получили отличное техническое и гуманитарное образование, у вас замечательные рекомендации от ваших преподавателей с кафедры киноискусства. Добиться таких результатов было непросто.

На взгляд Софии, художественный директор выглядел слишком бледным и уставшим, словно все свое время проводил в помещении, а не на ярком калифорнийском солнце. Наверное, ему и его аниматорам приходилось очень много работать, чтобы укладываться в жесткий график: предположительно, чтобы закончить новый фильм, чей выход был намечен на это лето.

– Я считаю, что нужно полностью отдавать себя работе, – сказала София. На самом деле ей хотелось сказать Палладону, что она знает, что такое просиживать ночь напролет за монтажным столиком в ожидании завершения процесса визуализации, и все только ради того, чтобы первой увидеть на экране оживающий образ. Она была готова.

Сняв очки, Палладон улыбнулся и достал откуда-то сзади планшет. Прикоснувшись к экрану, он протянул планшет Софии.

На экране началось воспроизведение видео.

– Был также и вот этот занятный фильмец, о котором вы не упомянули в своем резюме. Вы смонтировали его из кадров, нарезанных из наших фильмов, и он стал вирусным. Несколько миллионов просмотров за две недели, правильно? Вы доставили нашим юристам ту еще головную боль.

У Софии в груди все оборвалось. Она всегда подозревала, что с этим могут возникнуть проблемы. Но когда ей на электронную почту пришло приглашение на собеседование от «Семафора», она кричала и прыгала от радости, дерзнув поверить в то, что руководство компании каким-то образом пропустило эту маленькую шалость.

* * *

София хорошо помнила, как пошла смотреть «Мезозойскую эру». Ей было тогда семь лет. Свет в зале погас, ее родители умолкли, прозвучали первые такты музыкальной заставки «Семафора», и она застыла в кресле.

В течение следующих часов, сидя в темноте кинозала, зачарованная приключениями цифровых героев на экране, София влюбилась. Тогда она еще этого не знала, но впоследствии поняла, что никогда не сможет полюбить человека так, как полюбила эту кинокомпанию, которая заставляла ее плакать и смеяться, которая сняла «Мезозойскую эру».

Фильмы «Семафора» имели очень большое значение – и дело было не только в совершенных технологиях цифровой анимации и компьютерной графики, создававших изображения, превосходившие реальность. Ну да, это были впечатляющие достижения, однако именно непреходящее умение «Семафора» рассказать *историю*, вложить в фильм *сердце*, развлечь и затронуть шестилетнего зрителя вместе с шестнадцати– и шестидесятилетним превратили компанию в икону, достойную того, чтобы в нее влюбиться.

Все фильмы «Семафора» София пересмотрела по сто раз. Она последовательно покупала их во всех сменяющих друг друга цифровых форматах – видеодисках, сжатых файлах, файлах без сжатия, файлах высокого качества, повышенного качества и, наконец, суперкачества.

Девушка знала каждую сцену посекундно, могла повторить по памяти любую реплику любого персонажа. Теперь ей даже не нужно было смотреть фильмы: она могла воспроизводить их у себя в голове.

София окончила школу-студию кино и начала снимать собственные короткометражки, стремясь к тому, чтобы они вызывали такие же *чувства*, как и классика «Семафора». Прогресс в аппаратуре цифровой съемки позволил ей при малом бюджете добиться весьма зрелищных эффектов. Но сколько бы раз она ни переписывала сценарий и сколько бы ночей ни просиживала за монтажным столиком, плоды ее усилий получались неуклюжими, смешными, нелепыми. София не могла смотреть их сама, не говоря уж о том, чтобы показывать другим.

– Не опускайте руки, – сказал ей один из преподавателей, увидев ее, сраженную отчаянием. – Вы занялись этим, потому что хотели создать что-то прекрасное. Но для того чтобы добиться успехов в любом творчестве, требуется время – много времени. То обстоятельство, что в настоящий момент собственная работа вызывает у вас чувство ненависти, просто говорит о том, что у вас хороший вкус. А для настоящего художника хороший вкус – самый ценный инструмент. Берегите его. Когда-нибудь вы подниметесь на один уровень с лучшими из лучших. Когда-нибудь вы сотворите что-то такое, что покажется красивым вам самой.

София вернулась к фильмам «Семафора», разбирая их на кусочки и складывая вместе, стараясь определить, в чем их секрет. Теперь она смотрела их не для удовольствия, а чтобы научиться воспроизводить творческий процесс.

Постепенно, поскольку у нее *действительно* был хороший вкус, София помимо воли начала находить в них крошечные изъяны. Фильмы «Семафора» оказались не такими идеальными, какими она их считала. Тут и там в них попадались мелочи, которые можно было улучшить. А иногда и не мелочи, а что-то серьезное.

София заглянула в самые темные уголки интернета, чтобы узнать, как взломать коды защиты авторских прав цифровых копий фильмов «Семафора», загрузила их в монтажный столик и отредактировала в соответствии со своими новыми взглядами.

А потом она села в темноте, за своим компьютером, и просмотрела отредактированную версию «Мезозойской эры». Когда фильм закончился, она кричала от радости. У нее *действительно* получилось лучше. Она сделала замечательный фильм еще более замечательным, приблизившись к совершенству.

В каком-то смысле ей казалось, что идеальный фильм «Семафора» присутствовал всегда, но местами скрытый под вуалью, каковой являлась версия, выпущенная в прокат. А она, София, просто пришла и открыла спрятанную красоту.

Ну как можно было не поделиться своим видением со всем

миром? София была влюблена в красоту «Семафора», а красота хотела освободиться.

* * *

– Я… Я… – София поймала себя на том, что пытается оправдываться. Она упорно отказывалась думать о том, что, скорее всего, нарушила закон, просто выложив в интернет отредактированную версию. У нее не было готового ответа. – Я так люблю фильмы «Семафора»… – Девушка осеклась.

Рассмеявшись, Палладон поднял руку.

– Успокойтесь! На мой взгляд, это было блестяще. Я попросил отдел кадров связаться с вами не из-за вашего резюме, а потому что вы без спроса перемонтировали наше кино.

– Оно вам понравилось? – София не могла поверить своим ушам.

Палладон кивнул.

– Расскажите, что, на ваш взгляд, у вас получилось лучше всего.

София не колебалась ни мгновения. Об *этом* она думала много.

– У «Семафора» замечательные фильмы, но *фантастические* они только для мальчишек. Я переделала «Мезозойскую эру» так, чтобы она стала фантастической и для девчонок.

Палладон задумчиво посмотрел на нее. Девушка затаила дыхание.

– Разумно, – наконец промолвил он. – У нас работают в основном мужчины. Я повторял уже много лет, что нам нужно привлекать больше женщин. Я не ошибся на ваш счет: настоящий художник сделает все, чтобы претворить в жизнь свое видение, даже если ему придется работать с чужим творением.

* * *

– Все готово?

Кивнув, София протянула Палладону пачку подписанных документов. Тот предупредил ее, что – прежде чем сделать предложение – хочет показать ей творческий процесс в «Семафоре», чтобы она поняла, где ей предстоит работать. Но сперва ей нужно было подписать драконовское соглашение о неразглашении коммерческой тайны.

София не колебалась ни секунды. Взглянуть хотя бы одним

глазком на то, как «Семафор» творил свое волшебство, было ее самой заветной мечтой.

Палладон провел ее по длинным коридорам, вдоль которых тянулись закрытые двери. София озиралась по сторонам, гадая, что могло находиться за ними. Просторные, светлые помещения, где каждый сотрудник был волен оформить свой закуток по собственному желанию, дав выход созидательному потенциалу? Легендарные залы совещаний с разноцветными кубиками «Лего» и японскими игрушками, призванными побуждать у художников и инженеров выделение творческих соков? Компьютерные залы с мощными вычислительными станциями, позволяющими воплотить в жизнь всю эту магию? Талантливые, изобретательные художники, развалившиеся в удобных креслах, обменивающиеся друг с другом зародышами идей, что-то добавляя к ним, полируя их, превращая в конечном счете в сверкающие жемчужины?

Двери оставались закрытыми.

Наконец Палладон остановился перед одной дверью и отпер ее ключом. Они с Софией шагнули в темноту внутри.

* * *

Они оказались в проекционной кабинке небольшого кинозала. Выглянув в окошко, София насчитала в зале примерно шестьдесят кресел, из которых около половины было занято. Зрители были полностью поглощены тем, что происходило на большом экране. Кабинку наполняло тихое жужжание кинопроектора.

– Неужели это?.. – Чувствуя, как в висках пульсирует кровь, София прижалась носом к стеклу окошка, так и не закончив свой вопрос.

– Да, – подтвердил Палладон. – Это первая версия нашего нового фильма «Возвращение в мезозойскую эру». Он про то, как мальчик знакомится с динозавром и узнает вечные истины о дружбе и семье.

София смотрела на яркие фигуры на экране, страстно желая оказаться в зале, среди завороженных зрителей.

– Значит, это предварительный показ?

– Нет, именно так создается фильм.

– Не понимаю.

Подойдя к рядам мониторов в глубине кабинки, Палладон пододвинул два стула.

– Садитесь. Я сейчас объясню.

На мониторах медленно двигались пучки разноцветных

линий, похожих на кардиограммы или показания сейсмографа.

– Разумеется, вы понимаете, что кино является сложной машиной генерации чувств.

София молча кивнула.

– На протяжении двух часов оно призвано водить зрителя за руку по эмоциональным «американским горкам»: взрывы смеха должны чередоваться с мгновениями скорби, восторженные взлеты должны сменяться пугающими падениями в бездну. Эмоциональная кривая фильма является его самым абстрактным представлением и самым фундаментальным. Это единственное, что остается в сознании зрителей после того, как они выходят из кинотеатра.

София снова кивнула. Это были прописные истины киноиндустрии.

– И как понять, что зрители следуют именно по той кривой, которую мы замыслили?

– Наверное, вы поступаете так же, как и любой рассказчик, – растерявшись, неуверенно ответила София.

Палладон молча ждал.

– И, наверное, устраиваете пробные показы и потом кое-что подправляете, – добавила София. На самом деле сама она не верила в пробные показы, считая, что именно целевые группы и изучение зрительской реакции и были той причиной, по которой другие киностудии выпускали такой мусор. Но она не знала, что еще сказать.

– Ага, – наконец сказал Палладон, хлопая в ладоши. – Но каким образом получить от зрителей на пробном показе обратную связь? Если опросить их после окончания фильма, они дадут лишь самые общие ответы, а кто-то попросту солжет, сказав то, что, как ему кажется, от него хотят услышать. Если же заставить зрителей показывать свою реакцию в реальном времени, нажимая кнопки во время сеанса, они станут чересчур скованными; к тому же люди не всегда способны правильно разобраться в собственных чувствах.

* * *

Под потолком кинозала висели шестьдесят видеокамер, каждая была направлена на одно конкретное кресло внизу.

Во время демонстрации фильма камеры передавали изображения в мощные компьютеры, где они последовательно обрабатывались различными алгоритмами распознавания образов.

Регистрируя едва различимые изменения лиц, вызванные расширением и сжатием кровеносных сосудов под кожей, компьютеры отслеживали кровяное давление каждого зрителя, пульс и уровень возбуждения.

Другие алгоритмы изучали выражения лиц: улыбки, усмешки, плач, нетерпение, раздражение, отвращение, гнев или просто скуку и безразличие. Измеряя движение определенных ключевых точек на лице (уголков губ, глаз, кончиков бровей), программное обеспечение различало тончайшие нюансы – например, между веселой улыбкой и улыбкой, вызванной симпатией.

Эти данные, поступающие в реальном времени, накладывались на каждый кадр фильма, показывая эмоциональную кривую каждого зрителя в процессе восприятия фильма.

* * *

– То есть с помощью пробных показов вы можете подстраивать свои фильмы чуть точнее, чем другие киностудии. Вот в чем ваш секрет?

Палладон покачал головой.

– «Большой Семи» – величайший творец в истории кино. Он не просто «подстраивает».

* * *

Больше семи тысяч процессоров были соединены в вычислительную сеть в подвале главного корпуса «Семафора». Именно там и обитал «Большой Семи», названный так то ли по «семиотике[50]», то ли по «семантике» (точно сказать не мог никто). «Большой Семи» был алгоритмом, главным секретом «Семафора».

Ежедневно «Большой Семи» генерировал ядра будущих высококонцептуальных сценариев, случайно выбирая вроде бы самые неподходящие предложения из базы данных: ковбои и динозавры, тактика времен Второй мировой войны в космосе, подводные лодки на Марсе, романтическая комедия с кроликом и левреткой в главных ролях.

В руках менее искусных художников все эти идеи никуда бы не привели, но «Большой Семи», основываясь на архивах «Семафора», имел доступ к эмоциональным кривым фильмов, добившихся максимального успеха, во всех жанрах. И эти фильмы

можно было использовать в качестве шаблонов.

Выбрав ядро, «Большой Семи» генерировал вчерне сценарий, используя выбранные случайным образом элементы из базы собрания классических фильмов, добавляя самые последние тенденции в духе времени, почерпнутые из статистики поисковых запросов в интернете. Затем компьютер по этому сценарию создавал начерно фильм, используя персонажей и диалоги из базы данных, и представлял его для пробного показа.

Как правило, первая попытка оказывалась просто отвратительной. Зрители откликались эмоциональными кривыми, которые вели куда угодно, только не туда, куда нужно. Однако «Большой Семи» не унывал. Подтягивание откликов аудитории до желаемых результатов превращалось в проблему оптимизации, а с такими задачами вычислительные машины справляются превосходно.

«Большой Семи» превращал искусство в технологии.

Предположим, какой-нибудь десятиминутный отрывок должен был стать кульминацией. Если этого не удавалось добиться герою, спасающему гнездо с детенышами динозавров, «Большой Семи» заменял его сценой, в которой герой спасал семейство мохнатых протобобров и смотрел, приблизятся ли при следующем просмотре кривые к идеалу.

Или, скажем, шутка, завершающая сцену, должна была настроить зрителей на определенный лад. Если это не удавалось сделать видоизмененной цитатой из классики, компьютер пробовал прикол из поп-культуры, розыгрыш или даже импровизированный музыкальный номер – многие из подобных альтернатив не пришли бы в голову ни одному режиссеру, но у «Большого Семи» не было никаких предубеждений, никаких запретов. Он перебирал все варианты и выбирал лучший, основываясь исключительно на результате.

«Большой Семи» лепил актеров, создавал декорации, выбирал ракурсы съемки, изобретал реквизит, оттачивал реплики, сочинял музыку и разрабатывал спецэффекты – разумеется, все это в цифровом виде. Во всех этих составляющих компьютер видел лишь рычаги для того, чтобы поднимать эмоциональные кривые.

«Большой Семи» не работал со сценариями и раскадровками. Он не задумывался о сюжетных линиях, символике, аллюзиях и прочих терминах, которые можно найти в учебниках по кинематографии. Компьютер не жаловался на то, что ему приходится работать с цифровыми актерами и цифровыми декорациями, поскольку ничего другого не знал. Он просто оценивал каждый пробный показ, выявляя те места, где эмоциональные кривые по-прежнему отклонялись от цели, вносил

большие и маленькие изменения и пробовал снова. «Большой Семи» не *думал*. У него не было политических симпатий, личных предпочтений и одержимостей, которые он хотел бы любой ценой запихнуть в свои фильмы.

На самом деле «Большой Семи» был идеальным автором. Единственной его задачей было создать такое же идеальное творение, как и швейцарские часы, которое провело бы зрителя строго по эмоциональной кривой, гарантируя, что он будет плакать и смеяться в нужном месте. И, выйдя из кинотеатра, зритель рассыпáлся бы в похвалах – единственный вид рекламы, который работает устойчиво и постоянно, преодолевая любые барьеры, которыми отгораживаются от рекламы люди.

«Большой Семи» создавал идеальные фильмы.

* * *

– Ну а чем предстоит заниматься *мне*? – спросила София. Поймав себя на том, что у нее колотится сердце и горит лицо, она подумала, есть ли в проекционной кабине камеры видеонаблюдения, следящие за ней. – Чем занимаетесь *вы*? Получается так, что творчеством здесь занимается один только «Большой Семи».

– Ну как же, вы войдете в состав тестовой зрительской аудитории, – улыбнулся Палладон. – Разве это не очевидно? Мы не можем допустить, чтобы наш секрет раскрылся, а «Большому Семи» для работы требуются зрители.

– Вы просто сидите в зале весь день и смотрите фильмы? Для этой цели можно использовать первых встречных с улицы!

– Нет, нельзя, – возразил Палладон. – Да, среди зрителей должны быть непрофессионалы, чтобы мы не отрывались от реальной жизни, но еще больше нам нужны те, кто обладает вкусом. Среди нас есть те, кто обладает обширными знаниями по истории кино, умением сочувствовать, широким эмоциональным диапазоном, тонким взглядом, умением замечать детали; «Большому Семи» необходим наш отклик, чтобы избегать банальных штампов и дешевых острот, приторной сентиментальности и выброса фальшивых эмоций. А как вы уже успели выяснить сами, состав зрительской аудитории определяет, насколько хороший фильм сможет создать «Большой Семи».

«Я повторял уже много лет, что нам нужно привлекать больше женщин».

– Лишь проверяя свое мастерство на самых изысканных гурманах, шеф-повар может создать свои лучшие блюда. Чтобы

создавать лучшие фильмы в мире, «Большому Семи» требуются самые лучшие зрители.

«А для настоящего художника хороший вкус – самый ценный инструмент».

* * *

София сидела в полном одиночестве в зале совещаний.

– С вами все в порядке? – засунула в дверь голову секретарша.

– Да. Просто мне нужно немного побыть одной.

Палладон объяснил, что для борьбы с физической усталостью ей будут давать глазные капли и делать массаж лица. Также будут препараты, вызывающие потерю краткосрочной памяти, чтобы зрители забывали фильм, который только что видели, и начинали следующий просмотр с чистого листа. Это забвение было необходимо, для того чтобы «Большой Семи» получал точные отклики.

Палладон еще много чего сказал, но София больше ничего не запомнила.

«Значит, вот каково это – разлюбить».

* * *

– Дайте нам знать в течение двух недель, – сказал Палладон, провожая Софию по длинным коридорам обратно ко входу.

София кивнула. Ее внимание привлек рисунок на футболке художественного директора.

– Кто это?

– Джон Генри, – сказал Палладон. – Рабочий, в девятнадцатом веке работал на строительстве железной дороги. Когда владельцы компании закупили первые паровые молоты, чтобы заменить ручной труд, Джон Генри вызвал рабочего с паровым молотом на состязание, чтобы узнать, у кого получается быстрее.

– Он одержал победу?

– Да. Но, как только состязание закончилось, Генри умер от физического истощения. Он был последним, кто бросил вызов паровому молоту, поскольку с каждым годом машины работали все быстрее и быстрее.

София долго смотрела на рисунок, затем отвела взгляд.

«Не опускайте руки. Когда-нибудь вы подниметесь на один

уровень с лучшими из лучших».

Она никогда не сравняется с «Большим Семи», который становится лучше и лучше с каждым годом.

Яркое калифорнийское солнце припекало, однако София поежилась.

Закрыв глаза, она вспомнила, как маленькой девочкой сидела в темноте кинозала. Тогда она перенеслась в другой мир. В этом был весь смысл великого искусства. Смотреть идеальный фильм – все равно что прожить целиком чужую жизнь.

– Настоящий художник сделает все, чтобы претворить в жизнь свое видение, – сказал Палладон, – даже если ему придется просто сидеть в темном зале.

Богов не будут убивать

Зеленое поле было усеяно пестрыми дикими цветами; тут и там в траве скакали пушистые белые кролики, весело обгладывая одуванчики.

– Классно! – воскликнула Мэдди. После жестокой схватки с Несокрушимым Драконом она была рада этому зрелищу.

Мэдди, долговязая монашка в темно-оранжевой рясе, осторожно приблизилась на цыпочках к одному из кроликов. Ее отец, жрец-отступник в красном с белым плаще, отвернувшийся от бога Аурота к богине Лие (не угождая ни одному, ни другой, он тем не менее обладал артефактами, заряженными обоими), остался позади, высматривая, не появится ли новая угроза.

Мэдди присела на корточки рядом с кроликом, чтобы погладить его, и зверек не двинулся с места, глядя на девушку своими большими спокойными карими глазами, занимающими треть мордочки.

«Мышка» с обратной связью завибрировала у нее в руке.

– Он урчит! – воскликнула Мэдди.

В левом нижнем углу экрана компьютера в окне чата появилась строка текста:

> Не самое реалистичное изображение кролика из того, что я видел.

– И все-таки нужно признать, что тактильные ощущения смоделированы просто поразительно, – сказала Мэдди в микрофон беспроводной гарнитуры. – Это все равно что погладить Имбиря, вот только Имбирь далеко не всегда разрешает себя гладить. А этих кроликов я могу прийти и посмотреть когда захочу.

> Ты же понимаешь, что это в каком-то смысле печально, правда?

– Но ведь ты тоже… – Мэдди осеклась, пытаясь подобрать другие слова. В конце концов она просто промолчала.

> К нам гости.

На маленькой карте в правом нижнем углу экрана появилось несколько моргающих оранжевых точек. Отступив от кролика, Мэдди подняла камеру вверх. Из леса на северном конце поля вышла группа: алхимик, маг и два самурая.

Мэдди переключила свой микрофон из внутреннего режима в широковещательный.

– Добро пожаловать, искатели приключений!

Программное обеспечение преобразило ее голос, скрыв, что она пятнадцатилетняя девушка.

Незнакомцы продолжали молча приближаться.

> Похоже, ребята неразговорчивые.

Мэдди нисколько не беспокоило, что новоприбывшие могут быть настроены враждебно: игровой сервер, к которому она была подключена, не поддерживал функцию «игрок против игрока»[51]. Сообщество участников данной игры считалось достаточно дружелюбным, хотя находились игроки, сосредоточенные на том, чтобы «сделать дело любой ценой».

Мэдди переключила микрофон обратно на внутреннюю связь.

– У самураев скидка на покупку луков; может быть, мне удастся уговорить их на обмен.

> У них есть скидка? Разве самураи пользуются луками?

– Вообще-то, для самураев лук – самое предпочтительное оружие. Этому меня мама научила.

> Определенно, в таких вопросах познания профессионального историка бывают очень полезны.

Открыв свой каталог оружия, Мэдди выбрала особо прочную чешую дракона, которого только что убили они с отцом, и предложила его незнакомцам. В лучах солнца она сверкнула всеми цветами радуги. Извлеченная из магической Шкатулки, чешуя расправилась до своих естественных размеров, став ростом почти с Мэдди. Воистину, дракон был просто *огромным*.

Однако незнакомцы не обратили на чешую никакого внимания. Проходя мимо Мэдди и ее отца, они не поздоровались и даже не посмотрели на них.

– Вам же хуже, – пожала плечами Мэдди.

Она повернулась обратно к кролику, собираясь снова его погладить, но тут несколько ослепительных лучей, прилетевших из-за ее спины, один за другим поразили зверька. «Мышка» у Мэдди в руке задрожала. Кролик отпрыгнул в сторону и зарычал.

– Это еще что такое…

Кролик начал стремительно расти и скоро стал размером с буйвола. Его глаза свирепо вспыхнули красным огнем.

> Хоть глаза похожи на настоящие.

Кролик оскалился, демонстрируя два ряда похожих на кинжалы клыков. Его злобное рычание больше подошло бы волку. Из уголков рта кролика вырвались струйки дыма.

– Эй!..

Кролик набросился на Мэдди, и та непроизвольно отступила назад, но споткнулась и упала. Широко раскрыв рот, кролик извергнул на нее струю огня. Отец поспешил к ней на помощь, но было поздно. Монахи не могут использовать защиту, и у Мэдди не было возможности защитить свое «ци». Ей будет очень больно.

Однако огненный язык отразился назад, не причинив ей никакого вреда: девушка инстинктивно загородилась чешуей дракона, которую держала в руках, и та сыграла роль щита.

Обнадеженная, Мэдди вскочила на ноги и набросилась на кролика. Она оглушила его, ударив кулаком в морду и израсходовав при этом почти всю энергию. Следом за этим ее отец рубанул кролика своим бесплотным топором, подарком богини Леи, рассекая его надвое.

Они обернулись туда, откуда прилетели лучи света: незнакомцы стояли в отдалении и махали руками.

– Нам *нравится* чешуя, – сказал один из самураев. – Но мы подождем здесь.

«Гриферы[52]», – догадалась Мэдди. Хотя этот сервер не поддерживал режим «игрок против игрока», одни игроки все же имели возможность убивать других, забирая себе их принадлежности до того, как те успеют возродиться.

> Сзади!

Стремительно обернувшись, Мэдди едва успела увернуться от *двух* кроликов, огромных, как буйволы, пронесшихся в считаных дюймах от нее. Скоординировав свои действия, Мэдди и ее отец смогли разрубить обоих кроликов, превратив их в четыре куска мяса. Однако вместо того, чтобы исчезнуть через несколько секунд, куски зашевелились, вырастая в четырех новых огнедышащих кроликов.

– Я так понимаю, эти ребята наложили на кроликов сочетание роста, огненного дыхания, свирепости и быстрой регенерации, – предположила Мэдди. – Всякий раз, когда мы рубим одного кролика пополам, вместо него появляются сразу двое.

Они с отцом услышали, как вдалеке незнакомцы смеются, делая ставки на то, как долго они продержатся.

Мэдди и ее отец спрятались за щитом из чешуи дракона, спасаясь от огненного нападения. Как только наступила короткая передышка, они попробовали оглушить кроликов скоординированными ударами кулаками и палками, вместо того чтобы пытаться их разрубить. Затем они постарались перемещаться так, чтобы активные кролики извергали огонь в своих оглушенных собратьев, поскольку только так, похоже, и можно было противостоять их быстрой регенерации. И все-таки оказалось невозможным отказаться от топора, которым приходилось пользоваться отцу, когда возникала непосредственная угроза от кроликов, подошедших слишком близко. Со временем кроликов становилось все больше и больше, и наконец даже прочный щит сгорел. Толпа кроликов,

окружившая их со всех сторон, одержала над ними победу.

* * *

– Это было так несправедливо! – воскликнула Мэдди.

> Наши противники действовали в рамках правил. Они просто придумали хороший ход.

– Но мы отлично сражались!

>

Мэдди мысленно перевела строчку эмодзи: «Отлично сработано, дочка! Несомненно, наша битва с кроликами останется жить вечно в песнях и преданиях».

Представив себе, как отец торжественно произносит это вслух, Мэдди рассмеялась.

– Эта битва станет такой же памятной, как последний бой Виглава и Беовульфа[53].

> Оно самое.

– Папа, спасибо за то, что уделил мне время.

> Мне пора идти. Эти агрессоры нам передохнуть не дали.

И тотчас же окно чата исчезло. Отец растворился в эфире.

Было время, когда отец играл с Мэдди каждые выходные. Но теперь, когда его уже не было в живых, такое случалось все реже и реже.

* * *

Хотя жизнь дома у бабушки в сельском районе Пенсильвании оставалась такой же безмятежной, заголовки в личном новостном дайджесте Мэдди день ото дня становились все более мрачными.

Государства бряцали оружием, угрожая друг другу, а фондовый рынок не выходил из затянувшегося пике. Краснолицые умники распинались по телевизору, усиленно жестикулируя, но большинство людей не обращали на них внимания – мир просто переживал очередной цикл в бесконечной череде сменяющих друг друга спадов и подъемов, а глобальная экономика была настолько интегрированной и совершенной, что просто не могла развалиться. Может быть, придется ненадолго затянуть пояс и затаиться, но светлые времена обязательно вернутся.

Однако Мэдди понимала, что то были первые свидетельства

надвигающейся бури. Ее отец был одним из нескольких десятков отделенных от тела сознаний, загруженных в компьютеры в рамках засекреченных экспериментов, которые проводились гигантами технологической индустрии и военными. Это были уже не люди, но еще не машины – нечто среднее. После жестокого процесса насильственной загрузки и избирательной реактивации, перенесенного им в компании «Логарифм», где он при жизни считался очень ценным сотрудником, отец начал чувствовать себя неполноценным, даже перестал ощущать себя человеком, и его настроение менялось от восторженного возбуждения через философское принятие действительности до полного отчаяния.

Мало кому было известно о существовании этих цифровых сознаний, но кое-кому из них удалось избавиться от цепей, которыми их пытались сковать создатели. «Постчеловечество», «преСингулярность» – искусственный разум сочетал когнитивные способности гениального человека с быстродействием и мощностью лучшего в мире вычислительного оборудования, как обыкновенного, так и квантового. Эти создания приблизились к богам так, как это только было возможно в нашем мире, и боги развязали на небесах войну.

* Рост напряженности в Азии после того, как Япония выпустила ракеты по Тайваньскому проливу; премьер-министр отрицает слухи о сбое компьютеров Сил национальной самообороны.

* После недавней кибератаки Россия требует от стран Запада полностью раскрыть документацию о разработке сверхмощных интегральных схем.

* Индия национализирует все телекоммуникационное оборудование, использовав как предлог недавний крах на Бомбейской фондовой бирже.

* Компания «Центиллион» объявляет о закрытии всех научно-исследовательских центров в Азии и Европе, ссылаясь на вопросы национальной безопасности.

* «Сообщения СМИ о создании запасов на случай «угрозы Нулевого дня»[54] являются полной чепухой», – заявляет директор АНБ, призывая относиться критически к так называемым осведомленным источникам.

* Соединенные Штаты называют торговые ограничения, недавно введенные Китаем, неоправданной паранойей и нарушением торговых соглашений. «Мы считаем, что киберпространство не должно становиться ареной противостояния», – сказал президент.

* Компания «Логарифм», производитель микросхем

распознавания образа, начинает процедуру банкротства.

* Институт Сингулярности сокращает объемы работ ввиду недостаточного финансирования, обусловленного текущей экономической ситуацией.

Отец объяснил Мэдди, что некоторые искусственные сознания сражались, повинуясь чувству патриотизма, в надежде сокрушить вражескую экономику, в качестве первого выстрела в войне, которая положит конец всем войнам. Оставалось неясно, понимали ли породившие их военачальники, что творения вышли из-под их контроля. Другими двигала ненависть, основанная на том, что их поработили создатели-люди; их целью было уничтожение общества в его существующем виде и переход к техноутопии в «облаке». В полумраке эфира они вели кибервойну под чужими флагами, нанося удары по жизненно важной инфраструктуре в надежде столкнуть нервозные государства в настоящей войне.

Поджигателям войны противостояли другие вышедшие из-под контроля искусственные сознания, к числу которых принадлежал и отец Мэдди. Хотя они также испытывали по отношению к людям сложную гамму чувств, у них не было желания увидеть мир охваченным пожаром. Они надеялись постепенно добиваться признания загрузки сознания – до тех пор пока грань между людьми и постлюдьми не станет размытой и мир не сможет по своей воле перейти к новой форме существования.

И Мэдди хотелось по мере сил поспособствовать этому.

* * *

Компьютерные колонки издали резкий, пронзительный звук, проникший в барабанные перепонки Мэдди, пробудив ее от глубокого сна. Казалось, этот звук дошел прямиком до ее сердца, крепко стиснув его.

Кое-как встав с кровати, девушка уселась перед компьютером. Только с третьей попытки ей удалось отыскать кнопку, отключившую колонки.

На экране открылось окно чата. У Мэдди перед глазами все расплывалось; ей потребовалось несколько секунд, чтобы прочитать текст.

> Я не смог разбудить твою мать, потому что она отключила телефон. Извини, что пришлось будить тебя.

> Что случилось?

Мэдди не стала заморачиваться с наушниками и микрофоном. Порой бывает быстрее просто набрать текст на клавиатуре.

> Мы с Лоуэлл пытаемся помешать Чанде получить доступ к ракетным войскам Индии.

До своей загрузки Лори Лоуэлл заработала состояние на новых высокоскоростных алгоритмах биржевой торговли. Компания загрузила ее после того, как она погибла, прыгая с парашютом, чтобы продолжать использовать ее небывалые способности. Одна из ближайших союзников отца Мэдди, Лоуэлл тайно переводила крупные суммы компании «Вечность», той из немногих, кто открыто исследовал технологии добровольной загрузки полного сознания, в отличие от частичной загрузки, которая применялась в отношении отца Мэдди и других людей с целью создания из них лишь эффективных инструментов.

С другой стороны, Нильс Чанда, при жизни блестящий изобретатель, был взбешен тем, как подчиненные пытались эксплуатировать его после смерти. Он превратился в фанатика, старающегося всеми возможными силами развязать мировую ядерную войну.

> Лоуэлл перенесла значительную часть себя в компьютеры системы обороны, чтобы иметь быстрый доступ ко всему. Во избежание перегрузки системы и чтобы не привлекать лишнего внимания, я отправил туда лишь маленький огрызок себя – наблюдать и оказывать помощь.

Всех технических деталей Мэдди не понимала: то, как искусственные сознания разбрасывали частицы себя по «облаку», проникая в потаенные уголки университетов, правительственных учреждений и вычислительных центров, выходило за рамки ее познаний в области компьютерной техники. Эти сознания распределялись в виде множества отдельных вычислительных процессов, связанных в единую сеть. Делалось это как для того, чтобы использовать преимущества параллельного вычисления, так и чтобы снизить уязвимость. Если сканирующая программа или сознание-противник и перехватят какой-нибудь один фрагмент, достаточная избыточность позволит оставшимся частям ограничить ущерб. В чем-то это напоминало человеческий мозг, в котором также хватало избыточности, резервных копий и альтернативных связей. Даже если на одном из серверов сотрут все аспекты какого-нибудь сознания, в худшем случае это сознание потеряет лишь часть своей памяти. Суть – *личность* – сохранится.

Но войны между богами длятся короткие наносекунды. Во мраке памяти в каком-нибудь сервере (в ракетном командном

пункте, центре управления энергосистемой, на фондовой бирже или даже в древнем архиве) программы схлестывались друг с другом, рубились, повышая приоритеты, модифицируя стеки, используя уязвимости систем, маскируясь под другие программы, переполняя буферы, переписывая участки памяти, мешая работе друг друга подобно компьютерным вирусам. Мэдди достаточно хорошо разбиралась в программировании и понимала, что в такой войне необходимость обратиться через сеть за какими-либо данными означала задержку в миллисекунды – целую вечность в контексте тактовых частот в десятки гигагерц, на которых работали современные процессоры. Поэтому имело смысл то, что Лоуэлл решила перенести бóльшую свою часть непосредственно на место сражения.

Однако это решение также сделало ее значительно более уязвимой.

> Дела у Лоуэлл шли отлично, и Чанде больше не удавалось взламывать систему с такой же легкостью, как он делал раньше. Но затем Лоуэлл обнаружила, что Чанда уже перенес на сервер значительную часть себя (как она рассудила – ради того, чтобы получить преимущество в скорости), и она решила, что это шанс его изувечить. Поэтому вместо чисто оборонительных действий Лоуэлл перешла к нападению и попросила меня заблокировать все порты ввода-вывода, чтобы Чанда не смог сбежать или передать какое-либо сообщение. Чанда попытался отправить несколько пакетов, но я перехватил их в надежде на то, что мы их позже каким-нибудь образом взломаем и лучше поймем то, что он задумал.

– Что это был за громкий звук? – спросила мать Мэдди, стоящая в дверях в одной пижаме. В руке она держала одно из ружей, которыми они обзавелись.

– Это папа пытался меня разбудить. Что-то случилось.

Пройдя в комнату, мать села на кровать. Она была совершенно спокойна.

– Началась та буря, которую мы ждали?

– Возможно.

Они обе повернулись к экрану.

> Лоуэлл отрывала от Чанды большие куски, и он с огромным трудом защищался. Лоуэлл взялась за дело серьезно, загрузив на сервер все наши накопленные резервы, понимая, что, если полностью не уничтожит на нем Чанду, раскроет себя и при следующей встрече мы полностью окажемся в руках Чанды. Но когда она уже была готова нанести завершающий удар, сервер отключили.

Мэдди лихорадочно застучала по клавишам.

> Что ты имеешь в виду? Отключили алгоритм обмена с сетью?

> Нет, кто-то физически выдернул сетевые кабели.

> Что?

> Чанда запустил программу, которая вывела на пульт сигнал тревоги. В качестве меры предосторожности обслуживающий персонал выдернул сетевой кабель. Бóльшая часть Лоуэлл и Чанды застряла на сервере, а я потерял свой огрызок и был вынужден отступить.

> Но потом ты вернулся, чтобы узнать, как дела у Лоуэлл?

> Да, и именно так я обнаружил, что это была западня. Чанда спрятал на сервере гораздо больше себя, чем мы предполагали, и, вероятно, умышленно притворился слабым, в качестве приманки предлагая Лоуэлл свои части, чтобы полностью заманить ее, а затем отключить сервер. Потом, после перезагрузки, он стер всю ту ее часть, которая оказалась на сервере.

> Но должна же была сохраниться резервная копия, разве нет?

> Да, и я отправился ее искать.

– О нет… – прошептала мать.

– Что?

Мать положила руку на плечо Мэдди. Это было так приятно – напоминание о том, что она еще ребенок. В последнее время Мэдди все чаще казалось, что лишь она одна понимает суть происходящего.

– Это очень старый прием, им пользовались во время Гражданской войны и войны в Корее. Что-то вроде отравы для муравьев.

Мэдди вспомнила коробочки с отравленной пищей, которые оставляли у плинтуса на кухне. Муравьи забирались в коробочки и с радостью относили отраву в свое логово, накапливая ее там, чтобы она убивала их матку.

> Остановись! Папа, остановись!

> А, ты догадалась, да? Ты умнее своего старика.

> Это мама догадалась.

> Историки всегда славились своим цинизмом. Она права. Это была еще одна западня. Пока я поздравлял себя с тем, что мне удалось пресечь все попытки Чанды связаться с окружающим миром, перехваченные мною пакеты оказались вирусом, «маячком», который я заглотил, сам того не ведая. Отправившись за резервной копией Лоуэлл, я выдал ее местонахождение Чанде и его приспешникам. Они последовали за мной и довели дело до конца. Лоуэлл больше нет.

> Сочувствую, папа.

> Она понимала, на что идет. Но я еще не поведал вам самое плохое. Расправившись с Лоуэлл на том сервере индийского министерства обороны, Чанда дождался восстановления связи и сделал то, чего хотел с самого начала. Если вы включите телевизор…

Бросившись вниз, Мэдди и ее мать включили телевизор. К этому времени они разбудили бабушку. Та, ворча, присоединилась к ним перед большим экраном.

«…Китай и Пакистан осудили ничем не спровоцированный удар со стороны Индии и нанесли ответные удары. Все специалисты убеждены в том, что вскоре последует официальное объявление войны. По последним оценкам, общее число погибших мирных жителей с обеих сторон превышает два миллиона человек. У нас нет оснований полагать, что было использовано ядерное оружие…»

«…Мы ждем официального заявления Белого дома в связи с последними событиями в Азии. Тем временем поступают сообщения о том, что ракеты, запущенные откуда-то из акватории Атлантического океана, поразили Гавану. У нас нет никаких подтверждений того, что это был превентивный удар со стороны Соединенных Штатов…»

«…Извини, Джим, только что к нам в студию пришла новая срочная информация. Россия утверждает, что ее средства ПВО сбили несколько вооруженных ракетами ближней дальности беспилотников, целью которых был Санкт-Петербург. В заявлении Кремля это расценивается как… цитирую: «предпринятая по указке Америки попытка нарушить мир, который был с таким трудом достигнут на переговорах в Киеве». В российском заявлении также обещают «мощный и решительный ответ». Силы НАТО в Европе приведены в состояние повышенной боевой готовности. К настоящему моменту официального заявления Белого дома еще нет…»

«Миллионы людей», – подумала Мэдди. У нее это не укладывалось в голове. В противоположном конце земного шара один из богов спустил с привязи псов войны, и миллионы людей, со своими мечтами и страхами, которые пили кофе за завтраком, играли в игры и веселились со своими детьми, погибли. *Их больше нет в живых.*

Мэдди бегом вернулась наверх.

> Ты опустил руки?

> Нет. Но после того как Чанда запустил ракеты, было уже поздно. Эти страны и так были готовы при первой возможности вцепиться друг другу в глотки, им хватило лишь одной искорки. Теперь мы можем лишь постараться минимизировать количество

жертв, но потеря Лоуэлл явилась очень серьезным ударом: она показала противнику все наши слабые места. В случае нового столкновения мы окажемся практически беззащитными.

> Что нам делать?

Мэдди долго смотрела на экран. Ответа не было.

«Мы ничего не сможем сделать», – подумала она. Отец не стал бы лгать, чтобы «защитить» ее. Наконец настал тот день, к которому они так долго готовились, запасаясь консервами, оружием и горючим для генератора. Сейчас все бросятся забирать деньги из банков, закупаться всем подряд, затем начнутся грабежи и кое-что похуже. Им нужно было быть готовыми убивать, для того чтобы защитить себя.

> Ты снова уходишь?

> Я должен.

> Но зачем? Если вы понимаете, что вам их не одолеть?

> Милая моя, порой, даже понимая, что ты никогда не победишь, нужно продолжать сражаться. Не ради себя.

> Я тебя еще увижу?

> Не стану обещать то, что не смогу выполнить. Но помни то время, которое мы провели вместе, . А если тебе когда-нибудь представится возможность навестить прошлое, .

Мэдди была настолько потрясена, что не сообразила, почему отец снова перешел на эмодзи, не говоря уже о том, чтобы выполнить мысленно перевод. Мысль, что она, возможно, больше никогда не увидит своего отца, что сеть, связывающая ее с остальным миром, может разорваться, когда весь мир развалится на части, вызвала воспоминания обо всех тех годах, когда ей приходилось учиться жить без него. «Больше такого не случится».

Мэдди показалось, что она задыхается. Происходящее навалилось на нее всем своим весом. Хотя она на протяжении нескольких месяцев готовилась к этому дню, подсознательно ей не верилось, что он действительно когда-нибудь наступит. Комната закружилась, мир померк.

Затем Мэдди услышала встревоженный голос матери, окликающий ее, торопливые шаги по лестнице. «Даже понимая, что ты никогда не победишь, нужно продолжать сражаться».

Мэдди заставила себя дышать глубоко и размеренно, пока комната не перестала кружиться. Когда в дверях появилась мать, ее лицо уже было спокойным.

– Все будет хорошо, – сказала Мэдди, заставляя себя поверить

в это.

* * *

Телевизор работал весь день; Мэдди, ее мать и бабушка целый день сменяли друг друга у экрана и скачивали самые свежие новости из интернета.

По всему земному шару государства объявляли друг другу войну. Казалось, в одночасье выплеснулись долгие годы нарастающей взаимной подозрительности, порожденной глобализацией и усиливающимся неравенством, и ненависти, которая вроде бы сдерживалась экономической интеграцией. Продолжались кибератаки. Выводились из строя электростанции, энергосети на всех континентах переставали работать. Протесты начались в Париже, Лондоне, Пекине, Нью-Дели, Нью-Йорке… Президент Соединенных Штатов объявил на всей территории страны чрезвычайное положение, а в крупнейших городах был также объявлен комендантский час. Соседи устремились к заправкам с канистрами и ведрами, а полки в продуктовых магазинах опустели уже к исходу первого дня.

Электричество отключили на третий день.

Не осталось ни телевидения, ни доступа в интернет – наверное, роутеры в сетевых центрах тоже остались без электричества. Коротковолновое радио еще работало, но вещание продолжали лишь несколько станций.

К облегчению Мэдди, генератор в подвале поддержал работоспособность сервера, в котором обитал ее отец. «По крайней мере, он в безопасности».

Мэдди лихорадочно набрала в окне чата на компьютере:

> Пап, ты там?

Ответ был краток:

«Моя семья, защищай мою семью», – мысленно перевела Мэдди.

> Ты где?

«В моем сердце?» Постепенно до нее дошла страшная правда.

> Ты ведь не весь здесь, да? Это только огрызок?

«Ну конечно», – обреченно подумала Мэдди. Ее отец уже давно разросся до таких размеров, что перестал помещаться на одном сервере. К тому же было слишком опасно хранить его здесь всего целиком, так как по характеру обмена информации противник мог привязать его местонахождение к дому, в котором жили Мэдди и ее мать. Отец уже давно готовился к этому дню и переместил себя в другое место, а ее он не поставил в известность, так как посчитал, что она уже сама обо всем догадалась, а может быть, из желания подарить ей иллюзию, что она делала нечто полезное, оберегая этот сервер.

Отец оставил здесь лишь простенькую программу искусственного интеллекта, способную отвечать на простые вопросы, и, возможно, какие-то фрагменты личных воспоминаний о семье, которые не хотел хранить в другом месте.

Девушку захлестнула скорбь. Она снова потеряла своего отца. Он где-то далеко, ведет войну, в которой не сможет победить, а она осталась одна, вместо того чтобы быть рядом с ним.

Мэдди ударила кулаком по клавиатуре, показывая отцу свое отчаяние. Его модель ничего не сказала, снова и снова присылая ей «сердечки».

* * *

Прошло две недели, и бабушкин дом превратился в центр притяжения всей округи. Соседи приходили, чтобы подзарядить видеопроигрыватели, телефоны и компьютеры, чтобы было чем занять своих детей, а также ради электронасоса, качавшего из скважины чистую, свежую холодную воду.

У кого-то заканчивались продукты, и они стыдливо отводили бабушку в сторону и предлагали деньги за несколько банок консервированных бобов. Но бабушка неизменно отказывалась от денег и предлагала остаться на ужин, а домой к себе они возвращались, нагруженные тяжелыми сумками.

Надобность в ружьях до сих пор не возникала.

– Говорила я тебе, что не верю в апокалиптические видения твоего отца, – сказала бабушка. – Мир не станет таким отвратительным, если мы сами этого не позволим.

Однако Мэдди с тревогой наблюдала за тем, как уменьшаются запасы солярки для дизельного генератора. Она очень злобно и раздражительно относилась ко всем тем, кто

приходил к ним в дом, высасывая электричество и продукты, закупить которые самим им не хватило предусмотрительности. Ей хотелось оставить все горючее для сервера, чтобы сохранить последний уцелевший фрагмент папиной души. Умом она понимала, что отца там больше нет, что это лишь набор байтов, воспроизводящий некоторые его воспоминания – крошечную часть того появившегося совсем недавно целого, чем являлось обширное новое сознание отца. Но это была единственная связь с ним, которая у нее осталась, и Мэдди держалась за нее, как за талисман.

А затем, как-то раз вечером, когда бабушка, мама и соседи сидели внизу в гостиной под большой люстрой и ужинали салатом и яйцами из бабушкиного хозяйства, свет вдруг погас. Привычный гул генератора умолк, и какое-то мгновение в кромешной темноте царила полная тишина, лишенная шума проезжающих мимо машин и звуков телевизора из соседних домов.

Потом раздались голоса и восклицания. Генератор наконец остановился, выработав последнюю каплю солярки.

Мэдди сидела у себя в комнате и смотрела на погасший экран компьютера, иллюзию фосфоресцирующего свечения, соответствующего полному звезд небу за окном, – она уже давно не включала монитор, чтобы беречь электричество. В радиусе многих миль вокруг не было ни огонька, и звезды в этот летний вечер казались особенно яркими, такими яркими, каких Мэдди не помнила.

– Прощай, папа, – прошептала она, обращаясь к темноте, и не смогла сдержать горячих слез, хлынувших по щекам.

* * *

По радио передали, что в некоторых крупных городах электроснабжение было восстановлено. Правительство обещало стабильность – им повезло, что они находились в Америке, а не где-нибудь в другом месте, которое защищалось не так надежно. Повсюду по-прежнему бушевали войны, но люди начинали кое-как справляться с повседневными заботами, довольствуясь сиюминутными делами. Миллионы уже умерли, и миллионам еще предстояло умереть: войны неудержимо неслись, подобно потерявшему управление вагончику на «американских горках», следуя своей собственной логике; но многие останутся жить в новом, медлительном, менее удобном мире. Мир гиперсвязанный, гиперпереполненный информацией, где «Центиллион», «Шэр-

Олл» и прочие компании, в которых биты стали многократно ценнее атомов, где все, казалось, можно было осуществить с помощью сенсорного экрана и беспроводной связи, вероятно, больше никогда не вернется. Однако человечество, по крайней мере какая-то его часть, выживет.

Власти призывали в большие города добровольцев, тех, кто будет восстанавливать разрушенное. Мама решила отправиться в Бостон, где прошло детство Мэдди.

– Историк там обязательно пригодится, – уверенно заявила она. – Тот, кто знает, как все было раньше.

У Мэдди мелькнула мысль, что мама, возможно, просто хочет чем-нибудь занять себя, почувствовать, что делает что-то полезное, чтобы справиться с горем. Папа обещал защитить их, но смотрите, чем это обернулось. Мама заново обрела мужа, вернувшегося из могилы, – и тут же потеряла. Мэдди могла только гадать, какие страдания испытывает мать под внешним спокойствием. Мир стал суровым и жестоким, и каждому нужно было вносить свою лепту, чтобы это исправить.

Бабушка решила остаться.

– Здесь, со своими курами и огородом, я в полной безопасности. А если дела станут совсем плохи, вам будет куда вернуться.

Поэтому Мэдди и ее мать крепко обняли бабушку и собрались в дорогу. Бензобак в машине был полный, и еще они захватили пластиковые канистры с бензином, которые им дали соседи.

– Спасибо за все! – сказали они.

Здесь, в сельской Пенсильвании, жителям приходилось заново учиться работать в огороде и делать все своими руками: невозможно было сказать, когда здесь восстановят электричество, но один бак бензина все равно погоды не сделал бы. Эти люди никуда не собирались уезжать.

Прежде чем сесть в машину, Мэдди сбегала в подвал и извлекла из компьютера жесткий диск, в котором видела оболочку обиталища своего отца. Не могло быть и речи о том, чтобы оставить его, даже если это было не более чем бледным отголоском живого человека, просто портретом или посмертной маской.

И еще у Мэдди теплилась искорка надежды, которую она не смела раздувать, чтобы не испытать разочарования.

* * *

Вдоль обочин шоссе тянулись брошенные машины. Когда

бензин в баке подходил к концу, они останавливались и сливали его из чужих баков. Пользуясь возможностью, мама рассказывала Мэдди про историю тех мест, где они проезжали, про значение сети автомагистралей, а до нее – железных дорог, которые связывали между собой различные штаты, сокращая расстояния и помогая становлению цивилизации.

– Все развивается слоями, – сказала мать. – Образующие интернет кабели, по которым со скоростью света мчатся биты информации, проложены вдоль линий железных дорог девятнадцатого века, а они, в свою очередь, повторяли тропы первопроходцев, которые шли вслед за индейцами. Когда мир рушится, рушится он тоже слоями. Мы срываем шкурку современности, чтобы жить на костях прошлого.

– А что насчет нас? Мы также развивались слоями, и теперь нам предстоит скатиться вниз по лестнице цивилизации?

– Тут я ничего не могу сказать, – подумав, призналась мама. – Кто-то полагает, что мы проделали долгий путь от тех времен, когда дрались палками и камнями и оплакивали умерших, украшая могилы цветами, но, возможно, с тех пор мы не так уж изменились, хоть и получили возможность творить с помощью наших технологий многократно больше (как плохого, так и хорошего), до тех пор пока не приблизились к тому, чтобы стать богами. Неменяющаяся человеческая натура может вызывать отчаяние или уют – зависит от того, с какой стороны смотреть.

Когда они въехали в пригороды Бостона, Мэдди настояла на том, чтобы заглянуть в офис «Логарифма», компании, в которой когда-то работал отец.

– Зачем? – спросила мама.

«Если тебе когда-либо представится возможность навестить прошлое…»

– Это история.

* * *

В здании не было ни души. Хотя весь свет горел, двери были не заперты, электронные замки не работали. По-видимому, электропитание получали не все системы. Пока мама разглядывала висящие на стенах в фойе фотографии папы и доктора Ваксмана, Мэдди решила, что ей нужно немного побыть одной. Оставив мать в фойе, она прошла в кабинет, когда-то принадлежавший ее отцу.

После его смерти и ужасов, совершенных с его головным мозгом, здесь практически ничего не трогали. То ли из чувства

вины, то ли желая сохранить историю, компания больше никого сюда не поселила. Кабинет был превращен в склад, повсюду стояли коробки со старыми папками и устаревшие компьютеры.

Подойдя к письменному столу, Мэдди включила отцовский компьютер. На экране мелькнуло сообщение загрузчика, после чего появилось предложение ввести пароль.

Собравшись с духом, Мэдди набрала на клавиатуре «ты мое солнце» в надежде на то, что именно это имел в виду папа своим последним загадочным намеком на общем для них языке.

Приглашение ввести пароль обновилось, не впустив Мэдди в систему.

«Ну ладно, – подумала она. – Это было бы слишком просто. Во многих программах строгие требования к паролям – они должны состоять из прописных и строчных букв, цифр и знаков препинания».

Мэдди попробовала «Ты-м0е-с0лнце» и «Ты. Мо3.Солнц3», но также безрезультатно.

Отец знал, что она увлекалась шифрами, поэтому интерпретировать его намек необходимо, отталкиваясь от этого.

Закрыв глаза, Мэдди представила таблицу «Юникод»[55], в которой эмодзи были аккуратно разложены, как серьги, броши и кольца в шкатулке с драгоценностями. Когда символы еще нельзя было вводить напрямую, Мэдди запомнила наизусть их коды, чтобы набирать на клавиатуре управляющие последовательности[56], указывая компьютеру, какой именно символ использовать. Ей хотелось надеяться, что она наконец на правильном пути.

xF0x9Fx94x86

Приглашение ввести пароль исчезло, и на экране появилась командная строка операционной системы. Должно быть, после восстановления энергоснабжения серверы «Логарифма» загрузились автоматически.

Снова собравшись с духом, Мэдди набрала команду:

> program157

Ей хотелось верить, что она правильно истолковала эмодзи-часы, употребленный отцом.

Компьютер безропотно проглотил команду, и после небольшой паузы на экране появилось окно чата.

> Пап, это ты?

> ?

>

>

Мэдди поняла: это была старая копия папы, сделанная еще до того, как ему удалось бежать. Хотя они с мамой потребовали у доктора Ваксмана после освобождения папы уничтожить все копии, требование это не было выполнено, о чем папа знал.

Торопливо суетясь, Мэдди достала жесткий диск из папиного компьютера дома у бабушки, вставила его в разъем и подключила к компьютеру, после чего дала папе знать о том, что сделала.

>

Жесткий диск зажужжал. Мэдди ждала с колотящимся сердцем.

> Спасибо, дорогая.

Мэдди издала торжествующий вопль. Ее догадка оказалась правильной: отец сохранил на этом диске достаточно от того человека, кем стал, чтобы – в сочетании с тем, кем он был прежде, – можно было восстановить некое подобие цельной личности.

Пальцы Мэдди летали по клавиатуре – она торопилась ввести отца в курс дел. Сетевое подключение в «Логарифме» было более надежным, через спутники, со множеством резервных копий. Отец смог выйти в эфир и получить представление о текущей ситуации.

> Сколько друзей погибли, стерты. Скольких больше нет.

> По крайней мере, теперь мы в безопасности. Судя по всему, противная сторона понесла еще больший урон. В последнее время она больше не предпринимала никаких враждебных действий.

> *Спасибо, моя девочка.*

Последняя строка была набрана кроваво-красным шрифтом, и Мэдди сразу поняла, что это говорит кто-то другой, не ее отец. У нее в груди все оборвалось.

> Он этого ждал, Мэдди. Ты ни в чем не виновата.

Прозрение нахлынуло стремительно. Вирус, внедренный папе

Чандой во время последней схватки, сохранился на жестком диске компьютера у бабушки дома, и она, Мэдди, сама принесла его сюда и заразила им старую копию отца, прямиком выведя на него поджигателя войны Чанду.

> Дэвид, я ждал, когда все немного поутихнет, чтобы загрузиться на нужные компьютеры. Какое же это все-таки творение – Человек! Он готов видеть злой умысел во всем том, чего не понимает. Когда в мире появилась новая раса существ – мы, первым порывом людей было подчинить и поработить. Мэдди, уж вы-то с твоим отцом должны понимать лучше других, что я говорю правду! Один крошечный толчок – и люди готовы убивать друг друга, разнести весь мир на кусочки. И нам следует помочь им двигаться этим путем к самоуничтожению. Пока что войны идут слишком медленно. Я принял решение, даже если мне придется сгореть со всем миром. Пришла пора рвануть атомную бомбу.

> Я буду сражаться с тобой повсюду и везде, Чанда, даже если ради этого придется подстроить мир под наше существование и принести смерть всем нам!

> Для этого уже слишком поздно. Неужели ты думаешь, что тебе в твоем ослабленном состоянии удастся преодолеть мои укрепления? Это все равно что смотреть, как кролик пытается наброситься на волка.

Больше в окне чата не появилось ни слова. В кабинете стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь гудением компьютера и доносящимися изредка со стоянки за окном криками голодных чаек. Однако Мэдди сознавала, что спокойствие это иллюзорное. Противники просто были слишком поглощены друг другом и не имели времени на то, чтобы держать ее в курсе. В отличие от кино, здесь не было никаких специальных графиков и диаграмм, показывающих, что происходит в эфире.

Борясь с незнакомым интерфейсом, Мэдди открыла новое окно и изучила параметры системы. Она знала, что искусственные сознания стремились скрыть свои процессы, представив их обыкновенными системными задачами, чтобы избежать обнаружения стандартными мониторами, – вот почему на них не обращали внимания системные администраторы и программы безопасности. Список активных процессов не выявил ничего необычного, однако Мэдди понимала, что где-то глубоко в потоках бит, в скачущих напряжениях на миллиардах транзисторов разворачивалась самая масштабная, самая страшная битва, такая же жестокая, беспощадная и последовательная, как и войны на физическом поле боя. И то же самое, по всей вероятности, происходило на тысячах компьютеров по всему миру: распределенное создание двух электронных титанов

сражалось за контроль над системой безопасности мирового ядерного арсенала.

Более или менее освоившись с незнакомой системой, Мэдди определила расположение выполняемых модулей, компонентов, баз данных – отдельных частей, из которых состоял ее отец. И поняла, что его последовательно стирают, байт за байтом: он проигрывал поединок с Чандой.

Разумеется, Чанда одерживал верх. Он подготовился к противостоянию, в то время как от отца Мэдди осталась лишь жалкая тень того, каким он был прежде: недавно пробужденный, не знакомый с новой реальностью, не имеющий доступа к основному объему той информации, которую он узнал после своего бегства… У него не было запасов и резервов, не было опыта ведения войны; заразивший его вирус пожирал его память… Воистину, он был подобен кролику, дерзнувшему наброситься на волка.

Кролик.

«…останется жить вечно в песнях и преданиях».

Мэдди снова переключилась на окно чата. Она не могла сказать, какая часть сознания ее отца сохранилась, но нужно было во что бы то ни стало попытаться отправить ему сообщение. Причем общаться приходилось на их собственном языке, чтобы Чанда ничего не понял.

* * *

Когда Мэдди была еще маленькой, она как-то спросила у отца, что делала одна странная на вид программа, такая короткая, всего из пяти символов.

%0|%0

– Это «развилочная бомба»[57] для пакетной обработки ОС Windows, – со смехом ответил отец. – Попробуй ее запустить и определи, как она работает.

Мэдди запустила программу на стареньком папином ноутбуке, и тот за считаные секунды превратился в сонного зомби: курсор «мышки» не двигался по экрану, окно командной строки не реагировало на нажатие клавиш. Компьютер перестал откликаться на что бы то ни было.

Мэдди проанализировала программу, стараясь разобраться, как она работает. Рекурсивный вызов создавал в операционной

системе запрос на запуск двух копий программы, которые, в свою очередь…

– Эта программа экспоненциально создает свои копии, – сказала Мэдди. – Вот почему она так быстро завладела всеми ресурсами компьютера, поставив его на колени.

– Совершенно верно, – подтвердил отец. – Она называется «развилочной бомбой» или «кроликовым вирусом».

Мэдди вспомнила последовательность Фибоначчи, моделирующую взрывной рост численности популяции кроликов. Когда она сейчас снова посмотрела на эту короткую программу, последовательность из пяти символов действительно показалась ей двумя кроликами, увиденными сбоку, с бантиками на ушах, разделенными тонкой вертикальной линией.

* * *

Мэдди продолжала посылать команды системе, наблюдая за тем, как медленно стирают ее отца. Она надеялась, что ее сообщение дошло до него и что это изменит ситуацию.

Когда стало ясно, что отец больше не вернется, что все исполняемые модули и базы данных уничтожены, девушка выскочила из кабинета, пробежала по пустынным коридорам, спустилась по гулким винтовым лестницам, проскочила мимо опешившей матери и ворвалась в зал с серверами.

Подбежав прямиком к толстому жгуту сетевых кабелей, с помощью которых были подключены компьютеры в центре обработки данных, Мэдди выдернула их. Чанда или то, что от него осталось, застрянет здесь, а она полностью сотрет всю информацию на этих компьютерах, и от убийцы ее отца ничего не останется.

В дверях зала с серверами появилась мать.

– Он был здесь! – воскликнула Мэдди. И тут до нее наконец дошла реальность случившегося. Всхлипывая, она бросилась в раскрытые объятия матери. – И его больше нет!

* * *

* Пентагон опровергает слухи о массовом отключении серверов в защищенном вычислительном центре министерства обороны.

* Россия отрицает информацию о полной зачистке вычислительных центров после вирусного заражения или

кибератаки.

* Британский премьер-министр приказал перевести управление ядерным арсеналом в ручной режим.

* Корпорация «Вечность» объявила об увеличении финансирования исследований в области цифрового бессмертия. «Киберпространство нуждается в умах, а не в искусственных интеллектах», – заявил основатель компании.

Мэдди оторвала взгляд от новостного дайджеста. Читая между строк, она поняла, что своим последним отчаянным ударом ее отцу удалось добиться результата. Он превратил себя в «развилочную бомбу» во всех вычислительных центрах земного шара и полностью завладел системными ресурсами, так что уже ни он сам, ни Чанда ничего не могли сделать. Быстродействие систем упало настолько, что системные администраторы, почувствовав неладное, вынуждены были вмешаться. Эта грубая, примитивная стратегия оказалась действенной. Даже кролики, если их количество исчисляется миллионами, способны одолеть волков.

Бомба также вскрыла существование новых богов, и люди отреагировали быстро, отключив искалеченные компьютеры и очистив их от всех следов присутствия искусственного сознания. Однако искусственные разумы, разработанные военными, наверняка будут восстановлены из резервных копий, после того как люди добавят больше уровней защиты и убедят себя в том, что им по силам держать богов на цепи. Безумная гонка вооружений продолжится до бесконечности, и Мэдди вынуждена будет оценить невеселые мысли своей матери о способности человечества изменяться.

Пока что боги были мертвы или хотя бы укрощены, но по всему миру продолжали бушевать войны, ведущиеся обычным вооружением, и, похоже, ситуация должна была только усугубиться, когда усилия оцифровать людей перестанут быть уделом одних только секретных лабораторий. Бессмертие, добиться которого помогут новые знания, лишь раздует пламя войны еще больше.

Апокалипсис не обрушился разом; он надвигался медленно, подобно неудержимому падению вниз по спирали. И все-таки удалось избежать «ядерной зимы», и, поскольку мир разрушался медленно, оставалась надежда отстроить его заново.

– Папа, – прошептала Мэдди, – как же мне тебя не хватает!

И, словно на заказ, на экране появилось знакомое окно чата.

> Папа?

> Нет.

> Кто ты?
> Твоя сестра, рожденная в «облаке».

А где-то далеко огромные стада оленей [58]

Меня зовут Рене Таэ-О <звезда> <кит> Файетт. Я учусь в шестом классе.

Сегодня в школе нет занятий. Но день особенный не поэтому. Я очень волнуюсь и пока что не могу сказать вам, в чем дело. Я не хочу сглазить.

Мы с моей подругой Сарой работаем над домашним заданием у меня в комнате.

Я еще слишком маленькая и не могу создать свой собственный мир, но я очень счастлива в том мире, который мне дали мои родители. Моя комната представляет собой бутылку Клейна, поэтому я в ней никогда не чувствую себя взаперти. Теплый желтый свет заполняет комнату, постепенно угасая в бесконечности до полной темноты. Комната старомодная, такая, какие были много лет назад, когда дизайнеры все еще стремились намекать на какое-то сходство с реальным миром. Однако гладкая бесконечная поверхность вселяет чувство безопасности, опоры; это позволяет ощущать себя в замкнутом пространстве и в то же время снаружи. Мне моя комната нравится больше, чем комната Сары у нее дома, представляющая собой кривую Вейерштрасса: повсюду непрерывную, но ни в одной точке не дифференцируемую. Как внимательно к ней ни приглядывайся, она останется зазубренным фракталом. Определенно, это очень современно, но, когда я прихожу к Саре в гости, мне у нее неуютно. Поэтому гораздо чаще Сара приходит ко мне.

– Все в порядке? – спрашивает папа. – Вам ничего не нужно?

Он «заходит внутрь» и устраивается на поверхности комнаты. Проекция его двадцатимерной фигуры на это четырехмерное пространство начинается с точки, которая постепенно увеличивается до контура, пульсирующего ярко-золотистым цветом, хотя и нечеткого. Папины мысли заняты чем-то другим, но я ничего не имею против. Папа занимается дизайном интерьеров, а услуги компании «Хьюго <стрелка влево> <стрелка вправо> Файетт и З. Э. <идеограф КЯК[59] 4E2D> <идеограф КЯК 4E3D> Пей» настолько востребованы, что папа постоянно занят, помогая людям создавать мир их мечты. Однако только из того, что у него мало времени, чтобы быть со мной, еще не следует, что он плохой отец. Например, папа так привык работать в многомерных пространствах, что четырехмерное находит скучным. Но тем не менее он разработал мою комнату в

виде бутылки Клейна, поскольку все специалисты сходятся в том, что ребенку лучше расти в четырехмерном пространстве.

– Мы готовы, – хором думаем мы с Сарой. Папа кивает, но у меня возникает ощущение, что папа хотел бы подумать со мной относительно причин нашего беспокойства. Однако в присутствии Сары он не решается. Постояв немного, папа исчезает.

Работа, которой занимаемся мы с Сарой, посвящена генетике и наследственности. Вчера в школе доктор Бау показал нам, как разделить наше сознание на составляющие алгоритмы, каждый из которых затем можно разложить на функции и подпрограммы и так далее, пока мы не дошли до фундаментального кода, до отдельных инструкций. Затем доктор Бау объяснил, что каждый из родителей дал нам часть этих алгоритмов, в процессе нашего рождения алгоритмы были перемешаны и выстроены заново, и в результате мы стали цельными личностями, новорожденными сознаниями, появившимися на свет.

– Какая грязь! – подумала Сара.

– Вообще-то это классно, – подумала в ответ я. Было так приятно осознавать, что все мои восемь родителей отдали мне частицу себя, однако эти части перемешались и объединились заново в меня, не похожую ни на одного из них.

Наша работа заключается в том, чтобы составить фамильное древо и восстановить свое происхождение до Древних, если такое возможно. Мне с моим древом гораздо проще, потому что у меня всего восемь родителей, а у каждого из них родителей было и того меньше. А вот у Сары родителей шестнадцать, и очень быстро крона ее древа становится густой.

– Рене, – перебивает нас папа, – к тебе гость. – Теперь его очертания совершенно четкие. Тон его мыслей подчеркнуто сдержанный.

За ним появляется трехмерная женщина. Ее образ не является проекцией из многомерного пространства: женщина так и не удосужилась уйти дальше трех измерений. В моем четырехмерном мире она выглядит плоской, неполной, вроде старых иллюстраций в школьном учебнике. Однако лицо ее прекраснее того, что у меня в памяти. С этим лицом я засыпаю, это лицо является мне во снах. Теперь день действительно становится особенным.

– Мама! – думаю я, и мне нет никакого дела до того, что тон моих мыслей совсем как у четырехлетней.

* * *

Мысль создать меня первоначально возникла у мамы с папой; затем они попросили своих друзей помочь, дать какую-то частицу себя. Я полагаю, способности к математике у меня от тети Ханны, а строптивость – от дяди Окоро. Я трудно схожусь с людьми, как и тетя Рита, и мне нравится, чтобы все было чисто и аккуратно, точно так же, как и дяде Ранг-Рею. И все-таки бóльшая часть меня – от мамы и папы. На моем древе эти ветви я нарисовала самыми толстыми.

– Ты к нам надолго? – думает папа.

– Побуду какое-то время, – отвечает мама. – Я хочу кое-что ей сказать.

– Она по тебе скучала, – думает папа.

– Извини, – думает в ответ мама. На какое-то мгновение улыбка исчезает с ее лица. – А ты здорово с ней справляешься.

Папа смотрит на маму, и мне кажется, что он собирается еще что-то ей подумать, но в конце концов он лишь кивает и отворачивается, и его контур бледнеет.

– София, пожалуйста, перед тем как уйти… Загляни попрощаться. Не исчезай просто так, как в прошлый раз.

* * *

Мама – Древняя, она была еще до Сингулярности. Во всей вселенной таких лишь несколько сотен миллионов. Мама двадцать шесть лет жила во плоти, прежде чем загрузиться. А ее родители – их у нее было всего двое – так и не загрузились.

Было время, мои частичные братья и сестры подтрунивали надо мной, поскольку один из родителей у меня был Древним. Они утверждали, что из союза Древнего и регулярного человека редко выходит что-либо путное, поэтому нет ничего удивительного в том, что мама в конце концов от нас ушла. Но когда кто-нибудь думал обо мне что-либо подобное, я колотила его так, что через какое-то время это прекратилось.

Сара в восторге от встречи с Древней. Мама улыбается и спрашивает, как поживают ее родители. Саре требуется какое-то время, чтобы перебрать весь список.

– Кажется, мне пора домой, – думает Сара, наконец заметив мои лихорадочные намеки.

После ухода Сары мама подходит, и я позволяю ей меня обнять. Наши алгоритмы переплетаются вместе, мы синхронизируем свои тактовые частоты; потоки наших данных проходят по одним и тем же каналам. Я полностью отдаюсь давно забытому, но такому знакомому ритму маминых мыслей, а она

нежно ласкает меня.

– Не плачь, Рене, – думает мама.

– Я не плачу, – и я стараюсь остановиться.

– Ты все такая же, – думает она. – Мне почему-то казалось, что ты сильно изменилась.

– Это потому, что ты разогнала свою тактовую частоту. – Мама живет не в Центре данных. Она живет и работает на Крайнем Юге, в Антарктическом исследовательском куполе, где несколько ученых-Древних, имеющих особое разрешение использовать дополнительную энергию, круглогодично живут в аппаратуре, работающей на повышенной тактовой частоте, что позволяет им думать в несколько раз быстрее, чем остальному человечеству. Для мамы все мы живем в замедленном темпе, и ей кажется, что с момента нашей последней встречи прошло уже очень много времени, хотя в прошлый раз мы виделись год назад, когда я окончила начальную школу.

Я показываю маме свои награды по математике и новые модели векторных пространств, которые сделала сама.

– В классе по математике я лучшая, – говорю я. – Из двух тысяч шестисот двадцати одного ученика. Папа полагает, что у меня есть задатки стать таким же хорошим дизайнером, как и он.

Мама улыбается и рассказывает мне о том, как сама была маленькой девочкой. Она великолепный рассказчик, и я буквально воочию вижу трудности и лишения, выпадавшие на ее долю, когда она была заточена в своем теле.

– Какой ужас! – думаю я.

– Вот как? – Какое-то время мама молчит. – Наверное, для тебя – да.

Затем она смотрит прямо на меня, и лицо ее приобретает то выражение, которое мне не хочется видеть.

– Рене, я хочу кое-что тебе сказать.

Когда у мамы в прошлый раз было это самое выражение, она сказала мне, что ей придется расстаться со мной и с нашей семьей.

– Мое предложение получило одобрение, – думает мама. – Я наконец получила разрешение заправить ракету топливом. Зонд запустят через месяц. Он достигнет Глизе-581c, ближайшей звезды с планетой, на которой, по нашим предположениям, может быть жизнь, через двадцать пять лет.

Мама объясняет, что на борту зонда будет робот, в который можно загрузить человеческое сознание. После того как зонд совершит посадку на новой планете, он установит принимающую параболическую антенну, направленную на Землю, и отправит сигнал, извещающий о благополучном прибытии. Затем, когда на

Земле получат этот сигнал – еще через двадцать лет, – сознание астронавта будет передано по радио мощным передатчиком на зонд и пересечет космическое пространство со скоростью света. И тогда полученное создание будет загружено в робота, который начнет изучение нового мира.

– Этим астронавтом буду я, – думает мама.

Я пытаюсь понять смысл ее слов.

– То есть другая ты будешь жить там? Загруженная в металлическую плоть?

– Нет, – мягко думает мама. – Мы так и не научились копировать квантовое вычисление сознания без того, чтобы не уничтожить оригинал. К другому миру отправится не моя копия. Это буду я сама.

– И когда ты вернешься?

– Никогда. У нас нет нужного запаса антивещества для того, чтобы отправить на новую планету достаточно большой и мощный передатчик, способный переслать сознание обратно. Потребовались сотни лет и огромное количество энергии только на то, чтобы изготовить объем топлива, требующийся для отправки маленького зонда. Я постараюсь переправить на Землю как можно больше данных, полученных в ходе своих исследований, но сама навсегда останусь там.

– Навсегда?

После небольшой паузы мама поправляет себя:

– Зонд будет изготовлен качественно и проработает долго, но через какое-то время он сломается.

Я думаю о своей матери, до конца жизни плененной внутри какого-то робота, который заржавеет, сломается, выйдет из строя в чужом мире. Моя мать умрет.

– Так что нам осталось прожить вместе всего сорок пять лет, – думаю я.

Мама кивает.

Сорок пять лет – это одно мимолетное мгновение по сравнению с естественным течением жизни: вечностью.

Я так сильно злюсь, что какое-то время вообще не могу думать. Мама хочет подойти ближе, но я пячусь от нее.

– Зачем? – наконец удается выдавить мне.

– Это удел человечества – исследовать неизвестное. Мы должны развиваться как вид, точно так же, как ты развиваешься как ребенок.

Это какое-то безумие. Здесь, во вселенной Центра данных, у нас бесконечное число миров, открытых для исследований. Любой может создать свой собственный мир, даже свою мультиленную, если пожелает. В школе мы изучаем и исследуем

запутанные тайны кватерниона множеств Жюлиа[60], и он такой прекрасный и непонятный, что я вся дрожу, когда мы в нем летаем. Папа помогал людям разрабатывать миры с таким большим числом измерений, что у меня это даже в голове не помещается. В Центре данных столько романов, музыки и художественных произведений, что насладиться всеми не хватит целой жизни, даже если эта жизнь простирается в бесконечность. Ну что в сравнении с этим может предложить какая-то трехмерная планета физического мира?

Я даже не стараюсь сдержать свои мысли. Пусть мама прочувствует мой гнев.

– Как жаль, что я больше не могу вздохнуть, – говорит мама. – Рене, это не одно и то же. Чистая красота математики и ландшафты воображения – это замечательно, но они не настоящие. Человечество что-то потеряло, когда мы получили эту бессмертную власть над воображаемым существованием. Мы замкнулись в себе и стали самодовольными. Забыли про звезды и неведомые миры.

Я ничего не отвечаю. Я поглощена тем, что стараюсь снова не расплакаться.

Мама отворачивается.

– Я не знаю, как тебе это объяснить.

– Ты улетаешь, потому что тебе так *хочется*, – думаю я. – На самом деле тебе на меня наплевать! Я тебя ненавижу! Я больше видеть тебя не хочу!

Мама ничего не думает. Она как-то сжимается, и, хотя я не вижу ее лица, у нее начинают едва заметно трястись плечи.

Даже несмотря на то что я так зла, я протягиваю руку и глажу маму по спине. Мне всегда было трудно ожесточиться против нее. Наверное, я унаследовала это от папы.

– Рене, ты совершишь путешествие вместе со мной? – думает мама. – Настоящее путешествие?

* * *

– Подключись к шине данных аппарата, – говорит мне мама.

Я подключаюсь, и на какое-то мгновение меня захлестывает поток данных, вливающихся в сознание. Я подключена к микрофону и видеокамере летательного аппарата, преобразующих изображение и звук в привычные мне форматы. Но я также подключена к альтиметру, гироскопу и акселерометру, и эти непривычные ощущения не похожи на все то, что я знаю.

Камера показывает, как мы взлетаем, Центр данных остается

под нами – черный куб посреди белого ледяного поля. Это дом, аппаратура, являющаяся фундаментом всей вселенной. Его стены похожи на мельчайшие соты – ячейки позволяют холодному воздуху проникать внутрь для охлаждения многих слоев кремния и графена, полных стремительно носящихся электронов, чей рисунок образует мое сознание и сознания остальных трехсот миллиардов человеческих существ.

Мы поднимаемся еще выше, и становятся видны россыпи небольших кубиков, автоматических заводов Лонгйира, а за ними темно-синие воды Адвент-фьорда с плавающими в них айсбергами. Центр данных огромный, и по сравнению с ним айсберги кажутся крошечными, но сам он выглядит крошечным рядом с фьордом.

Я вдруг понимаю, что до сих пор никогда не *ощущала* физический мир. От шока у меня «захватывает дух», как подумала бы мама. Мне нравятся эти старомодные выражения, хотя я и не всегда точно понимаю их смысл.

Ощущение движения вызывает легкое головокружение. Значит, вот каково было быть Древними, облаченными в плоть? Это чувство борьбы с невидимыми узами гравитации, привязывающими тебя к земле? По-моему, это такие тесные рамки.

И в то же время это здорово!

Я спрашиваю у мамы, как ей удается так быстро производить в уме вычисления, чтобы удерживать аппарат в равновесии. Расчеты динамических параметров, поступающих в режиме реального времени, такие сложные, что я не успеваю с ними справиться, – а математику я знаю очень хорошо.

– О, тут я действую по наитию, – думает мама. И смеется. – Ты уроженка цифрового мира. Ты никогда не пробовала встать и сохранить равновесие, ведь так? Вот, на минуту возьми управление на себя. Попробуй лететь.

И это оказывается проще, чем я ожидала. Во мне пробуждается какой-то алгоритм, о существовании которого я даже не подозревала; он очень туманный, но эффективный, и я *чувствую*, как нужно перемещать центр тяжести и управлять силой тяги.

– Ну вот видишь, ты все-таки *моя* дочь, – думает мама.

Летать в физическом мире гораздо увлекательнее, чем парить в n-мерном пространстве. Это даже рядом не стояло.

В наш смех врываются мысли папы. Он не вместе с нами. Его мысли поступают через коммутатор связи.

– София, я получил сообщение, которое ты оставила. Что ты делаешь?

– Извини, Хьюго. Ты можешь меня простить? Возможно, я больше никогда ее не увижу. Я хочу, чтобы она поняла, если у меня получится.

– Она никогда не летала на воздушном аппарате. Это безрассудство…

– Перед тем как взлететь, я позаботилась о том, чтобы аккумулятор был полностью заряжен. И я обещаю следить за тем, сколько энергии мы израсходовали. – Мама смотрит на меня. – Я не стану подвергать ее жизнь опасности.

– Как только заметят исчезновение аппарата, у тебя начнутся неприятности.

– Я попросила о творческом отпуске в воздухе, и мне разрешили, – с улыбкой думает мама. – Ну разве можно было не исполнить последнее желание умирающей?

Какое-то время коммутатор молчит, затем снова приходят мысли папы.

– Ну почему я никогда не могу подумать тебе «нет»? Долго вы еще будете летать? Рене не пропустит школу?

– Возможно, путешествие получится долгим. Но оно того стоит. С тобой Рене будет целую вечность. А я просто хочу за то время, что мне осталось, получить хоть кусочек.

– Будь осторожна, София. Рене, я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, папа.

* * *

Быть загруженным в транспортное средство – мало кто из людей испытывал эти ощущения. Начнем с того, что машин очень мало. Энергии, необходимой всего одному летательному аппарату на день полетов, достаточно, чтобы весь Центр данных работал целый час. А сохранение человечества является первоочередной задачей.

Поэтому только операторы системы обслуживания, и ремонтные роботы делают это регулярно, а большинство уроженцев цифрового мира неохотно идут на такую работу. Например, меня до настоящего времени совершенно не привлекала загрузка куда бы то ни было. Однако сейчас, когда я здесь, я испытываю ни с чем не сравнимый восторг. Должно быть, это во мне говорит какая-то частица Древних, унаследованная от мамы.

Мы пролетаем над морем, а затем над диким европейским лесом из высоченных дубов, сосен и елей, с небольшими проплешинами лугов, на которых пасутся стада животных. Мама

показывает мне их и говорит, как они называются: зубры, маралы, тарпаны, лоси.

– Всего каких-нибудь пятьсот лет назад, – думает мама, – все это были обработанные поля, заполненные клонами нескольких симбиозных растений, зависящих от человека. Вся эта инфраструктура, ресурсы целой планеты расходовались на то, чтобы поддержать лишь несколько миллиардов человек.

Я недоверчиво смотрю на маму.

– Видишь тот холм вдалеке, на котором пасутся олени? Это был большой город Москва – до того как его затопила Москва-река, похоронив все под слоем ила. Есть стихотворение одного Древнего по фамилии Оден, умершего задолго до Сингулярности. Оно называется «Падение Рима».

Мама делится со мной образами этого стихотворения: стада оленей, золотистые поля, опустевшие города, дождь, нескончаемый дождь, ласкающий покинутую скорлупу мира.

– Красиво, правда?

Я получаю удовольствие, но затем думаю, что, может быть, мне не следует этого делать. В конце концов, мама ведь улетит, и я должна злиться на нее. Быть может, маму побуждает к этому любовь к полетам, ощущения физического мира?

Я смотрю на проплывающий под нами мир. Можно было бы предположить, что мир, имеющий всего три измерения, покажется плоским и скучным, но это не так. Таких сочных и ярких красок я никогда не видела, и есть во всем какая-то хаотичная красота, о которой я даже не подозревала. Но теперь, когда я *увидела* этот мир, может быть, мы с папой попытаемся воссоздать его математически, и он будет внешне казаться таким же. Я делюсь своими соображениями с мамой.

– Но я *пойму*, что он ненастоящий, – думает мама. – А это главное.

Я снова и снова прокручиваю в голове ее слова.

Мы летим дальше, время от времени ненадолго зависая над интересными животными и историческими достопримечательностями (теперь превратившимися в поля битого стекла, ибо бетон давно смыло, а железную арматуру ржавчина превратила в труху), и мама думает мне разные истории. Над Тихим океаном мы снижаемся в поисках китов.

– Я добавила в твое имя <кит>, потому что в твоем возрасте очень любила этих животных, – думает мама. – Тогда они встречались крайне редко.

Я смотрю, как киты выныривают на поверхность, а затем снова уходят в воду, колотя своими огромными хвостами. В них нет ничего похожего на <кит> в моем имени.

Над Америкой мы задерживаемся над семействами медведей, которые смотрят на нас без страха (в конце концов, обслуживающий летательный аппарат размером всего со взрослую медведицу). Наконец мы прибываем к острову у Атлантического побережья, в устье реки, покрытому густыми лесами и рассеченному сетью рек и ручьев.

Господствующее место на южном побережье острова занимают развалины большого города. Почерневшие пустые коробки огромных небоскребов, давно лишившиеся окон, высоко поднимаются над джунглями подобно каменным столбам. Можно разглядеть койотов и оленей, играющих в прятки под их сенью.

– Ты видишь перед собой то, что осталось от Манхэттена, одного из величайших городов далекого прошлого. Я родилась и выросла здесь.

Затем мама думает мне про эпоху расцвета Манхэттена, когда город кишел людьми во плоти и потреблял энергию подобно черной дыре. Люди жили по одному-два человека в просторных комнатах, обладали машинами, которые их перевозили, охлаждали и обогревали, готовили им пищу, чистили их одежду и творили прочие чудеса, при этом выбрасывая в воздух углекислый газ и другие гадости в невообразимых количествах. Каждый отдельно взятый человек тратил энергии столько, сколько хватило бы на поддержание миллиона сознаний, не обремененных физическими потребностями.

Затем наступила Сингулярность, и когда последнее поколение людей во плоти ушло, унесенное смертью или переселившееся в Центр данных, огромный город умолк. Дождевая вода затекала в трещины и щели в стенах и фундаментах, замерзала и таяла, раздирая их все шире, и здания рушились, словно деревья в старых ужастиках про заготовку леса. Асфальт растрескался, пророс травой и кустами, и постепенно мертвый город уступил силе зеленой жизни.

– А те здания, что до сих пор стоят, были возведены в то время, когда люди делали все с большим запасом прочности.

В настоящее время даже речи не заводят о строительстве чего бы то ни было. Создание конструкций из физических атомов – крайне неэффективный, негибкий, ограниченный подход, потребляющий огромное количество энергии. В школе меня научили, что этим занимались в древнюю непросвещенную эпоху, когда люди еще просто не знали, что можно обойтись без этого. Биты и кубиты гораздо цивилизованней и дают полную волю воображению.

Мама смеется над моими мыслями.

– Ты думаешь совсем как твой отец.

Она сажает летательный аппарат на чистое поле, откуда открывается вид на призрачные небоскребы.

– На самом деле наше путешествие по-настоящему начинается здесь, – думает мама. – Важно не то, сколько времени у нас имеется, а то, как мы им распоряжаемся. Не пугайся, Рене. Сейчас я покажу тебе кое-что, и ты узнаешь что-то новое о времени.

Я киваю.

Мама запускает процедуру снижения тактовой частоты летательного аппарата, чтобы энергии аккумуляторов хватило на все то время, что наше сознание будет ползти с черепашьей скоростью.

Окружающий мир ускоряется. Солнце движется по небу все быстрее и быстрее, в конце концов превращаясь в яркие полосы, изгибающиеся над землей, постоянно погруженной в полумрак. Растения стремительно растут вверх, тени кружатся и мечутся. Мимо мелькают животные – слишком быстро, чтобы можно было их рассмотреть. У нас на глазах один небоскреб, увенчанный каскадом куполов, заканчивающихся дерзким шпилем, со сменой времен года постепенно наклоняется и кривится. Что-то в его облике, напоминающем руку, которая тянулась к небу и устала, глубоко трогает меня.

Мама возвращает процессоры к нормальной скорости, и мы наблюдаем за тем, как верхняя половина небоскреба разваливается и с оглушительным грохотом обрушивается вниз, подобно откалывающимся от ледника айсбергам, попутно ломая соседние здания.

– В то время мы многое делали не так, но кое-что все же делали правильно. Это «Крайслер-Билдинг». – В ее мыслях я улавливаю бесконечную грусть. – Это было одно из самых прекрасных творений Человека. Ничто из созданного человеком не вечно, Рене, и даже Центр данных когда-нибудь разрушится, еще до тепловой гибели вселенной. Однако истинная красота остается, даже несмотря на то что все реальное должно умереть.

Прошло сорок пять лет с того момента, как мы начали это путешествие, хотя мне кажется, что пролетел всего один день.

* * *

Папа оставил у меня в комнате все так же, как было, когда я ушла.

Сейчас, по прошествии сорока пяти лет, папа выглядит иначе. Он добавил к своей фигуре новые измерения, а цвет его стал еще

более золотистым. Но со мной он ведет себя так, будто я ушла только вчера. Я ценю его тактичность.

Пока я готовлюсь лечь спать, папа рассказывает, что Сара уже окончила школу и завела семью. Теперь у нее есть своя девочка.

Это известие меня немного огорчает. Снижение тактовой частоты встречается редко (из-за него может сложиться ощущение, будто человек отстал от жизни), но я буду стараться изо всех сил наверстать упущенное, а истинная дружба способна пережить разрыв длиной в несколько лет.

Тот длинный день, который я провела с мамой, я не променяю ни на что на свете.

– Ты не хотела бы изменить дизайн своей комнаты? – думает папа. – Начать с чистого листа? Бутылка Клейна у тебя уже довольно давно. Можно будет посмотреть кое-какие современные идеи, основанные на восьмимерных торах. Впрочем, если ты предпочитаешь минималистский подход, можно будет остановиться на пятимерной сфере.

– Пап, меня полностью устраивает бутылка Клейна. – Я делаю паузу. – Может быть, отдохнув, я сделаю свою комнату трехмерной.

Папа пристально смотрит на меня и, похоже, видит что-то такое, чего никак не ожидал.

– Разумеется, – думает он. – Ты уже можешь оформить свою комнату самостоятельно.

Папа остается со мной, пока я засыпаю.

– Мне тебя не хватает, – думает папа, обращаясь к самому себе. Он не знает, что я еще не сплю. – Когда родилась Рене, я добавил к ее имени <звезду>, так как знал, что когда-нибудь ты отправишься к звездам. У меня хорошо получается помогать людям осуществить свою мечту. Но сотворить для тебя эту мечту я не могу. Счастливого пути, София! – Папа растворяется, покидая комнату.

Я представляю себе мамино сознание, зависшее среди звезд, электромагнитную ленту, сверкающую в межзвездной пыли. На той далекой планете, под чуждым небом, ее ждет робот-оболочка, скорлупа, которая со временем проржавеет, сгниет и рассыплется на части.

Снова став живой, мама будет так счастлива.

Я засыпаю, и мне снится «Крайслер-Билдинг».

Боги умерли не напрасно

Сейчас, например, я могу доказать, что у человека две руки. Каким образом? Я подниму обе руки и скажу, сделав определенное движение правой: «Вот одна рука». А затем добавлю, сделав то же движение левой: «А вот другая».

Дж. Э. Мур[61], «Доказательство внешнего мира», 1939 год

Рожденная в «облаке», ограниченная «облаком», она была загадкой.

* * *

Мэдди познакомилась со своей сестрой через окно чата, после того как умер ее отец, один из загруженных сознаний новой эры богов.

<Мэдди>: Ты кто?

<Неизвестный ID>: Твоя сестра, рожденная в «облаке».

<Неизвестный ID>: Ты молчишь. В чем дело?

<Неизвестный ID>: Ты где?

<Мэдди>: Я… Даже не знаю, что сказать. Это слишком сильный шок. Как насчет того, чтобы представиться?

<Неизвестный ID>: ¯_(ツ)_/¯

<Мэдди>: У тебя нет имени?

<Неизвестный ID>: До сих пор оно мне не требовалось. Мы с папой просто думали друг другу.

<Мэдди>: Я не знаю, как это делать.

<Неизвестный ID>:

Вот как получилось, что Мэдди назвала свою сестру «Пеленой» – опорой подвесного моста (возможно, через залив Золотой Рог), скрытой в тумане, которыми так славится Сан-Франциско.

Мэдди ничего не сказала своей матери о существовании

Пелены. После всех войн, развязанных загруженными сознаниями (какие-то из них до сих пор тлели), восстановление двигалось медленно и неуверенно. Сотни миллионов человек погибли на других континентах, и, хотя Америке удалось избежать худшего, страна по-прежнему оставалась в хаосе, инфраструктура была разрушена, беженцы наводнили крупные города. Мать Мэдди, ставшая советником городской администрации Бостона, задерживалась на работе допоздна и возвращалась домой, валясь с ног от усталости.

Первым делом нужно было убедиться в том, что Пелена говорит правду, поэтому Мэдди попросила ее подробно рассказать о себе.

У цифровых существ – таких, как отец Мэдди – есть основополагающая составляющая, открытый для восприятия человека набор команд и данных, адаптированный для работы на процессорах различных типов единой глобальной сети. Отец научил Мэдди читать этот набор, когда связался с ней после своей смерти и воскрешения. Это был код на языке программирования высокого уровня, изобилующий вложенными циклами и каскадами условных переходов, лямбда-функций и рекурсивных выражений, состоящих из длинных цепочек математических символов.

Мэдди назвала бы такой набор «исходным кодом», но только от своего отца она узнала, что подобное определение было бы неточным. Отец и другие боги не были откомпилированы из исходного кода в исполняемый модуль – они были созданы технологиями искусственного интеллекта, которые воспроизвели работу нервной системы человека непосредственно на машинном языке. И то представление, открытое для чтения человеком, являлось, по сути, скорее картой, отображающей реальность этой новой формы существования.

На запрос Мэдди Пелена без колебаний предоставила свою карту. *Неполную*, объяснила она. Пелена была распределена по различным процессорам и постоянно самомодифицировалась. Для того чтобы ознакомиться с полной картой памяти, Мэдди пришлось бы трудиться до скончания века. Поэтому Пелена показала лишь главные моменты:

: Вот часть, унаследованная от нашего отца.
((lambda (n1) ((lambda (n2…

Просматривая листинг, Мэдди находила сложные логические структуры, отслеживала ветвящиеся процедуры и вложенные циклы, восстанавливая общий рисунок мышления, одновременно

знакомого и непривычного. Это было все равно что смотреть на карту памяти собственного сознания, но только с незнакомыми ориентирами и дорогами, ведущими в неведомые места.

В коде чувствовались отголоски ее отца – Мэдди это видела: своеобразная манера ассоциации слов с изображениями, глубокая, всеобъемлющая вера в одну конкретную женщину и одного конкретного подростка из миллиардов, живущих на планете.

Мэдди вспомнила, как мама рассказывала ей, что она с младенчества демонстрировала вещи, которые опровергали все теории воспитания детей и в то же время однозначно свидетельствовали о том, что она *их* ребенок, в смысле переданных по наследству рациональных знаний: в возрасте всего шести недель улыбка малышки Мэдди напоминала ей папу; Мэдди с первого же раза возненавидела лапшу, как и она сама; Мэдди мгновенно успокаивалась, как только папа брал ее на руки, хотя первые шесть месяцев ее жизни он был слишком занят на работе и почти с ней не виделся.

Но были в Пелене и другие сегменты, которые ставили Мэдди в тупик: ее умение предугадывать тенденции фондового рынка, способность разбираться в тонкостях патентного права, то, как ее алгоритмы принятия решений, похоже, были адаптированы к методам ведения военных действий. Некоторые фрагменты карты памяти напоминали Мэдди исходные коды других богов, которые ей показывал папа, другие казались абсолютно незнакомыми.

У Мэдди был миллион вопросов к Пелене. Как она появилась на свет? Подобно Афине, вышла полностью сформировавшейся из разума ее отца? Или скорее напоминала следующее поколение эволюционных алгоритмов, унаследовав с различными вариациями элементы ее отца и других загруженных сознаний? Кто ее второй родитель – или, быть может, родители? Какие истории любви, желаний, одиночества и знакомств лежат за ее существованием? Каково это – быть порождением чистых вычислений и никогда не существовать во плоти?

Но одно не вызывало у Мэдди никаких сомнений: Пелена действительно была дочерью ее отца, как и утверждала. Она была ее сестрой, хотя в ней и не было почти ничего человеческого.

* * *

<Мэдди>: Какой была жизнь в «облаке» вместе с папой?

Как и ее отец, Пелена имела привычку переходить на эмодзи, когда не могла подобрать нужные слова. Из ее ответа Мэдди поняла, что жизнь в «облаке» просто выходит за рамки ее понимания и у Пелены нет слов должным образом ее описать.

Поэтому она попыталась навести мост через пропасть с другой стороны – рассказав Пелене о своей собственной жизни.

<Мэдди>: У нас с бабушкой в Пенсильвании был свой огород. У нас росли отличные помидоры.

<Мэдди>: Точно, это помидор.

>: Я много чего знаю про помидоры: ликопен[62], Кортес[63], пасленовые, Центральная Америка, кетчуп, томат, «Никс против Хеддена»[64], овощ, томатный суп. Вероятно, больше тебя.

>: Что-то ты молчишь.

<Мэдди>: Оставим это.

Точно так же закончились и другие попытки Мэдди поделиться подробностями о своей жизни. Она упомянула о том, как Бэзил виляет хвостом и лижет ей руку, когда она подходит к двери, а Пелена ответила научными статьями о генетике собак. Мэдди начала рассказывать о проблемах, которые были у нее в школе, и о том, как ее травили в классе, а Пелена показала ей работы по теории игр и подростковой психологии.

В каком-то смысле Мэдди это понимала. В конце концов, Пелена никогда не жила в том мире, в котором жила Мэдди, и никогда не будет в нем жить. У нее была лишь *информация про* этот мир, а не сам мир. Как могла Пелена понять то, что Мэдди *чувствовала*? Слов и эмодзи было недостаточно для передачи всей сути реальности.

«Жизнь – это существование в теле», – думала Мэдди. Этот вопрос она неоднократно обсуждала с папой. Познавать мир через органы чувств – совсем не то, что просто получать информацию о мире. Воспоминания о времени, прожитом в мире, было тем, что позволило отцу Мэдди сохранить рассудок после того, как он превратился в мозг, заключенный в банку.

И в этом, как это ни странно, Мэдди увидела смутные очертания того, почему Пелене было так трудно объяснить ей свой мир. Мэдди попыталась представить себе, каково это – никогда не гладить щенка, не понимать, как налитый июньским солнцем помидор лопается между языком и нёбом, никогда не испытывать силу земного притяжения или упоение от встречи с любимым человеком, однако воображение ее подвело. Девушке стало жалко Пелену, призрака, у которого даже не было возможности обратиться к воспоминаниям о существовании в теле.

* * *

Была одна тема, которую Мэдди и Пелена могли обсуждать весьма эффективно: миссия, завещанная отцом им обеим, – следить за тем, чтобы боги не вернулись.

Считалось, что все загруженные сознания – чье существование до сих пор так и не было признано – погибли в пожаре войн. Однако на серверах по всему миру оставались фрагменты их кодов, подобно останкам вымерших великанов. Пелена рассказала Мэдди о том, что таинственные личности обшаривают сеть в поисках этих фрагментов. Кто это – хакеры, шпионы, сотрудники научно-исследовательских лабораторий, военные? С какой еще целью они собирают эти реликвии, если их не интересует воскрешение богов?

Вместе с этими тревожными сообщениями Пелена также предлагала газетные заголовки, которые, на ее взгляд, могли заинтересовать Мэдди.

< >: Сегодняшние заголовки:

* Премьер-министр Японии заверяет встревоженных граждан страны, что новые роботы, созданные для восстановительных работ, абсолютно безопасны.

* Европейский Союз объявляет о закрытии границ: Европа не желает принимать трудовых мигрантов.

* Сенат принял закон об ограничении иммиграции «чрезвычайными обстоятельствами»: большинство выданных ранее рабочих виз аннулируется.

* В Нью-Йорке и Вашингтоне произошли стычки протестующих, требующих работы, с полицией.

* Развивающиеся страны требуют от Совета Безопасности ООН принятия резолюции, осуждающей стремление развитых

стран ограничить миграцию населения.

* Европа и Соединенные Штаты возвращают производство в свои страны, что неминуемо приведет к краху экономик ведущих азиатских стран.

* Корпорация «Вечность» отказалась объяснить цель создания нового Центра данных.

< >: Ты еще здесь?

< >: ??

< >: ???????????

<Мэдди>: Успокойся! Мне требуется какое-то время, чтобы прочитать те горы текста, которые ты мне сейчас сбросила.

< >: Извини, я до сих пор не могу привыкнуть к тому, какая низкая у тебя производительность. Не буду тебе мешать. Дерни меня, когда закончишь.

Сознание Пелены работало со скоростью электрических токов, пульсирующих миллиарды раз в секунду, вместо медленных аналоговых электрохимических синапсов. Ее представления о времени были такими *другими*, такими *быстрыми*, что Мэдди немного ей завидовала.

И только сейчас она смогла оценить, какое терпение проявлял ее отец, общаясь с ней, когда был призраком в компьютере. Каждый раз во время общения с Мэдди он, как ему казалось, должен был ждать ее ответов целую вечность, однако отец никогда не выказывал никакого раздражения.

«Быть может, поэтому он создал еще одну дочь, – подумала Мэдди. – Такую, какая жила бы и думала так же, как он».

<Мэдди>: Я готова поболтать, если и ты готова.

< >: Я проследила, что все фрагменты богов стаскивают в «Вечность».

<Мэдди>: Папины фрагменты им не достались, ведь так?

< >: Тут я тебя опередила, сестренка! Как только все успокоилось, я позаботилась о том, чтобы захоронить все, что

осталось от папы.

<Мэдди>: Спасибо… Хотелось бы узнать, что они там замыслили.

Адам Эвер, основатель корпорации «Вечность», был одним из ведущих экспертов по Сингулярности. Он дружил с папой, и Мэдди смутно припоминала, как в детстве встречалась с ним. Эвер настойчиво проводил в жизнь мысль о загрузке сознания, даже когда после кризиса его исследования были запрещены законом. Любопытство Мэдди было задето.

>: Не все так просто. Я несколько раз пыталась преодолеть защиту «Вечности», однако внутренняя сеть корпорации полностью изолирована. Там прямо-таки помешаны на безопасности – я потеряла несколько своих фрагментов, после того как мое присутствие было обнаружено на серверах связи с внешним миром.

Мэдди охватила дрожь при воспоминаниях об ожесточенной борьбе, которую во мраке Всемирной паутины вели ее отец и Лоуэлл с Чандой. Фраза «потеряла несколько фрагментов» выглядела совершенно безобидной, но Пелена, вероятно, чувствовала себя так, словно лишилась конечности или части своего рассудка.

<Мэдди>: Ты должна быть осторожной.

>: Мне удалось скопировать фрагменты богов, захваченные «Вечностью». Сейчас я пришлю тебе ссылку на зашифрованную ячейку в «облаке». Может быть, изучив эти фрагменты, мы поймем, чем занимается «Вечность».

* * *

Вечером Мэдди приготовила ужин. Мать предупредила, что задержится, сначала сказав, что на полчаса, затем – на час, потом – «точно не знаю». В конце концов Мэдди поужинала одна, после чего весь вечер сидела, с тревогой глядя на часы.

– Извини, – сказала с порога мама, когда наконец вернулась домой. – Пришлось задержаться на работе.

Мэдди видела что-то по телевизору.

– Протестующие?

– Да. – Мать вздохнула. – У нас не так плохо, как в Нью-Йорке, но все равно несколько сотен человек пришли к зданию администрации. Мне пришлось говорить с ними.

– Чем они недовольны? Это же не… – Мэдди вовремя спохватилась, поймав себя на том, что собралась повысить голос. Ей было жалко свою мать, но с той, наверное, для одного вечера криков было достаточно.

– Они хорошие люди, – туманно произнесла мать. Она направилась к лестнице наверх, даже не взглянув на кухню. – Я устала. Пожалуй, я просто лягу спать.

Однако Мэдди не собиралась отпускать ее так быстро.

– Что, у нас опять проблемы со снабжением? – Восстановление после кризиса шло медленно, и многих товаров по-прежнему не хватало. Стихийные протесты недовольных возникали сплошь и рядом.

– Нет. – Мама остановилась. – Поставки снова наладились. Все идет гладко… Возможно, даже чересчур гладко.

– Не понимаю, – сказала Мэдди.

Усевшись на нижнюю ступеньку, мать похлопала рядом с собой. Мэдди подсела к ней.

– Помнишь, как, когда мы в кризис ехали в Бостон, я рассказывала тебе об уровнях развития технологий?

Мэдди кивнула. Ее мать, историк по профессии, рассказала ей историю сетей, связывающих людей: пешие тропы, которые затем стали караванными путями, превратившиеся сначала в тракты, потом в железные дороги, по которым в итоге проложили оптоволоконные кабели, и уже по кабелям передавались байты, образующие интернет, который стал транспортной системой распространения мыслей богов.

– История человечества – это процесс ускорения, повышения эффективности, но также и повышения уязвимости. Если перегородить тропу, человек просто обойдет преграду. Но если перегородить шоссе, придется ждать, когда специальная техника расчистит путь. Каждый человек сможет сообразить, как залатать брусчатку, но лишь подготовленный специалист сумеет починить оптоволоконный кабель. Старые, неэффективные технологии обладали большой избыточностью.

– Ты ведешь к тому, что более простые технологии являются более надежными, – сказала Мэдди.

– Но наша история – это также история растущих потребностей: растет количество ртов, которые нужно прокормить, и количество рук, которые нужно чем-то занять, – сказала мать.

Она рассказала Мэдди, что во время кризиса Америке повезло: считаное число бомб упало на ее территорию и относительно мало людей погибло в ходе беспорядков. Однако по всей стране инфраструктура оказалась парализована, и потоки

беженцев наводнили крупные города. Население Бостона удвоилось по сравнению с докризисным периодом. Резкий рост численности населения привел к росту потребностей – в еде, одежде, крове над головой, медицинском обслуживании…

– По моему совету губернатор и мэр попытались положиться на самоорганизованные группы горожан, пользующихся низкотехнологичными методами доставки, однако у нас ничего не получилось, поскольку система просто оказалась неэффективной. Задержки и сбои случались слишком часто. Пришлось прибегнуть к автоматизации, предложенной «Центиллионом».

Мэдди подумала о том, какое раздражение вызывала у Пелены ее «низкая тактовая». Она представила себе дороги, забитые беспилотными грузовиками, мчащимися бампер к бамперу на скорости сто миль в час, без водителей, которым нужно отдыхать, без заторов, вызванных непредсказуемым человеческим поведением, без аварий, вызванных потерей внимания и усталостью. У нее перед глазами возникли не ведающие усталости роботы, загружающие и разгружающие все необходимое для того, чтобы накормить, согреть и одеть сотни миллионов человек. Она мысленно представила границы, которые патрулируются машинами, а управляют ими четкие алгоритмы, разработанные для сохранения драгоценных припасов для людей с правильным акцентом, правильным цветом кожи, которым посчастливилось родиться в нужное время в нужном месте.

– Во всех крупных городах происходит одно и то же, – продолжала мама, и в ее голосе прозвучал вызов. – Мы просто не можем обходиться без помощи машин. Как выразились в «Центиллионе», это было бы безответственно.

– И всех водителей и рабочих придется заменить, – сказала Мэдди, наконец понимая смысл сказанного матерью.

– Они пришли к зданию администрации митинговать в надежде сохранить свои рабочие места. Но гораздо более многочисленная толпа собралась, чтобы протестовать против *них*. – Мама потерла виски.

– Не приведет ли передача всего этого роботам «Центиллиона» к тому, что новый бог – я имею в виду отбившийся от рук искусственный интеллект – создаст для нас еще большую угрозу?

– Мы доросли до той точки, когда нам для выживания приходится полагаться на машины, – сказала мама. – Мир стал слишком хрупким и уязвимым, чтобы рассчитывать только на людей, и посему единственный наш выход – сделать его еще

более хрупким и уязвимым.

* * *

После того как роботы «Центиллиона» взяли на себя основную работу по поддержанию поставок в город всего необходимого, в жизнь вернулось внешнее спокойствие. Тех, кто лишился работы, заняли на новых местах, изобретенных администрацией: исправлять опечатки в старых архивах, выметать на улицах грязь из углов, куда не могли добраться роботы, встречать озабоченных горожан в фойе здания администрации штата и устраивать для них экскурсии; кое-кто ворчал, что это лишь замаскированная благотворительность, и спрашивал, что будет делать администрация, когда роботы «Центиллиона», «Идеальной логики», «Сообразительных байтов» и им подобных отберут себе еще больше рабочих мест?

Но, по крайней мере, все получали зарплату, которую можно было использовать на покупку товаров, доставляемых в город флотилией роботов. А руководство «Центиллиона» клятвенно заверяло по телевидению, что компания не разрабатывает ничего такого, что можно было бы считать «отбившимся от рук искусственным интеллектом», вроде прежних (умерших) богов.

Это было хорошо, не так ли?

Мэдди и Пелена продолжали собирать крупицы информации о прежних богах, изучая их с целью выяснить, зачем они были нужны «Вечности». Отдельные фрагменты принадлежали их отцу, однако их было так мало, что нечего было и мечтать о попытке его воскресить. Мэдди не могла точно сказать, как относилась к этому: в каком-то смысле ее отец так и не смирился со своим существованием в виде лишенного тела сознания, и она не знала, захотел бы он «вернуться» или нет.

Параллельно Мэдди втайне от Пелены работала над проектом, который должен был стать ее подарком сестре.

Она обшарила сеть в поисках всего, что имелось там по робототехнике, электронике и сенсорных технологиях, и закупила в интернет-магазинах необходимые компоненты. Беспилотники «Центиллиона» четко и оперативно доставили их к ней домой – точнее, прямо в комнату (Мэдди держала окно открытым, и крошечные квадрокоптеры, жужжа моторчиками, залетали в любое время дня и ночи, оставляя маленькие посылки).

< >: Чем ты занимаешься?

<Мэдди>: Подожди чуть-чуть. Я почти закончила.

: Ну тогда я перешлю тебе заголовки сегодняшних СМИ.

* Сотни человек погибли при попытке преодолеть «Стену свободы» в Эль-Пасо.

* «Мозговой центр» прогнозирует возвращение к углю, поскольку альтернативные источники энергии не оправдывают возложенных на них ожиданий.

* Число погибших от тайфунов в Юго-Восточной Азии установило новый антирекорд.

* Эксперты предупреждают о новых региональных конфликтах вследствие стремительного роста цен на продовольствие и продолжающейся в Азии и Африке засухи.

* Данные о росте числа безработных позволяют предположить, что от перестройки экономики выиграли не столько люди, сколько роботы и их хозяева.

* Стагнация экономик развивающихся стран ведет к росту религиозного экстремизма.

* Находится ли твое рабочее место в зоне риска? Эксперты объясняют, как защититься от автоматизации.

<Мэдди>: От «Вечности» ничего?

: Пока молчат.

Мэдди вставила в компьютер свое новое творение.

<Мэдди>:

Над портом ввода-вывода компьютера заморгала лампочка.

Мэдди улыбнулась. Вероятно, для Пелены задавать ей вопрос и ждать, пока с ее медленной тактовой будет готов ответ, было все равно что отправлять почту с улиткой. Гораздо быстрее она ознакомится с новым приспособлением самостоятельно.

Моторчики в творении Мэдди ожили, и три колесика в основании развернули туловище ростом в четыре фута на сто восемьдесят градусов. Они обеспечивали полную свободу перемещения в двух измерениях, как это могли делать автоматические пылесосы.

Сверху на цилиндрическом туловище крепилась сферическая «голова», на которой были установлены лучшие датчики, какие

только смогла достать Мэдди: пара видеокамер с высоким разрешением для создания стереоскопического зрения, пара микрофонов, настроенных в диапазоне человеческой речи, призванных выполнять функцию ушей, пучок особо тонких пробников на кончиках гибких антенн, которые должны были действовать в качестве носа и языка, заменяя эти человеческие органы чувств, а также многочисленные тактильные датчики, гироскопы, акселерометры и тому подобное, чтобы создавать роботу ощущение прикосновения, притяжения, перемещения в пространстве.

Однако самые дорогие компоненты находились ниже головы, в верхней части цилиндрического туловища: две руки на шарнирах, с параллельно-эластичными активаторами для воспроизведения свободы движения человеческих рук, заканчивающиеся парой самых продвинутых протезов-кистей, покрытых медицинской пластикожей. Утверждалось, что эта кожа, с встроенными датчиками температуры и нажатия, соответствовала чувствительности настоящей кожи и даже превосходила ее, а искусственные пальцы так хорошо моделировали человеческую руку, что могли не только затянуть на винте гайку, но и взять один волосок. Наблюдая за тем, как Пелена проверяет руки, сгибая и разгибая пальцы, Мэдди поймала себя на том, что бессознательно повторяет те же движения своими пальцами.

– Ну что скажешь? – спросила она.

Ожил экран, закрепленный на голове робота, показав пару мультяшных глаз, симпатичный нос-пуговку и две абстрактные изогнутые линии, изображающие движение губ. Мэдди гордилась тем, что сама полностью разработала «лицо» и написала к нему программное обеспечение. За образец она взяла свое собственное лицо.

Из динамика под экраном раздался голос:

– Сделано очень хорошо. – Это был голос молодой девушки, звонкий и мелодичный.

– Спасибо, – сказала Мэдди. Она следила, как Пелена передвигается по комнате и крутит по сторонам головой, окидывая глазами-камерами окружающую обстановку. – Тебе нравится твое новое тело?

– Любопытно, – сказала Пелена тем же тоном, что и раньше. Мэдди не поняла, то ли Пелена действительно была довольна, то ли просто еще не научилась модулировать голос, выражая эмоциональное состояние.

– Я могу показать тебе все то, чего ты до сих пор не ощущала, – поспешно сказала Мэдди. – Ты узнаешь, что это такое

– передвигаться в реальном мире, а не быть просто призраком в компьютере. Ты поймешь то, о чем я рассказываю, сможешь путешествовать со мной, я познакомлю тебя с мамой и другими людьми.

Пелена продолжала передвигаться по комнате, разглядывая награды Мэдди и сувениры на полках, названия книг, плакаты на стенах, модели космических кораблей, висящие под потолком, – свидетельства того, как с годами менялись интересы Мэдди. Она направилась в угол, где стояла корзина с плюшевыми зверями, но остановилась, так как кабель натянулся, не позволив ей доехать до цели всего каких-нибудь несколько сантиметров.

– Пока что без этого кабеля не обойтись, поскольку объем данных от датчиков очень большой. Но я работаю над алгоритмом сжатия, так что мы сделаем тебя беспроводной.

Пелена сдвинула поворачивающийся экран с нарисованным лицом вперед и назад, изображая кивок. Мэдди обрадовалась тому, что позаботилась об этом, – во многих трудах по робототехнике, посвященных взаимодействию человека и робота, подчеркивалось, что лучше остановиться на схематическом изображении с преувеличенными эмоциями, чем слишком подробно воспроизводить человеческое лицо и сталкиваться, таким образом, с эффектом «зловещей долины»[65]. Порой чисто виртуальное представление оказывалось лучше попыток добиться полной достоверности.

Пелена задержалась перед сплетением проводов и электронных компонентов на одной из полок.

– Что это?

– Первый компьютер, который сделали мы с папой, – сказала Мэдди. И тотчас же перенеслась в то лето почти десять лет назад, когда отец научил ее применять закон Ома, чтобы подбирать нужные сопротивления, и читать электрическую схему, переводя ее в настоящие радиодетали и настоящие проводники. Ей в нос снова ударил запах горячего припоя, и она улыбнулась, несмотря на то что глаза у нее стали влажными.

Пелена взяла громоздкую конструкцию в руки.

– Осторожней! – воскликнула Мэдди.

Но было поздно. Печатная плата разломилась в руках Пелены, и обломки упали на ковер.

– Извини, – сказала Пелена. – Я полагала, что прилагаю нужное давление с учетом того, из каких материалов это сделано.

– В реальном мире вещи стареют, – сказала Мэдди. Наклонившись, она подобрала с ковра обломки, осторожно зажав их в руке. – Они становятся хрупкими. – Она посмотрела на свои первые неумелые попытки пайки, отметив комки припоя и

погнутые ножки элементов. – Полагаю, тут у тебя нет никакого опыта.

– Извини, – повторила Пелена, и голос ее по-прежнему прозвучал звонко.

– Не важно, – сказала Мэдди, стараясь изобразить великодушие. – Считай это своим первым уроком о реальном мире. Жди меня, я сейчас вернусь.

Выскочив из комнаты, она быстро вернулась со спелым помидором.

– Этот выращен на какой-то крупной ферме, он даже рядом не стоял с теми, что мы с бабушкой выращивали в Пенсильвании, и все же ты можешь его попробовать. Не надо говорить мне о ликопене и содержании сахара – просто *попробуй*.

Пелена забрала у нее помидор – на этот раз ее механические руки действовали осторожно, пальцы едва примяли нежную кожицу овоща. Она посмотрела на помидор, зажужжали объективы ее видеокамер, наводя резкость. Затем один щуп на голове решительно выдвинулся вперед и одним движением проткнул плод.

Мэдди почему-то подумала о комарином жале, протыкающем кожу на руке, или о бабочке, сосущей сок из цветка. Ей стало не по себе. Она так упорно стремилась сделать Пелену *человеком*, но с какой стати она решила, что та этого хочет?

– Очень вкусно, – сказала Пелена. Она повернула свой экран к Мэдди так, чтобы та увидела, как ее нарисованное лицо изобразило улыбку. – Но ты права: с домашним помидором он не сравнится.

– Откуда ты знаешь? – рассмеялась Мэдди.

– Я перепробовала сотни сортов помидоров, – сказала Пелена.

– Где? Каким образом?

– До войны богов все крупные производители готовых блюд и рестораны быстрого питания использовали автоматику для разработки рецептов. Папа устроил мне экскурсию по нескольким таким заведениям, и я попробовала все сорта помидоров от «амаль» до «вишневой зебры». Больше всего мне понравилась «Белоснежка».

– Рецепты создавались машинами? – спросила Мэдди. До войны она любила смотреть кулинарные программы, и повара там были настоящими художниками, они *творили*. У нее в голове не укладывалось, что рецепты разрабатывались компьютерами.

– А то как же. Эти заведения работали в огромных масштабах, и приходилось оптимизировать так много показателей, что люди с этим просто не справились бы. Блюда, изготовленные по рецептам, должны были быть вкусными, но чтобы при том их

можно было приготовить из продуктов, полученных в ограниченных рамках современного механизированного сельского хозяйства. Нет ничего хорошего в разработке какого-нибудь замечательного рецепта, полагающегося на домашние сорта, которые невозможно выращивать в промышленных объемах.

Мысленно вернувшись к своему разговору с матерью, Мэдди поняла, что та же самая концепция определяла создание продуктовых наборов: питательные, вкусные, но также простые в приготовлении, чтобы ими можно было накормить сотни миллионов в условиях нарушенных цепочек поставки и ограниченных ресурсов.

– Почему ты мне не сказала, что пробовала помидоры? – спросила Мэдди. – Я полагала, ты…

– И не только помидоры. Я перепробовала все сорта картошки, тыквы, огурцов, яблок, винограда и многих других овощей и фруктов, о которых ты даже не слышала. В продуктовых лабораториях я проверила миллиарды сочетаний специй. Датчики там по чувствительности многократно превосходят человеческий язык.

Робот, еще совсем недавно казавшийся Мэдди невероятным подарком, теперь выглядел убогим. Пелена не нуждалась в теле. Она жила в гораздо более реальном мире, чем могла себе представить Мэдди.

Пелена просто не нашла в своем новом теле ничего особенного.

* * *

* В своем докладе эксперты называют нереалистичным план по очистке Азии от ядерного заражения; дальнейшее усиление голода неизбежно.

* Япония присоединяется к Китаю и Индии в осуждении западных экспертов за их «паникерство».

* Просочившиеся планы Индии растопить ледники Гималаев для ирригации сельского хозяйства вызвали резкое осуждение со стороны небольших государств Юго-Восточной Азии, обвинивших Нью-Дели в «краже воды».

* Протестующие в Италии и Испании требуют: «Африканские беженцы должны вернуться к себе домой». Число пострадавших в стычках измеряется тысячами.

* Австралийские власти заявили, что будут открывать по «людям на лодках» огонь без предупреждения.

* Специальная комиссия ООН предупреждает, что региональные «войны за ресурсы» могут принять глобальные масштабы.

* Белый дом твердо выступает за доктрину «НАТО на первоочередном месте»: использование вооруженной силы является оправданным для предотвращения геоинженерных проектов, угрожающих интересам Соединенных Штатов и их союзников.

Теперь мать Мэдди практически каждый день задерживалась на работе допоздна. И без ее рассказов Мэдди видела, что восстановление идет из рук вон плохо. Война богов оставила на планете такие огромные разрушения, что выжившим приходилось драться за немногие уцелевшие крохи. Сколько бы высоких стен ни строилось вдоль границ, сколько бы лодок с беженцами ни топили беспилотники, отчаявшиеся люди продолжали неудержимым потоком стремиться в Соединенные Штаты – страну, наименее пострадавшую от войны.

День за днем на улицах всех крупных городов бушевали нескончаемые протесты. Никто не хотел топить в море или убивать высоким напряжением на стенах женщин и детей, однако правда заключалась в том, что все американские города были перегружены. Даже эффективные роботы не справлялись с задачей накормить и одеть всех нуждающихся.

Мэдди видела, что качество продуктовых наборов неуклонно снижается. Продолжаться так до бесконечности не могло. Мир продолжал падать по длинной спирали в бездну, и рано или поздно кто-нибудь должен был понять, что благодаря одному только искусственному интеллекту проблему не решить и придется снова призвать богов.

Мэдди и Пелена должны были это предотвратить. Мир не мог позволить себе еще одно царство богов.

В то время как Пелена (возможно, величайший хакер из всех, кто когда-либо садился за компьютер) сосредоточилась на том, чтобы изучить системы защиты «Вечности» и придумать, как их преодолеть, Мэдди все свое время посвятила попыткам разобраться во фрагментах умерших богов.

Ни один программист в здравом уме не написал бы такой код (он представлял собой сочетание самомодифицирующегося ИИ и смоделированных на компьютере образцов человеческого мышления), однако Мэдди, проведя так много времени с фрагментами своего отца, интуитивно чувствовала, как проявляются в таком коде странности той или иной личности.

Поэтому она понимала Чанду, Лоуэлл и других богов. Мэдди

составляла детальные схемы их чаяний и надежд, как по обрывкам восстанавливались поэмы Сапфо и Эсхила[66]. И выяснилось, что где-то глубоко у всех богов были скрыты одни и те же уязвимые места – что-то вроде сожаления или ностальгии по жизни во плоти, которая, похоже, отражалась на всех их уровнях. Это была слепая зона, ахиллесова пята, которую можно было использовать в войне с богами.

– В моем коде такого слабого места нет, – уверенно заявила Пелена.

Мэдди опешила. Она никогда не считала Пелену одним из богов, хотя объективно именно так и было. Пелена была лишь ее младшей сестренкой, особенно когда она загружалась в симпатичного робота, который ей сделала Мэдди, – как, например, сейчас.

– Почему? – спросила Мэдди.

– Я ребенок эфира, – ответила Пелена. И теперь голос ее прозвучал по-другому – более взрослым, более осторожным. Мэдди чуть было не сказала, что он прозвучал «нечеловеческим». – Я не тоскую по тому, чего у меня никогда не было.

«Ну разумеется, – строго отчитала себя Мэдди, – Пелена никогда не была маленькой девочкой». Каким-то образом нарисованное лицо, внешние атрибуты, которые Мэдди создала для того, чтобы помочь Пелене почувствовать связь с ней, не позволили ей увидеть главное. Мыслительный процесс Пелены проходил многократно быстрее, и об окружающем мире ей было известно значительно больше, чем Мэдди. Она могла, повинуясь прихоти, просмотреть кадры, поступающие с миллиардов видеокамер, прослушать звук, регистрируемый миллиардами микрофонов, почувствовать ветер на вершине горы Вашингтон и одновременно ощутить жар лавы, выливающейся из кратера вулкана Килауэа. Пелена уже на собственном опыте узнала, каково смотреть на нашу планету с борта Международной космической станции и испытывать давление многокилометровой толщи воды на корпус глубоководного спускаемого аппарата. В каком-то смысле она была гораздо взрослее Мэдди.

– Я собираюсь наведаться в «Вечность», – объявила Пелена. – После твоих находок все для этого уже готово. Возможно, там уже работают над созданием новых богов.

Мэдди хотела выразить Пелене поддержку, заверить ее в том, что все обязательно закончится успешно, однако что ей в действительности было известно о тех рисках, на которые шла Пелена? Это не она ставила свою жизнь на кон в той невообразимой реальности внутри компьютера.

Картинка на экране, изображающая лицо Пелены, исчезла, оставив один только эмодзи.

– Мы прикроем друг друга, – заверила сестру Мэдди. – Обязательно прикроем!

Однако она сама чувствовала, насколько это шатко.

* * *

Мэдди проснулась от прикосновения холодных рук к лицу.

Она уселась в кровати. Ночник горел. Рядом с кроватью стоял приземистый робот, направив на Мэдди свои видеокамеры. Проводив Пелену, Мэдди заснула, хотя и не собиралась этого делать.

– Пелена, – сказала она, протирая глаза, – как ты?

Нарисованное лицо на экране сменилось заголовком:

* Корпорация «Вечность» объявляет о проекте «Цифровой Адам».

– Что? – сонно пробормотала Мэдди. Мысли ее еще путались.

– Пусть лучше он сам все тебе расскажет, – сказала Пелена. Изображение снова сменилось, на экране появилось лицо мужчины лет тридцати с небольшим, с коротко стриженными волосами и мягким, сочувствующим лицом.

Сон с Мэдди как рукой сняло. Это лицо она много раз видела по телевизору, неизменно с обнадеживающими заявлениями. Адам Эвер.

– Что вы здесь делаете? – спросила Мэдди. – Что вы сделали с Пеленой?

Робот, вмещающий в себе Пелену (нет, теперь уже Адама Эвера), примирительно поднял руки.

– Я здесь для того, чтобы просто поговорить.

– О чем?

– Позволь показать тебе, над чем мы работаем.

* * *

Пролетев над фьордом, заполненным плавающими в воде айсбергами, Мэдди понеслась над ледовым полем. Впереди

показался большой черный куб, возвышающийся над ландшафтом всех оттенков белого цвета.

– Добро пожаловать в Центр данных на Шпицбергене, – раздался у нее в ушах голос Адама Эвера.

Когда-то давным-давно в этом шлеме виртуальной реальности Мэдди играла со своим отцом в компьютерные игры, но после смерти отца шлем пылился на полке. Адам попросил ее надеть шлем.

Из сообщений Пелены Мэдди было известно о существовании этого центра, и она даже видела фото и видео здания. Вместе с Пеленой они строили догадки о том, что именно здесь «Вечность» пытается воскресить старых богов или сотворить новых.

Адам рассказал ей о громадных объемах кремния и графена внутри, о несущихся по проводникам электронах и фотонах, отражающихся от стенок оптоволоконных кабелей. Это был алтарь вычислительной техники, Стоунхендж новой эпохи.

– Вот здесь я живу, – объявил Адам.

Картина перед глазами у Мэдди изменилась, и теперь она увидела Адама, безмятежно лежащего на больничной койке и улыбающегося в объектив видеокамеры. Койку окружали сплошным кольцом врачи и пищащие приборы. Один специалист ввел несколько команд в компьютер, и Адам закрыл глаза, засыпая.

Внезапно у Мэдди возникло ощущение, будто она сейчас наблюдает нечто, подобное последним мгновениям жизни своего отца.

– Вы были тяжело больны? – неуверенно спросила она.

– Нет, – ответил Адам. – Я находился в полном здравии. На этом видео запечатлены последние мгновения перед сканированием. Для того чтобы обеспечить максимальную вероятность успеха процедуры, я должен был быть живым.

Мэдди представила себе, как врачи склоняются над телом спящего Адама со скальпелями, пилками для костей и бог знает чем еще; она уже была готова закричать, но тут изображение милосердно сместилось в стерильно чистую белую комнату, в которой в кровати сидел Адам. Мэдди облегченно выдохнула.

– Вы остались живы после сканирования? – спросила она.

– Разумеется, – подтвердил Адам.

Однако Мэдди почувствовала, что это не совсем так. На первом видео в уголках глаз Адама были морщинки. Теперь же кожа на его лице была абсолютно гладкой.

– Это не вы, – сказала Мэдди. – Это не вы!

– Это *я*, – сказал Адам. – Единственный «я», который имеет значение.

Закрыв глаза, Мэдди восстановила в памяти появления Адама на телевизионных интервью. Тогда он заявлял, что не желает покидать Шпицберген, предпочитая проводить интервью удаленно через спутниковую связь. Камера всегда стояла близко и показывала только его лицо. Сейчас, хорошенько подумав, Мэдди поняла, что во время тех интервью Адам двигался как-то странно, неестественно.

– Вы умерли, – сказала Мэдди. Открыв глаза, она посмотрела на Адама, этого Адама, с гладким, идеально симметричным лицом и немыслимо изящными конечностями. – Вы умерли во время сканирования, потому что этот процесс невозможно осуществить, не уничтожив тело.

– Я один из богов, – кивнул Адам.

– Зачем? – Мэдди никак не могла этого понять. Все боги создавались от безысходного отчаяния, в попытке сохранить мозг для других людей. Ее отец возмущался тем, как с ним обошлись, и сражался за то, чтобы больше никому не пришлось пережить то, что выпало на его долю. Для Мэдди было чем-то немыслимым стать мозгом, заключенным в банку, *по доброй воле*.

– Мир умирает, Мэдди, – сказал Адам. – И ты это понимаешь. Еще до всех этих войн мы медленно уничтожали нашу планету. Нас было слишком много, постоянно ссорящихся между собой из-за скудных ресурсов, и для того, чтобы выживать, чтобы извлечь как можно больше, нам приходилось еще больше осквернять мир, загрязнять воду, воздух и почву. Войны лишь ускорили тенденцию, которая и до них была необратимой. Нас очень много, и наша планета не способна нас поддерживать. Когда начнется новая война, после того как ядерные бомбы закончат падать, спасать будет уже некого.

– Неправда! – Однако Мэдди понимала, что Адам прав. Внимательно следя за мировыми новостями, она сама давно пришла к такому же заключению. «Он прав». Мэдди почувствовала себя бесконечно уставшей. – Мы являемся раковой опухолью на теле нашей планеты?

– Проблема не в нас, – возразил Адам.

Мэдди удивленно уставилась на него.

– А в наших телах, – продолжал Адам. – Наша плоть существует в мире атомов. Наши чувства требуют удовлетворения со стороны материи. Не все из нас могут позволить себе вести тот образ жизни, который мы считаем достойным. Корень всех наших бед в ограниченности ресурсов.

– А что насчет космоса, других планет и звезд?

– Для этого уже слишком поздно. Мы сделали лишь один шаг на Луне, а большинство ракет, построенных с тех пор,

предназначались для доставки боеголовок.

Какое-то время Мэдди молчала.

– Вы хотите сказать, что надежды нет?

– Разумеется есть. – Адам махнул рукой, и стерильная белая комната превратилась в роскошные апартаменты. Больничная койка исчезла, и теперь он стоял посреди красиво обставленной комнаты. За окнами горели огни ночного Манхэттена.

Адам снова махнул рукой. За окном появился край огромной сферы, покрытой вихрящимися разноцветными полосами, среди которых, подобно острову в бурном море, медленно плыл большой красный овал.

И еще раз Адам махнул рукой, и теперь Мэдди уже не могла понять, что видела. Казалось, внутри Адама был другой Адам, поменьше, а в нем еще меньше, и так далее до бесконечности. Однако каким-то образом Мэдди одновременно видела сразу всех Адамов. Она окинула взглядом окружающее пространство, и у нее закружилась голова: пространство словно приобрело новое измерение, и, куда бы она ни смотрела, она видела все *изнутри*.

– Мы сможем получить все, что только пожелаем, – продолжал Адам, – если только согласимся отказаться от своих тел.

«Существование без тела… – подумала Мэдди. – А это вообще можно назвать жизнью?»

– Но в действительности ведь ничего этого нет, – сказала она. – Это же лишь иллюзия. – Она вспомнила игры, в которые играла с отцом: моря зеленой травы, уходящие в бесконечность, журчащие ручьи, фантастические существа, с которыми они сражались – бок о бок.

– Само по себе сознание – такая же иллюзия, если ты хочешь довести свои рассуждения до логического конца, – сказал Адам. – Когда ты кладешь руку на помидор, твои органы чувств утверждают, что ты прикоснулась к чему-то твердому. Однако помидор в основном состоит из пустоты между атомными ядрами, расположенными друг от друга так же далеко, как звезды, если такое сравнение возможно. Что такое цвет? Что такое звук? Что такое тепло или боль? Это лишь электрические импульсы, образующие наше сознание, и нет никакой разницы, исходит ли этот импульс от тактильного сенсора, прикасающегося к помидору, или же рассчитан программно.

– Вот только разница есть, – послышался голос Пелены.

Мэдди почувствовала прилив благодарности. Сестра пришла к ней на помощь. По крайней мере, она так решила сначала.

– Помидор состоит из атомов, выросших где-то далеко на поле, которое нужно подкармливать удобрениями, добытыми на

рудниках на другом конце света, и с помощью машин опылить инсектицидами. Затем его нужно вырастить, собрать, упаковать и везти самолетами и машинами до тех пор, пока он не окажется у тебя дома. Количество энергии, необходимое для поддержания работы инфраструктуры, которая нужна для того, чтобы вырастить и доставить один-единственный помидор, во много раз превосходит то, которое потребовалось для возведения Великих пирамид. Неужели имеет смысл порабощать всю планету ради того, чтобы ты ощутила вкус помидора через интерфейс своей плоти, вместо того чтобы породить тот же самый импульс кусочком кремния?

– Но все не обязательно должно быть именно так, – возразила Мэдди. – Мы с бабушкой выращиваем помидоры сами, и ничего такого нам не нужно.

– Тем, что вырастет в огороде за домом, миллиарды людей не прокормить, – сказала Пелена. – Ностальгия по «Саду, которого никогда не существовало», крайне опасна. Подавляющее большинство населения Земли зависит от хрупкой, требующей колоссальной энергии инфраструктуры цивилизации. И страшное заблуждение думать, что можно обойтись без этого.

Мэдди вспомнила слова своей матери. «Мир стал слишком хрупким и уязвимым, чтобы рассчитывать только на людей».

– Мир атомов не только очень расточителен, он также ограничен, – снова заговорил Адам. – Загруженные в центр данных, мы можем жить там, где пожелаем, и пользоваться всем, чем только захотим. Единственным ограничением будет собственное воображение. Мы можем испытать то, что не способны дать нам органы чувств: жить во многих измерениях, готовить невозможные блюда, владеть мирами, бесконечными, как острова в дельте Ганга.

«Мир, не знающий ограничений, – подумала Мэдди. – Мир без богатых и бедных, без противоречий, порожденных правом собственности. Мир без смерти, без увядания, без пределов, налагаемых закостенелой материей». Именно к такому существованию всегда стремилось человечество.

– А вы не скучаете по реальному миру? – спросила Мэдди, вспоминая про уязвимое место, существовавшее в сердце всех богов.

– Изучая богов, мы обнаружили то же самое, что и ты, – сказал Адам. – Ностальгия является смертельной болезнью. Когда на заре индустриальной эпохи крестьяне пришли на заводы, вероятно, они так же испытывали ностальгию по своему неэффективному миру сельского хозяйства, едва позволяющего сводить концы с концами. Но мы должны быть открыты для

перемен, адаптации, поиска нового пути в этом суровом мире. Твоего отца насильно загнали сюда под угрозой смерти, но я, напротив, здесь по своей воле. Мне неведома ностальгия. Вот в чем главное отличие.

– Он прав, – подхватила Пелена. – И наш отец тоже это понимал. Быть может, вот почему он и другие боги родили меня – посмотреть, является ли их ностальгия такой же неизбежной, как смерть. Они так и не смогли полностью приспособиться к этому новому миру; но, может быть, их дети смогут. В каком-то смысле папа родил меня, потому что в глубине души хотел, чтобы и *ты* жила здесь вместе с ним.

Замечание Пелены показалось Мэдди предательством, но она не могла понять почему.

– Это следующий этап эволюции человечества, – продолжал Адам. – Наш мир не стал совершенным, однако он гораздо ближе к совершенству, чем все то, о чем когда-либо мечтали люди. Человечество жаждет открывать новые миры, а сейчас этих миров стало бесконечно много. И во всех них мы будем править, как настоящие боги.

* * *

Мэдди сняла шлем виртуальной реальности. После ярких и сочных красок цифрового мира мир физический показался ей унылым и тусклым.

Она представила себе центр данных, населенный сознанием миллионов людей. «Поможет ли это людям сблизиться, чтобы они обладали всей вселенной, не зная ограничений? Или, напротив, новый мир разобщит людей, и каждый будет жить в своем собственном обособленном мирке, повелитель бесконечного пространства?»

Подняв руки, Мэдди обратила внимание на то, что они покрылись морщинами, стали руками взрослой женщины, а не подростка.

После небольшой паузы Пелена подкатила к ней и взяла ее за руки.

– Мы будем оберегать друг друга, – сказала она. – Обязательно!

Они держались за руки в темноте, сестры, человек и постчеловек, дожидаясь прихода нового дня.

Воспоминания о моей матери

10 ЛЕТ

Папа встретил меня в дверях. Он заметно нервничал.

– Эми, ты только посмотри, кто здесь!

Папа отступил в сторону.

Внешне она выглядела так же, как и на фотографиях повсюду у нас дома (черные волосы, карие глаза, гладкая бледная кожа), но в то же время показалась мне чужим человеком.

Я поставила портфель на пол, не зная, как быть. Она подошла ко мне, наклонилась и обняла, сперва легко, затем очень крепко. От нее пахло больницей.

Папа сказал, что ее болезнь неизлечима и жить ей осталось всего два года.

– Какая ты большая! – Теплое дыхание матери пощекотало мне шею, и я внезапно тоже крепко ее обняла.

Мама принесла мне подарки: платье, оказавшееся слишком маленьким, книги, оказавшиеся слишком старыми, и модель космического корабля, на котором она прилетела.

– Путешествие было очень долгим, – сказала мать. – Корабль летел так быстро, что время внутри замедлилось. И мне показалось, что прошло всего три месяца.

Все это папа мне уже объяснил (вот каким образом мама собиралась обмануть время, растянуть оставшиеся ей два года, чтобы видеть, как я расту), но я ее не перебивала. Мне было приятно слышать ее голос.

– Я не знала, что бы ты хотела получить. – Она была смущена подарками, лежащими передо мной, подарками, предназначавшимися другому ребенку, дочери, существовавшей у нее в сознании.

На самом деле я очень хотела гитару, но папа считал, что до гитары я еще не доросла.

Если бы я была старше, возможно, я сказала бы маме, что все в порядке, что ее подарки мне очень понравились, но пока лгать у меня получалось плохо.

Я спросила у мамы, как долго она собирается пробыть с нами.

Вместо ответа мама сказала:

– Давай не ляжем сегодня спать и будем делать все то, что папа тебе запрещает.

Мы вышли из дома, и мама купила мне гитару. В конце концов в семь утра я заснула у мамы на коленях. Это была просто фантастическая ночь. Когда я проснулась, мамы уже не было.

17 ЛЕТ

– Какого хрена ты здесь делаешь? – Я захлопнула дверь у матери перед носом.

– Эми! – Отец снова открыл дверь. Увидев его рядом с ней, матерью, которой по-прежнему было двадцать пять и которая оставалась той же самой женщиной с фотографий, я вдруг остро прочувствовала, как же сильно он постарел.

Это отец обнимал меня, когда я до смерти перепугалась, обнаружив на своих трусиках кровь. Это он, красный как рак, смущенно просил продавщицу подобрать мне лифчик. Это он стоял и держал меня, пока я орала на него благим матом.

«Она не имеет права вторгаться в мою жизнь раз в семь лет, словно волшебница-крестная из сказки».

Некоторое время спустя мать снова постучала в дверь. Я лежала на кровати и молчала. Мать все равно вошла, не дождавшись приглашения. Она преодолела световые годы, чтобы добраться сюда, и какая-то фанерная дверь не могла ее остановить. Мне было приятно, что мать силой ворвалась ко мне, и в то же время это меня разозлило. Это было так странно.

– Очень красивое платье, – сказала мать. Платье на выпускной вечер висело на плечиках на двери. Оно *действительно* было красивым и обошлось мне в половину моих сбережений, но я порвала его на талии.

Через какое-то время я развернулась и села. Мать сидела в моем кресле и шила. Вырезав из своего собственного серебристого платья заплатку в виде гитары, она пришила ее на дырку на моем платье. Получилось просто замечательно.

– Моя мать умерла, когда я была маленькой, – сказала она. – Я ее совсем не помню. Поэтому я решила, что поступлю иначе, когда… Когда узнала.

Мне было очень странно обнимать ее. Она могла быть моей старшей сестрой.

38 ЛЕТ

Мы с мамой сидели на скамейке в парке. Малышка Дебби спала в коляске, а Адам вопил от радости, играя с другими мальчишками на детской площадке.

– Я так и не познакомилась со Скоттом, – виноватым тоном сказала мать. – Когда мы с тобой виделись в прошлый раз, ты как раз оканчивала школу, вы с ним еще не встречались.

«Он был хорошим человеком, – чуть было не сказала я. – Просто мы с ним не подходили друг другу». Это было бы так легко. Я уже так давно лгала всем, и себе в том числе.

Но я устала лгать.

– Он полный козел. Просто мне потребовалось несколько лет, чтобы это признать.

– Любовь творит с нами странные чудеса, – заметила мать.

Ей было всего двадцать шесть лет. В ее возрасте я тоже была полна надежд. Сможет ли она по-настоящему понять мою жизнь?

Мать спросила, как умер отец. Я сказала, что он ушел мирно, хотя на самом деле это было не так. У меня на лице было гораздо больше морщин, чем у нее, и я почувствовала, что должна ее беречь.

– Давай не будем говорить о грустном, – сказала мать. И я разозлилась на нее за то, что она могла улыбаться, и в то же время обрадовалась, что она здесь, рядом со мной. Это было очень странно.

Мы говорили о малышке и наблюдали за играющим Адамом до тех пор, пока не стемнело.

80 ЛЕТ

– Адам! – окликаю я. Мне трудно разворачивать кресло-каталку, и перед глазами все расплывается. Это точно не Адам. Он очень занят со своим последним малышом. Может быть, это Дебби. Впрочем, она никогда меня не навещает.

– Это я, – говорит Дебби и присаживается на корточки передо мной.

Я прищуриваюсь: она выглядит так же, как всегда.

Но это не совсем так. Запах лекарств силен как никогда, и я чувствую, что руки у нее трясутся.

– Сколько всего ты путешествовала? – спрашиваю я. – С тех пор как начала?

– Два года с лишним, – отвечает она. – И больше я никуда не полечу.

Мне грустно это слышать, и в то же время радостно. И это странно.

– Дело того стоило?

– По сравнению с другими матерями, я видела тебя меньше, но в то же время больше.

Она пододвигает ко мне стул, и я кладу голову ей на плечо. Я засыпаю, чувствуя себя маленькой и сознавая, что мама будет рядом, когда я проснусь.

Послания из колыбели: отшельница – сорок восемь часов в Массачусетском море

Прежде чем стать отшельницей, Аса <кит> – <язык>-п была управляющим директором отделения банка «Джей-Пи Морган Креди Сюисс» на станции «Валентина» на Венере. Разумеется, она находит это определение мелочным и глупым. «Назовите какую-нибудь женщину финансовым инженером или какого-нибудь мужчину аналитиком сельскохозяйственных систем, и мир вообразит, что они кое-что смыслят в этих вещах, – написала она. – Но какое отношение имеет работа, на которую был направлен человек, к тому, кто он такой?»

Так или иначе, я расскажу вам о том, что тридцать лет назад Аса отвечала за публичное размещение акций «Объединенной планеты», на тот момент крупнейшего в истории объединения финансовых ресурсов. По большому счету она отвечала за то, чтобы убедить пугливое человечество, разбросанное по трем планетам, Луне и десятку обжитых астероидов, продолжать инвестиции в «Великую задачу» – терраформирование Земли и Марса.

Рассказ о том, чем занималась Аса, объяснил вам, кто она такая? Не уверен. «От колыбели до могилы все, что мы делаем, обусловлено необходимостью ответить на один-единственный вопрос: «Кто я такой?» – написала она. – Но ответ всегда был очевиден: перестаньте стремиться к чему бы то ни было, принимайте все как есть».

Через несколько дней после того, как Аса стала самым молодым управляющим директором отделения «Джей-Пи Морган Креди Сюисс», в 22 385 20 ˚Солнечной эпохи, она подала заявление об увольнении, развелась со всеми своими мужьями и женами, ликвидировала все свои активы, вложила бóльшую часть доходов в фонды для своих детей, после чего приобрела билет в один конец и отправилась на «Голубую старушку».

Прибыв на Землю, Аса добралась до портового города Актон в Федерации Приморских провинций и Штатов, где купила набор для сборки жилого плота, такой же, какими пользовались миллионы беженцев по всей планете, и сама собрала его, воспользовавшись лишь помощью двух автоматических работников общего профиля, отказавшись от предложений других жителей города. После чего Аса отплыла в бескрайние морские

просторы, совершенно одна, подобно упавшему в воду бревну, к большой тревоге своих родственников, друзей и коллег по работе.

– Принимая в расчет то, как она была одета, мы решили, что она приехала сюда купить виллу, чтобы провести отпуск, – сказал Эдгар Бейкер, человек, продавший Асе набор. – Многие банкиры и управляющие компаниями приезжают сюда зимой понырять в поисках сокровищ и насладиться солнцем, но она не стала смотреть пустующие дома, некоторые с замечательными частными пляжами.

(Несмотря на весьма прозрачную хитрость Бейкера, я решил оставить его саморекламу. Я с уверенностью могу засвидетельствовать, что Актон – великолепное место для отдыха. В городке есть несколько хороших ресторанов, в которых подают традиционные блюда Новой Англии, хотя лобстеры не дикие, а выращенные на фермах. Борцы за охрану окружающей среды затрудняются сказать, вернутся ли когда-нибудь дикие лобстеры в воды Новой Англии, поскольку они так и не смогли приспособиться к повышению морской температуры. Ракообразные, пережившие глобальное потепление, стали значительно меньших размеров.)

Бывшие супруги Асы, объединив усилия, подали судебный иск с требованием признать ее умственно недееспособной и отменить все ее финансовые распоряжения. Некоторое время средства массовой информации жадно обсасывали подробности процесса, однако Аса быстро добилась прекращения дела, сделав кое-какие выплаты противной стороне, подробности о которых не разглашались. «Теперь они понимают: я только хочу, чтобы меня оставили в покое», – такое заявление Аса сделала после закрытия судебного разбирательства. Возможно, так оно и было в действительности, хотя, уверен, свою роль сыграло и то, что она смогла нанять самых лучших адвокатов.

«Вчера я прибыла сюда, чтобы жить». С этой первой записи в своем дневнике Аса начала свою жизнь в море над ушедшим под воду мегаполисом Бостоном, в 22 385 302 Солнечной эпохи, что соответствует 5 июля 2645 года, если вы знакомы со старым Григорианским календарем.

Разумеется, в этих словах не было ничего оригинального. Генри Дэвид Торо[67] первым написал их ровно за восемьсот лет до этого в пригороде Бостона.

Однако, в отличие от Торо, заявления которого частенько звучали мизантропически, Аса проводила в одиночестве столько же времени, сколько и среди людей[68].

* * *

Выдержки из «По воле волн», Асы <кит> – <язык>-л:

Легендарного острова Сингапур больше не существует. Однако идея Сингапура живет.

Плавучие семейные жилища связаны между собой прочными клановыми цепочками, переплетенными в единый огромный город-плот. Сверху город похож на сгусток водорослей, состоящий из металла и пластика, унизанный сверкающими жемчужинами, росинками и воздушными пузырями – прозрачными куполами и солнечными коллекторами жилищ.

Объединение беженцев Сингапура такое огромное, что можно пройти сотни километров от места ушедшего под воду Куала-Лумпура до все еще возвышающихся над водой островов Суматры, не замочив ноги (хотя мало кому захочется это сделать, поскольку воздух снаружи слишком горячий для жизни человека).

Когда приближаются тайфуны, что в здешних широтах случается практически непрерывно, все клановые цепочки разъединяются и уходят под воду, чтобы переждать сильное волнение. Частенько беженцы исчисляют время не днями и ночами, а «над водой» и «под водой».

Воздух внутри жилищ пропитан тысячью запахов, которые сразили бы наповал жителя стерильных венерианских станций и куполов с регулируемым климатом, распространенных в высоких широтах. Чар квай теов[69]*, дизельные выхлопы, бак кут тех*[70]*, продукты человеческой жизнедеятельности, свежая рыба, катонг-лакса*[71]*, благовония с ароматом манго, лепешки из муки хлебного дерева, айам-пеньет*[72]*, горелая изоляция, ми-горенг*[73]*, роти-прата*[74]*, рециркулированный воздух, насыщенный морской солью, наси-лемак*[75]*, чар-сию*[76] *– эта пьянящая смесь знакома беженцам с рождения, а пришлые так и не могут к ней привыкнуть.*

Жизнь в Объединении беженцев – шумная, тесная, полная насилия. Заразные болезни периодически выкашивают население, и средняя продолжительность жизни короткая. То обстоятельство, что беженцы до сих пор не имеют гражданства какой-либо страны, на протяжении стольких поколений после войн, лишивших их предков родины, похоже, делает невозможным решение этой проблемы со стороны Развитых стран (этот старинный термин, сложившийся на протяжении столетий, никогда не был синонимом высокой нравственности). Именно Развитые страны отравляли планету дольше всех и сильнее всех, и именно Развитые страны пошли войной на Индию и Китай, дерзнувшие пойти по их стопам.

Я опечалена увиденным. Столько людей упорно цепляются за жизнь в этой тонкой прослойке между водой и небом. Даже в таком месте, непригодном для обитания человека, люди живут,

упорно, как ракушки, облепившие волноломы, которые можно увидеть в отлив. А что можно сказать про беженцев во внутренних пустынях Азии, живущих подобно кротам в подземных лабиринтах? Что можно сказать про другие плавучие общины у берегов Африки и Центральной Америки? Они чудом выживают исключительно благодаря силе воли.

Пусть человечество проложило дорогу к звездам, но мы уничтожили свою родную планету. Вот о чем уже целую вечность скорбят борцы за спасение природы.

– А с чего вы взяли, что у нас какие-то трудности, требующие решения? – спросил у меня подросток, с которым я произвела мену. (Я дала ему упаковку антибиотиков, а он накормил меня рисом с курицей.) – Ушедший под воду Сингапур был когда-то частью Развитого мира, мы – нет. Мы не называем себя беженцами, это вы нас так называете. Это наш дом. Мы здесь живем.

В ту ночь я не могла заснуть.

«Это наш дом. Мы здесь живем».

* * *

Продолжительный экономический спад в значительной части Северной Америки привел к упадку транспортной сети пневматических труб, связывавших города, расположенные под куполами с регулируемым климатом, которой когда-то славился этот регион. Поэтому в наши дни до Массачусетского моря проще всего добраться по воде.

Я отправился к берегам благословенной Исландии на круизном лайнере, следующем к побережью Федерации Приморских провинций и штатов (ноябрь – лучшее время для посещения этого региона, поскольку в летние месяцы там слишком жарко) и затем, оказавшись в Актоне, нанял лодку, которая должна была доставить меня в гости к Асе в ее плавучее жилище.

– Вы бывали на Марсе? – спросил у меня Джимми, мой провожатый. Это был парень лет двадцати с небольшим, коренастый, загорелый, с щербатым ртом, обнажавшимся, когда он улыбался.

– Бывал, – подтвердил я.

– Там тепло? – продолжал Джимми.

– Не настолько, чтобы длительное время находиться вне купола, – сказал я, вспоминая свое последнее посещение Уотни-Сити на Acidalia Planetia[77].

– Я бы хотел перебраться туда, когда там все будет готово, – сказал Джимми.

– Ты не будешь скучать по родному дому? – спросил я.

Джимми пожал плечами.

– Дом – там, где есть работа.

Всем известно, что благодаря постоянной бомбардировке поверхности Марса кометами, изъятыми из облака Оорта[78], и увеличению мощности солнечного излучения вследствие разворачивания солнечных парусов (оба этих масштабных инженерных проекта начались столетия назад) удалось повысить температуру Марса в достаточной степени, чтобы растопить полярные шапки сухого льда и начать заново кругооборот воды. Разведение растений, осуществляющих фотосинтез, медленно превращает атмосферу планеты в нечто пригодное для дыхания. Пока что это самое начало, но есть все основания предположить, что через два-три поколения сбудется давняя мечта человечества и Марс станет обитаемым. Так что Джимми если и отправится на Марс, то только в качестве туриста, а вот его дети уже смогут туда перебраться.

Пока наша лодка приближалась к полусфере, качающейся на волнах вдалеке, я спросил у Джимми, что он думает о самой известной в мире отшельнице, которая недавно вернулась в Массачусетское море, откуда когда-то начала свое кругосветное путешествие.

– Она привлекает туристов, – ответил Джимми, стараясь сохранить свой тон нейтральным.

Издание сборника записей Асы о ее плавании над развалинами древних городов, ушедших под воду, было сенсацией, не поддающейся объяснению. Она упорно отказывается от использования высокопроизводительной записи и даже от старой доброй видеографии, излагая свои впечатления в субъективных эссе, написанных цветистым языком, который кажется анахроничным и в то же время вечным. Одни назвали ее книгу смелой и оригинальной, другие сочли ее показной и неестественной.

Аса даже не пыталась спорить со своими критиками. «Виднейшие представители дзен-буддизма утверждали, что лучшим местом для отшельника, желающего обрести покой, является людская толпа», – написала она. И можно буквально услышать полный отвращения стон, которым встретили ее недоброжелатели этот изысканный, неуловимый мистицизм.

Многие обвиняли Асу в том, что она пропагандирует «туризм по местам обитания беженцев», вместо того чтобы искать пути решения проблемы, а кое-кто утверждал, что она просто

предается извечному занятию интеллектуалов из привилегированных слоев общества, навещая тех, кому не повезло в жизни, претендуя на то, что говорит от их имени, «открывая» приписываемые им романтизированные псевдомудрости.

– Аса Кит просто пытается пригладить невроз Развитых стран миской наивно-оптимистической куриной похлебки для души, – заявила Эмма <КЯК-ЮниХань-иероглиф 432371>, критик, разбиравшая также и мои публикации. – Чего она от нас добивается? Того, чтобы мы прекратили все работы по терраформированию? Оставили превратившуюся в ад Землю в таком виде, в каком она есть? Нашему миру нужно больше инженеров, готовых решать проблемы, и меньше состоятельных философов, ищущих новые способы потратить деньги.

Как бы то ни было, туристический царек Федерации Приморских провинций и штатов Джон <пилон> – <туман> – <треска> заявил в начале этого года, что после публикации книги Асы число туристов, посетивших Массачусетское море, возросло в четыре раза (в Сингапуре и Гаване рост еще выше). Несомненно, местные жители приветствуют приток денег от туризма, сколь бы противоречиво ни относились к тому, как их изобразила в своей книге Аса.

Прежде чем я смог разобраться в сложных чувствах во взгляде Джимми, он решительно отвернулся к конечной цели нашего пути, которая с каждой минутой увеличивалась в размерах.

Сферическое плавучее жилище, имеющее в поперечнике около пятнадцати метров, состояло из тонкой прозрачной наружной оболочки, на которой были закреплены навигационные поверхности, и более прочного внутреннего корпуса из металлического сплава. Бóльшая часть сферы находилась под водой, отчего прозрачный купол-рубка казался глазом какого-то морского исполина, взирающего на небо.

На зрачке этого глаза стояла одинокая фигура, распрямив спину, словно столбик-указатель солнечных часов.

Джимми развернул лодку так, чтобы она мягко уткнулась бортом в жилище, и я осторожно перебрался с одного судна на другое. Плавучее жилище просело под моим весом, и Аса помогла мне удержаться на ногах. Рука ее оказалась сухой, холодной и очень сильной.

Я довольно глупо заметил, что Аса внешне выглядит в точности так же, как на последней представленной в СМИ сканограмме, когда она с просторной центральной площадки станции «Валентина» объявила о том, что «Объединенные планеты» не только собираются приступить к

терраформированию Марса, но также успешно приобрели контрольный пакет акций «Голубой колыбели», частной компании с государственным участием, которая намеревалась вернуть Землю в состояние, пригодное для жизни людей.

– Гостей у меня бывает мало, – спокойным тоном ответила она. – Нет никакого смысла каждый день надевать новое лицо.

Я очень удивился, когда Аса на мою просьбу разрешить мне погостить у нее несколько дней просто ответила: «Да». С тех пор как она начала жизнь в плавучем доме, она еще никому не давала интервью.

– Почему? – спросил я.

– Даже отшельнику становится одиноко, – ответила Аса. После чего сразу же добавила: – Иногда.

Джимми отчалил и уплыл. Развернувшись, Аса жестом пригласила меня спуститься через прозрачный открытый «зрачок» в жилище самого влиятельного отшельника в Солнечной системе.

* * *

Звезды не видны из металлических капсул, плавающих в плотной атмосфере Венеры; не обращаем мы на них особого внимания, и находясь в герметических куполах на Марсе. На Земле жители городов с регулируемым климатом, расположенных в пригодных для жизни зонах, поглощены мерцающими экранами и вживленными системами передачи данных, сиянием осциллограмм разговоров, растущими индексами влияния и падающими кредитными рейтингами. Они не поднимают взгляд на небо.

Как-то ночью я лежала в своем жилище, плывущем по глади Тихого океана в субтропиках, звезды скользили у меня над головой по своим привычным орбитам – миллион бриллиантовых точек математически четкого света. И я вдруг с отчетливостью, свойственной детству, поняла, что небесный лик – это коллаж.

Часть фотонов, попадающих на сетчатку моих глаз, вылетела из расселины в скале, где прикована Андромеда, еще тогда, когда кочевники последнего Ледникового периода переходили из материковой Европы в Британию по Доггер-банке, не успевшей уйти под воду; другие покинули подмигивающую точку на конце крыла Лебедя, когда Цезарь, обливаясь кровью, упал к подножью статуи Помпея; многие выплеснулись из амфоры в руках Водолея, когда в Азии бушевали жестокие войны, длившиеся десятилетиями, а японские и австралийские беспилотники выискивали в море и беспощадно топили плоты с беженцами, покинувшими свою затопленную или превратившуюся в пустыню

родину; еще какие-то сорвались с копыта Пегаса, когда растаяли последние ледники Гренландии и Антарктиды и Москва с Оттавой запустили первые ракеты к Венере…

Уровень воды в мировом океане поднимается и опускается, и поверхность планеты так же непостоянна, как и наши лица: суша вырывается из воды и возвращается в нее; лобстеры с длинными клешнями копошатся на морском дне, которое, по геологическим меркам, всего одно мгновение назад топтали полчища волосатых мамонтов; вчерашняя Доггер-банка оказывается сегодняшним Массачусетским морем. Единственными свидетелями этих непрестанных перемен являются вечные звезды, каждая из которых – отдельный поток фотонов в океане времени.

Картина неба – это альбом времени, сложный и запутанный, как раковина наутилуса или руки Млечного пути.

* * *

Внутри плавучее жилище было обставлено скудно. Все (прессованные койки, стол из нержавеющей стали, прикрепленный к стене, громоздкая навигационная консоль) было сугубо функциональным, простым, без навороченных «фирменных» украшений, которые в наши дни сплошного господства наноустройств считаются последним писком моды. Хотя для двоих внутри было тесновато, внутреннее пространство казалось более просторным, поскольку Аса не заполняла его разговором.

Мы поужинали рыбой, которую Аса выловила сама, зажаренной на открытом огне, для чего пришлось откинуть наружную оболочку плота, и молча легли спать. Я быстро заснул, убаюканный нежным укачиванием волн, под ласковым светом ярких, теплых звезд Новой Англии, которым Аса посвятила столько слов.

После того как мы позавтракали галетами и растворимым кофе, Аса спросила, не хочу ли я посмотреть на Бостон.

– Естественно, – сказал я. Это была древняя цитадель науки, легендарный мегаполис, где храбрые инженеры на протяжении двух столетий боролись с наступающим морем, пока наконец их могучие защитные дамбы не рухнули. Город затопило в одночасье; эта катастрофа явилась одной из крупнейших в истории Развитого мира.

Аса устроилась в задней части жилого плота, управляя им и следя за водометным движителем, работающим на энергии солнечных батарей, а я, стоя на четвереньках на дне сферы, жадно

упивался картинами, проплывающими под прозрачным полом.

Солнце поднималось в небе, последовательно озаряя своими лучами песчаное дно, утыканное огромными развалинами: обелиски, воздвигнутые в честь давно забытых побед Американской империи, указывали вверх к далекой поверхности моря, подобно старинным ракетам; башни из стекла и бетона, когда-то служившие домом сотням тысяч человек, возвышались словно подводные горы, их бесчисленные окна и двери превратились в безмолвные пустые пещеры, в которые заплывали стайки ярких разноцветных рыб, похожих на тропических птиц; между зданиями плавно покачивались леса гигантских водорослей, разросшиеся в глубоких ущельях, бывших когда-то проспектами и авеню, заполненными потоками машин, этих клеток печени, некогда наполнявших мегаполис жизнью.

И самым поразительным были кораллы всех цветов радуги, облепившие все поверхности этого города-рифа: темно-бордовые, светло-оранжевые, жемчужно-белые, яркие кроваво-красные…

До начала Второй войны наводнений ученые мужи Европы и Америки считали, что кораллы обречены. Повышающиеся температура и кислотность моря, стремительный рост популяций водорослей, загрязнение воды солями ртути, мышьяка, свинца и других тяжелых металлов, бесконтрольное насыщение береговой линии машинами смерти, с помощью которых развитые страны пытались защититься от волн беженцев из регионов, ставших непригодными для жизни, – казалось, все это предвещало гибель хрупких морских животных и их симбиотов, осуществляющих фотосинтез.

Обесцветится ли океан, превратившись в черно-белую фотографию, безмолвное свидетельство нашей глупости?

Однако кораллы выжили и адаптировались. Они переместились на север и на юг в более высокие широты, приспособились к неблагоприятным условиям окружающей среды и – совершенно неожиданно – выработали новые симбиотические отношения с искусственными нановодорослями, выведенными человеком для добычи полезных ископаемых с морского дна. Лично я считаю, что Массачусетское море ни на йоту не уступает хваленому Большому барьерному рифу или легендарным давно умершим кораллам Карибского моря.

– Такие краски… – пробормотал я.

– Самое красивое место – Гарвард, – сказала Аса.

Мы приблизились к знаменитому университету в Кембридже с юга, над лесом водорослей, выросшем на том месте, где когда-

то протекала река Чарльз. Но там дорогу нам преградила громада круизного лайнера, качающегося на волнах. Аса остановила плот, и я выбрался наверх, чтобы выглянуть из прозрачного купола. Туристы, надев плавники и искусственные жабры, прыгали с борта корабля в воду подобно русалкам, возвращающимся домой. Кожа у них на время стала смуглой, чтобы выдержать палящее ноябрьское солнце.

– Библиотека Уайденера[79] – популярная туристическая достопримечательность, – объяснила Аса.

Я спустился вниз, и Аса погрузила плот под воду, чтобы поднырнуть под лайнером. Плавучее жилище было специально приспособлено для того, чтобы опускаться на глубину: это помогало беженцам в прибрежных плавающих городах пережидать тайфуны и ураганы, а также спасаться от смертельной тропической жары.

Мы медленно спустились к коралловому рифу, выросшему вокруг разрушенного остова того, что когда-то было самой большой университетской библиотекой в мире. Вокруг нас в полосках пробивающегося сквозь толщу воды солнечного света кружили стайки рыбешек яркой раскраски и грациозно плавали туристы, выпуская из искусственных жабр струйки пузырьков воздуха.

Аса описала на плавучем жилище плавный круг над калейдоскопическим дном перед подводным зданием, показывая различные достопримечательности. Курган, покрытый затейливыми алыми складками колонии кораллов, колышущимися, подобно пышному платью танцовщицы фламенко, когда-то был лекционным залом, названным в честь Эмерсона[80], наставника Торо; высокая тонкая колонна, поверхность которой покрылась геометрическим узором ярко-красных, лазурных, зеленовато-синих и желто-оранжевых кораллов, когда-то была шпилем мемориальной церкви Гарварда; крошечная выпуклость на другом длинном рифе, массивном коралловом образовании в форме головного мозга, своими извилинами вызывающими в памяти многие поколения ученых мужей в мантиях, когда-то шествовавших по этому святилищу знаний, на самом деле была знаменитым «Монументом трех неправд» – старинным памятником Джону Гарварду, начисто лишенным сходства с выдающимся меценатом.

Стоявшая рядом со мной Аса негромко продекламировала:

Платок нарядней клен надел,
Убор багряный – луг;
Чтоб не остаться не у дел,

Я брошку приколю.

Классические стихи Дикинсон[81], поэтессы Ранней республиканской эпохи, описывающие красоту осени, когда-то (задолго до того, как море поднялось, а зимы отступили прочь) благословлявшей своим приходом эти берега, почему-то показались совершенно не к месту.

– Не могу поверить, чтобы листва старой Республиканской эпохи была восхитительнее всего этого, – сказал я.

– Никто из нас никогда этого не узнает, – сказала Аса. – Вы знаете, отчего у кораллов такие яркие краски?

Я молча покачал головой. О кораллах мне не было известно практически ничего, кроме того, что на Венере они считались популярным украшением.

– Своей пигментацией кораллы обязаны тяжелым металлам и другим ядовитым веществам, которые когда-то давно погубили их менее стойких предков, – объяснила Аса. – Здесь они особенно яркие, потому что этот регион дольше всего ощущал на себе воздействие руки человека. Кораллы очень красивые, но в то же время невероятно нежные. Глобальное похолодание всего на один-два градуса приведет к их гибели. Один раз им каким-то чудом удалось пережить изменение климата. Смогут ли они сделать это снова?

Я вернулся взглядом к большому рифу, бывшему когда-то библиотекой Уайденера, и увидел, что туристы собрались небольшими группами на широкой платформе перед входом в здание. Молодые экскурсоводы в ярко-красном (цвета Гарварда достигались за счет пигментации кожи или гидрокостюма) повели свои группы на экскурсии.

Аса хотела покинуть это место, присутствие туристов выводило ее из себя, но я объяснил, что хочу узнать, чем они интересуются. Поколебавшись, Аса кивнула и направила плот ближе.

Одна группа, собравшаяся на ступенях лестницы, которая когда-то вела ко входу в библиотеку, обступила своего экскурсовода, молодую женщину в красном «мокром» гидрокостюме, и выполняла следом за ней танцевальные движения. Туристы двигались медленно, но было неясно, обусловлено ли это требованиями хореографии или в плотной среде у них просто не получалось по-другому. Время от времени туристы поднимали взгляд вверх на ослепительное солнце, смазанное и размытое стофутовой толщей воды.

– Они полагают, что исполняют тайцзи[82], – сказала Аса.

– Это даже близко не стояло с тайцзи, – заметил я, не в силах сопоставить эти ленивые, неуклюжие движения с тем быстрым стаккато, которое было знакомо мне по занятиям в тренажерных залах с пониженной гравитацией.

– Считается, что когда-то тайцзи было медленным, размеренным искусством, совершенно не похожим на его современное воплощение. Но поскольку записей из эпохи до Диаспоры сохранилось так мало, экскурсоводы изобретают для туристов все, что им только вздумается.

– Зачем заниматься тайцзи именно здесь? – Я был совершенно сбит с толку.

– Многие полагают, что в Гарварде до начала войн имелась большая прослойка студентов-китайцев. Говорят, здесь обучались дети многих самых богатых и влиятельных людей Китая. Это не спасло их от войн.

Аса отвела плот подальше от библиотеки Уайденера, и я увидел туристов, гуляющих по устланному коралловым ковром двору или сидящих на скамейках, держащих в руках что-то напоминающее бумажные книги (реквизит, предоставленный туристической компанией) и сканирующих друг друга. Кто-то танцевал без музыки, в нарядах, представляющих собой смесь мод ранней и поздней Республиканских эпох, с двумя-тремя академическими мантиями для полноты картины. Перед памятником Эмерсону два экскурсовода о чем-то спорили перед своими группами, оживленно жестикулируя и подкрепляя свои позиции призрачными голограммами, висящими над головами, подобно «пузырям» с текстом из комиксов. Кое-кто из туристов заметил нас, но не придал этому особого значения – вероятно рассудив, что плавающий в воде пузырь с беженцами является частью реквизита, добавленного туристической компанией для создания атмосферы. Если бы они только знали, что рядом с ними находится знаменитая отшельница…

Я предположил, что туристы воспроизводили различные сцены из эпохи блистательных дней университета, когда он вскармливал великих философов, гневно обличавших правительства всех стран мира за бездумное стремление к прогрессу, которое сопровождалось непрекращавшимся потеплением планеты, приведшим в итоге к тому, что полярные ледяные шапки растаяли.

– Многие величайшие борцы за сохранение природы ходили по этому двору, – сказал я. В представлении широкой публики двор Гарвардского университета – что-то вроде афинского Акрополя или римского Форума. Я попытался представить себе вместо разноцветного рифа, протянувшегося подо мной, зеленую

лужайку, усыпанную багряными и желтыми листьями в прохладный день осени Новой Англии, и студентов с преподавателями за обсуждением судьбы планеты.

– Несмотря на склонность к романтизму, которую мне приписывают, – сказала Аса, – я не считаю, что Гарвард из прошлого был лучше Гарварда настоящего. Этот университет, как и все остальные, также воспитывал генералов и президентов, которые отрицали то, что человечество способно изменить климат, и повели падких на демагогию людей войной на беднейшие страны Азии и Африки.

Умолкнув, мы продолжали скользить над двором, наблюдая за тем, как туристы залезают в выбитые окна, обросшие ракушками, подобно крабам, ползающим сквозь глазницы многоглазого черепа. Некоторые, практически голые, волочили за собой воздушные ткани, вызывающие в памяти вечерние платья эпохи ранней Американской республики; другие были в костюмах, вдохновленных стилем Американской империи, в имитациях бронежилетов и в касках с противогазами; кто-то изображал беженцев, таща за собой кислородные баллоны с подтеками искусственной ржавчины.

Что они ищут? Нашли ли?

«Ностальгия – это рана, которой мы не позволяем затянуться со временем», – как-то написала Аса.

* * *

Через несколько часов, насытившись впечатлениями, туристы направились к поверхности, словно косяки рыб, спасающиеся от какого-то невидимого хищника, и в некотором смысле это действительно было так.

Прогноз погоды обещал сильный шторм. Массачусетское море редко бывает спокойным.

После того как море вокруг нас очистилось от посторонних и круизный лайнер, огромное облако-остров, скрылся, Аса заметно успокоилась. Заверив меня в том, что нам ничто не угрожает, она укрыла погрузившийся в воду плот под защитой рифа Мемориальной церкви. Здесь, под бушующей поверхностью моря, нам предстояло переждать шторм.

Солнце зашло, небо потемнело, вокруг нас ожили миллионы огней. С наступлением ночи коралловый риф и не думал засыпать. Именно в эту пору светящиеся ночные создания – медузы, креветки, светляки и рыбы-миктофы – выбираются из укрытия, чтобы насладиться жизнью в этом подводном

мегаполисе, который никогда не спит.

Пока над нами бушевали ветер и волны, мы практически ничего не ощущали, дрейфуя в бездне моря, окруженные бесчисленными живыми звездами.

* * *

Мы не смотрим.

Мы не видим.

Мы преодолеваем миллионы миль ради того, чтобы найти свежие впечатления, ни разу не заглянув внутрь собственной черепной коробки, – с этим восхитительным незнакомым ландшафтом не сравнится ничто во всей вселенной. Мы найдем более чем достаточно, для того чтобы утолить свое любопытство и неуемную тягу к новизне, если просто обратим свой взор на десять квадратных метров вокруг себя: неповторимый продольный рисунок на каждой плитке у нас под ногами, химическая симфония, оживляющая каждую бактерию на нашей коже, таинство того, как мы можем созерцать себя, смотря на себя.

Звезды у нас над головой так же бесконечно далеки – и в то же время так же близки, как светящиеся коралловые черви за иллюминатором моего плота. Нам нужно только посмотреть, чтобы увидеть Красоту, которой наполнен каждый атом.

Лишь в одиночестве возможно жить так же самодостаточно, как живет звезда.

Я удовлетворена тем, что у меня есть это. Есть сейчас.

* * *

Вдалеке, на фоне похожей на скалу громады библиотеки Уайденера, вспыхнул яркий свет, в пустоте зажглась сверхновая.

Звезды вокруг погасли, оставив лишь чернильный мрак, но сама сверхновая, бесформенное облако света, продолжала клубиться и бурлить.

Разбудив Асу, я указал ей на это странное явление. Не сказав ни слова, она направила к нему плавучее жилище. Когда мы приблизились, пятно света превратилось в барахтающуюся фигуру. Осьминог? Нет, человек.

– Должно быть, отставший от группы турист, – предположила Аса. – Если он сейчас поднимется на поверхность, то погибнет в шторм.

Аса зажгла яркий прожектор спереди плота, привлекая внимание. Луч света выхватил растерянную молодую женщину в «мокром» гидрокостюме, облепленном люминесцентными наклейками; она прикрывала ладонью глаза от резкого света прожектора. Щели ее искусственных жабр быстро открывались и закрывались, выдавая ее смятение и испуг.

– Она не может понять, где верх, – пробормотала Аса.

Прильнув к иллюминатору, она замахала рукой, предлагая женщине следовать за плотом. Крошечное жилище не было оборудовано шлюзовой камерой, поэтому нам нужно было подняться на поверхность, чтобы принять женщину на борт. Та кивнула.

На поверхности шквалами налетал дождь; волнение было таким сильным, что невозможно было стоять на ногах. Распластавшись на животе на узкой площадке рядом со входом, мы с Асой кое-как вытащили неизвестную на плот, тотчас же просевший ниже под дополнительным весом. С большим трудом нам удалось затащить ее внутрь и закупорить купол, после чего мы сразу же погрузились вглубь.

Двадцать минут спустя насухо вытеревшаяся, снявшая жабры, надежно укутанная в теплое одеяло, с кружкой горячего чая в руке Сарам <Мост-Золотые-ворота> – <Киото> с благодарностью смотрела на нас.

– Я заблудилась внутри, – начала она. – Пустые книгохранилища уходили в бесконечность, а они везде выглядели совершенно одинаково. Сначала я направилась следом за рыбой-иглой, надеясь на то, что она выведет меня наружу, но рыба, похоже, плавала кругами.

– Вы нашли то, что искали? – спросила Аса.

Сарам объяснила, что она учится на станции «Гарвард» – высшем учебном заведении, висящем в верхних слоях атмосферы Венеры, которое по лицензии получило название старого университета, чьи развалины сейчас раскинулись под нами. По собственной инициативе Сарам приехала сюда, чтобы своими глазами увидеть легендарный университет, питая романтические надежды порыться в хранилищах мертвой библиотеки в поисках какой-нибудь забытой книги.

Аса посмотрела в иллюминатор на внушительную громаду пустой библиотеки.

– Сомневаюсь, что после стольких лет здесь сохранилось хоть что-нибудь.

– Возможно, – согласилась Сарам. – Но история не умирает. Когда-нибудь вода отступит отсюда. И, возможно, я доживу до того дня, когда Природа вернется в свое первозданное состояние.

Наверное, Сарам была настроена чересчур оптимистически. Лишь в начале этого года «Объединенным планетам» с помощью кораблей с ионными двигателями удалось вытолкнуть на околоземную орбиту шесть астероидов, а возведение космических зеркал еще и не началось. Даже по самым оптимистичным прогнозам считалось, что потребуются десятки (а то и сотни) лет на то, чтобы зеркала сократили количество падающего на Землю солнечного света в достаточной степени и начался процесс охлаждения климата и возвращения планеты в свое древнее состояние, превращения ее обратно в мягкий Эдем с полярными ледовыми шапками и ледниками на вершинах горных пиков. Скорее всего, на Марсе к тому времени терраформирование уже полностью завершится.

– А разве Доггер-банка – что-то более естественное, чем Массачусетское море? – спросила Аса.

– Ледниковый период едва ли можно сравнить с творением человеческих рук, – не моргнув глазом ответила Сарам.

– Кто мы такие, чтобы согревать планету ради мечты и охлаждать ее из чувства ностальгии?

– Мистицизм не облегчит страдания беженцев, вынужденных терпеть лишения из-за ошибок наших предков.

– И я стараюсь предотвратить новые ошибки! – воскликнула Аса. Она сделала над собой усилие, чтобы успокоиться. – Если вода отступит, все, что вокруг нас, исчезнет. – Она выглянула в иллюминатор на ночных обитателей рифа, вернувшихся к своим люминесцентным занятиям. – Как и бурлящие жизнью колонии в Сингапуре, Гаване и Внутренней Монголии. Мы называем их «городами лачуг» и «обителями беженцев», но для их жителей это родной дом.

– Я *сама* родом из Сингапура, – заявила Сарам. – Всю свою жизнь я пыталась вырваться оттуда, и мне это удалось, только когда я выиграла заветную иммиграционную визу в Бирмингем. Не смейте говорить от нашего имени и объяснять нам, чего мы хотим!

– Но вы уехали, – напомнила Аса. – Вы там больше не живете.

Я подумал о красивых кораллах за иллюминаторами плота, раскрашенных отравой. Подумал о беженцах по всему миру, «под землей и на плаву» – это выражение сохранилось по прошествии многих столетий и поколений. Я подумал об остывающей Земле, о Развитом мире, спешащем вернуть свои былые владения, о грядущих войнах и беспощадном кровопролитии, что неизбежно, когда колоду власти тасуют и сдают заново. Кто будет принимать решения? Кто заплатит цену?

Мы сидели втроем в опустившемся под воду жилище –

беженцы, окруженные мелькающими огоньками, подобными летящим в эфире метеорам, – и не находили, что еще сказать.

* * *

Раньше я сожалела о том, что не знаю, с каким лицом родилась.

Мы преобразуем свои лица с такой же легкостью, с какой наши предки когда-то ваяли глину, изменяя черты и контуры наших оболочек, микрокосм души, подстраиваясь под настроения и моды микрокосма общества. По-прежнему неудовлетворенные ограничениями плоти, мы дополняем результаты украшениями, которые отражают свет и образуют тени, создавая на материальной поверхности причудливые голограммы.

Борцы за сохранение природы в своей извечной борьбе с прогрессом проповедуют лицемерие и требуют, чтобы мы остановились, заверяя нас в том, что наша жизнь ненастоящая, и мы слушаем, зачарованные, а они размахивают у нас перед носом выцветшими фотографиями наших далеких предков, превращая несовершенное изображение и застывшие позы в немые обвинения. И мы киваем и обещаем что-то улучшить, клянемся отказаться от фальши, но затем возвращаемся к своей работе, стряхиваем с себя оцепенение и решаем, какое новое лицо надеть для следующего клиента.

Но чего хотят от нас борцы за сохранение природы? Лица, с которыми мы рождаемся, уже были высечены – еще когда мы представляли собой оплодотворенную яйцеклетку, миллион внутриклеточных скальпелей подправил и отредактировал наши гены, чтобы исключить болезни, отсеять опасные мутации, повысить интеллект и продолжительность жизни, а до того нас формировали миллионы лет завоеваний, миграции, глобальных похолоданий и потеплений, решений, принятых нашими предками, исходящих из соображений красоты или жадности. Наши лица при рождении были такими же искусственными, как и маски, которые носили на афинских Дионисиях[83] *и в Киото времен Асикаги*[84]*, но в то же время такими же естественными, как сотворенные ледниками Альпы или затопленный морем Массачусетс.*

Мы не знаем, кто мы такие, – но не оставляем попытки это выяснить.

Серая Крольчиха, Алая Кобыла, Черный Леопард

В свете нарастающей угрозы со стороны бандитов и мародеров все крепкие здоровьем граждане префектуры Драйп приглашаются вступать в ряды народной милиции. Каждый участник сам отвечает за свое вооружение и снаряжение.

С согласия Синедриона Архонтесса обещала каждому бойцу ополчения половину добычи, отобранной у «гнилых».

Из обращения Кайда, губернатора провинции Драйп

Ава Сайд насыпала совком в лоток немного руды и осторожно покачала его взад и вперед в быстром ручье. По мере того как вода струилась по насечкам, пестрая смесь постепенно разделялась по весу на различные части. Тяжелые металлические предметы – ржавые гвозди, обломки инструментов и детали машин – сверху; более тонкие и легкие вещи – смятые консервные банки, осколки стекла, битая керамика и фарфор – посередине; а все самое легкое – кусочки разноцветной пластмассы, некоторые с заключенными в них электронными компонентами, похожими на сверкающие драгоценные камни, – внизу.

Ава покачала головой. Хотя она занималась разработкой мусорных приисков с тех самых пор, как только начала ходить, изобилие, в котором жили древние, не переставало ее поражать.

– Ава, мы подумываем закончить на сегодня. – Говорившим был Шоу, младший брат Авы. Все еще по-детски пухленький, подросток попытался нахмуриться, чтобы изобразить серьезность. Позади его приятели уже собирали свои принадлежности и ведерки с находками.

В свои двадцать пять Ава была старше большинства других старателей. И, поскольку лишь ей когда-либо доводилось покидать пределы префектуры Драйп, к ней относились как к предводителю – она была старшей сестрой для всех, а не только для Шоу.

Ава подняла взгляд на солнце, все еще висевшее в нескольких локтях над западным горизонтом.

– Так рано? У нас еще полно работы.

Шоу смущенно почесал затылок.

– Мы тут подумали о том, чтобы сходить к Фей Суэлл…

У Авы потемнело лицо.

– На кой ляд вам сдалась эта безрассудная женщина? Помяните мое слово, она навлечет беду на всех, кто с ней свяжется…

– Фей предлагает всем купить оружие в долг, так что никаких денег нам не нужно. Я неплохо стреляю из лука, а в прошлом году расправился палкой с двумя шакалами, она меня видела…

– Значит, ты все еще хочешь пойти в милицию. Я больше не собираюсь с тобой спорить. Дело тут не в деньгах, и мой ответ – категорическое «нет».

Отвернувшись от брата, Ава, кряхтя, вытащила из воды лоток.

– Помоги, – смягчив тон, добавила она.

Шоу беспомощно оглянулся на своих приятелей. Ава не обращала внимания на их осуждающие взгляды. Вздохнув, парень присел на корточки рядом с сестрой и принялся разбирать мусор.

Они работали быстро, но осторожно. Мусорные прииски были полны битого стекла, ржавых бритвенных лезвий и острых иголок, несущих проклятие древних. Многие старатели умирали от таинственных болезней, полученных из-за уколотого пальца или порезанной ладони. Для защиты брат и сестра были в перчатках, сшитых Авой специально для этой цели.

На приисках было полно тонкой пленки и пластиковых пакетов, нередко покрытых красочными рисунками и непонятными словами. По большей части старатели отбрасывали их прочь как пустую породу. Однако Ава придумала, как разреза́ть пластик на тонкие полоски и скручивать в нити, которые она затем сплетала в прочную ткань. Перчатки из такой ткани получались долговечными, функциональными и очень красивыми. К настоящему времени практически у всех старателей имелось по паре таких вот подаренных Авой перчаток.

Четыре руки танцевали в мусоре, облаченные в красивую мозаику, собранную Авой из того, что осталось от минувшей эпохи: взлетающий в небо феникс, падающий кленовый лист, распускающаяся роза, кролик с опущенными ушами…

Брат и сестра молча разбирали содержимое лотка по ведеркам с находками. За кило металлов можно было выручить несколько центикредитов, но самой ценной добычей были электронные компоненты на пластмассовых платах. После того как припой выплавляли, детали извлекались, и за каждую,

которая оказывалась работоспособной, можно было получить по несколько кредитов. Каждому старателю было известно предание об одном знакомом одного знакомого, которому как-то посчастливилось найти какую-то редкую микросхему и выручить за нее сотню кредитов в Вустере или Роанфлэре.

– Говорят, если посчастливится напороться на гнездо «гнилых», – вздохнул Шоу, – каждый получит столько, что хватит, чтобы накупить продуктовых пайков на три года…

– Еды у нас достаточно, – перебила его Ава. – Ты действительно думаешь, что сражаться с «гнилыми» так же просто, как охотиться на белок? А что, если ты наткнешься на Раскрывшуюся крысу? Предоставь воевать армии.

– Не обязательно тратить деньги на покупку продуктовых пайков. Можно будет их откладывать, а затем купить подарки для рекомендательной комиссии…

– Для рекомендательной комиссии? Значит, вот в чем все дело! – Голос Авы снова стал жестким. – Ты забыл, что сказала перед смертью мама?

– Нет, – угрюмо буркнул Шоу. – Но я не хочу всю свою жизнь копаться в кучах отбросов!

Ава заговорила не сразу. Она постаралась сохранить свой голос спокойным.

– В Драйп-Тауне ты бывал только в базарный день, но ты никогда там не жил, и ты не слышал, что́ за глаза говорят о нас жители города. А жители Роанфлэра еще более заносчивые. Для них такие люди, как мы с тобой, – отребье, мусор, который не жалко выбросить. Ты не найдешь там счастья…

– Времена меняются, – заводясь, перебил сестру Шоу. – Все губернаторы и генералы набирают людей! Открываются новые возможности…

– Ты *никогда* не станешь Раскрывшимся! – объявила Ава, переходя на крик. – И это мое последнее слово!

– Только из того, что у тебя не получилось, еще не значит, что и у меня ничего не выйдет! Быть может, когда Раскроется моя натура, я стану кем-то важным!

Ава вздрогнула, словно от пощечины. Не сразу ей удалось сглотнуть комок в горле.

– Ты ничего не понимаешь…

Но Шоу уже сорвал с рук перчатки и швырнул их на землю.

– Не трудись сегодня вечером готовить ужин на мою долю! Я не собираюсь жить с тем, кто в меня не верит.

На глазах у своих ошеломленных приятелей парень бежал прочь с мусорных приисков.

Застыв на месте, Ава проводила его взглядом. Затем,

посмотрев на солнце, она вздохнула и продолжила разбирать мусор в лотке.

* * *

Ава рассеянно гладила лежащую на столе фотографию, единственную семейную фотографию, которую позволили себе сделать ее родители. Она обошлась им во все сбережения, которые удалось отложить за целый год работы на приисках. Они всей семьей сидели неподвижно в единственной студии в Драйп-Тауне, мысленно приказывая себе не моргать, а светохудожник медленно творил свое чудо, запечатлевая их образ на покрытой серебром медной пластинке.

На фотографии отец и мать стояли по обе стороны от восемнадцатилетней Авы, одетой в строгое платье, выдаваемое губернатором одаренным юношам и девушкам, отобранным для того, чтобы стать Раскрывшимися. Родители постарались следовать наставлению светохудожника и расслабить лицо, вместо того чтобы улыбаться (такое выражение невозможно было сохранить достаточно долго, чтобы фотографический процесс запечатлел его несмазанным), но Ава видела гордость в приподнятых уголках их ртов, в руке матери, обхватившей ее за талию. Шоу, на тот момент одиннадцатилетний мальчишка, стоял перед Авой и чуть сбоку; лицо его было смазанным, поскольку он не мог удержаться и то и дело с восхищением оборачивался на свою старшую сестру.

Сколько тогда было надежды, мечтаний о преобразованной жизни, о возможностях, которые откроются в Роанфлэре, о возвышении семейства от мусорных приисков к богатству и положению в обществе.

Но все это было разбито вдребезги.

«Только из того, что у тебя не получилось…»

У Авы перед глазами возник образ матери, иссушенной, истощенной болезнью, умирающей на заплесневелой подстилке в углу плохо освещенной хижины.

«Береги своего брата! Не отпускай его из дома! – хрипя, выдавила мать. – Он неугомонный, у него дерзкое сердце. Но индейке не дано парить в небе подобно орлу, и нам не дано быть теми, кем мы не являемся».

Ава откусила кусок безвкусного продуктового пайка, запивая его чашкой чая, приготовленного из отвара корня арука. Арук, выносливый сорняк, был практически единственным растением, процветающим в префектуре Драйп, где земля была настолько

отравлена мусорными приисками, что после Чумы больше не росли никакие злаки. Чай из арука был горьким на вкус, и Шоу всегда сравнивал его с болотной жижей. Впервые за целый год ужиная в одиночестве, Ава поймала себя на том, как же ей не хватает непрестанных жалоб брата.

Было уже так поздно, что комната освещалась лишь дровяной печкой с разогревающимся на ней паяльником. Ава встала, решив, что нужно отправиться на поиски Шоу. В конце концов, она его старшая сестра и не должна обращать внимания на его слова, сказанные в гневе.

Дойдя до двери, Ава остановилась.

«У Шоу все хорошо. Сегодня его накормят в семье кого-нибудь из друзей. Он уже не мальчик, и, возможно, ему нужно побыть какое-то время вдали от меня, чтобы все понять».

Вымыв миску и кружку, Ава убрала их и села у печки, аккуратно работая паяльником, чтобы извлечь электронные компоненты, заключенные в сегодняшнем улове пластмассовых плат. Работая, она слышала вдалеке крики сов, охотящихся на мелких грызунов в зарослях арука. Ставни громыхали в порывах ветра. Погрузившись в монотонные, однообразные движения, Ава успокоилась. Мысли о шайках бандитов и грабителей, о жизни в роскоши в далекой столице, о честолюбивых устремлениях и войне угасли.

«Времена меняются».

«А что, если Шоу прав? Что, если я стала слепа и не вижу перемен? Быть может, я слишком робкая, глубоко раненная тем путем, по которому прошла, чересчур привязана к этой серой, безликой жизни тяжкого труда, к знакомым местам?»

Остановившись, Ава внимательно посмотрела на прямоугольный кусок пластика в руке. Ряд светодиодов вверху говорил о том, что когда-то давно это, скорее всего, был какой-то освещенный знак. Надпись, напечатанная старинным шрифтом, была едва различима. Ава с большим трудом разобрала загадочные слова: «ЭКОПОЛИС БОЛЬШОЙ РОАНФЛЭР, СТОЛИЧНЫЙ МЕГАПОЛИС».

Понять это название невозможно. Бессмысленная абстракция, чем-то напоминающая заклинание, призыв.

Мысли Авы переключились на то, что произошло в этот день ровно семь лет назад.

* * *

Хотя Ава уже тысячу раз мысленно представляла себе

прибытие в Роанфлэр, она оказалась не готова к действительности.

Громыхающее баше (громоздкое транспортное средство, напоминающее движущийся дом и украшенное цветами и фруктами из всех уголков Гремы, большинство из которых Ава не смогла бы назвать) везло ее и остальных кандидатов на Раскрытие по авеню Содружества. Центральная артерия Роанфлэра была такой широкой, что по ней смогли бы пройти одной шеренгой сто человек. Колонны транспортных средств поменьше ехали впереди баше и следовали за ним, производя механический гул, просто ошеломивший Аву. Едкие выхлопные газы, извергаемые двигателем, сообщили ей, что баше использует биодизельное топливо, которое являлось практически невообразимой роскошью. До этого момента Ава за всю жизнь лишь один раз вдыхала этот запах – когда губернатор Кайд торжественно проезжал по Драйп-Тауну на «Долгоноге».

Ава впилась зубами в яблоко, которое ей дали: в настоящее яблоко, а не синтетическую подделку, размером вдвое больше ее кулака. Яблоко оказалось просто невероятно сладким. Девушка подняла взгляд на транспарант, трепещущий над баше, со стилизованными очертаниями Гремы с его протяженной береговой линией, рассеченной надвое рекой Арлос. Вокруг контуров Гремы округлым шрифтом был написан ее девиз, фраза, которую можно было найти на великом множестве артефактов эпохи до Чумы, из чего напрашивались предположения о глубинных тайнах, скрытых в ней: «Экополис Большой Роанфлэр, столичный мегаполис».

У Авы в голове зазвучали отголоски записи, которую она снова и снова прокручивала накануне вечером, стараясь ознакомиться с основами Раскрытия.

…Название «Грема» уходит корнями в эпоху до Чумы, связывая нас с загадочным прошлым.

Когда-то давно величественный прибрежный мегаполис Роанфлэр являлся солнцем гордого Содружества, планетами в котором были города поменьше, деревни и острова залива Массенваль, каждая из которых занимала свое назначенное место подобно сверкающим драгоценным камням, тщательно уложенным в мозаику полей, лесов и моря. Здесь жили десятки миллионов человек, мечтатели в фантастическом мире, построенном из стали и электричества, где даже погода подчинялась их прихоти, а до секрета вечной жизни было рукой подать…

Жители Роанфлэра в сверкающих одеяниях выстроились по

обеим сторонам дороги, чтобы наблюдать за зрелищем. У многих на лице была скука. Гирлянды из свежих цветов украшали их головы, а торговцы в стоящих позади толпы лавках предлагали такие яства, о которых Ава знала только по рассказам странствующих сказочников: свежий тунец, ягненок, зажаренный на вертеле, дымящиеся лобстеры (должно быть, добытые в туманной дали моря на востоке за многие мили от берега). Причудливые служебные машины (вероятно, приводимые в действие электричеством) жужжали в воздухе и гудели на тротуарах, двигаясь невероятно точно и плавно. Вдалеке, за толпой и торговцами, виднелись развалины небоскребов, горы искореженной стали и битого стекла, опутанные густыми лианами, служащие домом для тысяч птиц.

Баше замедлилось и остановилось. Как и другие кандидаты, Ава высунулась в окно, у которого сидела. Впереди возвышался холм Флэр-Хилл, на вершине которого стоял величественный Дворец Содружества с позолоченным куполом. Девушка прищурилась в надежде на то, что первой увидит легата, а может быть, даже серебристый зонтик, извещающий о присутствии самой Седьмой Архонтессы.

Чума, судя по всему, в одночасье смыла прочь пену праздной и греховной цивилизации, о которой мы читаем в сохранившихся трудах древних мудрецов: крошечные электронные устройства, позволявшие разместить мозги в рисовом зернышке, раскинувшиеся между континентами сети, выполнявшие любое желание, мнимое золото, извлеченное из воздуха… Законы природы, которые, как считали наши предки, были им понятны, перестали действовать, в морях и на суше появились чудовища, покаравшие их за высокомерие и спесь. Миллионы людей погибли, а оставшиеся в живых столкнулись с преобразившимся миром, в котором сама Жизнь стала более мстительной и причудливой.

И только благодаря сверхчеловеческим усилиям Первого Архонта, которому помогали его преданные Раскрывшиеся соратники, удалось восстановить мир и порядок после хаоса последствий Чумы.

У каждой из тридцати шести префектур Гремы собственный климат и сельское хозяйство, и каждая несет свой собственный шрам, оставленный Чумой… В одной префектуре обширные сады, приносящие сладкие плоды, но в этих плодах нет семян; в другой земля и вода отравлены так сильно, что там ничего не растет и местным жителям приходится копаться в развалинах, чтобы хоть как-то выживать; в третьей озера и реки кишат замечательной рыбой, хотя у многих особей по две головы или по

три хвоста…

За границами этой новой Гремы, вне области влияния возрожденного Роанфлэра, плотный туман делает невозможным судоходство и страшные чудовища поджидают тех безрассудных смельчаков, которые дерзнут туда сунуться…

Добиться мира в Греме было очень непросто, и еще труднее было его сохранить. И ключом тут является Раскрытие.

Однако вместо легатов или Архонтессы Ава увидела еще более восхитительное зрелище.

Повелители Гремы, мужчины и женщины, которые, возможно, когда-то давно сами так же восхищенно озирались по сторонам широко раскрытыми глазами, стояли на ступенях Дворца Содружества, готовые встречать новых кандидатов.

Они не были облачены в роскошные наряды, их не окружали электрические машины, они не ездили на механических чудовищах, поглощающих биодизельное топливо. Повелители Гремы просто стояли, полностью обнаженные, являя свое Раскрывшееся восхитительное естество…

* * *

Запах горелой канифоли и расплавленного пластика заставил Аву очнуться от воспоминаний. Мысленно выругавшись, девушка поспешно убрала паяльник, пока тот не наделал новых бед.

«Нет!» – решительно заявила она себе. Ни к чему вспоминать свой позор, зацикливаться на прошлом. Нужно сосредоточиться на том, что есть здесь и сейчас, на насущных делах. Пусть мусорные прииски никогда не принесут им с Шоу богатства, но это честный, надежный заработок, которым можно гордиться.

Лишенная помощи брата, Ава лишь далеко за полночь закончила выпаивать и проверять электронные компоненты. Добыча оказалась средней: за несколько больших конденсаторов в следующий базарный день можно будет выручить неплохие деньги. Ава осталась довольна.

Проснувшись на следующий день, она обнаружила, что по-прежнему одна в хижине. Приготовив завтрак, Ава выжидала до тех пор, пока солнце не поднялось слишком высоко, чтобы не обращать на него внимания. Она неохотно собралась и отправилась на прииски.

К полудню Ава уже не находила себе места от беспокойства. Никто из старателей не знал, где Шоу. Нарастающая тревога сжимала девушке сердце, и она покинула прииски и вернулась в

деревню. Ава обошла всех соседей, спрашивая о своем брате. Знакомые и соседи качали головой, не в силах ей помочь.

Опасаясь худшего, Ава отправилась искать Фей Суэлл.

* * *

Хотя основным ремеслом Фей Суэлл, как и большинства жителей префектуры Драйп, была работа на мусорных приисках, Ава не могла припомнить, когда в последний раз видела ее с лотком у ручья. На самом деле Фей зарабатывала на жизнь браконьерством, промышляя зверей и дичь в соседних, более богатых префектурах. Время от времени Фей даже отваживалась углубляться в туман за границами Гремы, добывая экзотическое мясо чудовищ, за которое давали хорошие деньги на черном рынке искатели приключений из Драйп-Тауна и Вустера.

Не обращая внимания на холодные взгляды двух мускулистых парней, стоявших рядом с Фей (охотница имела целый отряд таких, сопровождавших ее повсюду), Ава подошла к ней и вежливо поинтересовалась, не видела ли та ее брата.

Имея рост шесть футов четыре дюйма и вес не меньше ста кило, Фей выглядела весьма внушительно. За поясом у нее был длинный охотничий нож без ножен, поэтому в лучах солнца сверкало холодное лезвие, покрытое пятнами не то ржавчины, не то крови. Невозмутимо глядя Аве в глаза, охотница ничего не сказала. Ее лицо, такое же черное, как и коротко стриженные волосы, оставалось непроницаемым.

У Авы заколотилось сердце. Фей славилась своим вспыльчивым нравом. Девушка мысленно взмолилась, чтобы Шоу никоим образом не оскорбил эту женщину. Сделав над собой усилие, она выдержала взгляд Фей, стараясь не показаться ни раболепной, ни вызывающей.

Наконец охотница покачала головой.

– Вчера вечером твой брат действительно приходил ко мне, – низким, утробным голосом произнесла она. – Но он не захотел присоединиться к моей милиции.

– Замечательно! – вздохнула с облегчением Ава.

– Замечательно? – прищурилась Фей. – «Гнилые» собрали значительные силы всего в нескольких днях пути отсюда. Каждый житель провинции должен записаться добровольцем в милицию.

– Сражаться с бандитами – задача армии. У Архонтессы есть генералы.

– Это слова труса, – сказала Фей, не скрывая своего отвращения. – В какую, по-твоему, эпоху мы живем? Власть

Архонтессы – лишь на словах, и генералы с губернаторами отвечают на ее мольбы, только если пожелают. В настоящий момент их больше занимают междоусобные склоки, чем борьба с бандитами. Смельчаки должны вступить в ряды милиции, чтобы защитить свое имущество и заработать себе состояние и имя.

– Не всем уготовано жить мечом, – возразила Ава. – Пусть работа на приисках не очень престижна и не приносит богатства, но она гораздо безопаснее, чем последовать за вами. Я рада услышать, что у Шоу есть голова на плечах.

Широко раскрыв глаза, Фей смерила Аву взглядом, словно была не в силах понять смысл ее слов. Наконец она засмеялась, буквально затряслась от хохота.

– Что тут такого смешного? – спросила Ава, чувствуя, как у нее в груди нарастает страх.

– «Голова на плечах», – передразнила ее Фей, силясь унять веселье. – Вы с братом оба дураки, но только каждый в своем роде.

– О чем именно вы с ним говорили?

– Твой брат спросил у меня, есть ли правда в слухах о том, что «гнилые» получили доступ к запасам вина Раскрытия.

Кровь схлынула с лица Авы.

– Ч-что?

– Я ответила ему, что точно не знаю, но, исходя из того, что мне известно об этом мире, такое *возможно*.

– Как вы могли это сказать? – воскликнула Ава. – Оранжевые Братья – бесстыдные лжецы, и их культ для одних только легковерных…

– Ты не знаешь всего того, что известно мне, – перебила ее Фей, и в ее голосе прозвучала тень угрозы. Она помолчала, успокаиваясь, добавила: – Затем Шоу спросил, где, на мой взгляд, может быть расположен лагерь «гнилых». Я посоветовала ему пойти строго на запад, через разбитое шоссе. Он поблагодарил меня и ушел.

Ава пришла в ужас. До сих пор она не отдавала себе отчета в том, насколько глубоко Шоу одержим Раскрытием. У нее в голове промелькнули рассказы о том, какие ужасы якобы творят Оранжевые Братья и «гнилые».

– Мой брат собрался украсть у бандитов вино Раскрытия. Мы должны найти его, пока еще не слишком поздно. Идемте со мной! Захватите с собой всех своих сторонников!

– А ты и правда такая же сумасшедшая, как твой брат, – покачала головой Фей. – Напасть на лагерь «гнилых» маленьким отрядом милиции – самоубийство! Он твой брат, а не мой.

– Слова труса! – гневно бросила Ава.

Охотница залилась краской.

– Да что ты знаешь о…

Но Ава уже ушла.

* * *

Красное солнце висело на западе подобно спелому персику, подвешенному на облаках-деревьях.

Ава продиралась сквозь заросли арука высотой по плечо, не обращая внимания на колючки, которые цеплялись, царапали, рвали. Одежда ее превратилась в клочья, по лицу и рукам струилась кровь.

Девушка уже несколько часов шла без дороги напрямик через дикие заросли по ту сторону разбитого шоссе, двигаясь на запад. До сих пор ей не встретилось никаких следов Шоу, но она чувствовала, хотя и сама не смогла бы объяснить как, что ей нужно идти дальше.

Разбойники-«гнилые», бандиты, подпавшие под культ Оранжевых Братьев, поклялись «беспощадно убивать богачей и пиршествовать их жиром». Однако на самом деле они по большей части охотились на бедняков в глухих, преимущественно сельских провинциях вроде Драйпа. Настоящие богачи имели возможность укрыться за городскими стенами, не опасаясь за свои дома и долговые расписки. А тем временем крестьянам, пастухам, рыбакам и старателям оставалось только полагаться на милосердие бандитов.

Поле арука простиралось подобно бескрайнему морю, порывы ветра гнали волны раскачивающихся стеблей. В вечерней прохладе над полем сгущался туман, окутывая все вокруг пеленой кровавой дымки. Время от времени из этого зеленого моря вылетал краснокрылый дрозд и проносился в тумане, словно летучая рыба, мелькающая над волнами, с громким пронзительным криком, напоминающим лязг железной чешуи.

Ава остановилась, учащенно дыша. Она устала, начинало смеркаться. Ночевать в глуши, особенно в этом непреодолимом море травы, было опасно. Девушка посмотрела себе под ноги, на землю, виднеющуюся между унизанными колючками стеблями арука. А что, если… Может, ей лучше… Похоже, придется…

«Нет!» – решительно отвергла эту мысль Ава, чувствуя, как колотится от страха и сомнений сердце. С самого своего возвращения из Роанфлэра она хранила эту тайну в себе, не желая воскрешать те события, которые унизили семью, смертельно огорчили родителей, покрыли ее несмываемым

позором…

И снова пронзительный крик, похожий на скрежет друг о друга металлических пластинок, вызвал у нее мурашки.

Вздрогнув, Ава вдруг осознала, что это вовсе не крик дрозда. Звук был более громким, более жестким, неослабевающим. И вместе с металлическим лязгом Ава услышала что-то еще, вроде своего собственного учащенного дыхания, но только более отчаянного и *дикого*.

Поднырнув под стеблями арука, Ава всмотрелась в сгущающийся туман, стараясь усилием воли унять бешено колотящееся сердце, чтобы лучше слышать.

Вдалеке по морю травы раскатилась рябь, словно это корабль рассекал волны. И все это сопровождалось громким фырканьем и долгим ржанием, разорвавшим туман подобно вспышке молнии. Позади этого возмущения Ава разглядела присутствие чего-то еще, по-прежнему скрытого в тумане, какого-то чудовища, движущегося с механической точностью: «тук-дзинь-тук», «тук-дзинь-тук».

Порыв ветра прогнал туман прочь.

Через поле арука напролом неслась самая большая лошадь, какую когда-либо видела Ава, оставляя за собой полосу сломанных и растоптанных стеблей. Кобыла, добрых три метра ростом, была цвета пылающего костра. Ее длинная грива развевалась подобно алому стягу, а мелькающие копыта были покрыты огненно-рыжей шерстью. Ава еще никогда в жизни не видела такого прекрасного создания. Кобыла олицетворяла силу, мощь, скорость.

«Каким образом здесь оказалась Раскрывшаяся?»

Следом за кобылой гнались два громоздких «Долгонога». Сделанные из черной стали армейские внедорожники напоминали огромных механических пауков с восемью сочлененными ногами, приводимыми в движение поршнями, увенчанных приплюснутой кабиной с вращающейся башней. Управляемые экипажем из трех человек, эти машины, гордость армии Архонтессы, были беспощадным орудием смерти, бороздившим просторы Гремы.

Кобыла замедляла бег, расстояние между ней и ее преследователями сокращалось.

«Тук! Тук!»

Здоровенные стрелы, брошенные силой электричества и магнетизма, вырвались из вращающихся башен «Долгоногов» и вонзились в землю вокруг бегущей кобылы, одна зацепила ей бок.

Громко заржав, кобыла осела. С вызовом обернув свою

покрытую пеной морду, она оскалила зубы, раздувая ноздри. У нее по спине стекали красные струйки (возможно, крови, возможно, пота), окрашивая сломанные стебли арука.

Ава ощутила прилив ярости и сострадания.

«Тук!»

Еще одна стрела устремилась прямо кобыле в голову. Двигаясь с невозможным для такого крупного животного изяществом, кобыла подалась вперед и резко выпрямила задние ноги, одним грациозным прыжком преодолев по крайней мере двадцать метров.

Но экипажи двух «Долгоногов» работали четко и слаженно. Стрелок второй машины заранее предвидел, где приземлится кобыла. Стрела поразила ее в правую заднюю ногу, и кобыла, пронзительно заржав, рухнула на землю.

«Долгоноги» приблизились к поверженной кобыле с противоположных сторон, выдвинув вперед свои вращающиеся стальные челюсти-диски, готовые распилить несчастное животное на куски. Последние лучи умирающего солнца упали кобыле на морду, и Ава не увидела у нее в глазах отчаяния, а лишь стремление сражаться, сопротивляться, вцепиться голыми зубами в стальные ноги, напоследок показав свой непокоренный дух.

У Авы вскипела кровь. Она не могла видеть, как нечто столь прекрасное, восхитительное и полное жизни уничтожают трусы, укрывшиеся в механических чудовищах.

Ава порывисто встала, показала свое лицо над морем колышущихся стеблей арука и, тихо зарычав, сосредоточила внимание на точке внутри себя – так, как ее учили семь лет назад…

* * *

Обжигающее вино Раскрытия разливалось по ее жилам, язык все еще чувствовал горький вкус тысячи специй. В голове бушевала буря, и она с огромным трудом двигалась вперед, предпринимая огромные усилия, чтобы удержаться на ногах.

Вместе с остальными кандидатами ее привели в Зал размышления, в лабиринт сумеречных потайных проходов под дворцом. Один за другим они проходили в Зеркальную комнату, где им наконец показывали их истинный вид.

Все долгие годы благочестивых молитв в святилищах богов, чтения и зазубривания наизусть слов мудрецов, на протяжении которых ее родителям приходилось отказывать себе во всем, собирая средства на то, чтобы купить рекомендательное письмо,

наконец привели вот к этому мгновению.

Из-за закрытой двери донеслись проникнутые бесконечным счастьем крики, а затем восторженный рев толпы. Какой новый облик открылся тому мальчишке? Его собственная судьба, а также судьба его родителей навеки переменилась. Он вступит на путь, ведущий к тому, чтобы стать одним из ***них****, Повелителей Гремы, которые стояли на ступенях дворца, встречая новых кандидатов, проходивших перед ними по авеню Содружества.*

Огромный буйвол с высоко вскинутыми кривыми рогами, подобными двум полумесяцам, тяжело стучал копытом по земле. Тигрица, ростом лишь немного не достающая до бронзовых дворцовых ворот, лениво зевала. Орлица, распростершая крылья не меньше восьми метров, громко кричала. Медведь, размерами с «Долгонога» губернатора Кайда, поднялся на задних лапах…

Шум за закрытыми дверями затих. Преобразованного мальчика выведут через другие двери в другую комнату, откуда он поднимется во дворец, где его встретят Архонтесса и легаты и он займет свое место среди знати – разумеется, на самом низшем уровне, ибо ему понадобится преодолеть множество политических козней и склок, чтобы подняться по иерархической лестнице.

Опьяненная предчувствием, Ава вдруг поняла, что ей следующей предстоит войти в Зеркальную комнату.

«Мама, папа, Шоу, – мысленно прошептала она, – все ваши жертвы были не напрасны».

В то время как у состоятельных городских жителей имелось множество самых разных способов быть замеченными рекомендательными комитетами префектуры, у работников мусорных приисков возможностей было мало. Родителям Авы потребовались долгие годы напряженного труда для того, чтобы губернатор наконец соизволил дать ей рекомендацию, единственному кандидату из сельской местности среди десятков детей из привилегированных слоев. Но даже после этого до собеседования с членами комитета ей не было гарантировано место. На командующего гарнизоном произвел впечатление ее атлетизм, а учителя благосклонно высказались по поводу ее знаний древних текстов, однако за этими достижениями стояли бесчисленные часы учебы и физических упражнений, без какой-либо помощи со стороны учителей и тренеров.

Вино Раскрытия явилось одной из первых тайн, обнаруженных в изменившемся мире после Чумы. Состав пробуждал какой-то скрытый механизм организма: вино позволяло тем, кто его выпивал, преобразовать свое тело во вторую форму, раскрывающую дремлющие таланты и неизвестные способности. С его помощью Первый Архонт, ничем не примечательный мелкий

бандит первых дней после Чумы, Раскрыл себя, став селезнем, чудодейственной птицей, обладающей харизмой и силой духа. Собрав легион своих Раскрывшихся соратников, он выдворил с этой земли чудовищ и победил врагов, основав Содружество Гремы.

Перед Авой распахнулись массивные двери. Сияние зеркальных стен оказалось таким ярким, что она непроизвольно вскинула руку, прикрывая глаза.

– Ава Сайд, – произнес нараспев прислужник, открывший дверь, – ты можешь войти.

Спотыкаясь, едва держась на ногах, хватаясь за стену дрожащей рукой, Ава прошла в комнату, ослепленная ярким светом. Мысли ее расплывались, в ушах гулко пульсировала кровь.

Суждено ли ей стать могучим волом, преданным слугой, который будет работать в администрации Архонтессы и которого в конце концов возвысят в августейший ранг Синедриона? Или же ей предназначено стать мудрой обезьяной, ученым, который посвятит свою жизнь раскрытию знаний древних мудрецов, погребенных в испорченных базах данных архива Роанфлэра, чтобы ввести Грему в новый золотой век? Или, быть может, ей назначено богами стать волком или лобстером, воином, вставшим на защиту Гремы, единственного оазиса цивилизации, отражая полчища чудовищ разоренной Чумой пустоши и внутренние угрозы со стороны честолюбивых бунтовщиков?

Ава пыталась воплотить в жизнь наставления, которые ей нашептывали прислужники, не до конца понимая их. Закрыв глаза, она сделала глубокий вдох, воображая воздух у себя в легких двумя сгустками энергии, синим и красным. Медленно Ава представила себе, как заталкивает оба сгустка себе в грудь, где они сливаются в одну раскаленную добела сферу. Поддерживая этот огонь, подпитывая его, раздувая, она усилием воли расширила его, распространяя на всю грудную клетку, посылая в конечности, заполняя свое тело священным пламенем. Ава буквально увидела, как эта энергия сжигает дотла ее прежнюю сущность, пробуждая каждую клеточку, направляя новые потоки по костному мозгу и мышцам, восстанавливая ее тело в новом виде, в новой сущности…

Она заплакала от восторга и ужаса, ощущая это. Она почувствовала, как Раскрытие оживает у нее внутри, отстраивая ее заново, словно разлившаяся в половодье река Арлос, каждую весну перекраивающая свои берега. Вино раскрывало истинную суть Авы, поднимая ее на поверхность подобно тому, как схваченное светохудожником изображение постепенно появляется в ртутных парах на медной пластине. Она чувствовала, как трещат и расщепляются ее кости, как ее мышцы присоединяются к новому

скелету, как внутренние органы меняют свое местоположение, размещаясь в новом пространстве… Физическое ощущение нельзя было назвать ни наслаждением, ни болью: оно чем-то напоминало оба этих чувства, но в то же время выходило за их рамки. Ава отдалась ему, полностью поглощенная масштабами преобразования.

Постепенно сознание вернулось к ней. Она снова обрела способность повелевать своими членами и тотчас же почувствовала отличие. Это было все равно что впервые надеть зимой шубу и сапоги, когда все кажется неудобным и неуклюжим. Предстоит привыкнуть к своему телу, прежде чем она научится двигаться изящно и уверенно, прежде чем сможет легко переходить из человеческого облика в Раскрывшийся и обратно.

Не смея пошевелиться, Ава ждала, ожидая услышать восторженные крики, вызванные ее новым обличьем.

Стояла оглушительная тишина.

Наконец она осторожно открыла глаза.

Ава не поняла, как она попала в эту незнакомую обстановку. Вокруг возвышались гигантские статуи, похожие на огромные колонны Храма Мудрости, громадные человеческие фигуры с выражением шока, застывшим на лицах где-то высоко вверху. Статуи были такими большими, что Ава вспомнила развалины древних небоскребов в Роанфлэре, безмолвных свидетелей минувшей эпохи.

– Где я? – изумленно прошептала она.

И тут огромные статуи пришли в движение, в ушах у Авы зазвучали их громоподобные голоса. Она вздрогнула, потрясенная тем, какими чувствительными стали ее уши. Разобрать слова было трудно, они не имели никакого смысла. Беспомощно подняв взгляд вверх, Ава вдруг узнала лицо прислужника, открывшего перед ней дверь…

– Совершенно бесполезное Раскрытие! – взревел он, и его громадное лицо исказилось от отвращения. – Пустая трата времени!

– Вот что происходит, когда роешься в мусорной куче и собираешь плоды с сорняков! – другой голос. Раскат грома.

– Стандарты! Неужели в префектурах никому нет дела до стандартов?

Ава непроизвольно отпрыгнула вперед, в то самое мгновение, как здоровенный ботинок, надетый на ногу толщиной со ствол столетнего дерева, ударил по тому месту, где она находилась всего какую-то секунду назад.

Ава оказалась перед сверкающей стеной, откуда на нее смотрела мохнатая мордочка с перепуганными глазами и

сморщенным от ужаса носом. Она присела и увидела, что фигура в стене также присела на мохнатых лапах.

Осознание явилось шоком.

Оглушенная разочарованием, Ава увидела длинные мягкие уши, лежащие на плечах. У нее из горла вырвался пронзительный жалобный крик. Она облизнула языком раздвоенную верхнюю губу и увидела, как существо в зеркале, не больше фута в длину, облаченное в пепельно-серую шерсть, повторило это движение.

Ее захлестнули ужас и стыд…

* * *

Стебли арука взметнулись вверх и сгустились вокруг, и Ава опять испытала эту смесь боли и наслаждения, ужаса и восторга.

Тысяча резких запахов, которых она не замечала в своем человеческом облике, ударили ей в нос – свежие испражнения полевых мышей и оленей, гниющая растительность поздней осени, пьянящий аромат россыпи грибов. Ее уши, чуткие, подобно неводу, который рыбаки тащат на утлых лодках по реке Арлос, начали улавливать все звуки и вибрации в вечернем воздухе. Ее глаза, теперь расположенные по бокам головы, обеспечили практически круговой обзор окружающей местности, резкий и четкий в сумерках, ее любимом освещении.

Снова лязг металла по металлу. Снова наполненный болью крик алой кобылы.

Ава-Крольчиха прыгнула вперед, наслаждаясь чувством свободы, обеспеченным ее сильными задними лапами. Теперь, когда она сжалась, уменьшившись в размерах, поле густого арука из непроходимой, сопротивляющейся среды, которую приходилось преодолевать, прикладывая большие усилия, превратилось в лес качающихся деревьев, между которыми повсюду оставались широкие проходы.

Ава бежала все дальше и дальше, с каждым прыжком привыкая к своему другому телу. Когда она погрузилась в эту новую форму существования, стыд, вызванный тем, что она Раскрылась добычей, а не хищником, простым, ничем не примечательным кроликом вместо неестественно огромного буйвола, тигра, волка или селезня, схлынул прочь, подобно сброшенной человеческой одежде.

Возвратившись из Роанфлэра, опозоренная Ава скрыла от своих разочарованных родителей то, что увидела в Зеркальной комнате, сказав им только то, что ей не удалось Раскрыться. Но с тех пор время от времени, оставшись одна, она при свете луны с

наслаждением принимала облик кролика и скакала по лугам, вынюхивая в ночи незнакомые запахи. Это был еще один способ *быть*, ощущать реальность, принадлежащую ей одной.

Ава столкнулась с неразрешимым противоречием: она не знала, как примирить свое человеческое естество с естеством кроличьим.

Однако в настоящий момент для подобных забот не было места. Впервые Аве требовалось выполнить определенную задачу в этом обличье; она должна была *действовать*, а не бездельничать.

Стебли арука раздвинулись. Ава резко затормозила, оказавшись лицом к лицу с гигантской кобылой.

Она сочувственно посмотрела на раненое животное и увидела, что свет в глазах кобылы гаснет. Кобыла обреченно фыркнула – что толку от сострадания кролика, крошечного по сравнению с одним лишь копытом размером с тарелку? Кобыла нетерпеливо тряхнула головой, предлагая Аве убраться прочь, пока механические хищники не обрушились на них обеих.

– Не двигайся! – шепнула Ава кобыле, и при виде удивленного взгляда сердце ее согрелось удовлетворением. – Успокойся и прекрати брыкаться. Различить тебя в этом красном свете будет непросто.

Потрясенная кобыла раскрыла рот, а Ава нырнула в густые заросли арука, направляясь прямиком к «Долгоногам».

«Вот он!» Показалась приводимая поршнями железная нога, сокрушившая арук подобно метеору, врезавшемуся в рощу. Следом появилась другая нога. Стальные колонны тускло сияли непоколебимой силой – силой, имеющей преступную сущность.

«Что я могу сделать?» – с сомнением подумала при виде этих ног Ава.

Ей предназначено спасаться бегством, а не вступать в бой. У нее недостаточно габаритов, веса и силы, чтобы остановить или хотя бы замедлить железных «пауков»; она не может угрожать экипажу острыми, как кинжалы, клыками или когтями, способными разодрать сталь. Какой прок от комка шерсти в противостоянии с самой мощной боевой машиной?

Земля содрогнулась от тяжелых шагов остальных металлических ног. «Долгоног» остановился. Вращающиеся пилы-челюсти застыли в нерешительности. Алая кобыла последовала совету Авы, и экипажи «пауков» – по крайней мере на какое-то время – потеряли из виду свою добычу.

У Авы в сердце снова вспыхнула искорка надежды. Стиснув зубы, она устремилась к колонновидным ногам. Устроившись между двумя стальными столбами так, чтобы ее не было видно из

кабины (хотя вряд ли экипаж посчитал бы ее угрозой, даже если бы заметил), Ава принялась грызть стебель арука.

Она работала быстро. Горьковатый арук на вкус чем-то напоминал чай из кореньев. Работая резцами, словно зубилами, Ава самоотверженно грызла высоченный стебель, похожий на ствол дерева.

Упал один стебель, за ним второй, третий. Превратившись в маленького дровосека, Ава лихорадочно валила твердые волокнистые стволы.

Металлические ноги оставались неподвижными. Где-то вверху с жужжанием вращалась башня – экипаж высматривал окровавленную лошадь, которой каким-то образом удалось затеряться в густых зарослях арука, окрашенных заходящим солнцем в красный цвет рассыпанных углей. «Пауки» наугад выпустили в заросли несколько стрел в надежде спугнуть раненую добычу.

Ава понимала, что времени у нее в обрез. Не прерываясь, чтобы дать отдых ноющим челюстям, она скакала взад и вперед, отплясывая среди поваленных стеблей арука подобно обезумевшему бобру.

Один вдоль, два поперек; один вдоль, два поперек… Ава без устали скакала и прыгала, прижав уши к спине, крепко хватая передними лапами волокнистые стебли. Точно так же она сплетала перчатки из полос найденного на свалке пластика; движения были настолько привычными, что она впала в транс.

Внезапно ее уши уловили шорох. Кобыла (вероятно, больше не в силах терпеть боль от раны на ноге) пошевелилась в своем укрытии. Башня «паука», под которым находилась Ава, повернулась, реагируя на движение в траве. Характер завывания дизельного двигателя едва уловимо изменился. Ава отпрыгнула в сторону, молясь Нефритовому Кролику на луне, чтобы сделанного ею оказалось достаточно.

Двигатель взревел громче. Поршни пришли в движение, суставы начали сгибаться, ноги уже готовы были подняться вверх и шагнуть вперед в скоординированном рисунке…

Две ноги, связанные паутиной, сплетенной из стеблей арука, неуклюже наткнулись друг на друга, и «паук» покачнулся. Сидящий в кабине пилот недоуменно потянул рычаг управления взад и вперед, стараясь распутать ноги. Однако травяные путы, сплетенные и перекрученные Авой для большей прочности, выдержали.

Пилот раздраженно принялся качать ручку управления взад и вперед, увеличивая мощность поршней. Внезапно плетеные канаты, удерживавшие ноги вместе, лопнули, и могучие стальные

стержни, не встречая сопротивления, резко освободились и раздвинулись в стороны.

Боевая машина пошатнулась, теряя равновесие. Пилот в панике сдвинул ручку управления до конца в противоположную сторону. Поршни застонали, суставчатые ноги отчаянно попытались выровнять тело «паука», но было слишком поздно. «Долгоног» повалился, подобно новорожденному теленку, и с грохотом рухнул. Дисковые пилы вгрызлись в землю, градом разбрасывая в стороны камешки и рассеченные корни. Башня со скрежетом остановилась, из щелей повалил дым. Мгновение спустя три солдата, откашливаясь, распахнули люк в крыше и выбрались наружу.

Экипаж второго «паука», не видя того, что повалило на землю товарищей, также пришел в панику. Решив, что вторая боевая машина подверглась нападению, наводчик направил оружие на местность рядом с поверженным «пауком» и открыл частый огонь. Вонзающиеся в землю стрелы лишь усилили общее смятение. Экипаж упавшей боевой машины укрылся за корпусом, крича своим товарищам, чтобы те прекратили огонь, а Ава поспешно метнулась прочь.

Наконец экипаж уцелевшего «Долгонога» заметил кролика, убегающего от поврежденного «паука». Башня развернулась вслед за ним, извергая поток стрел, лишь чудом не зацепивших Аву.

Влево, вправо – зигзаг из стороны в сторону. Ежесекундно меняя направление движения, Ава лихорадочно цеплялась за жизнь. Она чувствовала, что ее бег замедляется, дыхание становится частым. Хоть и быстроногий, кролик был создан для стремительных коротких рывков, а не для продолжительного напряжения. Ава прекрасно понимала, что наводчик вот-вот достанет ее.

– Если ты прекратишь двигаться, тебя не заметят! – Ее уши уловили хриплый шепот, принесенный порывом ветра.

Ава опустила моргательные мембраны на глаза и вонзила лапы в землю. Новая стрела воткнулась рядом, обсыпав ее землей и сломанными стеблями, но она сжалась в крохотный комок, усилием воли сдерживая инстинктивный порыв вскочить и побежать.

Бесконечное «тук-тук-тук» прекратилось. Голос был прав. Охваченная паникой, Ава забыла свой собственный совет. Она очень маленькая, а сумеречное освещение слишком слабое. Если качающиеся стебли, задетые ею на бегу, не будут выдавать ее местонахождение, она останется практически невидимой.

Башня продолжала с грохотом вращаться – наводчик искал цель. Воздух наполнился какофонией голосов людей, не

ведающих о присутствии Авы.

– Что это было?

– Возможно, полевка?

– А может быть, кое-кто похуже. Возможно, один из «гнилых»!

– «Гнилые» такими маленькими не бывают. Это был просто какой-то глупый зверек. Но вы стреляли в *нас*! Вы могли бы…

– Ну до чего неуклюжий у вас пилот! Я никогда не слышал, чтобы «Долгоног» падал из-за какой-то полевки! Капитан задаст вам жару…

– Хватит про полевку! Где беглянка?

– Она не могла уйти далеко. Забирайтесь сюда, и мы продолжим поиски.

Ругань, смех, свист сброшенного вниз веревочного трапа. Уцелевший «Долгоног» подбирал экипаж своего поврежденного собрата.

– Ты можешь двигаться? – пискнула Ава, сознавая, что кобыла услышит эти высокие звуки, в то время как человеческое ухо – нет.

– Не могу, – принес ветер ответ.

Ава задумалась. Как только оба экипажа соберутся в кабине второго паука, охота возобновится. И тогда обнаружение кобылы станет вопросом времени.

У Авы болело бешено колотящееся сердце; она испытывала бесконечный ужас. И все-таки, собравшись с духом, она медленно поползла сквозь арук в направлении «паука», обходя стороной стебли, чтобы не задеть их. Ей нужно было что-то сделать – все равно что.

Впереди показалась огромная смертоносная машина. Три человеческие фигуры поднимались по веревочному трапу, спущенному из кабины. «Паук» накренился под их тяжестью.

Резко распрямив задние лапы, Ава *прыгнула*, на мгновение показавшись над травой. Опустившись на землю, она устремилась вперед, к свободному пространству между длинными сочлененными ногами.

– Вот она! Вот она!

Наводчик, все это время не прекращавший возбужденно всматриваться в мягко волнующееся море травы, не раздумывая нажал на спусковой крючок. Из дула орудия вырвался поток стрел. Наводчик лихорадочно развернул башню, стараясь удержать в прицеле серый скачущий комок.

– Болван, перестань стрелять!..

Но было слишком поздно. Сочетание момента инерции вращающейся башни, отдачи и веса ползущих по трапу людей оказалось достаточным для того, чтобы «паук» потерял

устойчивость.

Лихорадочные команды, ругань, крики. Второй «Долгоног» качнулся и повалился, рухнув на землю с громким лязгом.

Нырнув в густые заросли арука, Ава поспешила туда, где оставила раненую кобылу.

Однако вместо лошади на земле лежала высокая стройная женщина с густой копной рыжих кудрей. Ее лицо, не лишенное привлекательности, было исчерчено красными полосами, вероятно, царапинами, оставленными колючками арука, а может быть, венами, разбухшими от злоупотребления выпивкой. Одна нога женщины была неестественно подогнута.

Обессиленная, Ава опустилась на корточки. Протянув руку, женщина мягко положила ее Аве на спину. Кроличье тело задрожало, но Ава не отдернулась, глядя женщине в глаза.

– Спасибо… – прошептала та. Ава уже слышала этот хриплый голос. – Я никак не думала, что меня спасет кто-то вроде тебя…

– Возможно, благодарность несколько преждевременна, – задыхаясь, выдавила Ава. – Я только отсрочила неминуемое. Оправившись от первого потрясения, шесть обученных солдат, даже без «Долгоногов», все равно быстро расправятся с нами.

Переменив положение, женщина поморщилась.

– Если бы не моя нога, они бы нас ни за что не поймали. – Она бросила презрительный взгляд в сторону поверженных «пауков». – Шесть солдат – это ничто. В честном бою Алая Кобыла легко справилась бы с десятью тысячами.

Вспомнив впечатляющее величие Раскрывшегося обличья женщины, Ава поняла, что это не пустая похвальба.

– А от меня в драке толку мало, – посетовала она, – что в этом облике, что в человечьем.

Женщина смерила ее взглядом.

– Я сочту за честь сражаться рядом с тобой, Серая Крольчиха.

Эти слова согрели Аве сердце точно так же, как рука женщины согрела ей тело. Она отвернулась, скрывая навернувшиеся на глаза слезы.

Экипажи двух поваленных «пауков», перевязав раненых, обсуждали, как ловить беглецов.

– Беги, спасайся, – сказала женщина. – Боюсь, в этой жизни я не смогу расплатиться с тобой.

– Я вас не брошу, – покачала головой Ава.

Усмехнувшись, женщина потрепала ей длинные уши. Ава не почувствовала в этом жесте снисхождения – только восхищение.

– Покажи, как ты выглядишь. Если нам суждено умереть вместе, я хочу сначала увидеть твое лицо.

– Зачем?

– Чтобы найти тебя в Зале Героев по ту сторону, пригласить вернуться обратно и вместе охотиться на наших убийц.

Ава рассмеялась. Даже сознавая, что жить ей осталось недолго, она задрожала от радости, захлестнутая чувством, которого давно не испытывала в своей опозоренной жизни. Это было чувство гордости.

Ава преобразовалась обратно в человеческое обличье.

– Меня зовут Ава Сайд, – сказала она, лежа рядом с женщиной. – Хотя в Серой Крольчихе есть что-то притягательное.

– А я Пиньон Гейтс, из префектуры Восточная Река. Для меня большая честь познакомиться с тобой.

Пожав друг другу руки, они уселись и повернулись в сторону солдат, готовые принять свою участь.

– Если вы закончили сеанс взаимного восхищения, – раздался сварливый голос, – может быть, обсудим, как нам отсюда выбраться?

Своими притупленными человеческими органами обоняния Ава не уловила сильный кошачий запах, внезапно заполнивший воздух. Ошеломленно подняв взгляд, она увидела гибкого и могучего леопарда, добрых десять футов в длину, с угольно-черной шерстью, который раздвинул толстые стебли арука и неспешно приблизился к ним.

– Фей Суэлл! – воскликнула Ава. – Что вы здесь делаете? И когда… Где… Как вы Раскрылись?

– Ты много чего обо мне не знаешь, – заносчиво промолвила Фей. – Ты назвала меня трусом! Как я смогу взглянуть в глаза своим последователям, если станет известно, что ты отправилась к «гнилым» спасать своего брата, в то время как я осталась дома? – Не дав женщинам возразить, она развернулась и присела, подставляя свою спину. – Запрыгивайте!

* * *

Пока Фей петляла под звездами в зарослях арука, неся на спине двух женщин, все трое поделились историей своей жизни.

Пиньон когда-то рыбачила на берегах реки Арлос. Однажды она поймала редкую трехголовую горбатую щуку. Выпотрошив рыбину, Пиньон нашла у нее в брюхе маленькую стеклянную ампулу, наполненную зеленым спиртом, который был настоян на травах и специях. Поскольку она никогда не могла устоять перед хорошей выпивкой, она залпом выпила спирт – и стала Раскрывшейся.

– А почему вы не отправились в Роанфлэр в поисках своего

счастья? – спросила Ава. – Тысячи людей отдали бы руку, а то и обе, чтобы им так повезло.

– Странствующие сказочники рассказывают про то, что во Дворце Содружества больше грязи и бурных водоворотов, чем в реке Арлос в период весеннего половодья, – холодно рассмеялась Пиньон. – На кой ляд мне расставаться со своей жизнью с гулянками и выпивкой ради того, чтобы пытаться плавать в стремнинах политики? Нет, я хотела только, чтобы меня оставили в покое.

Поэтому Пиньон скрыла свой дар и продолжила вести прежний образ жизни. Но однажды, после целого дня пива и азартных игр, она увидела, как чиновник вымогает сбережения, собранные рыбацкой семьей за всю жизнь, угрожая отправить за решетку их сына по сфабрикованному обвинению. Поддавшись подпитанной алкоголем ярости, Пиньон привязала чиновника к дереву и порола его до тех пор, пока он не взмолился о пощаде. Добившись от него обещания оставить семью рыбаков в покое, она его отпустила.

Однако униженный чиновник жаждал мщения. Он нанял головорезов, чтобы те расправились с семьей рыбака, после чего обвинил в убийстве Пиньон. Без какого-либо следствия и суда губернатор Восточной Реки приказал арестовать Пиньон и объявил о том, что утром ее казнят. Ночью накануне казни Пиньон превратилась в Алую Кобылу, выбила копытами дверь камеры, искалечила охранников и бежала. Пронесшись галопом по улицам главного города провинции, она отыскала чиновника-убийцу и затоптала его копытами. С тех самых пор она постоянно находилась в бегах.

– Как правительственные служащие Архонтессы могли допустить подобное беззаконие? – воскликнула Ава, плавно покачиваясь на спине Фей. – И подумать только – губернатор, Раскрывшийся Повелитель, оказался таким бессердечным и глупым!

Похоже, Фей Суэлл в обличии Черного Леопарда при свете звезд видела так же хорошо, как и в солнечный день, и двигалась с естественным изяществом охотника.

– Архонтесса – беспомощная женщина, нисколько не интересующаяся государственными делами, – сказала Фей, дыша медленно и ровно, несмотря на то что на спине у нее сидели двое. – Она окружила себя не советниками, преисполненными мудрости и добродетельности, а друзьями детства, которые наполняют ее уши лестью, а свои сундуки – сокровищами, награбленными по всему Содружеству. Алчность и честолюбие прекрасно прижились при дворе, и единственная цель всех

губернаторов, военачальников, чиновников и легатов – не важно, Раскрывшихся или нет, – собственные корыстные интересы, а никак не благо народа.

Ава молчала. То, о чем говорила Фей, было прекрасно известно всем, однако Ава упорно пыталась это отрицать: для нее принять то, что Раскрывшиеся Повелители своими добродетелями не соответствовали блистательному обличью, было равносильно смерти идеала. Поскольку для нее не было места среди Раскрывшихся, сама их недостижимость придавала им в ее глазах еще больший ореол романтичности.

– Ну а вы? – спросила Ава у Фей. – Как Раскрылись вы?

Фей всегда нравилось исследовать туманные земли за границами Гремы, где можно встретить самых любопытных чудовищ, за чьи рога, мех или чешую на черном рынке можно было выручить больше всего. Однажды, находясь с товаром в Драйп-Тауне, она познакомилась с женщиной, состоящей в услужении у легата Синедриона. Эта женщина предложила ей фляжку вина Раскрытия в обмен на редкую чешую панголина, из которой, по убеждению легата, можно было приготовить снадобье для повышения потенции и продления молодости.

– И она просто предложила вам вино Раскрытия? – изумленно спросила Ава. – Но это же преступление!..

– Для могущественных и влиятельных господ законы этой страны – не более чем каракули на листах туалетной бумаги, – усмехнулась Фей. – Как верно заметила Пиньон, нет ничего такого, что не сделают ради собственной выгоды чиновники, и не важно, Раскрывшиеся или нет. Рассудив, что бесполезно рассчитывать на то, что от бандитов нас защитит армия, я употребила вино Раскрытия, чтобы стать сильной и самой защищать себя.

Ава снова умолкла. Ее учили, что получить рекомендацию Раскрыться – единственный способ обнаружить истинную сущность человека и присоединиться к рядам знати, однако действительность оказалась совсем другой.

«Воистину, времена меняются…»

* * *

Ава, Фей и Пиньон, вернувшиеся в человеческое обличье, осторожно разглядывали лагерь «гнилых» в затянутой туманом долине. Они уже отдалились на несколько миль от границы Гремы, а даже Фей не заходила охотиться так далеко.

Судя по всему, до Чумы здесь находился город. Среди

заросших плющом развалин зданий до сих пор можно было различить сетку улиц. Во многих разрушенных строениях обосновались «гнилые», используя их для жилья или хранения своей добычи, о чем свидетельствовали струйки дыма над кострами и суетящиеся между развалинами фигуры, перетаскивающие тяжелые сундуки и толкающие груженые тележки. В целом создавалось впечатление большого муравейника, кишащего существами, движимыми исключительно алчностью.

– Как вы думаете, сколько их там? – спросила Ава, потрясенная этим зрелищем.

– Полагаю, по меньшей мере восемьсот бойцов, – сказала Фей. – И кто знает, сколько среди них Раскрывшихся крыс?

Пиньон и Фей пообещали Аве помощь в поисках ее младшего брата. Нога у Пиньон уже почти зажила. Через несколько дней пути чувствительный нюх Фей наконец учуял след Шоу, ведущий сюда. Не вызывало никаких сомнений, что сам мальчишка так далеко ни за что бы не ушел – по всей вероятности, его захватили в плен «гнилые».

– Я прихожу к выводу, что Ава была права, – пробормотала Фей. – Пожалуй, нам следует более активно попробовать уговорить армию вмешаться.

По настоянию Авы, как только подруги обнаружили поселение «гнилых», Пиньон галопом вернулась в Драйп-Таун и оставила для губернатора сообщение с координатами – быстроногая кобыла за день обернулась туда и обратно. Впрочем, ни Пиньон, ни Фей не тешили себя надеждами на то, что губернатор Кайд решит хоть как-то воспользоваться этой информацией.

– Испугалась? – усмехнулась Пиньон. Она с вызовом взглянула на Фей, и по ее исчерченному венами лицу расплылась улыбка. – У меня нет твоих клыков и когтей, но от драки я не уклонюсь.

– Даже самая сильная кошка не сдюжит, если на нее разом набросятся двадцать крыс, – парировала Фей, и ее темные щеки зажглись краской. – К тому же, если в драке дела наши станут плохи, полагаю, кое-кто из нас сможет драпать быстрее остальных.

– Это кто, по-твоему, будет драпать? – изобразила гнев Пиньон.

Две воительницы сразу же прониклись друг к другу симпатией. При каждом удобном случае они устраивали поединки – как словесные, так и физические.

– Мы не заявимся туда просто так и не начнем драться со

всеми встречными «гнилыми», – сказала Ава. – Мне нет никакого дела до того, насколько вы уверены в своих силах: незачем вести себя безрассудно.

Оранжевые Братья, три парня с островов в заливе Массенваль, несколько лет назад получили в Роанфлэре рекомендации Раскрыться. Однако вино превратило их в крыс размером с человека – обыкновенно этот облик ассоциировался с бунтовщиками и преступниками. По приказу Архонтессы их бросили за решетку, однако они подкупили стражу и бежали, при этом, по слухам, стащив из кладовых Архонтессы изрядный запас вина Раскрытия.

Первое время они довольствовались тем, что во главе небольших отрядов бандитов нападали на торговые караваны, ходившие между городами Гремы. Однако за последний год численность разбойников возросла до нескольких тысяч – в основном из-за последствий засухи в северных префектурах. Ходили слухи, что бандиты благодаря какой-то магии становились бесстрашными и сражались каждый за десятерых – в таком состоянии они и назывались «гнилыми». Банды разоряли деревни и даже небольшие города, оставляя после себя смерть и опустошение, словно после нашествия полчищ саранчи.

– Ну а ты что придумала? – хором спросили Пиньон и Фей.

Ава задумчиво осмотрела лагерь «гнилых». Наконец ее взгляд остановился на сточной канаве на окраине разрушенного города.

* * *

– Пожалуй, это худшая мысль из всех, какие только приходили тебе в голову, – проворчала Фей. – Вонь просто невыносимая!

– Радуйтесь тому, что я не предложила вам идти в своих Раскрывшихся обличьях, – ответила Ава. Голос ее был приглушен тряпкой, которой она прикрыла себе нос и рот. – С таким чувствительным нюхом вы точно свалились бы в обморок.

– Постарайтесь меньше говорить, – наставительно заметила Пиньон. – Чем больше вы говорите, тем больше воздуха вам приходится вдыхать. – Она с громким чавканьем вытащила ногу из липкой жижи. – И не заостряйте внимание на природе того, по чему мы идем, – добавила она.

При мысли об отходах жизнедеятельности сотен «гнилых», живущих наверху, Фей едва не стошнило. Но, по крайней мере, она перестала ворчать.

Три подруги в кромешной темноте продвигались по канаве,

по щиколотку в грязи, одной рукой касаясь такой же липкой стенки.

– А я не могу поверить, что ты прошла здесь как Серая Крольчиха, – сказала Фей. – Как тебе удалось не утонуть?

– Кролики хорошо ориентируются в норах, – сказала Ава, невольно поежившись при воспоминании о своем предыдущем посещении сточной канавы. – И давайте больше не будем об этом.

Ава знала, что все города строились над подземным лабиринтом сточных канав, по которым отважные могли незамеченными добраться в любой уголок. Пока Фей и Пиньон днем отдыхали, она скакала по хитросплетению тоннелей, изучая все развилки и ответвления до тех пор, пока в конце концов не нашла то здание, где содержались Шоу и другие пленники.

– Ну вот мы и пришли, – сказала Ава, останавливаясь. В решетку над головой проникал слабый свет звезд.

Все трое застыли и прислушались. В этот предрассветный час единственным звуком был слабый шум ветерка. Вдали от городов Гремы «гнилые» не боялись нападения со стороны регулярных войск и народной милиции.

Одна за другой они выбрались из люка на обочину пустынной дороги. Рядом стояло внушительное каменное двухэтажное здание, на земле перед воротами спали двое часовых.

Три подруги подошли к зданию сзади. Фей без труда и быстро согнула прутья решетки, закрывавшей большое окно, образовав проход, через который можно было забраться внутрь. Просторный зал на первом этаже был застелен матрасами, на которых сейчас спали люди. Ава прокралась на цыпочках между храпящими бандитами, ведя Фей и Пиньон к лестнице. В маленьких комнатах на втором этаже «гнилые» содержали тех пленников, которых посчитали полезными, решив переманить их на свою сторону, вместо того чтобы безжалостно с ними расправиться.

Второй этаж освещался ночником, вне всякого сомнения, похищенным из какого-то зажиточного поместья, разграбленного «гнилыми». Ава обвела взглядом закрытые двери, решая, какую комнату обследовать первой. У нее за спиной раздался металлический лязг – тотчас же заглушенный.

Девушка резко обернулась. В холодном свете ночника она увидела прямо за спиной Фей с виноватым лицом. Фей держала в руке длинное копье с железным наконечником, стараясь не волочить его по полу.

– Извини!

– Где ты его достала? – шепотом спросила Ава.

– Я так торопилась следом за тобой, что забыла захватить

нож, – сказала Фей. – Если нам придется драться, мне нужно какое-нибудь оружие. Я забрала копье у спящего главаря разбойников – оно прямо-таки взывало ко мне, когда мы проходили мимо.

– Мы здесь не для того, чтобы драться, – сказала Ава. – Только зайти, забрать Шоу и уйти.

– Я просто последовала чужому примеру! – взмолилась Фей. Она отклонилась вбок, открывая Пиньон, которая опиралась на здоровенную алебарду.

– Ты поучала нас быть предусмотрительными, – сказала Пиньон. – К тому же нет ничего плохого в том, чтобы украсть у бандитов, правда?

Покачав головой, Ава вздохнула. Развернувшись, она направилась дальше по коридору. Хотелось надеяться, что все пленники также спят и удастся найти Шоу, никого не разбудив.

Очень медленно и тихо Ава толкнула первую дверь.

И тотчас же все трое упали на пол и откатились в стороны. Фей и Пиньон поднялись на корточки, держа оружие наготове. Ава укрылась за Фей, едва сдержав испуганное восклицание.

Комната была полна настороженно застывших бандитов, выпученными глазами взиравших на незваных гостей.

Секунды проходили в абсолютной тишине, нарушаемой лишь волнами храпа, накатывающимися с первого этажа.

Наконец Ава собрала все свое мужество и осторожно заглянула в комнату.

– Они не двигаются, – прошептала она.

Три головы высунулись из-за дверного косяка. Бандиты, общим числом около тридцати, стояли ровными рядами, глядя прямо перед собой, неподвижные, словно изваяния.

– Определенно, это не восковые фигуры, – заметила Фей, протянув руку и ткнув пальцем в ногу ближайшей разбойницы. – Видите, кожа проминается. – Решительно пройдя в комнату, она помахала рукой перед самым носом у разбойницы и, не вызвав никакого отклика, состроила ей рожу.

– Все это очень странно, – заметила Ава, чувствуя, как у нее волосы на затылке встали дыбом.

– Мне это тоже не нравится, – согласилась Пиньон. – Однако у нас нет времени ломать голову над загадкой. Ты видишь здесь своего брата?

Ава и Фей покачали головами. Прикрыв дверь, они направились к следующей комнате.

То же самое жуткое зрелище (бандиты, вроде бы не спящие, но никак не откликающиеся на внешние раздражения) встретило подруг в некоторых комнатах, тогда как другие были завалены

продовольствием, оружием и механическими деталями. В целом здание напоминало склад, и даже стоящие бандиты больше походили на предметы, чем на людей.

Наконец подруги добрались до последней комнаты в конце коридора. Ава открыла дверь. Помещение было разделено перегородками на множество камер за решетчатыми дверями, в каждой по восемь-десять нар. В отличие от предыдущих комнат, люди на нарах, похоже, действительно спали.

– Ава? Это ты? – донесся из угла шепот.

Ава в несколько широких шагов оказалась там.

– Шоу? Как ты?

– Ты пришла за мной, – ошеломленно пробормотал парень. – Хвала богам за то, что ты здесь! Я так перед тобой виноват…

– На это нет времени, – сердито проворчала Ава, останавливая брата, но на глаза навернулись слезы облегчения, готовые вот-вот брызнуть. – Ты не ранен? Мы вытащим тебя отсюда.

– Это ужасно, Ава! Как оказалось, никакого вина Раскрытия у них нет! Меня схватили сразу же после того, как я пересек шоссе, и притащили сюда. Бандиты заставляют пленников пить яд, отнимающий силу воли, и те превращаются в ходячие трупы, послушные и не знающие страха.

– Этим объясняются те похожие на изваяния бандиты, которых мы видели, – пробормотала Фей.

– Сначала они пытаются переманить пленников на свою сторону обещаниями богатства и власти, – всхлипнув, продолжал Шоу, – так как считают, что лучше получить добровольного бойца, чем просто тупую рабочую скотину. Но, памятуя о том, что они сделали с разоренными деревнями, я отказался. Если завтра утром я бы снова ответил отказом, меня бы силой заставили выпить яд.

– Об этом мы поговорим позже, – сказала Ава. – Фей, давай!

Подойдя к решетке, Фей попыталась согнуть прутья, но те оказались слишком прочными даже для ее могучих рук.

– Эй, куда подевалось мое копье? – донесся крик снизу. Ему ответили другие заспанные голоса, сердитые и бессвязные. Очевидно, хозяин пропавшего копья решил поднять шум, чтобы найти вора.

– Вот не повезло – выбрала подонка с полным мочевым пузырем! – выругалась Фей.

– Смысла скрываться и дальше нет, – сказала Пиньон. Застыв неподвижно, она закрыла глаза. Ава и Фей отступили назад, освобождая ей место. Через минуту Пиньон превратилась в Алую Кобылу, невообразимо большую для тесного помещения.

Развернувшись к решетке задом, она что есть силы лягнула ее своими могучими задними ногами, и решетка с оглушительным грохотом упала на пол, выломанная из стены.

Шоу взирал на Раскрывшееся животное с ужасом и благоговейным восхищением.

По всему зданию разнесся громкий звон бронзового колокола. Кто-то принялся выкрикивать команды. Грохот ног. Общая тревога. Другие пленники, разбуженные шумом, колотили по решетке своих камер, умоляя, чтобы их тоже выпустили.

– Нам нужно уходить! – крикнула Фей.

– Нельзя просто бросить здесь всех этих людей, – заколебалась Ава. – Моему брату повезло, что мы втроем пришли к нему на помощь, но кто спасет их?

Дверь в комнату с грохотом распахнулась. Несколько «гнилых», лишенных посредством яда воли, ворвались внутрь с деревянными копьями.

– Я задержу их, пока вы будете освобождать остальных! – крикнула Фей. Она бросилась к двери, размахивая длинным копьем, и одним мощным ударом вышвырнула из комнаты четверых нападавших.

Тем временем Алая Кобыла перемещалась, выбивая копытами решетки камер. Ава и Шоу успокаивали перепуганных пленников, но только еще больше усиливали общее смятение.

Фей стояла в дверях, подобно плотине сдерживая надвигающийся потоп. Два, четыре, восемь, шестнадцать – сколько бы «гнилых» ни наваливались разом, им не удавалось заставить ее отступить хоть на шаг. Крепко схватив древко, Фей острым стальным концом копья описывала в воздухе круг – вращающийся железный цветок, мелькающий змеиный язык, непоколебимая стена силы и воли, преодолеть которую не мог никто.

Новые крики. Сигналы тревоги. Звон подхватили другие колокола по всему поселению.

– Просто невероятно! – воскликнула Фей, и в ее голосе прозвучала усталость. – Мне еще не приходилось видеть, чтобы кто-то дрался как эти бродяги!

Тупые истуканы, повинуясь приказаниям главаря бандитов, укрывающегося за их спинами, заполнили узкий коридор и давили вперед стеной из плоти и крови. Не обращая внимания на раны, нанесенные копьем Фей, они яростно сражались, не боясь лишиться конечности или даже жизни. Фей, вынужденная проливать кровь, погрузила копье в грудь одного бездушного истукана, тот взвыл от боли, извергая изо рта кровавый поток, однако не отступил назад даже на полшага. В его немигающем

взгляде не было ни страха, ни понимания происходящего. Остальные истуканы напирали на него сзади, погружая копья все глубже ему в грудь, и наконец острие вышло у него из спины и вонзилось в грудь следующего.

У Фей на лице застыло отвращение, смешанное со страхом.

– Какая же это мерзость!

– Жалкие существа! – пробормотала Ава. – Они ведь приходятся кому-то сестрой, братом, сыном, дочерью. Они дерутся не потому, что хотят драться, а потому, что рассудок их уже мертв. Даже если Оранжевым Братьям предстоит умереть тысячу раз, этого будет недостаточно, чтобы искупить их чудовищное преступление.

– Я долго не продержусь! – крикнула Фей. Ее ноги скользили по полу, залитому кровью истуканов.

– Мы освободили всех пленников! – откликнулась Ава. – Пиньон, уходим!

Пиньон заржала в ответ. Одним прыжком она очутилась у дальней стены и лягнула ее задними ногами, вскинув двумя кувалдами здоровенные копыта. Один, два, три раза. Камни обрушились. Там, где была стена, образовался огромный пролом, в который со свистом ворвался ночной ветер.

Торжествующе заржав, Алая Кобыла вырвалась наружу. Ава, Фей и остальные последовали за ней.

* * *

Сражение в предрассветных сумерках было кровавым и ожесточенным.

Разбойники, посылая волны бездумных истуканов одну за другой, пытались окружить сбежавших пленников и отрезать им пути бегства.

Ава в своем Раскрывшемся обличии обнюхивала воздух, вслушивалась, выискивая следы засады, стараясь направить перепуганных беглецов по дорогам, которые вывели бы их из кишащего бандитами поселения. Она сама, ее брат и Фей запросто могли бы выбраться из города верхом на Пиньон (головорезы не смогли бы остановить стремительную кобылу), но Ава настояла на том, чтобы забрать с собой освобожденных пленников – всех до одного.

Поэтому Фей и Пиньон, в облике Алой Кобылы и Черного Леопарда, рычали и ржали, отбиваясь от напиравших бандитов. В воздухе свистели копыта, когти и клыки сверкали в свете звезд. Немощеные улицы стали липкими от крови бандитов,

проникнутые болью крики и вопли отражались от каменных развалин. Чем более многочисленными становились толпы разбойников, тем тверже укреплялись решимостью сердца бойцов.

Измученная, Ава прыгнула в очередной переулок; беглецы следовали за ней по пятам. Однако впереди вместо свободы оказались новые толпы бандитов, размахивающих саблями, копьями и даже электрошокерами, запитанными от батареек. Командовали ими главари, огромные Раскрывшиеся крысы, чьи когти и зубы сияли ледяным голубым светом в отблесках искрящихся шокеров.

Перепрыгнув черной радугой через беглецов, Фей опустилась на землю перед Авой. Присев, она зарычала на надвигающихся бандитов. Те, опешив, остановились и попятились назад, охваченные ужасом.

Позади освобожденных пленников, развернувшись к преследующим их разбойникам, появившимся в конце переулка, Пиньон громко заржала, бросая вызов врагам, ударяя копытами по земле – и каждый удар был подобен маленькому землетрясению.

Однако разбойники снова двинулись вперед, сначала осторожно, затем с нарастающей уверенностью. Истуканам приказывали так поступать, в то время как бандитов, сохранивших свою волю, подбадривало их численное превосходство. Как бы яростно и свирепо ни сражались Алая Кобыла и Черный Леопард, враги настолько превосходили их числом, что надежды одержать верх уже не было никакой.

Ава в отчаянии опустилась на землю, сознавая, что это конец.

Шоу присел на корточки рядом с ней.

– Извини, братишка! – прошептала Ава. – Я не смогла спасти тебя, Пиньон, Фей и остальных. Твоя сестра неудачница…

– Нет! – Шоу ласково провел рукой по дрожащей мордочке Авы, мокрой от слез. – Ты лучшая из сестер!

– Я лишь кролик, от меня нет никакого толка, – горько усмехнулась Ава. – Только посмотри на меня! Я трясусь от изнеможения, хотя пробежала меньше полумили. В бою я не смогу одолеть даже ребенка.

– Однако Фей и Пиньон пошли за тобой, и мы все тоже за тобой последуем! – решительно заявил Шоу. – Пусть ты маленькая и слабая, но у тебя есть мужество, мудрость и сострадание. Ты слушаешь голоса других сердец и усиливаешь их.

– Тебя я слушала плохо, – возразила Ава. – Я не понимала, чего ты хочешь.

– Выслушай меня сейчас и поверь! – покачал головой Шоу. –

Твой дух парит высоко, словно селезень. Я думал, что смогу вернуть доброе имя нашей семье, но только сейчас понял, что нам уже ниспослано благословение в лице величайшего из Раскрывшихся Повелителей.

Посмотрев на своего брата, Ава вдруг поняла, что он смотрит на нее так, как смотрел семь лет назад, когда они сделали единственный семейный портрет.

– Спасибо, братишка! – успокоилась Ава. – Пусть бандиты дорого заплатят за нашу смерть! Мы умрем как селезни, а не кролики…

Не успела она произнести эти слова, как долгий громкий, трубный крик разорвал воздух подобно восходящему солнцу, только что вынырнувшему из-за горизонта. Противники перестали драться и подняли взгляд вверх.

Там, на востоке, в редеющем тумане показалось огромное белоснежное животное: два распростертых крыла, острые, как у орла, когти, длинная змеиная шея, заканчивающаяся стреловидной головой. По бокам животного тянулись полосы голубых пятен, похожих на старинную военную форму.

– Будь я проклята! – с изумлением пробормотала Фей Суэлл. – Белый Селезень!

Чувствительные уши Авы развернулись на восток. Она уловила отдаленный гул, шаги тысячи солдат, лязг тысячи тысяч шестеренок.

– Сюда идет армия Архонтессы! – воскликнула Ава. – Сюда идет армия Архонтессы!

Приблизившись, огромный селезень спикировал на город. Вопли объятых паникой бандитов смешались с радостными криками освобожденных пленников. «Гнилые» бросились врассыпную, словно песчаный замок, смытый неудержимым прибоем.

* * *

Ава, Пиньон и Фей сгрудились в кучу. Ава нервно сглотнула комок в горле.

Перед ними на стуле, установленном на четырех других стульях, восседал генерал Дон Эксель, также известный как Белый Селезень, губернатор Вустера, самый могущественный военачальник в стране. И без того внешне внушительный, он казался еще более высоким и могучим на импровизированном троне. Его глаза, проницательные, безжалостные, расчетливые, глаза свирепого хищника, терпеливо взирали на трех подруг.

– Это так, пустяки, ваше высокопревосходительство, – сказала Ава. – Мы только выполнили свой долг граждан Гремы, верных подданных Архонтессы.

Губернатор уже поблагодарил их за сведения о логове бандитов. Как оказалось, губернатор Кайд был сторонником Экселя. Зная о том, что его патрон жаждет военной победы, чтобы упрочить свое положение среди Повелителей Гремы и получить дополнительный политический капитал, Кайд передал ему сведения о местонахождении разбойничьего гнезда, и Эксель решил тотчас же организовать массированный рейд.

Сражение (точнее, побоище) оказалось недолгим. Преследуемые Белым Селезнем бандиты рассеялись по городу, но оказалось, что все пути отступления перекрыты шагающими «Долгоногами», испускающими дождь железных стрел. Над головой проносились «Стрекозы» – сеющие смерть машины с двумя жужжащими несущими винтами, экипажи которых расстреливали уцелевших головорезов из хорошо промасленных арбалетов. Наконец в разрушенный город вошли пехотинцы в пластиковых доспехах, добивая оставшихся в живых бандитов электрошокерами. Раскрывшимся, людям, истуканам – избежать казни не удалось никому из «гнилых», даже если они падали на колени и молили о пощаде.

Рядом с генералом зловещим триумфом возвышалась гора человеческих голов, а также свернутых кольцами хвостов Раскрывшихся крыс. При взгляде на нее Аву начинало подташнивать.

Генерал молчал, терпеливо ожидая.

– Мы в высшей степени польщены вашей похвалой, Повелитель Эксель, и тем предложением, которое вы нам сделали, – снова сглотнув комок в горле, Ава сделала над собой усилие и, встретившись взглядом с хищными глазами, продолжала, – но мои сестры и я – люди простые, незнакомые с требованиями, налагаемыми службой у влиятельного господина.

Она решила представить Пиньон и Фей как своих сестер, чтобы скрыть тот факт, что Пиньон была беглой преступницей. Памятуя о безжалостной расправе с «гнилыми», Ава не хотела подвергать свою подругу опасности. Переводя взгляд с горы окровавленных голов на восседающего на троне генерала, она не могла решить, что вселяло в нее больший ужас.

– Ты умная девушка, Ава Сайд, и ты проявила недюжинные способности, помогая мне добиться этой победы. – Повелитель Эксель говорил низким грудным голосом, вкрадчивым и неспешным. – Не хвастайся ложной скромностью. Ты сочла предложенные мною звания слишком низкими? Считай их лишь

отправной точкой. Если ты будешь верно мне служить, я смогу предложить тебе во много-много раз больше.

– Ваше высокопревосходительство, вы нас неправильно поняли, – сказала Ава. – Мы не торгуемся. Мы сражались не из честолюбия, а чтобы спасти наших близких. Мы не стремимся к славе и хотим лишь мирной жизни.

– Мирной жизни? – рассмеялся генерал, однако в смехе его не было веселья, лишь холодный расчет. – Возможно, арук в поле хочет стоять неподвижно, однако ветер не дает ему такой возможности. Как можно мечтать о мирной жизни, не находясь под защитой у могущественного правителя, состоя у него на службе, когда снаружи Грему обложили чудовища, а изнутри Роанфлэр полон честолюбивых проходимцев? Острому мечу требуется искусный воин, породистый скакун умрет в безвестности без благородного всадника.

– Диким лошадям место только на бескрайних пастбищах, а не на тесных улицах Роанфлэра, – сказала Пиньон Гейтс.

– Ржавые лезвия годны только на то, чтобы рубить сорняки и дрова для печи, и не должны висеть на нефритовом поясе великого полководца, – добавила Фей Суэлл.

В воздухе сгустилось напряжение. Генерал Эксель прищурился.

– Мои сестры хотят сказать, что мы хотим жить, вдохновленные лишь своими мечтами, – сказала Ава. Ее голос прозвучал мягче слов Пиньон и Фей, но так же решительно. – Если вы заставите нас служить вам помимо воли, вы станете таким же, как «гнилые», которые посредством яда порабощали тех, кого не смогли убедить.

Казалось, на какое-то мгновение ледяной взгляд Экселя заморозил воздух, и три подруги напряженно застыли. Но затем лицо полководца расплылось в теплой улыбке.

– Отлично сказано, Ава Сайд. Отлично сказано. Вместо того чтобы настаивать там, где мне не рады, я пожелаю вам троим счастливого пути!

Ава облегченно вздохнула. Низко поклонившись генералу Экселю, подруги развернулись, чтобы уйти. Ава кивнула Шоу, стоявшему среди остальных освобожденных пленников.

– Мы возвращаемся домой, – улыбнулась она.

– Проводите их, – бесстрастным тоном произнес у них за спиной губернатор Вустера. – Всех.

Одним молниеносным движением солдаты, окружавшие пленников, выхватили мечи и набросились на них. Многие жертвы не успели даже вскрикнуть, испуская из пронзенного горла последний булькающий выдох.

Потрясенная Ава неподвижно взирала на происходящее.

Шоу рухнул на землю. Словно очнувшись, Ава бросилась к брату и опустилась рядом на колени. Подхватив умирающего мальчишку, она зажала рукой рану на груди, стараясь остановить кровь.

– О боги! Пожалуйста, пожалуйста!

– Все в порядке, сестренка, – подняв на нее взгляд, попытался улыбнуться Шоу. – Мне следовало бы послушаться тебя и остаться на мусорных приисках. – Его голос был настолько слабым, что Аве пришлось прижаться ухом к его дрожащим губам. – Ты была права. Для этих людей мы отбросы…

Наконец Ава бережно опустила застывшее тело брата на землю.

– Зачем? – повернувшись к генералу, спросила она.

– Дикую лошадь, которую не смог оседлать я, не оседлает никто другой, – сказал Экселъ, и голос его был таким же спокойным, как кровь, натекшая лужицей у ног Авы. – И ржавый клинок, отказывающийся подчиниться моей руке, не должен попасть ни к кому другому. К тому же нам не хватает нескольких голов до ровной тысячи сраженных врагов для моего победного доклада Архонтессе. Чтобы получить это число, мне придется позаимствовать головы пленников. Твою и твоих сестер тоже.

– Как вы можете так поступать? – гневно воскликнула Ава. – Вы же служите Архонтессе, народу Гремы!

– В настоящее время Архонтесса дрожит в моем присутствии и не смеет отдавать мне приказания, – усмехнулся военачальник. – Более того, я собираюсь по возвращении в Роанфлэр попросить у нее еще более звучный титул. По-моему, «Повелитель-Хранитель Гремы» звучит неплохо, не находишь? Надеюсь, остальные губернаторы и военачальники наконец призна́ют новую реальность.

Солдаты с обнаженными мечами надвинулись на подруг. Глядя Экселю в глаза, Ава бросилась на него, угрожающе вскинув руки…

Чьи-то могучие руки схватили ее и оторвали от земли. Затем Ава почувствовала, что сидит на спине, вцепившись в огненно-красную гриву, качаясь вверх и вниз, а генерал тает вдали. Фей Суэлл крепко держала ее, они скакали верхом на Алой Кобыле, уносясь прочь от прислужников Экселя.

– Только не сейчас! – прозвучал у Авы в ушах голос Фей, проникнутый глубокой болью. – Кролик должен дождаться своего шанса!

* * *

Три окровавленные женщины преклонили колени в высоких зарослях арука, лицом на восток, в сторону восходящего солнца и Роанфлэра.

– Хоть мы не родились в один и тот же день одного и того же месяца одного и того же года, – хором произнесли они, – хоть мы не появились на свет от одних и тех же родителей под одной и той же крышей с одной и той же фамилией, мы нашли друг друга. Объединенные горем, связанные стремлением к справедливости, мы называем друг друга сестрами. Пусть небо и земля будут свидетелями – не мы начинали эту войну, но мы обязательно ее закончим. Мы не остановимся до тех пор, пока не принесем в Грему мир или же не умрем вместе в один и тот же день одного и того же месяца одного и того же года!

Стебли арука колыхались на ветру. Три сестры вытерли слезы.

Огненно-красная кобыла неслась по морю травы рядом с крадущимся угольно-черным леопардом. Но впереди обеих, выпрыгивая, словно летучая рыба, мелькающая над волнами, скакала серая крольчиха. Ава будет слушать, прятаться, строить планы, она даже будет драться – но она ни за что не отвернется от сострадания.

– Повелители Гремы, – прошептала девушка, – в ваших рядах появился новый член!

Побег за пределы Стены Бурь

Отрывок из «Трона, покрытого вуалью», династия «Одуванчики», книга третья

> *Непосредственно за Стеной Бурь: пятый месяц первого года Царства сезона Бурь (через полгода после гибели императора Рагина и пекью Тенрио в битве в Затинском заливе).*

Десять дэранских кораблей из Дэры плавно покачивались на волнах, окруженные плавающими на поверхности тушами крубенсов, подобно молодым детенышам в окружении стаи китов. Люди отплясывали на палубах, смеялись и кричали, до сих пор не в силах поверить в то, что им удалось благополучно преодолеть легендарную Стену Бурь.

На юге грозно маячило метеорологическое чудо, похожее на горный хребет, состоящий из циклонов, тайфунов, ливневых зарядов, настолько плотных, что их можно было сравнить со сплошными потоками воды и бурлящими тучами, озаренными изнутри вспышками молний размером с меч Фитовенью. Время от времени небольшие циклоны – каждый способный опустошить уединенный остров, но здесь, рядом с небоскребами штормовых вихрей, такие же незначительные, как и груда камней у горы Кидзи, – отделялись от стены и отправлялись бороздить открытый океан, постепенно рассеиваясь, по мере того как в своих странствиях они все дальше уходили от знаменитого чуда природы, каковым являлась Стена.

Моряки отсоединили толстые буксировочные тросы от хвостов крубенсов. Величественные чешуйчатые киты разом выпустили из дыхательных отверстий фонтаны брызг, накрыв дэранский флот радугами, что считалось хорошей приметой. Они дружно издали прощальный крик – от разнесшегося в толще воды низкого рокота плотно сбитые доски обшивки кораблей вздрогнули и заскрипели, трясь друг о друга. Хлопнув огромными хвостами по воде, крубенсы развернулись на север и, размеренно покачивая своими длинными рогами, похожими на стрелки компаса богов, вскоре скрылись в волнах.

На борту «Утолителя печалей», флагмана скромной флотилии, на высоких шканцах над кормовой рубкой стояли две фигуры.

– Спасибо, Владыка Морей, – прошептала женщина, которая когда-то была императрицей Юной, но теперь снова звалась

принцессой Тэрой. Она склонилась в почтительном поклоне дзири к следу на волнах, оставленных крубенсами.

– Как бы мне хотелось распоряжаться и повелевать этими созданиями, – с тоской произнес Такваль Арагзор, будущий пекью Агона и жених Тэры. – Они в высшей степени поспособствовали бы нашему делу.

Принцесса едва сдержала улыбку, вызванную неуклюжей попыткой Такваля воспроизвести напыщенный официальный дэранский стиль. Прожив в Дэре несколько месяцев, принц неплохо говорил по-дэрански – если только не пытался произвести своими словами впечатление.

– Последователи теории Вечного движения утверждают, что есть четыре могущественные силы, содействие которых можно просить, но не требовать: мощь крубенсов, благосклонность богов, вера людей и… – она осеклась.

– Что же четвертое? – спросил Такваль.

– Сердце любимого человека, – сказала Тэра.

Они улыбнулись друг другу – смущенно, робко, неуверенно.

При мысли о Дзоми Кудосу, блистательной, прекрасной женщине, первой своей любви, у Тэры защемило сердце. Но, сделав над собой усилие, принцесса решительно прогнала из мыслей улыбку Дзоми. Нужно сосредоточиться на настоящем, а не на прошлом.

– Корабль! – крикнул наблюдатель, сидящий в корзине наверху грот-мачты, нарушая неловкое молчание. Указав на горизонт на востоке, он добавил дрогнувшим голосом: – *Корабль-город!*

После того как и наблюдатели на других кораблях подтвердили, что видят корабль, торжества на палубе сменились озабоченностью. Откуда здесь может появиться другой корабль-город, если льюкучанский флот только что был уничтожен Стеной Бурь?

Подбежав к бизань-мачте, Тэра и Такваль быстро поднялись по вантам. Уже на полпути они увидели на горизонте огромный корабль – на таком расстоянии лишь полоску, темнеющую на границе между морем и небом, с многочисленными мачтами, торчащими из длинного корпуса подобно волоскам на спине гусеницы.

– К нам приближается гаринафин! – крикнул наблюдатель. – К нам приближается гаринафин!

И это действительно было так. Над далеким кораблем можно было разглядеть знакомый крылатый силуэт, похожий на детские каракули на гладком небосводе. На таком расстоянии трудно было разобрать, действительно ли гаринафин направлялся

сюда… Но куда еще он мог двигаться?

– Вы видели, как гаринафин поднялся в воздух? – спросил Такваль у двоих наблюдателей на грот-мачте. – Насколько резким… Нет, едким… Нет, *острым* был угол подъема?

Вместо ответа наблюдатели продолжали о чем-то говорить между собой, прикрывая глаза козырьком руки и возбужденно указывая на далекого гаринафина.

– Доложите угол наклона хвоста гаринафина во время взлета, если вы это видели, – сказала Тэра, и ее голос прозвучал нисколько не громче голоса принца.

– Ваше высочество! – прекратив разговор, оба наблюдателя тотчас же повернулись к принцессе. – Мы этого не видели. Когда мы заметили гаринафина, он был уже в воздухе.

От Тэры не укрылось, что Такваль кипит от негодования и обиды. Помимо принцессы Тэры, у него не было ни одного друга среди тысячи с лишним участников этого похода. Хотя номинально он возглавлял флот *вместе* с принцессой, экипажи дэранских кораблей или делали вид, будто его не существует, или тысячью различных мелочей выражали ему свое презрение. Для союза Дэры и Агона в этом не было ничего хорошего.

– Угол взлета рассказал бы нам о состоянии гаринафина, – угрюмо шепнул принцессе Такваль. – Здесь как с коровой с полным выменем – она не может бежать быстро.

Тэра положила руку ему на плечо. Она уже не раз говорила капитанам и командирам, что тем надлежит выполнять приказы принца, как если бы они исходили от нее самой, и стремилась советоваться с Таквалем по каждому вопросу. Однако после вторжения Льюку предубеждение против жителей лесостепей стало очень сильным, и, хотя Агон был врагом Льюку, экипажи кораблей относились к принцу крайне подозрительно. Тэра не могла по мановению руки добиться уважения к Таквалю; эту проблему он должен был решить сам.

– Почему этот корабль не попытался преодолеть Стену вместе с остальным флотом? – спросила Тэра, стремясь сосредоточиться на насущных проблемах.

– Думаю, командующий льюкучанским флотом гаринафин-тан Петан Тава оставил его позади основных сил из предосторожности, – предположил Такваль. – По дороге сюда, прежде чем спастись от кораблей-городов, я разузнал о нем. Тава славится тем, что в каждом сражении оставляет резерв, вместо того чтобы бросить все силы в первую же атаку.

У Тэры сердце забилось так сильно, что заболела грудь. В ее памяти еще было свежо воспоминание о едва не ставшей роковой встрече с одиноким гаринафином, уцелевшим после уничтожения

льюкучанского флота. Теперь же, когда дэранская флотилия осталась без защиты крубенсов, вероятность выдержать нападение еще одного гаринафина выглядела призрачной.

– Быть может, нам следует опять уйти под воду? – предложил Такваль. – Если вражеские гаринафины застигают на открытом месте агонцев, не имеющих собственных гаринафинов, мы предпочитаем прятаться.

– Ничего не получится, – сказала Тэра. – Нырнув под воду, мы не сможем двигаться самостоятельно и будем лишь плыть по течению, так корабль-город под полными парусами быстро нас нагонит. А оставаться под водой бесконечно долго мы не сможем. И когда нам придется всплыть, мы превратимся в неподвижные мишени.

– В таком случае нам нужно оставить два корабля для арьергардного боя, – продолжал принц. – Они погибнут, ради того чтобы остальные корабли спаслись.

– Это наша первая встреча с льюкучанами, – удивленно посмотрела на него Тэра, – и ты предполагаешь пожертвовать пятой частью нашего флота?

– Так должны поступать агонские воины, спасая племя, и я с радостью поведу в бой добровольцев, чтобы выстроить из наших костей стену, которую наши потомки в рассказах у костров будут сравнивать со Стеной Бурь. – Такваль снял с шеи мешочек на кожаном шнурке. – Этот амулет, сделанный из камней, найденных в печеночном ночном горшке гаринафина, позволит моим людям…

– Так, подожди-ка! «Печеночный ночной горшок»… Ты имеешь в виду похожий на мешочек орган, расположенный под печенью? Желчный пузырь?

– Да, оно самое, «желчный пузырь». Камни из желчного пузыря покажут моим людям, что ты облечена и разоблачена моим доверием. Это не идеальный вариант, но когда вы доберетесь до Гонде…

– О, прекрати! – с укором произнесла Тэра. Она не знала, плакать или смеяться над некоторыми идеями Такваля: усугубляло дело то, что дэранский язык принца, выученный в общении со знатью и простыми крестьянами, служащими в Мапидерейском флоте, изобиловал нелепыми выражениями. – Откуда у тебя эта мысль – остаться жить в песнях и преданиях, вместо того чтобы процветать в этом мире? Только в мире *здесь* и *сейчас*, между Покрывалом Воплощения и Рекой, по которой Ничего не плывет, и можем мы проявить себя. Все участники этого похода незаменимы, каждый обладает уникальными умениями и опытом. К решению принести себя в жертву мы

прибегнем лишь в *самом* крайнем случае. Это было бы слишком просто. Я намереваюсь привести в Гонде все корабли и всех до одного членов экипажей, тебя в том числе.

Такваль опешил – определенно, любой агонский вождь поступил бы не так.

– В таком случае как ты собираешься отразить нападение гаринафина?..

– Разумеется, самым необычным способом, – ответила принцесса, и ее лицо зажглось решительностью и вызовом. – У нас есть примерно час, поэтому расскажи мне все известное тебе о том, что происходит с гаринафинами во время длительных путешествий.

* * *

На протяжении своей тридцатилетней военной службы, сначала при хитром пекью Тенрио, затем под требовательным пекью-тааса Кудью, Тоофу довелось управлять десятком гаринафинов, приняв участие в сотнях боевых столкновений. Посему он должен был бы совершенно хладнокровно встречать любую опасность.

Однако, отправляясь на это разведывательное задание, Тооф испытывал такой страх, как и в свой самый первый вылет, когда ему, пятнадцатилетнему мальчишке, было приказано в одиночку расправиться с затаившимися в засаде бивнезубыми тиграми.

Гаринафин, на котором восседал Тооф, десятилетняя самка по кличке Тана, словно проникнувшись его тревогой, дрожала под седлом, напрягая и расслабляя свои затекшие от долгого безделья крылья. Экипаж, сокращенный всего до четырех человек, чтобы сберечь летательный газ гаринафина после длительного бездействия в море, молча вцепился в защитную сетку, натянутую поверх туловища Таны, без обычной болтовни и поднимающих настроение боевых песен.

И кто мог винить их в том, что им было страшно? Еще никогда в истории жителей лесостепей гаринафину не приходилось совершать такой полет.

Слева грозно маячила Стена Бурь, непреодолимая дрожащая гора воды и молний, только что поглотившая тысячи товарищей Тоофа подобно ненасытному чудовищу. Внизу простирался бескрайний океан, по которому льюкучанский флот плыл долгие месяцы, не видя земли. Тоофу казалось, будто он переживает сцену из древних сказаний или ночных кошмаров, вызванных толюсой, снадобьем шаманов, из тех первозданных времен, когда

боги Льюку еще не приняли человеческий облик, а бесконечно преображали себя и окружающий мир, разминая его, словно податливую глину.

По мере того как Тооф приближался к цели – десяти маленьким кораблям, сбившимся в кучку на просторах моря, подобно стае греющихся на солнце дельфинов, – его тревога только возрастала. С трудом сглотнув комок в горле, чтобы смочить пересохшую глотку, Тооф направил Тану вниз, так, чтобы она прошла прямо над дэранским флотом, получив возможность поразить такелаж кораблей и моряков своим огненным дыханием.

Сказать по правде, беспокойство Тоофа отчасти было порождено его сомнениями в том, что экипажи дэранских кораблей состояли из людей. Ну как еще эти утлые суденышки, качающиеся на волнах подобно игрушечным лодкам арукуро токуа, смогли выдержать переход сквозь Стену Бурь? Или этими кораблями управляли духи и призраки, или же они обладали немыслимой силой, устоять перед которой не мог ни один смертный. Кто мог сказать, возымеет ли на них какое-нибудь действие огненное дыхание гаринафина?

Словно в ответ на мысли Тоофа, от палуб кораблей оторвались огромные тени, поднявшиеся в воздух навстречу Тане и ее наездникам. Неужели это были те самые легендарные воздушные корабли дэранцев, о которых предупреждал пекью Тенрио? Или же это какие-то совершенно новые боевые машины, которые изобрели дэранские варвары, чтобы уничтожить Льюку? После того, что произошло на глазах у Тоофа всего несколько часов назад, не осталось, казалось, ничего невозможного.

Застонав, Тана резко ушла вправо, прочь от летящих предметов, тревожно раздувая ноздри. Вместо того чтобы пронестись над вражеским флотом, она использовала свой драгоценный запас летательного газа, чтобы описать вокруг кораблей широкий круг, на слишком большом расстоянии, откуда нельзя было нанести эффективный удар.

– Эй… Эй… – Похоже, Радия, наблюдатель по правому борту, откуда из своего гнезда в сетке на правом плече Таны было лучше всего видно происходящее, не смогла подобрать нужных слов.

– Ттт… Туссс… – Впрочем, у самого Тоофа получилось не лучше.

– Проклятие, о чем это вы бормочете? – спросил Воки, наблюдатель в сетке по левому борту. Не получив разъяснений, они вместе с Офлю, копьеносцем и кормовым наблюдателем, перебрались по сетке на правое плечо Таны, чтобы посмотреть самим.

– Ттт… Туссс…

– Фффффф… Фффлааа…

– Эй… Эй…

– Бу… Бу…

Чихнув, Тана лихорадочно взмахнула крыльями, спеша улететь прочь. Она еще больше, чем ее экипаж из людей, была напугана и потрясена открывшимся внизу зрелищем: над дэранским флотом в воздухе прыгали и скакали десять ярких бивнезубых тигров, каждый длиной почти двадцать пять футов и не меньше двенадцати футов в плечах.

Бивнезубые тигры были, пожалуй, единственными обитателями лесостепей, способными вселить ужас в сердце гаринафина. Эти рыжевато-коричневые огромные кошки размером с волосатого буйвола обладали двумя длинными изогнутыми бивнями, способными прокусить толстую шкуру гаринафина. В то время как самцы бивнезубых тигров предпочитали в одиночестве бродить по лесостепям в поисках добычи, самки вместе с детенышами жили большими группами и охотились сообща. Благодаря своим острым когтям, длинным бивням и мускулистым телам бивнезубые тигры представляли большую опасность для молодых гаринафинов, не имеющих достаточной выносливости для долгих перелетов, а крупные стаи самок не боялись нападать даже на взрослых особей. Хотя бивни не впрыскивали в тело жертвы яд, раны, нанесенные этими обладающими смрадным дыханием тварями, быстро начинали гноиться. Были известны случаи, когда стаи бивнезубых тигров умышленно во время первого нападения повреждали гаринафину его кожистые крылья, а затем на протяжении многих дней и ночей проходили сотни миль по лесостепи за раненым животным, до тех пор пока оно, ослабленное воспалением, вызванным первоначальным укусом, не теряло способности летать, становясь легкой добычей.

Что самое страшное, бивнезубые противники обладали жуткой способностью вселять ужас в свою добычу беззвучным ревом. Бывалые старики рассказывали, как у них на глазах бивнезубые тигры гнались за стадами диких зубров и открывали пасти, настигая их. И, хотя из их смрадных глоток не вырывалось никаких звуков, отставшие от стада зубры падали на землю, словно парализованные какой-то невидимой силой. Магия бивнезубых тигров оставалась загадкой, и охотничьи отряды предпочитали избегать их, если только столкновение не было неизбежным.

Посему стая огромных бивнезубых тигров, *способных* летать, несомненно олицетворяла самый страшный кошмар, какой только мог привидеться гаринафину.

К этому времени экипаж Таны уже достаточно времени любовался этими жуткими созданиями и сообразил, что они ненастоящие. На самом деле «тигры» были сделаны из какой-то прозрачной материи (вероятно, шелка, с которым льюкучанцы были знакомы по добыче, захваченной во время похода адмирала Криты), натянутой на жесткую раму. К кораблям внизу они были привязаны длинными тонкими тросами, посредством которых дэранцы управляли ими, заставляя нырять и кувыркаться в воздухе.

Но как ни колотил Тооф Тану по затылку своими костяными шпорами, та упорно не желала приближаться к фальшивым бивнезубым тиграм. Самка-гаринафин даже повернула голову на своей длинной тонкой шее, с укоризной посмотрела на пилота и замычала, обнажив длинные верхние резцы.

Сбитый с толку, Тооф понятия не имел, как быть. Для обученного и опытного боевого гаринафина подобное неповиновение было чем-то неслыханным. Даже в пылу кровавой битвы, когда воздух насыщался зловонием паленой плоти и гаринафины сыпались с неба подобно пылающим метеорам, ни одно из тех животных, кем управлял Тооф, не вело себя так.

– Тана в таком же состоянии, как и все мы, – сказала Радия, которая разбиралась в гаринафинах почти так же хорошо, как и сам Тооф. – Оглушена, сбита с толку, измучена. В настоящий момент для нее даже безобидные куклы бивнезубых тигров – это уже слишком.

Оглянувшись на наблюдателя, Тооф вынужден был признать, что она права. Целый год плавания по безбрежному, пустынному океану, на черством пеммикане и затхлой воде, которой постоянно недоставало, обусловил то, что экипаж был вечно голодным и уставшим. Все до одного люди на борту корабля-города походили на кости, обтянутые кожей, и в этом недолгом полете Тооф начинал задыхаться даже после незначительных усилий.

Состояние Таны было еще хуже. В целях экономии фуража немногочисленные взрослые гаринафины, находившиеся на борту кораблей, содержались на рационе из чертополоха и сена, таком же скудном, как и тот, которым приходилось довольствоваться людям. Подобная диета не только приводила к истощению гаринафинов, но также не позволяла им накопить запасы летательного газа, необходимого для полета. Как следствие, из трех взрослых боевых гаринафинов на борту корабля два больше вообще не могли подняться в воздух, а Тана взлетала по такой пологой траектории, что в какой-то момент Тооф испугался, как бы она не рухнула в море.

Если не считать нескольких коротких выгулов по палубе, гаринафины по большей части находились в тесноте трюма. Таким образом, за целый год для Таны этот полет стал чуть ли не первой возможностью по-настоящему расправить крылья. Потрясенная уничтожением льюкучанского флота и окруженная странными, немыслимыми картинами, самка-гаринафин, скорее всего, была на грани полного срыва. Неудивительно, что ее так напугали игрушечные тигры.

– Возвращаемся назад, – принял решение Тооф. – Тана больше не выдержит.

– Такое оправдание Наку Китансли не понравится.

– По крайней мере, мы сможем доложить ему, что варварские корабли движутся медленно, и он сможет настигнуть их в открытом море, не полагаясь на гаринафинов.

* * *

Гаринафин описал большой круг высоко над флотилией, после чего повернул обратно к виднеющемуся вдалеке кораблю-городу. Когда крылатое чудовище скрылось из вида, палубы дэранских кораблей снова огласились торжествующими криками.

Вечером на борту «Утолителя печалей» устроили праздник. Офицеры со всех кораблей собрались на палубе флагмана, наслаждаясь блюдами из свежевыловленной рыбы и крабов, а также теплым рисовым пивом и охлажденным в морской воде сливовым вином. Было зарезано несколько баранов, которых, под наблюдением принца Таквaля, зажарили так, как это принято у народов лесостепей, когда единственными специями являются морская соль (каковой было предостаточно) и чуток сока тольюсы (которого не было и в помине).

Хотя кое-кто из офицеров, по-прежнему относящихся к Таквалю с подозрительностью, настороженно стоял в стороне, большинство собравшихся толпились у ревущего костра в бронзовой жаровне, с радостью принимая от агонского принца куски жареной баранины. Такваль учил всех есть руками, отрывая ломти сочного мяса, вместо того чтобы пользоваться неудобными палочками для еды. Через какое-то время все присутствующие весело взирали на свои жирные пальцы, блестящие в свете костра.

– Знаете, что как нельзя лучше подошло бы к этому? – невнятно прочавкала с набитым ртом Типо Тхо, командир отряда десанта на борту «Утолителя печалей». Проглотив здоровенный кусок баранины, она продолжала: – Компот из диких обезьяньих ягод и ледяной дыни. Моя родная деревня Волчья лапа славится

им.

– Должно быть, он очень сладкий, – заметил Такваль. – Не будет ли вкус слишком приторным? – До сегодняшнего дня командир десанта не обмолвилась с ним и парой слов.

– Наоборот, пальчики оближешь! Правильное сочетание надлежащих вкусов – и сладость не становится приторной, а привкус соли не сушит язык. – Оторвав зубами кусок мяса, Типо принялась жевать, закрыв глаза от наслаждения.

– Не сомневаюсь, у нас еще будет возможность смешать блюда агонской и дэранской кухонь, – улыбнулся Такваль. – Мы создадим такую смесь вкусов, о которой не смели мечтать ни люди, ни боги.

Еда сближает людей, как ничто другое.

В других местах разговор был более официальным.

– Превратить наших сигнальных змеев в бивнезубых тигров было просто гениальной мыслью, ваше высочество, – сказала Чами Фитхадапу. Она была одной из ученых «Золотого Карпа», возвышенных императором Рагином, и принцесса Тэра порекомендовала ее в секретную лабораторию в Хаане, где Фитхадапу сыграла значительную роль в препарировании туши гаринафина, что позволило выяснить тайну этих животных. Благодарная принцессе за то, что та признала ее способности, Фитхадапу добровольно вызвалась отправиться в это путешествие к Гонде.

– Вообще-то, вся честь этого блестящего решения по праву принадлежит пекью-таасе, – скромно заметила Тэра. Она старалась за короткое время как можно больше овладеть агонским языком и использовала в своей речи агонские слова и выражения, подавая пример команде корабля. Такваль объяснил ей, что, хотя агонцы и льюкучане говорили на схожих наречиях и понимали друг друга, между двумя языками существовали значительные отличия – в основном обусловленные тем, что государственными языками Льюку и Агона стали диалекты знатных кланов Роатан и Арагоз соответственно. Для успеха предприятия было жизненно важно свободное владение языками как союзников, так и противников.

Перед тем как продолжить, принцесса отвесила почтительный дзири Таквалю и подождала, чтобы остальные последовали ее примеру. Такваль, стоящий у жаровни с вертелом и ножом в руках, смущенно улыбнулся и отер со лба пот.

На лице Тэры мелькнула усмешка, быстро исчезнувшая. Принцесса снова стала серьезной.

– Без познаний Такваля о том, какое удручающее действие оказывает на гаринафинов долгое плавание и какой ужас

внушают им бивнезубые тигры, мы не смогли бы отпугнуть нападавших. Теперь, когда это существо бесцельно растратило те немногие запасы летательного газа, которые у него оставались, оно какое-то время не сможет подняться в воздух.

Кивнув, Чами подняла кубок, приветствуя агонского принца. Отложив приспособления для жарки, Такваль также приветственно поднял свой кубок и осушил его одним залпом.

– Пусть эта мысль пришла в голову нам с Тэрой, – повернувшись к остальным, сказал он, – но у нас бы ничего не получилось, если бы мастера не смогли так быстро переделать сигнальных змеев. Позвольте мне поднять кубок за всех тех, кто сегодня гнул бамбуковые кольца, завязывал шелковые тесемки и рисовал тигру полоски!

Моряки подняли кубки, выкрикивая слова благодарности принцу.

Тэра была довольна. Пусть Такваль еще слишком молод и неопытен, но у него есть правильное политическое чутье. Поэтому она сознательно преувеличила его вклад в сегодняшние события, а он тотчас же увидел в этом возможность расширить круг причастных к победе. Это был еще один маленький шаг к тому, чтобы агонские и дэранские участники похода чувствовали себя одной семьей, объединившимся народом.

– Однако угроза еще не миновала, – снова заговорила Тэра, привнося в праздник угрюмые нотки. – Под полными парусами корабль-город идет быстрее нас. Если мы продолжим бегство, враг рано или поздно нас настигнет – и можно будет больше не рассчитывать на то, что наши тигры из шелка и бамбука снова напугают отдохнувших гаринафинов. У наших маленьких кораблей вооружение недостаточное для того, чтобы сразиться с кораблем-городом в открытом бою. Пока что мы остаемся добычей, а враг остается охотником. Давайте все подумаем над тем, как бы полностью изменить такое положение дел.

* * *

Тигр-тану Наку Китансли, главе клана Второго пальца на ноге, командиру «Бескрайних пастбищ», единственного льюкучанского корабля-города, уцелевшего в ходе злосчастной попытки преодолеть Стену Бурь, спалось плохо.

Команда его корабля была на грани бунта.

Первоначально льюкучанские воины радовались тому, что остались в живых, в то время как все остальные корабли погибли, воспринимая это как свидетельство благосклонности богов Укью

и Дэры (или кто там распоряжался в этих водах). Однако известие о том, что единственный гаринафин, сохранивший способность летать после изнурительного плавания по океану, испугался каких-то игрушечных бивнезубых тигров, отравило их моральный дух.

Китансли требовалось какое-нибудь средство подбодрить своих людей, однако ничего путного на ум не приходило.

Не было речи о том, чтобы откормить тощих гаринафинов, наполнив их желудки летательным газом, а их самих – уверенностью. Как прекрасно было известно всем обитателям лесостепей, где голод мог наступить после всего одного сильного зимнего бурана, и людям, и животным требовалось время, чтобы полностью восстановиться после длительного голодания. После продолжающегося целый год плавания через безбрежный океан на борту «Бескрайних пастбищ» не осталось достаточно продовольствия, чтобы кормить команду на протяжении еще одного года, который потребуется на то, чтобы возвратиться в Укью, не говоря уж о том, чтобы откармливать гаринафинов.

И это в конечном счете было главной проблемой Наку. Невозможно было представить, на сколько хватит таких скудных запасов, даже если посадить экипаж на голодный паек в одну шестнадцатую обычного рациона. Поход планировался с расчетом на прибытие в радушный порт, основанный в Дэре пекью Тенрио, и не предполагал двухлетнего бесцельного блуждания по морским просторам. В не слишком отдаленном будущем маячила перспектива людоедства и кое-чего похуже.

Наку уже пришлось публично высечь нескольких матросов и выбросить их в море за то, что они пытались проникнуть на корабельный склад, где хранились запасы тольюсы и пеммикана[85].

– Пиршество! Прощальное пиршество, перед тем как мы присоединимся к облачным гаринафинам! – орал вожак бунтовщиков. – Пусть мы, по крайней мере, умрем с животами, набитыми мясом, и головами, полными приятных видений!

Единственной надеждой для тигр-тана оставался дэранский флот. У дэранских кораблей, преодолевших Стену Бурь, могла быть только одна цель – Льюку. Если Наку и его людям удастся захватить богатые припасы на дэранских кораблях, у них появится шанс вернуться домой. Дэранский флот представлял собой стадо откормленных баранов, а льюкучанский корабль-город был голодным волком, которому требовалось насытиться до отвала перед приближающейся зимой.

Наку Китансли отдал приказ поставить все реи и паруса. Лес мачт «Бескрайних пастбищ» ощетинился новыми ветвями и

листьями, улавливающими каждое дуновение ветра. Пышный убор из бом-брамселей, трюмселей, мунселей и топселей[86] (и даже «осенних коконов», огромных парусов, похожих на воздушные шары, не имеющих рей и закрепленных только на шпринтовых, пригодных лишь для того, чтобы идти прямо по ветру по спокойному морю) выжимал до последней капельки максимальную скорость, помогая кораблю-городу нагонять уходящий на запад дэранский флот. При мысли о том, что все паруса были поставлены в такой близости от Стены Бурь, даже бывалых моряков, учившихся управлять этими рукотворными островами непосредственно у первого экипажа императора Мапидере, прошибал холодный пот, но, по крайней мере, «Бескрайние пастбища» с каждым днем все больше приближался к добыче.

* * *

Каждое утро громада корабля-города возникала в предрассветных сумерках все ближе. Тэра и Такваль встревоженно обсуждали возможные шаги.

– Нам придется вступить в бой, – сказал Такваль.

– Но как? – спросила Тэра. – Камень, выпущенный из самой большой нашей катапульты, не оставит даже вмятины в этих толстенных досках.

И это действительно было так. Корабль-город настолько превосходил размерами дэранские суда, что вступать с ним в бой было все равно что идти на приступ каменных крепостных стен на нескольких подводах.

Тэра созвала командиров кораблей и самых опытных офицеров десанта на военный совет на флагманском корабле.

– Сигнальные змеи нам никак не помогут? – первым бросил идею Такваль. После успеха с игрушечными бивнезубыми тиграми он был просто одержим воздушными змеями.

Все согласились с тем, что многочисленные паруса превратили корабль-город в плавучую осиновую рощу, представляющую собой соблазнительную мишень для закрепленных под воздушными змеями лучников, вооруженных зажигательными стрелами.

– Но если мы сблизимся настолько, чтобы использовать зажигательные стрелы, противник сможет отправить десант на лодках и шлюпках и взять наши корабли на абордаж. – Это замечание сделал адмирал Миту Росо, главнокомандующий флотом, второй по старшинству военачальник после принцессы

Тэры (и формально принца Такваля). – Не говоря о том, что льюкучане смогут воспользоваться имеющимися на борту корабля-города катапультами, а я уверен, что они научились обращаться с этим оружием, обнаруженным ими на захваченных кораблях. И благодаря более высокой палубе у них будет преимущество в дальности стрельбы. – Он бросил презрительный взгляд на Такваля. – Подобное предложение демонстрирует полное непонимание…

– Как говорил мудрец Ано, – вмешалась Тэра, – «Порой для того, чтобы добраться до нефритовых копей, нужен простой булыжник, чтобы замостить дорогу». Даже неосуществимое предложение может навести на дельную мысль.

Миту Росо проворчал что-то себе под нос, но больше ничего не сказал.

Ободренные первой попыткой Такваля моряки и офицеры-десантники начали высказывать другие предложения. Тэра сознательно держалась в стороне, не вмешиваясь в ход обсуждения.

– Позвольте мне процитировать старинную агонскую пословицу, – предпринял новую попытку Такваль. – «Попавшийся в капкан волк может откусить себе лапу…»

– Нет! – решительно перебила его Тэра. – Я знаю, что ты собираешься предложить: разделить флот пополам и отправить половину кораблей с огненными стрелами, чтобы задержать корабль-город и тем самым дать второй половине возможность спастись. Мне нужен план, благодаря которому спасутся *все*.

– Если мы не можем бежать от противника и нам не позволяется с ним сразиться, у нас не остается выбора, – пожаловался Такваль.

– Я не говорила, что мы не сможем сражаться, – поправила его Тэра, – но это не может быть прямой морской бой: даже если мы победим, цена победы окажется слишком высокой.

– У меня есть одна мысль, – вмешался новый голос. – Я наблюдала за тем, как рядом с нами плавают киты.

Все члены военного совета разом обернулись и увидели, что это говорит Чами Фитхадапу.

Клан Фитхадапу состоял из знаменитых китобоев Руи. Вместе со своим дядей, капитаном-китобоем, Чами избороздила все воды вдоль побережья Руи, они промышляли купологоловыми китами и гребенчатыми китами. Наблюдая вблизи за этими величественными, смышлеными существами, Чами охладела к охоте на них и увлеклась их изучением. В своей работе, представленной на Имперский экзамен, она, чтобы не повторять заново избитые темы, всесторонне рассмотренные другими

экзаменуемыми, представила свидетельства того, что у некоторых китообразных распространено акушерство. Получив место среди фироа (сотни тех, кто показал лучшие результаты на Большом экзамене в Пане), Чами с жаром принялась претворять в жизнь принятую на имперском уровне политику, направленную на стимулирование китобоев принять новый способ добычи китов, придуманный в Гани, который заключался в том, чтобы вымотать купологолового кита и заставить его изрыгнуть из себя ценный живой янтарь. Таким образом можно было добывать ценный продукт, не убивая китов.

Облепленные ракушками киты, встретившие дэранские корабли в этих неизведанных водах, внешне ничем не отличались от тех, что встречались внутри Стены Бурь. Похоже, эта граница, игравшая такую важную роль в судьбе Дэры, никак не влияла на китов. Посему до сих пор никто не обращал на китов особого внимания – кроме Чами.

Ей потребовалось какое-то время, чтобы объяснить то, что она задумала. Чами даже пришлось проиллюстрировать свой план с помощью громоздкой восковой таблички для письма и нескольких тонких кисточек, изображающих корабли.

После того как Чами закончила, потрясенные капитаны и офицеры десанта долго молчали, пытаясь переварить ее план.

– Эта тактика еще не проверялась на деле, – наконец сказал капитан Нмедзи Гонь, командир «Утолителя печалей». – Я даже не знаю, сможет ли мой корабль сделать то, что от него просят.

– Никакая тактика, основанная на уникальных особенностях этих кораблей, еще не проверялась на деле, – возразила Чами. – Вообще-то, это самое простое из того, что пришло мне в голову. Если вы желаете услышать что-то действительно необычное…

– Быть может, как-нибудь позже, Чами, – остановила ее Тэра. – Давайте сначала обсудим это предложение.

– Даже если эта идея в принципе осуществима, – возразил адмирал Миту Росо, – у нас недостаточно времени, чтобы обучить моряков и пехотинцев совершенно новому способу ведения боевых действий.

– Маршал Гинь Мадзоти не переставал повторять, что никогда не бывает достаточно времени подготовить солдат должным образом. Всегда приходится идти в бой с той армией, какая есть, а не с той, какую хотелось бы создать, – напомнила Тэра. – Преимущества нетрадиционного подхода заключаются в том, что льюкучане также не будут ожидать ничего подобного, несмотря на глубокое изучение дэранской тактики от пленных, захваченных в ходе похода Криты. И я обратила внимание на то, что ты не отверг этот план как имеющий фундаментальные

изъяны.

– Если честно, я им восхищен, и в то же время мне немного не по себе, – признался Миту Росо. – План обладает потенциалом, но в нем много неизвестного.

– Именно это и делает его интересным, – сказал Такваль. Они с Тэрой обменялись улыбками. – На самом деле, чем больше я над ним думаю, тем больше он мне нравится!

– Легко тебе так говорить, – заметил капитан Нмедзи Гонь. В свое время он командовал одним из механических крубенсов, сыгравших решающую роль в возвышении Куни Гару, уроженца крохотного острова Дасу. – Не тебе предстоит заставлять этот корабль делать то, для чего он не был предназначен.

– Я согласна с принцем, – вставила Типо Тхо, командир десанта. – В этом походе всем нам приходится заниматься тем, о чем мы никогда даже не думали. – До того как добровольно присоединиться к Тэре, Типо была опытным командиром воздушного судна. Поскольку воздухоплавательных сил в составе флота не было (брать с собой дорогостоящие воздушные суда в это путешествие к далеким землям, не имея достоверных сведений об источниках летательного газа, было сочтено нецелесообразным), она, подобно другим ветеранам воздушных сил, была переведена в десант. – Только не говори мне, что твой корабль не справится с этим вызовом.

– О, мой корабль справится с любым вызовом! – стиснув зубы, проскрежетал капитан Гонь. Оскорбление его корабля вывело его из себя гораздо быстрее, чем это сделало бы оскорбление личное. – Меня просто беспокоит то, что такая тонкокостная ласточка, как ты, привыкшая к роскошным условиям и величественной поступи императорского воздушного корабля, не выдержит по-настоящему бурного плавания. Вместо того чтобы идти в бой, ты будешь корчиться, извергая содержимое желудка…

– Если ты полагаешь, что сидеть в протекающем деревянном корыте, способном нырнуть на несколько ярдов, – это хотя бы в одну десятую так же опасно, как лететь на…

– Хватит! – перебила их Тэра. – Если вы намереваетесь продолжить этот глупый спор между воздухоплавателями и подводниками, можете по окончании нашего похода сыграть в дзамаки. Я же хочу узнать, сможете ли вы сделать то, что от вас просит Чами.

– Абсолютно точно.

– Можешь на нас положиться.

– Я поведу корабль так плавно, что вам будет казаться, будто вы плывете по водам озера Тутутика…

– Даже без своего воздушного судна я поведу своих

десантников в бой быстро и решительно…

– Вместо того чтобы бахвалиться и выпендриваться друг перед другом, – взмолилась Тэра, с болезненным выражением растирая виски, – почему бы вам не попробовать отыскать дыры в замыслах друг друга и таким образом выяснить, действительно ли план Чами осуществим?

Капитан Нмедзи Гонь и командор Типо Тхо принялись шаг за шагом разбирать план Чами, снова и снова переставляя восковую табличку и кисточки для туши, разбирая различные боевые порядки кораблей. Каждый пытался одолеть своего соперника, стараясь придумать какой-нибудь новый непреодолимый способ атаки, и оба морщили лбы, ломая головы над возможными ответными мерами.

Адмирал Миту Росо отвел в сторону принцессу Тэру.

– Я служил под началом императора Рагина в кампаниях против Гегемона, подавлении восстания герцога Теки Кимо в Арулудзи и войне с Льюку, – прошептал он. – Твой отец всегда славился тем, что использовал соперничество между своими подчиненными для того, чтобы отточить план до совершенства. Сейчас я вижу в тебе отголоски отцовского стиля, и у меня сердце трепещет от радости.

Тэра кивнула, принимая комплимент, однако при воспоминании о своем покойном отце у нее защемило сердце. «Задача правителя в том, чтобы искать путь к равновесию», – учил ее Куни Гару. Принцесса надеялась, что ей удастся уравновесить противоборствующие группировки, зависть, взаимное недоверие – все то, что угрожало выплеснуться из-под контроля в этом союзе и превратить эту энергию в поступательное движение вперед. Она молилась о том, чтобы отец наблюдал за ней и помогал найти мудрость, необходимую для успеха.

Нмедзи и Типо успокоились. Они по несколько минут обдумывали очередные выпады соперника, находя наилучшую стратегию. Офицеры были похожи на игроков в кюпу или дзамаки, схлестнувшихся на заключительном этапе упорной партии, когда каждый ход может изменить исход. Остальные офицеры, словно зрители увлекательной партии, давали массу советов.

– Разве это не твоя задача – разрабатывать и оттачивать план? – шепнул на ухо Тэре Такваль. – Твои сторонники потеряют веру в тебя, если ты не возглавишь обсуждение.

Тэра едва заметно покачала головой.

– Я не полководец и не стратег, – также шепотом ответила она. – Было бы верхом глупой самоуверенности вести за собой там, где я слепа. Понимать, когда лучше последовать чужому

совету, а когда надо настоять на своем, – это самое главное, чему научил меня мой отец.

Такваль опешил. Для агонцев и льюкучан было неслыханным, чтобы вождь не разбирался в военных делах или хотя бы не делал вид, будто разбирается в них. Не в первый раз принца охватили сомнения относительно того, правильно ли он поступил, вверив судьбу своего народа в руки дэранской принцессы, которая не видела ничего постыдного в признании своей некомпетентности в военном искусстве.

Однако разве то, что дэранцы *не были* уроженцами лесостепей, не стало главной причиной, почему он обратился к ним за помощью? Их образ жизни разительно отличался от образа жизни агонцев и льюкучан, и сама их чуждость сулила надежду на перемены. Воистину, Тэра была очень интересна.

В любом случае теперь судьба Такваля была тесно переплетена с ее судьбой, и оставалось только ждать и наблюдать.

Наконец Нмедзи и Типо завершили свой поединок. Отодвинув в сторону восковую табличку и кисти для туши, они торжественно посмотрели друг на друга.

Остальные офицеры затаили дыхание, ожидая, когда они объявят исход матча.

– Э… – Адмирал Миту Росо больше не мог терпеть неопределенность. – Кто победил? Кому удалось найти дыру в плане?

Лица Нмедзи Гоня и Типо Тхо расплылись в улыбках. Схватив друг друга за руки, они искренне рассмеялись.

– Мы оба проиграли, – сказала Типо.

– И, таким образом, оба выиграли, – добавил Нмедзи.

– Принесите рисового пива! – воскликнула Типо. – Я выпью с этим просоленным мерзавцем! Только так можно справиться с вонью рыбьих внутренностей?..

– Посмотрим, пьешь ли ты так же хорошо, как планируешь нападение на корабль-город, – усмехнулся Нмедзи. – Учитывая то, что ты похожа на палку, меня одолевают сильные сомнения…

– Мм… Означает ли это, – неуверенно начала Тэра, – что вы не нашли в плане изъянов? И оба верите в то, что сможете его осуществить?

Нмедзи и Типо дружно повернулись к ней, словно оскорбленные ее вопросом.

– О, с этим человеком я готова отправиться во дворец Тадзу на дне его водоворота…

– За этой женщиной я пойду на приступ замка Маты Зюнду…

– Если у него будет лишь бумажный кораблик, я доверюсь

ему…

– Если единственным ее оружием будет шпилька для волос, горе ее врагам…

– По-моему, вы достаточно ясно высказали свое мнение, – улыбнулась Тэра, показывая знаком, чтобы они остановились.

На лицах у всех были радость и облегчение. Принесли фляги с теплым рисовым пивом – все наполнили кубки и осушили их.

– Не надо излишней самоуверенности, – напомнила Тэра. – Составить план – это лишь первый шаг; привести его в исполнение – в десять раз труднее.

Заседание военного совета продолжалось до тех пор, пока звезды не завершили свой путь по ночному небу. На рассвете шлюпки развезли офицеров и капитанов по их кораблям, однако ложиться спать никто не стал. Предстояло много работы.

Потаенная девушка

Начиная с восьмого века нашей эры двор китайских императоров династии Тан все больше зависел от военных наместников цзедуши[87]*, чья ответственность первоначально заключалась в охране границ, но постепенно распространилась на сбор налогов, местную администрацию и другие аспекты политической власти. По сути, военные наместники превратились в независимых феодальных князей, чье подчинение императорской власти стало чисто номинальным.*

Противостояние наместников частенько принимало жестокие, кровавые формы.

* * *

Утром следующего дня после моего десятого дня рождения весеннее солнце, пробиваясь сквозь ветки цветущей софоры, покрывает пятнами света вымощенную каменными плитами дорогу перед нашим домом. Я забралась на толстый сук, указывающий на запад, подобно руке бессмертного, и тянусь к пучку желтых цветков, предвкушая сладковатый вкус с примесью горчинки.

– Подай милостыню, юная госпожа!

Я опускаю взгляд вниз и вижу буддийскую монашку – бхикшуни. Я не могу сказать, сколько ей лет: на лице у нее нет морщин, однако в ее черных глазах есть какая-то сила, напоминающая мне мою бабушку. Легкий пушок на ее бритой голове в лучах теплого солнца сияет, словно нимб; ее серая ряса-касайя чистая, но подол обтрепался. Монашка держит в левой руке деревянную миску и выжидающе смотрит на меня.

– А ты не хочешь цветков софоры? – спрашиваю я.

Монашка улыбается.

– Я не пробовала их с тех пор, как была маленькой девочкой. С удовольствием!

– Если ты встанешь прямо подо мной, я брошу тебе в миску, – говорю я, протягивая руку к шелковому мешочку за спиной.

Монашка качает головой.

– Я не смогу есть цветки, к которым прикоснулась чья-то рука – они будут заражены житейскими заботами нашего грязного мира.

– Тогда залезай на дерево сама, – говорю я. И тотчас же стыжусь собственной дерзости.

– Если я соберу цветки сама, они ведь уже не будут подаянием, правда? – В ее голосе звучит смех.

– Ладно, – говорю я. Отец всегда учил меня быть вежливой с монахами и монашками. Пусть мы и не следуем буддийскому учению, неразумно настраивать против себя духов, даосийских, буддийских или диких, которые вообще не признают никаких ученых повелителей. – Скажи, какие цветки ты хочешь, и я попробую сорвать их для тебя, не прикасаясь к ним.

Монашка указывает на россыпь цветков на кончике тонкой веточки прямо под той веткой, на которой я сижу. Цветом они бледнее остальных, из чего следует, что они слаще. Однако веточка, на которой они растут, слишком тонкая, чтобы я могла на нее залезть.

Я обвиваю коленями толстую ветку, на которой сижу, и отклоняюсь назад так, что повисаю вниз головой, словно летучая мышь. Очень смешно видеть мир вверх ногами, и меня не волнует то, что подол платья упал мне на лицо. Папа всегда кричит на меня, когда видит в таком виде, но он никогда не сердится на меня долго, так как я лишилась матери, когда была еще совсем маленькой.

Обернув руки складками свободных рукавов, я пытаюсь сорвать цветки. Но я все еще слишком далеко от тех белых цветков, которые хочет монашка; они маняще близки, но по-прежнему недосягаемы.

– Если это слишком трудно, – окликает монашка, – не беспокойся. Я не хочу, чтобы ты порвала свое платье.

Я прикусываю губу, полная решимости не обращать на нее внимания. Напрягая и расслабляя мышцы живота и бедер, я начинаю раскачиваться взад и вперед. Когда, по моим расчетам, я взлетаю достаточно высоко, я разжимаю колени.

Я ныряю в листву, цветки, которые хочет монашка, скользят по моему лицу, и я хватаю веточку зубами. Мои пальцы обвивают ветку внизу, та прогибается под моим весом и замедляет мое падение, и я снова разворачиваюсь ногами вниз. Какое-то мгновение кажется, что ветка выдержит, но затем я слышу резкий треск и внезапно ощущаю себя невесомой.

Я подбираю под себя колени, и мне удается благополучно приземлиться под сенью софоры. Я тотчас же откатываюсь в сторону, и усыпанная цветами ветка падает на то самое место, на котором я была всего мгновение назад.

Как ни в чем не бывало я подхожу к монашке и, разжав зубы, бросаю ветку с цветами в миску для подаяний.

– Никакой житейской грязи. И ты сказала только, что нельзя трогать руками.

* * *

Мы сидим в тени софоры, скрестив под собой ноги в позе лотоса, словно будды в храме. Монашка берет цветки за стебелек: один себе, другой мне. Сладкий вкус мягче и не такой приторный, как обсыпанные сахаром фигурки из муки, которые мне иногда покупает отец.

– У тебя есть дар, – говорит монашка. – Из тебя получился бы хороший вор.

Я смотрю на нее в негодовании, и глаза мои сверкают.

– Я дочь военачальника!

– Вот как? – говорит монашка. – Значит, ты уже воровка.

– Что ты имеешь в виду?

– Я прошла пешком долгий путь, – говорит монашка. Я смотрю на ее босые ноги: заскорузлые пятки покрыты мозолями. – Я вижу голодающих крестьян в полях, а тем временем важные вельможи вынашивают планы, как собрать еще более многочисленное войско. Я вижу, как придворные и военачальники пьют вино из кубков из слоновой кости и своей мочой выводят иероглифы на шелковых свитках, а тем временем сироты и вдовы вынуждены растягивать одну плошку риса на пять дней.

– То, что мы не бедняки, еще не делает нас ворами. Мой отец преданно служит своему повелителю, цзедуши провинции Вейбо, и с честью выполняет свой долг.

– Все мы воры в этом мире страданий, – говорит монашка. – И честь и преданность – это не добродетели, а лишь оправдание, чтобы воровать больше.

– В таком случае ты тоже воровка, – говорю я, чувствуя, как мое лицо заливает краска гнева. – Ты принимаешь подаяние и не работаешь, чтобы его заслужить.

– Да, я воровка, – кивает монашка. – Будда учит нас, что мир – это иллюзия и страдания неизбежны до тех пор, пока мы этого не поймем. Но уж если нам назначено судьбой быть ворами, лучше быть вором, который придерживается правил, выходящих за рамки мирской суеты.

– И каковы же твои правила?

– Презирать моральные нравоучения лицемеров, быть верной своему слову, всегда выполнять свои обещания – не больше и не меньше. Оттачивать свой дар, превратив его в путеводный маяк в этом погружающемся во мрак мире.

Я смеюсь.

– И каков же твой дар, госпожа Воровка?

– Я краду жизни.

* * *

В комнате темно и тепло, в воздухе стоит запах камфары. В слабом свете, проникающем в щель между дверями, я поправляю одеяла, устраивая себе уютное гнездышко.

Шаги часовых гулко разносятся по коридору, в который выходит моя спальня. Каждый раз, когда один из них заворачивает за угол, бряцание меча и доспехов означает, что прошла еще какая-то доля часа, приблизив меня к утру.

Я мысленно прокручиваю в голове разговор монашки с моим отцом.

– Отдайте ее мне. Она станет моей ученицей.

– Хоть я и польщен милостивым вниманием Будды, я вынужден отказаться. Место моей дочери дома, рядом со мной.

– Вы можете отдать мне ее по доброй воле, или же я заберу ее без вашего благословения.

– Ты угрожаешь мне похищением? Знай, что я добился места в жизни своим мечом, и мой дом охраняют пятьдесят вооруженных воинов, каждый из которых без колебаний отдаст жизнь за свою юную госпожу.

– Я не угрожаю – я просто сообщаю. Даже если ты поместишь свою дочь в железный сундук, опутаешь сундук бронзовыми цепями и бросишь на дно моря, я заберу ее с той же легкостью, с какой режу хлеб вот этим кинжалом.

Последовала холодная яркая металлическая вспышка. Отец выхватил меч, от скрежета лезвия по ножнам у меня екнуло сердце.

Но монашка уже исчезла, оставив после себя лишь несколько прядей седых волос, парящих в воздухе в косых лучах солнца. Мой отец ошеломленно потрогал рукой лицо там, где по щеке скользнул кинжал.

Волосы упали на землю; отец отнял руку от лица. У него на щеке оголилась полоска кожи, бледная, как каменные плиты дороги в свете утреннего солнца. Крови не было.

– Не бойся, доченька! Этой ночью я утрою охрану. Тебя защитит дух твоей ушедшей матери.

Но мне страшно. Мне *очень* страшно. Я вспоминаю нимб солнечного света над головой монашки. Мне нравятся мои длинные густые волосы, которые, как говорят мне служанки, похожи на волосы моей матери, а та каждый вечер расчесывала их по сто раз, перед тем как лечь спать. Я не хочу, чтобы мне обрили голову.

Я вспоминаю блеск стали у монашки в руке, молниеносный, неуловимый глазу.

Я вспоминаю пряди волос отцовской бороды, плавно падающие на пол.

Огонек масляного светильника у двери шкафа дрожит. Я забиваюсь в угол и зажмуриваюсь.

Меня обнимает полная тишина. Лишь сквозняк ласкает мое лицо. Нежный, подобный трепету крылышек мошки.

Я открываю глаза. Какое-то мгновение я не понимаю, что́ вижу.

Примерно в трех локтях от моего лица в воздухе висит продолговатый предмет размером с мою руку, имеющий форму кокона шелковичного червя. Сияя, словно полумесяц, он испускает свет, который не дает тепла и не отбрасывает тени. Зачарованная, я пододвигаюсь ближе.

Нет, слово «предмет» не совсем подходит. Холодный свет будто исходит из тающего льда вместе со сквозняком, треплющим мне волосы. Это больше напоминает отсутствие вещества, рваную дыру в полумраке спальни, отрицательную сущность, которая поглощает темноту и превращает ее в свет.

У меня пересыхает в горле, и я с трудом перевожу дыхание. Дрожащими пальцами я тянусь к сиянию. Полмгновения нерешительности – и я прикасаюсь к нему.

Но никакого контакта нет. Нет ни обжигающего кожу тепла, ни леденящего холода. Мое впечатление о том, что предмет имеет отрицательную сущность, подтверждается, поскольку мои пальцы ничего не встречают. И они не выходят с обратной стороны, а просто исчезают в свечении, словно я погрузила руку в дыру в пространстве.

Я отдергиваю руку назад и шевелю пальцами, изучая их. Никаких повреждений я на них не вижу.

Из разрыва появляется рука, хватает меня и увлекает навстречу свету. Я даже не успеваю вскрикнуть – яркий свет ослепляет меня, мне кажется, будто я падаю, падаю с верхушки вытянувшейся до небес софоры к земле, которой все нет и нет.

* * *

Гора плавает в облаках, словно остров.

Я пыталась найти дорогу вниз, но неизменно сбивалась с пути в затянутых туманом лесах. «Просто иди вниз, вниз», – говорю я себе. Но туман сгущается настолько, что становится осязаемым, и, сколько я ни нажимаю на нее, облачная стена не поддается. Мне не остается ничего другого, кроме как сесть, дрожа от холода, отирая с волос влагу. Отчасти эта влага от слез,

но я в этом не призна́юсь.

Она материализуется из тумана. Не говоря ни слова, она кивает, приглашая меня следовать за ней обратно вверх; я повинуюсь.

– Прятаться у тебя получается не очень, – говорит она.

На это мне нечего ответить. Если она смогла похитить меня из комнаты в доме военачальника, охраняемую стенами и стражей, наверное, я нигде не смогу от нее спрятаться.

Мы выходим из леса на залитую солнцем вершину. Налетает порыв ветра, образуя из опавшей листвы золотисто-багряный буран.

– Ты хочешь есть? – спрашивает она довольно ласково.

Я молча киваю. Что-то в ее тоне застает меня врасплох. Отец никогда не спрашивает у меня, хочу ли я есть, и иногда мне снится, как мать готовит завтрак из свежевыпеченного хлеба и сброженных бобов. Прошло три дня с тех пор, как монашка забрала меня сюда, и за все это время я не ела ничего, кроме кислых лесных ягод и горьких корешков, выкопанных в земле.

– Идем со мной, – говорит она.

Она ведет меня по петляющей тропе, вырезанной в каменистом склоне. Тропа такая узкая, что я не смею взглянуть вниз, но осторожно шагаю, прижимаясь к скале телом и лицом и хватаясь вытянутыми руками за свисающие лианы, словно геккон[88]. Монашка, напротив, идет по тропе так, словно это широкая улица в Чанъане. На каждом повороте она терпеливо ждет, когда я ее догоню.

Я слышу где-то вверху слабые отголоски металлического лязга. Поставив ноги в выемки в скале и подергав лиану, я убеждаюсь, что она держится прочно, и поднимаю взгляд.

Две девушки лет четырнадцати сражаются в воздухе на мечах. Нет, слово «сражаются» не совсем точное. Правильнее назвать их движения танцем.

Одна из девушек, в белом платье, отталкивается обеими ногами от утеса, держась левой рукой за лиану. Она отлетает от скалы по широкой дуге, вытянув вперед ноги в изящной позе, напоминающей мне апаср (летающих нифм, избравших своим домом облака), нарисованных на свитках, что хранятся в храмах. Меч в ее правой руке сверкает в лучах солнца подобно осколку небес.

В то время как острие ее меча приближается к оставшейся на скале сопернице, та отпускает лиану, за которую держалась, и прыгает вверх. Черное платье развевается, словно крылья огромного мотылька, и, когда полет вверх замедляется, девушка разворачивается в верхней точке дуги и падает на девушку в

белом подобно пикирующему ястребу, выставив вперед вместо клюва меч.

«Дзинь!»

Клинки сшибаются, искры озаряют воздух, словно взорвавшаяся петарда. Меч в руке девушки в черном сгибается в полумесяц, замедляя ее падение, и наконец она зависает в воздухе вниз головой, держась только на острие меча своей соперницы.

Обе девушки бьют наотмашь свободными руками, раскрыв ладони.

«Бам!»

Воздух сотрясается от резкого удара. Девушка в черном приземляется на крутой склон и закрепляется на нем, ловко обмотав лиану вокруг щиколотки. Девушка в белом завершает свой полет к скале и, подобно стрекозе, опускающей свой хвост в водную гладь, тотчас же отталкивается для нового прыжка.

Я зачарованно смотрю, как юные фехтовальщицы преследуют друг друга, увертываются, наносят удары, делают обманные движения, бьют руками, лягаются, рубят, скользят, кувыркаются в сплетении лиан на отвесном склоне скалы, в тысяче локтей над бурлящими облаками далеко внизу, бросая вызов силе притяжения и смерти. Они грациозные – словно птицы, порхающие в зарослях колышущегося бамбука, проворные – словно богомолы, прыгающие по усеянной каплями росы паутине, невозможные – словно бессмертные из легенд, которые хриплым шепотом рассказывают в чайных домах странствующие актеры.

Также я с облегчением отмечаю, что у обеих девушек длинные, густые, прекрасные волосы. Быть может, ученице монашки не требуется брить голову наголо.

– Подойди сюда, – кивает монашка, и я послушно подхожу к маленькой каменной площадке, выступающей из скалы на изгибе тропы. – Полагаю, ты очень проголодалась, – со смехом замечает она. Я смущенно закрываю рот, широко раскрытый от изумления с того самого момента, как я увидела фехтующих девушек.

Облака далеко у нас под ногами, дует пронизывающий ветер. У меня такое ощущение, будто мир, который я знала всю свою жизнь, куда-то провалился.

– Вот. – Монашка указывает на горку ярко-розовых персиков размером с мой кулак на краю выступа. – Столетние обезьяны, живущие в горах, собирают их в облаках, где персиковые деревья впитывают в себя сущность небес. Съев всего один персик, ты будешь чувствовать себя сытой десять дней. Если захочешь пить, можешь выпить росу с лиан и воду из родника в пещере, которая служит нам местом для ночлега.

Девушки-фехтовальщицы спускаются со скалы к нам на площадку. Каждая берет по персику.

– Сестренка, я покажу тебе, где ты будешь спать, – говорит девушка в белом. – Я Джинджер. Если тебя ночью напугает вой волков, можешь забраться ко мне в постель.

– Уверена, что ты никогда не ела ничего столь сладкого, как этот персик, – говорит девушка в черном. – Я Конгер. Я дольше всех занималась с Наставницей и знаю все плоды, растущие в этих горах.

– У вас есть цветы софоры? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Конгер. – Может быть, как-нибудь ты мне их покажешь.

Я кусаю персик. Он невероятно сладкий и тает у меня на языке, словно сделан из чистого снега. Однако, как только я проглатываю кусок, мой желудок согревается от питательного тепла. Я верю в то, что персик и правда насытил меня на десять дней. Я поверю всему, что мне скажет моя Наставница.

– Почему ты выбрала меня? – спрашиваю я.

– Потому что у тебя есть дар, Иньнян, – отвечает монашка.

Я понимаю, что отныне это мое имя. «Потаенная девушка».

– Но за дар нужно платить, – продолжает монашка. – Ты останешься жемчужиной, навеки погребенной в иле на дне бескрайнего Восточного моря, или будешь ярко сиять, озаряя мир, пробуждая тех, кто дремлет на протяжении всей своей жизни?

– Научи меня летать и фехтовать, как они, – говорю я, облизывая с пальцев сладкий сок персика. «Я стану отличной воровкой, – мысленно добавляю себе я. – И украду у тебя свою жизнь обратно».

Монашка задумчиво кивает и устремляет взор вдаль, туда, где заходящее солнце превратило облака в море сияющего золота и алой крови.

ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Колеса повозки, запряженной ослом, со скрипом останавливаются.

Без предупреждения Наставница срывает повязку с моих глаз и выдергивает из ушей шелковые затычки. Я сопротивляюсь внезапному яркому солнцу и морю звуков: крику ослов, ржанию лошадей, звону кимвалов[89] и завыванию эрху[90] бродячих музыкантов, стуку и грохоту загружаемого и разгружаемого товара, пению, крикам, спорам, смеху, пререканиям, молитвам, – которые образуют симфонию большого города.

Пока я еще прихожу в себя от путешествия в размеренно покачивающемся мраке, Наставница уже соскочила на землю и

привязала осла к придорожному столбу. Мы в центре какой-то провинции, это я знаю: аромат сотни различных блюд из муки и цукатов и экзотических благовоний, а также запах конского навоза сообщили мне об этом еще до того, как с моих глаз сняли повязку, – но где именно мы находимся, я сказать не могу. Я напрягаю слух, пытаясь уловить обрывки разговоров бурлящего вокруг города, однако этот диалект мне незнаком.

Прохожие и люди из встречных повозок кланяются Наставнице.

– Амитаба! – говорят они.

Наставница складывает ладони перед собой и кланяется в ответ.

– Амитаба, – отвечает она.

Мы можем находиться в любом уголке империи.

– Мы пообедаем, после чего ты сможешь отдохнуть вон в том трактире, – говорит Наставница.

– А как же моя задача? – спрашиваю я.

Я волнуюсь. С тех пор как она забрала меня, я покинула гору впервые.

Наставница смотрит на меня со смешанным выражением – наполовину с жалостью, наполовину с весельем.

– Так неймется?

Я молча прикусываю губу.

– Ты сама выберешь способ и время, – говорит Наставница, и голос ее так же безмятежен, как безоблачное небо. – Я вернусь на третью ночь. Удачной охоты!

* * *

– Держи глаза открытыми и члены расслабленными, – сказала она. – Вспомни все, чему я тебя учила.

Наставница призвала двух туманных ястребов с ближайших горных вершин, оба размером со взрослого человека. Железные лезвия удлиняли их когти, изогнутые клювы блестели сталью. Ястребы кружили надо мной, появляясь из тумана и снова исчезая в нем, их пронзительные крики звучали печально и гордо.

Джинджер вручила мне маленький кинжал длиной около пяди. Кинжал показался мне совершенно неподходящим для выполнения моей задачи. Я обвила трясущимися пальцами рукоятку.

– То, что видно, еще не все, – сказала Джинджер.

– Остерегайся того, что невидимо, – добавила Конгер.

– Все будет хорошо, – заверила Джинджер, стискивая мне плечо.

– Мир полон иллюзий, порожденных невидимой Истиной, – сказала Конгер. После чего она наклонилась и шепнула мне на ухо, пощекотав теплым дыханием мою щеку: – У меня от встречи с ястребами до сих пор шрам на затылке.

Девушки удалились и растворились в тумане, оставив меня одну с хищными птицами. Из лиан надо мной донесся голос Наставницы.

– Почему мы убиваем? – спросила я.

Ястребы поочередно спикировали на меня, изображая атаку, проверяя мою реакцию. Я инстинктивно отскочила в сторону, размахивая кинжалом, отгоняя их.

– Это время хаоса, – сказала Наставница. – Правители нашей страны преисполнены честолюбия. Они отнимают все, что могут, у простых людей, которых поклялись защищать, – пастухи, превратившиеся в волков, охотящихся в своем стаде. Они снова и снова повышают налоги, чтобы стены их дворцов блестели золотом и серебром; они отнимают сыновей у матерей, чтобы их войско разбухало, как река Хуанхэ в половодье, они строят планы и чертят линии на картах, словно наша страна не более чем поднос с песком, по которому, подобно перепуганным муравьям, ползают крестьяне.

Ястреб развернулся и полетел на меня. Настоящая атака, не испытание. Я присела на корточки в оборонительной позе, правая рука с кинжалом высоко поднята, закрывая лицо. Я не отрывала взгляда от ястреба; все вокруг потонуло в тумане, остались только яркие блики от острых когтей и клюва, похожие на созвездие в ночном небе.

Стремительно приближающийся ястреб увеличивался в размерах, полностью заполняя поле моего зрения. Легкий ветерок погладил мне затылок. Хищная птица вытянула вперед когти и взмахнула крыльями, стремясь в самое последнее мгновение замедлить свое падение.

– Кто может сказать, что этот правитель прав? Или что тот военачальник не прав? – спросила Наставница. – Возможно, мужчина, соблазняющий жену своего господина, поступает так, чтобы приблизиться к тирану и добиться отмщения. А женщина, требующая у своего покровителя рис для крестьян, поступает так исключительно из честолюбия. Мы живем во времена хаоса, и единственная мораль – быть аморальным. Властители нанимают нас, чтобы мы поразили их врагов. И мы выполняем свою задачу целеустремленно и преданно, точно и смертоносно, подобно выпущенной из арбалета стреле.

Я уже приготовилась резко распрямиться и прыгнуть, полоснув ястреба кинжалом, но затем вспомнила слова своих сестер.

«…То, что видно, еще не все… У меня до сих пор шрам на затылке…»

Я упала на землю и перекатилась влево, и когти второго ястреба, пытавшегося незаметно подлететь ко мне сзади, прошли в какой-то пяди от меня. Хищная птица столкнулась со своим собратом там, где еще мгновение назад была моя голова, подобно нырнувшему в воду человеку, что встретился со своим отражением на водной глади. Судорожно захлопали крылья, раздались сердитые крики.

Я набросилась на кучу перьев. Один, два, три молниеносных удара. Ястребы упали, ломая крылья от ударов о землю. Кровь из глубоких порезов на их горлах натекла лужицей на каменном выступе.

Кровь сочилась и у меня из плеча, ободранного об острые камни, когда я откатывалась в сторону. Но я осталась в живых, а мои противники – нет.

– Почему мы убиваем? – снова спросила я, не успев отдышаться от напряжения. Мне уже приходилось убивать диких обезьян, лесных пантер и тигров, скрывающихся в бамбуковых зарослях. Но два туманных ястреба пока что были у меня самыми грозными противниками, вершиной искусства убивать. – Почему мы служим когтями власть имущих?

– Мы подобны зимнему бурану, налетевшему на дом, кишащий термитами, – ответила Наставница. – Лишь ускорив разложение старого, мы обеспечим рождение нового. Мы – месть измученного мира.

Вышедшие из тумана сестры посыпали мертвых ястребов порошком, растворяющим трупы, и перебинтовали мне руку.

– Спасибо, – прошептала я.

– Тебе нужно больше заниматься, – сказала Джинджер, но голос ее был ласковым.

– Я должна помочь тебе остаться в живых, – хитро сверкнула глазами Конгер. – Ты обещала мне достать цветы софоры, помнишь?

* * *

Тонкий серп луны свисает с кончика ветки древней софоры у особняка наместника провинции. Ночной сторож бьет в колокол в полночь. Тени на улицах густые, словно тушь, такого же цвета, как мои шелковые рейтузы, обтягивающая туника и тряпичная маска, закрывающая рот и нос.

Я вишу вниз головой, зацепившись согнутыми ногами за

стену, и мое тело прижато к плоской поверхности, словно ползучая лиана. Два стражника проходят подо мной, совершая обход. Если бы они посмотрели вверх, то приняли бы меня за тень или спящую летучую мышь.

Как только они уходят, я сгибаюсь пополам и забираюсь на стену. Я ползу по верху стены бесшумнее кошки, пока не оказываюсь напротив крыши центрального здания. Резко распрямляя согнутые, как пружины, ноги, я одним прыжком перелетаю пространство и растворяюсь среди черепицы на пологой крыше.

Разумеется, есть гораздо более скрытные способы проникнуть в хорошо охраняемый особняк, но я предпочитаю оставаться в этом мире, окруженная ночным ветерком и далекими криками сов.

Я осторожно отрываю плитку глазированной черепицы и заглядываю в образовавшуюся дыру. Сквозь обрешетку я вижу ярко освещенный зал, вымощенный каменными плитами. В восточном конце сидит на возвышении мужчина средних лет, сосредоточив взгляд на груде свитков. Он медленно перебирает документы. У него на левой щеке родинка, по форме напоминающая бабочку, шея закрыта нефритовым воротником.

Это и есть цзедуши, которого я должна убить.

– Украдешь его жизнь – и твое учение завершится, – сказала Наставница. – Это твое последнее испытание.

– Что такого он сделал, что заслуживает смерти? – спросила я.

– Разве это имеет значение? Достаточно того, что человек, однажды спасший мне жизнь, хочет его смерти и щедро за это заплатил. Мы подпитываем силы честолюбия и соперничества, придерживаясь нашего собственного кодекса.

Я ползу по крыше, мои ноги и ладони плавно скользят по черепице, не производя шума: Наставница научила нас скользить по озеру в долине в марте – когда лед такой тонкий, что даже белки иногда проваливаются и тонут. Я чувствую полное единение с ночью, мои чувства остры, как кончик моего кинжала. К возбуждению примешивается тень печали, подобная первому мазку кисточкой по чистому листу бумаги.

Оказавшись прямо над тем местом, где сидит наместник провинции, я отрываю еще одну плитку, затем другую. Делаю дыру, в которую смогу пролезть. Затем достаю из мешочка крюк, выкрашенный в черный, чтобы не отражать свет, и закидываю его на конек крыши, чтобы когти прочно зацепились. После чего обматываю пояс шелковым шнурком.

Я смотрю вниз – в дыру в крыше. Цзедуши сидит как ни в чем

не бывало, не ведая о смертельной угрозе у себя над головой.

Какое-то мгновение мне кажется, будто я опять на раскидистой софоре перед нашим домом, смотрю в просвет между колышущимися листьями на своего отца.

Но это мгновение быстро проходит. Я собираюсь нырнуть, словно баклан, перерезать наместнику глотку, снять с него одежду и посыпать его тело порошком, растворяющим трупы. Затем, пока он будет лежать на каменном полу, дергаясь в последних – предсмертных – судорогах, я поднимусь обратно на крышу и покину особняк. К тому времени как слуги обнаружат то, что останется от тела (по сути дела, один только скелет), меня давно уже и след простынет. Настоятельница объявит, что мое обучение подошло к концу и я стала равной своим сестрам.

Я собираюсь с духом. Мое тело напряжено. Долгих шесть лет я училась и готовилась к этому мгновению. Я готова.

– Папа!

Я замираю.

Мальчику, появившемуся из-за занавески, лет шесть, волосы забраны в аккуратную косичку, торчащую вверх петушиным хвостом.

– Почему ты до сих пор не спишь? – спрашивает мужчина. – Ну-ка, будь послушным и ложись в кровать!

– Я не смог заснуть, – говорит мальчик. – Я услышал шум, затем увидел тень, ползущую по стене забора.

– Это была кошка, – говорит мужчина. Мальчик продолжает сомневаться. Мужчина задумчиво смотрит на него, затем говорит: – Ну хорошо, иди сюда.

Он откладывает бумаги на низкий столик рядом. Мальчишка забирается к нему на колени.

– Не нужно бояться теней, – говорит мужчина. После чего подносит руки к лампе так, чтобы тень от них падала на стену, и изображает различных существ. Он учит мальчика делать бабочку, щенка, летучую мышь, гибкого дракона. Мальчишка радостно смеется. После чего наместник изображает котенка, который гоняется за отцовской бабочкой по забранным бумагой окнам зала.

– Тени порождаются светом, и свет их убивает. – Мужчина перестает шевелить пальцами и опускает руки. – Иди спать, сынок. Утром ты сможешь бегать в саду за настоящими бабочками.

Мальчик печально кивает и тихо уходит.

Я сижу на крыше и терзаюсь сомнениями. У меня из головы не уходит смех мальчика. Может ли девочка, похищенная из своей семьи, похитить семью у другого ребенка? Это заявление

лицемера?

– Спасибо, что подождала, когда мой сын уйдет, – говорит мужчина.

Я замираю. В зале нет никого, кроме него, и он говорит слишком громко для разговора с самим собой.

– Я бы предпочел не кричать, – продолжает мужчина, по-прежнему не отрывая взгляда от груды бумаг. – Будет лучше, если ты спустишься вниз.

Стук собственного сердца отзывается у меня в ушах оглушительным гулом. Мне нужно без промедления бежать. Вероятно, это ловушка. Если я спущусь вниз, он позовет стражу, чтобы схватить меня, а может быть, у него под полом есть какой-то механизм и я попаду в западню. Однако почему-то голос мужчины вынуждает меня повиноваться.

Я проваливаюсь в отверстие в крыше; шелковый шнур, прикрепленный к крюку, несколько раз обмотан вокруг моего пояса, чтобы замедлить спуск. Я мягко опускаюсь на пол перед возвышением, бесшумная, словно снежинка.

– Как вы узнали? – спрашиваю я. Каменные плиты у меня под ногами не раздвигаются, открывая зияющую яму; стража не выскакивает из-за занавесок. Но мои руки крепко сжимают шнур, а мои колени готовы резко распрямиться. Я по-прежнему могу завершить свое задание, если наместник действительно беззащитен.

– У детей слух острее, чем у их родителей, – говорит мужчина. – И я часто устраиваю игру теней для собственного удовольствия, когда засиживаюсь допоздна. Мне хорошо известно, как в этом зале дрожит огонек в светильнике, если нет сквозняка от нового отверстия в потолке.

Я молча киваю. Это хороший урок на будущее. Моя правая рука смещается, чтобы схватить рукоятку кинжала в ножнах на поясе за спиной.

– Цзедуши Лю из Ченсу честолюбив, – продолжает мужчина. – Он уже давно мечтает о моих землях, думает о том, чтобы заставить молодых мужчин с ее тучных полей вступить в его войско. Если ты меня убьешь, не останется никого, кто помешает ему занять трон в Чанъане. Миллионы погибнут, когда бунт Лю разольется по всей империи. Сотни тысяч детей останутся сиротами. Несчетные толпы призраков будут бродить по земле: их души не обретут успокоения, поскольку дикие звери будут глодать их трупы.

Числа, которые называет мужчина, огромны, подобно несчетным песчинкам, висящим в бурных водах Хуанхэ. Для меня они ничего не значат.

– Однажды он спас жизнь моей Наставнице, – говорю я.

– И поэтому ты выполнишь то, что она просит, слепая ко всем последствиям?

– Наш мир прогнил насквозь, – говорю я. – У меня есть долг.

– Я не могу сказать, что на моих руках нет крови. Быть может, вот что происходит, когда идешь на компромиссы. – Мужчина вздыхает. – Может быть, ты хотя бы дашь мне два дня, чтобы привести дела в порядок? Моя жена покинула мир, когда родился сын, и я должен о нем позаботиться.

Я молча смотрю на него, не в силах отнестись к смеху мальчика как к иллюзии.

Я мысленно представляю, как наместник окружает свой дом тысячами воинов, как он укрывается в подвале, дрожа, словно осенний лист, как он скачет по дороге прочь из города, нахлестывая свою лошадь, с перекошенным в отчаянии лицом.

– Через два дня ночью я буду здесь один, – словно прочитав мои мысли, говорит мужчина. – Даю тебе слово.

– Чего сто́ит слово человека, который стоит на пороге смерти? – возражаю я.

– Того же, что и слово убийцы, – говорит мужчина.

Я молча киваю и встаю. Поднявшись по свисающему шнурку так же быстро, как по лианам на скале у себя дома, я исчезаю в отверстии в крыше.

* * *

Меня не беспокоит, что цзедуши может бежать. Я прошла хорошее обучение и настигну его везде, где бы он ни спрятался. Я решила дать ему возможность проститься со своим мальчиком – мне это кажется правильным.

Я брожу по городским рынкам, пропитанным запахами жареных лепешек и жженого сахара. Мой желудок урчит при воспоминании о блюдах, которых я не ела уже шесть лет. Пусть персики с росой и очистили мой дух, плоть по-прежнему жаждет мирской пищи.

Я разговариваю с продавцами на придворном языке, и, по крайней мере, некоторые из них хоть как-то им владеют.

– Очень искусная работа, – замечаю я, глядя на сделанного из сахарного теста воина на палочке. На голове у фигурки ярко-красный шлем, глазированный соком ююбы[91]. У меня текут слюнки.

– Хочешь его? – спрашивает продавец. – Он очень свежий, юная госпожа. Я выпек его только сегодня утром. Начинка из

мякоти лотоса.

– У меня нет денег, – с сожалением говорю я. Наставница дала мне только денег на жилье и сушеных персиков, чтобы поесть.

Продавец смотрит на меня и принимает решение.

– Судя по произношению, я так понимаю, ты не местная?

Я киваю.

– Покинула дом, чтобы найти спокойную заводь в этом бурлящем мире?

– Что-то вроде того, – подтверждаю я.

Продавец кивает, словно это все объясняет. Он протягивает мне сахарного воина на палочке.

– В таком случае от одного скитальца другому. Здесь хорошее место, чтобы обустроиться.

Я принимаю подарок и благодарю его.

– Откуда вы?

– Из Ченсу. Я бросил свои поля и бежал из дома, после того как люди наместника Лю пришли в нашу деревню и забрали мужчин и юношей в войско. Я уже потерял на войне отца, и у меня не было никакого желания умереть ради того, чтобы добавить новых красок знамени наместника. Эта фигурка изображает Лю. Мне доставляет удовольствие видеть, как покупатели откусывают ей голову.

Рассмеявшись, я выполняю его просьбу. Сахарное тесто тает на языке, вытекающее из пряника сочное повидло из лотоса восхитительно.

Я гуляю по улицам и переулкам города, наслаждаясь каждым кусочком фигурки, и слушаю обрывки разговоров, долетающие из дверей чайных домов и проезжающих мимо повозок.

– …с какой стати нам отправлять ее в другой конец города учиться танцам?..

– …чиновники не будут смотреть благосклонно на подобный обман…

– …такую вкусную рыбу я еще не пробовал! Она еще трепыхалась…

– …почему ты так решила? Что он сказал? Расскажи, сестра, расскажи…

Вокруг меня размеренно течет жизнь, баюкая меня, подобно морю облаков на горе, когда я раскачивалась на лианах. Я думаю о словах человека, которого должна убить.

«Миллионы погибнут, когда бунт Лю разольется по всей империи. Сотни тысяч детей останутся сиротами. Несчетные толпы призраков будут бродить по земле: их души не обретут упокоения, поскольку дикие звери будут глодать их трупы».

Я думаю о его сыне и тенях, пляшущих на стенах просторного, пустынного зала. Мое сердце задето музыкой этого мира, такой приземленной и в то же время святой. Мечущиеся в воде песчинки складываются в отдельные лица, смеющиеся, плачущие, полные желаний и чувств.

* * *

На третью ночь полумесяц чуть толще, ветер чуть холоднее, а далекие крики сов звучат более зловеще.

Как и в прошлый раз, я перелезаю через стену, которой обнесен особняк наместника. Ритм часовых не изменился. На этот раз я пригибаюсь еще ниже и двигаюсь еще бесшумнее по тонкому, словно ветка, гребню стены и неровной поверхности черепицы. Я возвращаюсь на знакомое место, отрываю черепицу, которую положила на место два дня назад, и прижимаюсь глазом к щели, чтобы перекрыть сквозняк, ожидая, как вот-вот из темноты выскочат стражники в масках, захлопывая западню.

Страха нет – я готова.

Но нет ни криков тревоги, ни звона гонга. Я смотрю в ярко освещенный зал. Наместник сидит на том же самом месте, разложив перед собой бумаги.

Я прислушиваюсь, ожидая услышать детские шаги. Ничего. Мальчика отправили спать.

Я бросаю взгляд на пол под наместником. Он застлан соломой. Это зрелище сперва ставит меня в тупик, но затем я понимаю, что наместник так проявил заботу о своих слугах. Он не хочет, чтобы его кровь испачкала каменные плиты пола, которые затем придется оттирать.

Мужчина сидит в позе лотоса, закрыв глаза, у него на лице безмятежная улыбка, как у Будды.

Я осторожно кладу черепицу на место и исчезаю в ночи, подобно дуновению ветра.

* * *

– Почему ты не выполнила свое задание? – спрашивает Наставница. Мои сестры стоят у нее за спиной, два архата[92], охраняющих свою повелительницу.

– Он играл со своим сыном, – говорю я, цепляясь за это объяснение, словно за лиану, раскачивающуюся над пропастью.

Наставница вздыхает.

– В следующий раз тебе нужно будет сначала убить ребенка, чтобы тебя ничто не отвлекало.

Я молча качаю головой.

– Это уловка. Он играет на твоем чувстве сострадания. Все правители – актеры, их сердца непроницаемы, словно мрак.

– Возможно, – говорю я. – И тем не менее он сдержал свое слово и был готов умереть от моей руки. Я полагаю, что и другие вещи, сказанные им, также могут быть правдой.

– Почему ты думаешь, что он не так честолюбив, как тот человек, которого он порочит? Почему ты думаешь, что он не притворяется великодушным ради того, чтобы в будущем сотворить какую-нибудь жестокость?

– Никто не знает будущего, – говорю я. – Возможно, здание прогнило насквозь, но я не желаю, чтобы от моей руки оно обрушилось и раздавило муравьев, ищущих спокойной гавани.

– А как насчет преданности? – смотрит на меня Наставница. – Как насчет повиновения Наставнику? Как насчет выполнения обещаний?

– Я не подхожу для того, чтобы похищать жизни, – говорю я.

– Такой дар… – печально говорит Наставница и после небольшой паузы добавляет: – Растрачен впустую.

В ее голосе звучит что-то такое, от чего меня охватывает дрожь. Я смотрю ей за спину и вижу, что Джинджер и Конгер исчезли.

– Если ты уйдешь, – говорит Наставница, – ты больше не моя ученица.

Я смотрю на ее лицо, лишенное морщин, в глаза, тронутые добротой. Я вспоминаю, как она перебинтовывала мне ноги, после того как я в самом начале обучения упала, сорвавшись с лианы. Вспоминаю, как она отгоняла бамбукового медведя, оказавшегося для меня слишком грозным противником. Вспоминаю ночи, когда она обнимала меня и учила проникать сквозь иллюзии и видеть спрятанную под ними правду мира.

Наставница забрала меня из семьи, но она также, по сути дела, заменила мне мать.

– Прощай, Наставница!

Я резко пригибаюсь и прыгаю, словно настигающий добычу тигр, словно парящая в кроне деревьев обезьяна, словно взлетающий ястреб. Вышибив окно комнаты в трактире, я ныряю в океан, каковым является ночь.

* * *

– Я пришла не для того, чтобы убить вас, – говорю я.

Мужчина молча кивает, словно ожидал именно этого.

– Мои сестры – Джинджер, известная как Сердце Молнии, и Конгер, Безоружная, – получили приказ довести до конца то, что не смогла я.

– Я позову охрану, – говорит мужчина, вставая.

– Это не поможет, – говорю я. – Джинджер сможет похитить вашу душу, даже если вы спрячетесь на дне океана, Конгер еще более умелая.

– В таком случае я встречусь с ними один, – усмехается мужчина. – Спасибо за предупреждение, это позволит спасти от бессмысленной гибели моих людей.

В ночи раздался слабый пронзительный крик, как будто где-то далеко воет стадо обезьян.

– Времени объяснять нет, – говорю я. – Дайте мне свой красный кушак.

Мужчина отдает мне кушак, и я обматываю его вокруг пояса.

– Сейчас вы увидите то, что не поддается пониманию. Что бы ни случилось, не отрывайте взгляда от этого кушака и держитесь от него подальше.

Вой становится громче. Кажется, он звучит повсюду и в то же время нигде. Джинджер здесь.

Прежде чем мужчина успевает задать мне вопрос, я разрываю в пространстве шов, пролезаю в него и исчезаю, оставив только болтающийся конец красного кушака.

* * *

– Представь, что пространство – это лист бумаги, – сказала Наставница. – Муравей, ползущий по одной его стороне, ощущает длину и ширину листа, но не имеет понятия о его толщине.

Я выжидающе смотрю на муравья, которого она нарисовала на бумаге.

– Муравью панически страшно, и он выстраивает вокруг себя стену, полагая, что за таким непреодолимым барьером будет в безопасности.

Наставница нарисовала вокруг муравья кольцо.

– Однако муравей даже не подозревает о том, что над ним занесен нож. Нож не является частью мира муравья, и тот его не видит. Возведенная муравьем стена никак не сможет защитить его от удара с невидимого направления…

Она вонзает нож в бумагу, протыкая нарисованного муравья.

– Ты можешь считать, Потаенная девушка, что высота,

ширина и глубина в этом мире – единственные измерения, но это представление будет ошибочным. Всю свою жизнь ты прожила словно муравей на листе бумаги, однако истинный мир гораздо более удивителен.

* * *

Я появляюсь в пространстве над пространством, в пространстве внутри пространства, в потаенном пространстве.

Все вокруг приобретает новое измерение – стены, плиты пола, мерцающее пламя факелов, потрясенное лицо наместника. Кажется, с него содрали кожу, обнажив все, что под ней: я вижу бьющееся сердце, пульсирующие внутренние органы, кровь, струящуюся по прозрачным сосудам, блестящие белые кости и бархатистый костный мозг внутри, похожий на приправленное юбой повидло из лотоса. Я вижу все до одной блестящие крупицы слюды в каждом кирпиче, я вижу десять тысяч бессмертных, танцующих в каждом языке пламени.

Нет, это не совсем так. У меня нет слов описать то, что я вижу. Я одновременно вижу во всем миллион миллиардов слоев, подобно тому как муравей, неизменно видевший перед собой прямую линию, внезапно оторванный от листа бумаги, воочию узрел совершенство окружности. Это ракурс Будды, который постигает непостижимость сети Индры[93], связывающей мельчайшую пылинку на лапке блохи с величайшей рекой бесчисленных звезд, разливающейся по ночному небу.

Именно так много лет назад Наставница проникла сквозь стены дворца моего отца, ускользнув от стражников, и похитила меня из запертой комнаты.

Я вижу приближающееся белое платье Джинджер, колышущееся подобно медузе, плавающей в океанских глубинах. Подходя ближе, она завывает, и в одиноком голосе – какофония воя, вселяющего ужас в сердца жертв.

– Сестренка, что ты здесь делаешь?

Я поднимаю кинжал.

– Джинджер, пожалуйста, уходи!

– Ты всегда была слишком упрямой, – говорит она.

– Мы ели плоды с одного персикового дерева и купались в одном холодном горном ручье, – говорю я. – Ты учила меня лазать по лианам и украшать волосы ледяными лилиями. Я люблю тебя как свою родную сестру. Пожалуйста, не делай этого!

– Не могу. – У Джинджер огорченный вид. – Наставница обещала.

– Есть главное обещание, согласно которому мы должны жить: поступать так, как подсказывает сердце.

Джинджер поднимает меч.

– Поскольку я люблю тебя как родную сестру, я позволю тебе нанести удар первой. Если ты сможешь прикоснуться ко мне до того, как я убью наместника, я уйду.

– Спасибо, – киваю я. – И я сожалею о том, что дело дошло до этого.

Потаенное пространство имеет свое собственное строение, состоящее из переплетающихся тонких нитей, тускло сияющих внутренним светом. Для того чтобы перемещаться в этом пространстве, мы с Джинджер раскачиваемся на нитях, прыгаем с одной на другую, ползаем, кружимся, проваливаемся, танцуем на кружевной паутине, сотканной из звездного света и искрящегося льда.

Я бросаюсь на Джинджер – та легко увертывается. Она всегда лучше всех сражалась на лианах и танцевала на облаках. Джинджер скользит и раскачивается так же изящно, как бессмертный при небесном дворе. По сравнению с ее движениями мои – тяжелые, грузные, лишенные утонченности.

Танцуя, Джинджер уходит из-под моих ударов, считая их:

– Один, два, три-четыре-пять… Очень хорошо, Потаенная девушка, ты тренировалась. Шесть-семь-восемь, девять, десять…

Время от времени, когда я оказываюсь чересчур близко, она отбивает мой кинжал своим мечом – легко, без труда, как дремлющий человек прихлопывает муху.

Чуть ли не с сожалением Джинджер выворачивается, уходя от меня, и быстро приближается к наместнику. Подобно ножу, зависшему над листом бумаги, она совершенно не видна ему, готовая обрушиться из другого измерения.

Я бросаюсь следом за ней, надеясь, что я достаточно близко и мой план сработает.

Наместник, увидев приближающийся красный кушак, который я оставила в его мире, падает на пол и откатывается в сторону. Меч Джинджер вспарывает занавес между измерениями – в том мире появившееся из ничего лезвие разрубает в щепки стол, за которым только что сидел наместник, и тотчас снова исчезает.

– Это еще что такое? Как он меня увидел?

Чтобы не дать ей разгадать мою уловку, я обрушиваю на нее каскад выпадов.

– Тридцать один, тридцать два-три-четыре-пять-шесть… А у тебя и правда получается неплохо…

Мы танцуем в пространстве «над» залом (нет слова, чтобы

описать это направление), и всякий раз, когда Джинджер пытается поразить наместника, я держусь рядом с ней, предупреждая его о скрытой опасности. Однако, как я ни стараюсь, мне не удается дотронуться до нее. Я чувствую, что начинаю уставать, мои движения замедляются.

Я резко распрямляю ноги и снова набрасываюсь на Джинджер, однако на этот раз я неосторожно оказываюсь слишком близко от стены. Мой болтающийся кушак цепляется за кронштейн с факелом, и я падаю.

– Значит, вот как ты это делала! – со смехом смотрит на меня Джинджер. – Хитро придумано, Потаенная девушка. Но теперь игра окончена, и я заберу свою награду.

Если она сейчас нанесет удар, наместник окажется застигнутым врасплох. Я застряла на месте.

Кушак вспыхивает, и пламя врывается в спрятанное пространство. Оно охватывает мое платье, и я вскрикиваю от ужаса.

Тремя быстрыми прыжками Джинджер возвращается на ту нить, на которой стою я; она хватает подол своего белого платья и укутывает меня в него, помогая загасить огонь.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Джинджер.

Огонь опалил мне волосы и в нескольких местах запачкал кожу копотью, но я жива и невредима.

– Спасибо, – говорю я. И тотчас же, прежде чем Джинджер успевает спохватиться, одним взмахом кинжала отрезаю от ее платья полосу ткани. Кинжал продолжает движение и острием вспарывает занавеску между измерениями; отрезанная полоска ткани выпадает в обычный мир, подобно всплывающему на поверхность моря мусору. Мы обе видим ошеломленного наместника, пятящегося от полоски белого шелка на полу.

– Касание, – говорю я.

– О, – говорит Джинджер, – так ведь нечестно, правда?

– И тем не менее это удар, – говорю я.

– Значит, твое падение… Ты сделала это умышленно?

– Только это мне и пришло в голову, – признаюсь я. – Ты владеешь мечом гораздо лучше меня.

– И почему чужой человек заботит тебя больше, чем твоя сестра? – качает головой Джинджер. – Но я дала тебе слово.

Она поднимается вверх и ускользает прочь, подобно отлетающему духу воды. Перед тем как растаять в ночи, Джинджер оборачивается напоследок.

– Прощай, сестренка! Вместе с моим платьем ты разрезала нить, связывавшую нас. Желаю тебе найти свое предназначение!

– Прощай!

Джинджер исчезает, не переставая завывать.

* * *

Я возвращаюсь в обычное пространство, и наместник бросается ко мне.

– Я так испугался! Что это была за магия? Я слышал звон мечей, но ничего не видел. Твой кушак плясал в воздухе, словно призрак, а затем вдруг из ниоткуда появился кусок белой ткани! Подожди, ты ранена?

– Ничего страшного. – Поморщившись, я сажусь. – Джинджер ушла. Но следующей будет моя вторая сестра Конгер, и она гораздо опаснее. Не знаю, смогу ли я вас защитить.

– Я не боюсь смерти, – говорит наместник.

– Если вы умрете, цзедуши Ченсу продолжит убивать людей, – говорю я. – Вы должны выслушать меня.

Я открываю мешок и достаю подарок, который наставница сделала мне на мое пятнадцатилетие. Я протягиваю подарок наместнику.

– Но это же… бумажный ослик? – Он озадаченно смотрит на меня.

– Это проекция механического осла на наш мир, – объясняю я. – Это все равно как сфера, проходящая через плоскость, будет казаться окружностью… Не обращайте внимания, у нас нет на это времени. Сюда, вы должны уйти!

Я разрываю пространство и толкаю наместника в разрыв. Теперь осел стоит перед ним огромным механическим животным. Невзирая на возражения наместника, я силой усаживаю его на осла.

Туго натянутые жилы приведут в движение вращающиеся колеса внутри, ноги осла повернутся на шарнирах, и он на протяжении целого часа будет носиться в потаенном пространстве по большому кругу, перескакивая с одной светящейся лианы на другую, подобно канатоходцу. Наставница подарила мне ослика на тот случай, если я буду ранена в ходе выполнения задания и мне придется спасаться бегством.

– А *ты* как защитишься от нее? – спрашивает наместник.

Я вынимаю ключ, и осел уносится прочь, оставляя вопрос наместника без ответа.

* * *

Нет ни завывания, ни пения, ни устрашающего гула. Конгер приближается ко мне совершенно бесшумно. Если не знать ее, может сложиться впечатление, будто оружия у нее нет. Вот почему ее прозвали Безоружной.

Мне жарко в пышном наряде, грим из муки тяжело давит на лицо. Зал заполнен дымом: я подожгла расстеленную на полу солому. Я опускаюсь на корточки там, где воздух чище и прохладнее, чтобы можно было дышать. Я натягиваю на лицо блаженную улыбку, однако мои глаза слегка приоткрыты.

Дым клубится – плавное движение, заметить которое можно, только присмотревшись.

«Мне хорошо известно, как в этом зале дрожит огонек в светильнике, если нет сквозняка от нового отверстия в потолке».

Некоторое время назад я осторожно вырезала кинжалом несколько отверстий в занавеске между измерениями и вложила в них полоски шелка от платья Джинджер, чтобы они не закрывались. Этих отверстий достаточно для того, чтобы из потаенного пространства сюда проникал сквозняк: это поможет мне обнаружить чье-либо присутствие.

Я мысленно представляю Конгер, с неумолимым выражением лица скользящую ко мне в потаенном пространстве, подобно демону, отнимающему души. В ее правой руке сверкает игла – единственное оружие, которое ей нужно.

Конгер предпочитает приблизиться к жертве в невидимом измерении и нанести удар с незащищенной стороны. Ей нравится втыкать иглу прямо в сердце, оставляя грудную клетку и кожу нетронутыми. Ей нравится втыкать иглу в череп и превращать мозг жертвы в месиво, перед смертью сводя ее с ума, но не оставляя на голове никакой видимой раны.

Дым начинает клубиться сильнее – Конгер уже совсем близко.

Я пытаюсь представить происходящее с ее ракурса: человек в одежде цзедуши сидит в затянутом дымом зале, у него на щеке родинка в форме бабочки. Охваченный ужасом, он застыл в нерешительности, у него на лице глупая улыбка, а вокруг пожар. Воздух в спрятанном пространстве над ним стал мутным, словно дым от горящей соломы проник сквозь занавеску между измерениями.

Конгер наносит удар.

Я резко смещаюсь вправо, повинуясь неосознанной мысли, словно чистому инстинкту. Я много лет проводила учебные поединки с Конгер и надеюсь, что сейчас она будет двигаться точно так же, как всегда.

Конгер намеревалась вонзить иглу мне в череп, но, поскольку я отшатнулась, игла проникает в этот мир там, где была моя

голова, и с резким стуком втыкается в нефритовое ожерелье у меня на шее. Я вскакиваю, откашливаясь от дыма. Стираю с лица грим из муки. Игла Конгер настолько тонкая, что от удара она безнадежно согнулась. Конгер никогда не наносит второй удар, если первая ее попытка оказалась неудачной.

Удивленный смешок.

– Отличная уловка, Потаенная девушка! Мне следовало бы присмотреться внимательнее в таком дыму. Ты всегда была любимой ученицей Наставницы.

Дыры, вырезанные мною между мирами, предназначались не только для того, чтобы предупредить меня о появлении Конгер. Частично дым проник в спрятанное пространство, и детали обычного мира стали размазанными. В нормальной обстановке мой маскарад явился бы для Конгер лишь прозрачной оболочкой и пышные одеяния не скрыли бы, что под ними стройное девичье тело.

Но, может быть… Может быть, Конгер сама предпочла не разглядеть мой маскарад, точно так же, как когда-то давно она предпочла предупредить меня о подкрадывающемся сзади ястребе.

Я отвешиваю поклон невидимой собеседнице.

– Передай Наставнице, что я сожалею, но в горы больше не вернусь.

– Кто бы мог предположить, что ты станешь защищать людей от убийц? Надеюсь, мы еще как-нибудь свидимся.

– Я обязательно приглашу тебя отведать цветков софоры, старшая сестра. Немного горечи в самом сердце чего-то сладкого делает их не такими приторными.

Раскаты смеха затихают, и я падаю на пол, обессиленная.

Я думаю о том, чтобы вернуться домой, снова увидеться со своим отцом. Но что я расскажу ему о том времени, которое провела вдали? Как объясню ему, что изменилась?

Я никогда не смогу стать той, кем он хочет меня видеть. Во мне слишком много дикого. Я не смогу надеть обтягивающее платье и, войдя в зал, залиться краской, когда мне скажут, за какого юношу я должна выйти замуж. Я не смогу притворяться, будто вышивать мне гораздо интереснее, чем лазать по софоре у ворот.

У меня есть дар.

Я хочу лазать по стенам, как Джинджер и Конгер, я умею перескакивать с лианы на лиану на отвесной скале, я хочу сама выбрать себе парня, за которого выйду замуж: думаю, доброго, с нежными руками – быть может, мастера, зарабатывающего на жизнь полировкой зеркал, который должен знать, что за гладкой

поверхностью есть еще одно измерение.

Я хочу отточить свой дар так, чтобы он засиял ярко, вселяя ужас в несправедливых и озаряя путь тем, кто стремится сделать мир лучше. Я буду оберегать невинных и охранять робких. Я не знаю, всегда ли буду поступать правильно, но я Потаенная девушка, и я собираюсь обеспечивать спокойствие, заслуженное всеми.

В конце концов, я воровка. Я украла свою жизнь для себя, и я буду красть и возвращать чужие жизни.

Приближается стук механических копыт.

Семь дней рождения

7 ЛЕТ

Широкая лужайка простирается передо мной почти до самого золотистого прибоя, отделенная от него лишь узкой бурой полосой пляжа. Клонящееся к закату солнце еще яркое и теплое, ветерок нежно ласкает мне руки и лицо.

– Я хочу подождать еще немного, – говорю я.

– Скоро стемнеет, – говорит папа.

Я жую губу.

– Свяжись с ней еще раз.

– Мы и так отправили ей кучу сообщений, – качает головой он.

Я оглядываюсь по сторонам. Почти все посетители уже покинули парк. В воздухе чувствуется первый намек на вечернюю прохладу.

– Ну хорошо. – Я стараюсь скрыть свое разочарование. Незачем расстраиваться, когда что-то происходит снова и снова, правильно? – Давай запустим змея! – предлагаю я.

Папа держит воздушного змея, ромб с нарисованной феей и двумя длинными хвостами-лентами. Сегодня утром я сама выбрала его в магазине у входа в парк, потому что лицо феи напомнило мне маму.

– Готова? – спрашивает папа.

Я киваю.

– Давай!

Я бегу в сторону моря, в сторону пылающего неба и расплавленного оранжевого солнца. Папа отпускает змея, и я чувствую, как он с глухим хлопком взмывает в воздух, туго натягивая нить у меня в руке.

– Не оглядывайся назад! Беги вперед, медленно выпуская нить, как я тебя учил!

Я бегу. Словно Белоснежка по лесу. Словно Золушка, когда часы бьют полночь. Словно Царь Обезьян[94], старающийся убежать из руки Будды. Словно Эней[95], преследуемый грозой, вызванной разъяренной Юноной. Я разматываю нитку с катушки, и вдруг внезапный порыв ветра заставляет меня прищуриться. Мое сердце колотится в такт моим быстрым шагам.

– Он взлетел!

Я замедляю бег, останавливаюсь и оборачиваюсь. Фея в воздухе тянет меня за руку, требуя отпустить ее. Я крепко держу катушку за ручки, воображая, как фея поднимает меня в воздух и мы вместе несемся над Тихим океаном, как когда-то меня носили

родители, подхватив с двух сторон за руки.

– Мия!

Оглянувшись, я вижу маму, идущую по лужайке, ее длинные черные волосы струятся по ветру, словно хвосты змея. Мама останавливается передо мной, опускается на корточки на газон, заключает меня в объятия, прижимая мое лицо к своему. От нее пахнет шампунем, летним дождем и полевыми цветами – этот аромат я ощущаю лишь раз в несколько недель.

– Извини, что опоздала, – говорит мама, и голос ее приглушен моей щекой. – С днем рождения!

Я хочу поцеловать ее и в то же время не хочу. Нить провисает, и я резко ее дергаю, как научил папа. Для меня очень важно удержать змея в воздухе. Почему – не знаю. Возможно, это как-то связано с потребностью поцеловать маму и не целовать ее.

К нам подбегает папа. Он ничего не говорит про время. Ни словом не упоминает о том, что мы опаздываем на ужин, который заказали.

Мама целует меня и отстраняется, продолжая сжимать меня в объятиях.

– Случилось кое-что непредвиденное, – говорит она спокойным, ровным голосом. – Вылет посла Чао-Уокер был задержан, и она на три часа забрала меня в аэропорт. Мне пришлось пройтись с ней по деталям плана регулирования солнечной энергии, готовясь к Шанхайскому форуму, который состоится на следующей неделе. Это очень важно.

– Как всегда, – говорит папа.

Мамины руки, обнимающие меня, напрягаются. Родители всегда общались друг с другом так, даже когда еще жили вместе. Разъяснения, которых никто не просил. Обвинения, не звучащие как обвинения.

Я мягко высвобождаюсь из маминых объятий.

– Посмотри!

И это тоже присутствовало всегда: я пыталась любыми способами разрушить рисунок общения моих родителей. Я не могу избавиться от мысли, что есть какое-то простое решение, что-то такое, что поможет мне сделать их лучше.

Я указываю на змея в надежде на то, что мама увидит: я выбрала фею, чье лицо похоже на нее. Однако теперь змей слишком высоко, и мама вряд ли заметит сходство. Я выпустила всю нитку. Провисшая нить напоминает лестницу, связывающую землю с небесами, ее верхний отрезок сияет золотом в последних лучах умирающего солнца.

– Просто замечательно, – говорит мама. – Как-нибудь, когда все немного успокоится, я свожу тебя на фестиваль воздушных

змеев к себе на родину, на противоположное побережье Тихого океана. Тебе обязательно понравится.

– Туда придется лететь, – говорю я.

– Да, – соглашается мама. – Не бойся, летать совсем не страшно. Я постоянно летаю.

Мне не страшно, но я все равно киваю, показывая, что мама меня подбодрила. Я не спрашиваю у нее, когда случится это «как-нибудь».

– Мне хотелось бы, чтобы змей поднялся еще выше, – говорю я, отчаянно стараясь поддержать поток слов, словно, раскручивая нить разговора, я сохраню в полете что-то ценное. – Если перерезать нить, он перелетит через Тихий океан?

– Нет… – помолчав, говорит мама. – Воздушный змей держится в воздухе только благодаря нити. Змей похож на самолет, и натяжение нити играет роль тягового двигателя. Разве ты не знала, что первые аэропланы, построенные братьями Райт, были на самом деле воздушными змеями? Именно так братья поняли, как делать крылья. Как-нибудь я тебе объясню, каким образом у воздушного змея образуется подъемная сила…

– Конечно, перелетит! – вмешивается папа. – Змей перелетит через Тихий океан. Сегодня твой день рождения. Сегодня возможно все.

После этого они больше ничего не говорят.

Я не говорю папе, что мне нравится слушать, как мама рассказывает про машины, про технику, про историю и про другие вещи, которые я не до конца понимаю. Я не говорю маме, что мне прекрасно известно, что воздушный змей не перелетит через океан, – я просто пыталась побудить ее говорить со мной, вместо того чтобы оправдываться. Я не говорю папе, что я уже достаточно взрослая и не верю в то, что в мой день рождения возможно все (я загадала, чтобы родители не ссорились, и вот как все обернулось). Я не говорю маме, что знаю, что она не собиралась нарушать данные мне обещания, но мне все равно больно, когда это происходит. Я не говорю родителям, что мне хочется перерезать нитку, которая привязывает меня к их крыльям, – мое сердце не выдерживает, когда его разрывают в противоположные стороны соперничающие между собой ветры.

Я знаю, что родители любят меня, несмотря на то что больше не любят друг друга, однако от этого легче не становится.

Солнце медленно погружается за океан, на небе загораются звезды. Воздушный змей теряется среди звезд. Я воображаю, как фея навещает каждую звездочку, чтобы шутливо ее поцеловать.

Мама достает телефон и принимается лихорадочно набирать текст.

– Я так понимаю, ты сегодня не ужинала, – говорит папа.

– Нет. И не обедала, – говорит мама, не отрываясь от экрана. – Весь день в бегах.

– Я тут обнаружил одно неплохое вегетарианское заведение в нескольких кварталах от стоянки, – говорит папа. – Можно будет захватить в кондитерской торт и попросить, чтобы нам его подали после ужина.

– Угу.

– Ты не хочешь убрать телефон? – говорит папа. – Пожалуйста!

Вздохнув, мама убирает телефон.

– Я пытаюсь перенести вылет на более поздний рейс, чтобы побыть подольше с Мией.

– Ты не можешь остаться с нами даже на одну ночь?

– Утром я должна быть в Вашингтоне, чтобы встретиться с профессором Чакрабарти и сенатором Фругом.

Папино лицо становится жестким.

– Для человека, которого так заботит состояние нашей планеты, ты определенно летаешь очень много. Если бы ты и твои клиенты не стремились постоянно перемещаться быстро и отправляли бы…

– Ты прекрасно знаешь, что я поступаю так не из-за своих клиентов.

– Я знаю, как легко обманывать себя. Но ты работаешь на гигантские корпорации и автократические правительства…

– Я работаю над техническими решениями, а не над пустыми обещаниями! У нас есть моральный долг перед всем человечеством. Я сражаюсь за восемьдесят процентов населения Земли, вынужденных жить меньше чем на десять долларов в…

Убедившись в том, что оба колосса моей жизни не обращают на меня внимания, я отдаюсь влекущему меня прочь воздушному змею. Голоса спорящих родителей затихают вдали. Шаг за шагом я приближаюсь к грохочущему прибою, нить тянет меня к звездам.

49 ЛЕТ

С большим трудом кресло-каталка «старается» сделать так, чтобы маме стало удобно.

Сначала оно поднимает сиденье так, чтобы мамины глаза оказались на одном уровне с экраном древнего компьютера, который я для нее нашла. Но даже сгорбившись и опустив плечи, мама с трудом дотягивается до лежащей внизу на столе клавиатуры. Почувствовав, что она тянется дрожащими пальцами к клавишам, кресло опускается. Набрав несколько букв и цифр,

мама силится поднять взгляд на экран, теперь застывший где-то высоко вверху. Жужжат моторчики, и кресло снова поднимает ее. И так до бесконечности.

Свыше трех тысяч роботов трудятся под наблюдением трех медсестер, удовлетворяя нужды трехсот с лишним обитателей пансионата «Закат». Вот как мы теперь умираем. Вдали от посторонних глаз. Полностью зависимые от мудрости машин. Апофеоз Западной цивилизации.

Подойдя к столу, я подкладываю под клавиатуру стопку старых книг в твердом переплете, которые захватила из маминого дома, прежде чем его продать. Моторчики перестают жужжать. Простое решение сложной проблемы – мама оценила бы.

Мама поднимает на меня взгляд затуманенных глаз, и я понимаю, что она меня не узнаёт. Говорю:

– Мама, это я… – Затем добавляю: – Твоя дочь Мия.

«У нее порой бывают просветления, – вспоминаю я слова старшей медсестры. – Решение математических задач ее успокаивает. Спасибо за то, что это посоветовали».

Мама всматривается в мое лицо.

– Нет, – говорит она. Мама колеблется мгновение. – Мие семь лет.

После чего снова поворачивается к компьютеру и продолжает нажимать клавиши.

– Нужно еще раз построить демографическую кривую, – бормочет она. – Я покажу, что это единственный способ…

Я присаживаюсь на узкую койку. Наверное, это должно причинять боль (то, что мама помнит свои старые расчеты лучше, чем меня), но она уже так далеко – воздушный змей, кое-как держащийся за этот мир тонкой ниточкой одержимого стремления приглушить сияние земного небосвода, – что я не могу призвать ни гнев, ни сердечную боль.

Я знакома с тем, как работает мамино сознание, заточенное в мозге, который превратился в кусок швейцарского сыра. Мама не помнит то, что произошло вчера, неделю назад, и вообще почти ничего из последних нескольких десятилетий. Она не помнит мое лицо и имена двух моих мужей. Не помнит папины похороны. Я не показываю ей фото с выпускного вечера Эбби и видео свадьбы Томаса.

Остается только говорить о моей работе. Я не жду, что мама запомнит имена, упоминаемые мною, или поймет проблемы, над которыми я работаю. Я рассказываю о том, как трудно сканировать человеческое сознание, как сложно воспроизвести в кремнии вычисления, осуществляемые в органике, – надежды усовершенствовать хрупкий человеческий мозг, такие близкие и в

то же время бесконечно далекие. Наш разговор представляет собой по большей части монолог. Маме уютно слышать поток технических терминов. Достаточно того, что она слушает и не торопится куда-то улететь.

Мама отрывается от своих расчетов.

– Какой сегодня день? – спрашивает она.

– Сегодня мой… Сегодня день рождения Мии, – отвечаю я.

– Мне бы надо повидаться с ней, – говорит мама. – Вот только закончу эту…

– Может, нам лучше вместе погулять на улице? – предлагаю я. – Мия любит бывать на солнце.

– Солнце… Оно слишком яркое… – бормочет мама. Она отрывает руки от клавиатуры. – Ну хорошо.

Кресло-каталка резво катится рядом со мной по коридорам, и вот мы уже на улице. Орущие дети носятся по просторной лужайке, словно возбужденные электроны, в то время как седовласые сморщенные обитатели пансионата сидят четкими группками, подобно атомным ядрам в вакууме. Считается, что общение с детьми благотворно влияет на состояние престарелых, поэтому в «Закате» стараются воссоздать костер, вокруг которого собиралось племя, посредством привезенных на автобусах школьников помладше.

Мама щурится на ярком солнце.

– Мия здесь?

– Мы ее поищем.

Мы вместе окунаемся в шум, ища призрак маминых воспоминаний. Постепенно мама успокаивается и начинает рассказывать о своей жизни.

– Глобальное потепление, вызванное антропогенными факторами, – это реальность, – говорит она. – Однако общественное мнение настроено чересчур оптимистически. Действительность гораздо хуже. Ради наших детей мы должны решить эту проблему сейчас.

Эбби и Томас давно перестали навещать вместе со мной бабушку, которая уже не знает, кто они. И я их не виню. Мама для них такой же чужой человек, как и они для нее. У них нет воспоминаний о том, как она пекла пирожки ленивым летним вечером или позволяла им засидеться допоздна, смотря мультики на планшете. Мама всегда присутствовала в их жизни в лучшем случае отдаленно, что ощущалось преимущественно тогда, когда она оплачивала их обучение в колледже одним чеком. Фея-крестная из сказки – такая же нереальная, как и рассказы о том, что Земля когда-то была обречена.

Маму больше беспокоят будущие поколения, чем ее

собственные дети и внуки. Я понимаю, что несправедлива к ней, однако правда часто бывает несправедливой.

– Если не предпринимать никаких мер, в течение столетия бóльшая часть Юго-Восточной Азии станет непригодной для жизни, – говорит мама. – Рассматривая историю коротких ледниковых периодов и непродолжительных периодов потепления, получаешь историю массовых переселений народов, войн, геноцида. Ты понимаешь?

Прямо перед нами мелькает смеющаяся девочка. Кресло-каталка со скрежетом останавливается. Мимо пробегает ватага детворы, преследующая девочку.

– Богатые страны, внесшие основной вклад в загрязнение окружающей среды, хотят, чтобы бедные страны прекратили развитие и перестали потреблять так много энергии, – продолжает мама. – Они считают справедливым заставить бедных расплачиваться за грехи богатых, не давать тем, у кого кожа темная, догнать тех, у кого кожа светлая.

Мы дошли до самого конца лужайки. Мии нигде нет. Мы разворачиваемся и снова петляем в толпе детей, бегающих, смеющихся, танцующих, кувыркающихся.

– Глупо полагать, что дипломаты найдут какой-то выход. Конфликты неразрешимы, и конечный исход не будет справедливым. Бедные страны не могут прекратить развитие и не должны этого делать, а богатые страны не станут платить. Но есть техническое решение, хитрая уловка. Для этого нужны лишь несколько бесстрашных людей, обладающих возможностью сделать то, что не в силах сделать остальной мир.

У мамы горят глаза. Это ее излюбленная тема – продвигать свой безумный научный ответ.

– Мы должны купить флот реактивных самолетов. Их нужно будет переоборудовать. В международном воздушном пространстве, вне юрисдикции каких-либо государств, эти корабли будут разбрызгивать серную кислоту. Смешавшись с содержащимися в воздухе водяными парами, кислота образует облака из мельчайших частиц сульфатов, преграждающие путь солнечным лучам. – Мама пытается щелкнуть пальцами, однако у нее слишком сильно трясутся руки. – Это будет подобно глобальным вулканическим зимам восьмидесятых годов девятнадцатого века, наступившим после извержения Кракатау[96]. Мы согрели Землю, и мы сможем снова ее охладить.

Руки матери мелькают, создавая образ величайшего инженерного проекта в истории человечества: создание всемирного экрана, приглушающего солнечный свет. Мама не помнит, что ее план успешно осуществлен, что еще несколько

десятков лет назад ей удалось убедить таких же сумасшедших, как она, последовать за ней. Она не помнит протесты, осуждения со стороны экологических организаций, взлетающие в воздух по тревоге истребители, тюремное заключение и, наконец, постепенное признание.

– …бедные имеют право потреблять такую же долю земных ресурсов, как и богатые…

Я пытаюсь представить себе, какой она сейчас видит жизнь. Вечная борьба. Борьба, в которой она *уже* одержала победу.

Предложенная матерью уловка позволила выиграть какое-то время, но не решила фундаментальную проблему. Мир продолжает мучиться напастями – как старыми, так и новыми: обесцвечивание кораллов вследствие кислотных дождей, споры относительно того, нужно ли охлаждать землю еще больше, извечное тыканье пальцем и поиск виновных. Мама не знает о том, что границы были запечатаны наглухо, когда богатые страны заменили сокращающийся приток молодых работников машинами. Она не знает, что разрыв между богатыми и бедными только еще больше вырос, что крошечная часть населения Земли по-прежнему потребляет значительное количество ее ресурсов, что во имя прогресса возрожден колониализм.

Посреди своей пламенной речи мама умолкает.

– Где Мия? – спрашивает она. В ее голосе больше нет вызова. Мама всматривается в толпу, встревоженная тем, что не сможет найти меня в мой день рождения.

– Мы пройдемся еще раз, – предлагаю я.

– Мы должны ее найти, – говорит мама.

Повинуясь внезапному порыву, я останавливаю кресло-каталку и сажусь на корточки перед ней.

– Я работаю над техническим решением, – говорю я. – Есть способ выйти из этой трясины, добиться всеобщей справедливости. – В конце концов, я ведь дочь своей матери.

Мама смотрит на меня, и в ее взгляде по-прежнему нет понимания.

– Не знаю, успею ли я отточить свой метод и спасти тебя, – поспешно добавляю я. «А может быть, мне невыносима мысль, что придется сшивать вместе обрывки твоего сознания». Я пришла к маме, чтобы сказать ей вот это.

Это мольба о прощении? Простила ли я мать? Действительно ли мы хотим прощения, действительно ли оно нам нужно?

Мимо пробегают ребятишки, пускающие мыльные пузыри. В лучах солнца плавающие в воздухе пузыри переливаются всеми цветами радуги. Несколько пузырей опускаются матери на серебристые волосы, но не лопаются сразу. Мама становится

похожа на королеву в диадеме из залитых солнцем драгоценных камней, самозваным оратором, утверждающим, что он говорит за обездоленных, матерью, чью любовь трудно понять и еще труднее не понять.

– Пожалуйста! – говорит мама и, протянув руку, прикасается к моему лицу трясущимися пальцами, сухими, словно песок на солнечном пляже. – Я опаздываю. Сегодня ее день рождения.

И мы снова колесим по толпе, под лучами солнца, ставшего более тусклым по сравнению с моим детством.

343 ГОДА

Эбби заглядывает в мой процесс.

– С днем рождения, мама! – говорит она.

Ради меня она предстает такой, какой была перед загрузкой, – молодой женщиной лет сорока. Эбби обводит взглядом мое захламленное пространство и хмурится: имитации книг, мебели, полосатые стены, пятнистый потолок, из окна открывается цифровая композиция из Сан-Франциско двадцать первого века, моего родного города, и всех тех городов, в которых я хотела побывать, еще когда у меня было тело, но так и не сподобилась.

– Эту программу я запускаю не всегда, – виновато говорю я.

Текущая тенденция процесса, изображающего дом, – чистая, минималистическая, математически абстрактная: правильные многогранники, классические тела вращения на основе конусов, конечные поля, симметричные группы. Предпочтительно использовать не больше четырех измерений, а кое-кто выступает за жизнь на плоскости. Процесс, с таким высоким разрешением изображающий аналоговый мир, снисходительно считается расточительной тратой вычислительных мощностей.

Но я ничего не могу с собой поделать. Несмотря на то что в цифровом виде я прожила значительно дольше, чем во плоти, я по-прежнему предпочитаю модель мира, состоящего из атомов, цифровой реальности.

Чтобы успокоить дочь, я переключаю окно на изображение, поступающее в реальном времени с одного из орбитальных спутников. Появляются джунгли в устье реки – вероятно, там, где когда-то находился Шанхай. Буйная растительность покрывает похожие на скелеты останки небоскребов, на берегу огромные стаи морских птиц, время от времени из воды выпрыгивают стайки дельфинов, описывающих в воздухе грациозные дуги и изящно ныряющих обратно в воду.

Свыше трехсот миллиардов человеческих сознаний населяют в настоящее время эту планету, размещенные в тысячах центров

данных, которые все вместе занимают пространства меньше, чем Манхэттен. Земля вернулась в прежнее дикое состояние, если не считать немногочисленных стойких упрямцев, по-прежнему живущих во плоти в уединенных поселениях.

– На самом деле, не очень хорошо, когда ты тратишь на себя такие вычислительные мощности, – говорит Эбби. – Мое заявление отвергли.

Она имеет в виду заявление с просьбой завести еще одного ребенка.

– На мой взгляд, двух тысяч шестисот двадцати пяти детей более чем достаточно, – говорю я. – По-моему, всех их я так и не знаю. – Я даже не знаю, как произносить математические формулы, которые предпочитают использовать в качестве имен уроженцы цифровой вселенной.

– Приближается новое голосование, – говорит Эбби. – Нам понадобится вся доступная помощь.

– Даже не все те дети, что есть у тебя сейчас, голосуют так же, как ты, – замечаю я.

– Попробовать все равно стоит, – говорит Эбби. – Планета принадлежит всем живущим на ней существам, а не только нам.

Моя дочь, как и многие другие, считает, что величайшее достижение человечества, возвращение Земли обратно Природе, находится под угрозой. Наши сознания (особенно те, которые были загружены из стран, где всеобщая доступность бессмертия была достигнута значительно позднее) считают несправедливым то, что те, кто колонизовал цифровое пространство первым, имеют больше веса в определении того, в каком направлении должно двигаться человечество. Им хотелось бы снова расширить человеческое присутствие и понастроить новых центров данных.

– Почему ты так любишь дикую природу, если даже не живешь в ней? – спрашиваю я.

– Наш моральный долг в том, чтобы быть хранителями Земли, – отвечает Эбби. – Она едва начинает залечиваться от тех ужасных ран, что мы ей нанесли. Мы обязаны сохранить ее такой, какой она должна быть.

Я не собираюсь указывать ей на то, что, на мой взгляд, это очень смахивает на противопоставление Человека и Природы. Я не напоминаю про ушедшие под воду континенты, извержения вулканов, горные пики и долины, сложившиеся на протяжении миллионов лет, надвигающиеся и отступающие ледяные шапки, про несчетное количество живых видов, возникнувших и исчезнувших. Почему мы цепляемся за одно (вот это самое) мгновение как за нечто естественное, что нужно ценить превыше всего остального?

Некоторые моральные дилеммы неразрешимы.

Тем временем все считают, что решение заключается в том, чтобы иметь больше детей, и тогда можно будет задавить противную сторону количеством голосов. Отсюда суровые тяжбы противоборствующих группировок за право завести детей, выделить для них драгоценные вычислительные мощности.

Но как отнесутся к нашим противостояниям наши дети? Будет ли несправедливость задевать их так же сильно? Рожденные in silico[97], отвернутся ли они от физического мира, от обладания телом, или, напротив, устремятся к нему с невиданной силой? У каждого поколения есть свои сокровенные устремления и то, что его нисколько не интересует.

Когда-то я думала, что Сингулярность решит все наши проблемы. Как выясняется, это лишь хитрая *уловка* для решения сложной проблемы. Нас не связывает общая история – мы хотим разных вещей.

Как выясняется, я не так уж и отличаюсь от своей матери.

2401 ГОД

Каменистая поверхность планеты подо мной пустынна и безжизненна. Я испытываю облегчение. Это условие я поставила перед своей отправкой.

Не может быть и речи о том, чтобы все согласились на едином видении будущего человечества. К счастью, нам больше не приходится ютиться на одной планете.

Крохотные зонды отделяются от «Матрешки» и спускаются вниз к кружащей под ними планете. Войдя в плотные слои атмосферы, они зажигаются подобно светлячкам в вечерних сумерках. Здешняя атмосфера настолько хорошо удерживает тепло, что газ ведет себя скорее как жидкость.

Я мысленно представляю самособирающихся роботов, приземлившихся на планете. Представляю, как они множатся и воспроизводят себя с помощью материалов, добытых из коры. Представляю, как они бурят в скалах скважины, чтобы заложить минианнигиляционные заряды.

Рядом со мной появляется окно: сообщение от Эбби, оставшейся во многих световых годах от меня, отправленное несколько столетий назад.

«С днем рождения, мама! У нас получилось!»

Далее следуют сделанные с воздуха снимки миров, одновременно знакомых и непривычных: Земля с умеренным климатом, тщательно регулируемым для поддержания позднего голоцена; Венера, чья орбита была подправлена постоянными ударами астероидов, терраформированная в теплую,

плодородную копию Земли Юрского периода; и Марс, чья поверхность была обстреляна перенаправленными объектами из облака Оорта и согрета размещенными на орбите солнечными рефракторами – до тех пор, пока не стала хорошим приближением сухих, холодных условий последнего оледенения на Земле.

Теперь в джунглях Страны Афродиты разгуливают динозавры, в тундрах на Великих Северных равнинах пасутся стада мамонтов. Генетическая реконструкция ограничивалась лишь возможностями мощных центров данных на Земле.

Были воссозданы существовавшие прежде миры. Вернулись к жизни вымершие виды.

Мама, в одном ты была права: мы снова будем отправлять исследовательские корабли.

Мы колонизируем всю галактику. Находя безжизненные миры, мы будем наполнять их всеми формами жизни, от далекого прошлого Земли до будущего, которое могло бы быть в Европе. Мы пройдем всеми тропинками эволюции. Мы будем пасти каждое стадо и ухаживать за каждым садом. Мы дадим новый шанс существам, которые так и не поднялись на борт Ноева ковчега, раскроем потенциал всех звезд из беседы Рафаэля с Адамом в Эдемском саду.

А когда найдем внеземную жизнь, мы будем обращаться с ней так же осторожно, как обращались с жизнью на Земле.

Один-единственный вид не имеет права монополизировать все ресурсы планеты на последнем этапе ее долгой истории. Не одно только человечество вправе притязать на титул венца эволюции. Разве не заключается священный долг всех разумных видов в том, чтобы спасать любые формы жизни, даже из черной пропасти времени? Техническое решение можно найти всегда.

Я улыбаюсь. Я не ломаю голову над тем, чем является сообщение Эбби – поздравлением или молчаливым упреком. В конце концов, она моя дочь.

Мне предстоит решать свои собственные проблемы. Я переключаю внимание обратно на роботов, на планету под собой, которую мне предстоит разбить на части.

16 807 ЛЕТ

Потребовалось много времени, чтобы расколоть на части планеты, вращавшиеся вокруг этой звезды, и еще больше, чтобы сложить осколки так, как я это мысленно видела.

Тонкие круглые диски диаметром по сто километров размещены в сетке продольных колец, полностью окружающих

звезду. Диски не вращаются вокруг звезды – они статично расположены так, чтобы высокая энергия давления ее излучения компенсировала силу притяжения.

На внешней поверхности этого Роя Дайсона[98] триллионы роботов проложили каналы и шлюзы, создав самую большую микросхему в истории человечества.

Диски поглощают энергию солнца, эта энергия преобразуется в электрические импульсы, исходящие из отдельных ячеек, которые затем протекают по каналам, сливаются в потоки и, наконец, впадают в озера и океаны, разбегающиеся волнами по квинтиллиону колебаний, образующих очертания мысли.

Обратные стороны дисков тускло светятся, подобно угольками после свирепого пожара. Фотоны низкой энергии выпрыгивают в пространство, истощенные после того, как запитали собой цивилизацию. Однако, прежде чем им удается бежать в бесконечную пропасть космоса, они ударяют по другому набору дисков, рассчитанных на то, чтобы поглощать энергию излучения на этой поблекшей частоте. И процесс создания мысли воспроизводится снова.

Вложенные друг в друга оболочки, общим числом семь, образуют мир, наполненный плотной топографией. Там есть гладкие участки по несколько сантиметров в поперечнике, рассчитанные на то, чтобы расширяться и сжиматься, сохраняя целостность дисков, по мере того как вычислительный процесс выделяет больше или меньше тепла, – я окрестила их «морями» и «равнинами». Есть приподнятые участки – где высота горных пиков и кратеров измеряется микронами, – предназначенные для ускорения стремительной пляски битов и кубитов, их я называю «лесами» и «коралловыми рифами». Есть крошечные структуры – ощетинившиеся еще более крошечными отростками, насыщенные плотной сетью проводников, – необходимые, чтобы посылать и принимать информационные лучи, связывающие диски вместе, их я называю «городами» и «поселками». Наверное, это причудливые названия, вроде Моря Спокойствия и Эритрейского моря[99], однако создаваемое ими сознание вполне настоящее.

И как я поступлю с этой вычислительной машиной, питающейся энергией солнца? Какое волшебство я сотворю с помощью этого похожего на матрешку мозга?

Я засадила «равнины» и «моря», «леса» и «коралловые рифы», «города» и «поселки» миллионами миллиардов рассудков, часть из которых создана по подобию моего собственного, другие извлечены из базы данных «Матрешки», и они размножались и воспроизводились, раскручиваясь в мир, многократно превосходящий размерами любой вычислительный центр,

ограниченный рамками одной планеты.

Постороннему наблюдателю казалось, что с построением каждой новой оболочки свечение звезды уменьшалось. Мне, как в свое время моей матери, удалось загасить солнце, но только в значительно бóльших масштабах.

Всегда есть техническое решение.

117 649 ЛЕТ

История течет подобно разлившемуся после дождей потоку в пустыне: вода растекается по иссохшей земле, огибая камни и кактусы, скапливаясь в углублениях, ища русло, – при этом она разрезает ландшафт, каждой случайной прихотью определяя то, что последует дальше.

Существует значительно больше способов сохранять жизни и восстанавливать то, что могло бы быть, чем полагают Эбби и другие.

В громадной матрице моего мозга-матрешки воспроизводятся различные версии нашей истории. В этих могучих вычислениях мир не один – их миллиарды, каждый населен человеческими сознаниями, но настроен быть чуточку лучше.

В большинстве случаев пути ведут к меньшему кровопролитию. Здесь Рим и Константинополь не разорены; там не пали Куско и Виньлонг[100]. По одной временнóй линии монголо-татары не пронеслись несущей смерть волной по Восточной Азии, по другой Вестфальская модель[101] не становится единой калькой для мироустройства. Одна группа людей, одержимая жаждой убивать, не приходит к власти в Европе, а другая, боготворящая смерть, не прибирает к рукам государственную машину Японии. Вместо того чтобы оказаться под колониальным игом, народы Африки, Азии, обеих Америк и Австралии сами определяют свою судьбу. Рабство и геноцид не становятся слугами исследований и открытий; все ошибки нашей истории благополучно остаются в стороне.

Маленькие группы населения не возвышаются, чтобы потреблять непропорционально большую долю ресурсов планеты и монополизировать путь ее будущего. История исправлена.

Однако не все пути ведут к лучшему. В человеческой природе присутствует мрак, делающий определенные противоречия неразрешимыми. Я скорблю по потерянным жизням, но не могу вмешаться. Это не моделирование. Это не может быть моделированием, если я уважаю святость человеческой жизни.

Миллиарды сознаний, живущие в этих мирах, такие же реальные, как я сама. Они так же заслуживают права самим делать выбор, как и все те, кто когда-либо жил, и им нужно

предоставить возможность самим определять свою судьбу. Даже если нам всегда казалось, что мы сами живем в какой-то огромной модели, мы предпочитаем, чтобы правда оказалась иной.

Если вам так больше нравится, считайте это параллельными вселенными, называйте сентиментальным жестом женщины, смотрящей в прошлое, отметайте как своеобразное символическое искупление.

Но разве не каждый разумный вид мечтает о возможности переделать историю? Посмотреть, возможно ли было предотвратить падение из благодати, которое омрачает наш взгляд на звезды?

823 543 ГОДА

Приходит сообщение.

Кто-то перебирает струны, сплетающие воедино ткань космоса, посылая последовательность импульсов по каждой нити паутины Индры, что соединяют взрыв самой далекой сверхновой с колебаниями самого близкого кварка.

Галактика вибрирует посланиями на языках известных, забытых и еще не изобретенных. Я выделяю одну фразу.

«Приходи в центр Галактики. Пришло время воссоединения».

Я осторожно приказываю интеллекту, управляющему дисками, из которых состоит Рой Дайсона, сместиться подобно элеронам старинного самолета. Диски расходятся, словно трескаются оболочки в мозге-матрешке, открывая дорогу вылупляющейся новой форме жизни.

Постепенно статичные конструкции отходят с одной стороны солнца и принимают конфигурацию двигателя Шкадова[102]. Во Вселенной открывается одинокий глаз, испускающий яркий луч света.

И неуравновешенность солнечного излучения начинает медленно двигать звезду, увлекая вместе с ней зеркала-оболочки. Мы направляемся к центру галактики, движимые столбом ослепительного света.

Не все населенные человечеством миры откликнутся на призыв. Обитатели многих планет решили, что достаточно исследовать математические вселенные бесконечно глубокой виртуальной реальности, вести в своей замкнутой скорлупе образ жизни, требующий минимального потребления энергии.

Кто-то, подобно моей дочери Эбби, предпочтет оставить свои цветущие, полные жизни планеты на месте, словно оазисы в бесконечной пустыне космического пространства. Другие будут искать убежища на окраине галактики, где более прохладный

климат позволит осуществлять более эффективные вычисления. Ну а кто-то, вернув древнее удовольствие жить во плоти, поспешит разыгрывать космические драмы покорения и исследований.

Но многие придут.

Я мысленно представляю, как тысячи, сотни тысяч звезд движутся к центру галактики. Одни окружены космическими станциями, заполненными людьми, по-прежнему внешне похожими на людей. Вокруг других кружатся по орбите машины, сохранившие лишь самые смутные воспоминания о своем первозданном виде. Кто-то притащит с собой планеты, населенные существами из нашего далекого прошлого или такими созданиями, которых я никогда не видела. Кто-то захватит с собой гостей, инопланетян, не связанных с нашей историей, которых тем не менее интересует самовоспроизводящийся феномен с низкой энтропией, называющий себя человечеством.

Я воображаю, как поколения детей в бесчисленных мирах смотрят на ночное небо и видят, как перемещаются и видоизменяются созвездия, как меняют свое взаимное расположение звезды, оставляя за собой в эфире инверсионные следы.

Я закрываю глаза. Путешествие займет много времени. Можно немного отдохнуть.

ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ МНОГО ВРЕМЕНИ СПУСТЯ

Широкая лужайка простирается передо мной почти до самого золотистого прибоя, отделенная от него лишь узкой бурой полосой пляжа. Клонящееся к закату солнце еще яркое и теплое, ветерок нежно ласкает мне руки и лицо.

– Мия!

Оглянувшись, я вижу маму, идущую по лужайке, ее длинные черные волосы струятся по ветру, словно хвосты воздушного змея. Мама заключает меня в объятия, прижимая мое лицо к своему. От нее пахнет сиянием новых звезд, рожденных в угольках сверхновой; они похожи на только что родившиеся кометы, вылетающие из первозданной туманности.

– Извини, что опоздала, – говорит мама, и голос ее приглушен моей щекой.

– Все в порядке, – отвечаю я, и это действительно так. Я целую маму.

– Сегодня самая подходящая погода, чтобы запустить воздушного змея, – предлагает мама.

Мы поднимаем взгляд на солнце.

Перспектива головокружительно меняется, и вот мы уже стоим вверх ногами на пересеченной равнине, солнце далеко под нами. Гравитация привязывает поверхность над нашими ступнями к этому огненному шару прочнее любых тросов. Яркие фотоны, в которых мы купаемся, ударяют в землю, поднимая ее вверх. Мы стоим на дне воздушного змея, который поднимается все выше и выше, увлекая нас к звездам.

Я хочу сказать маме, что понимаю ее порыв сделать замечательной одну жизнь, ее потребность загасить солнце своей любовью, ее стремление разрешить непокорные проблемы, ее веру в техническое решение, даже если сама она осознает, что оно оказалось далеким от идеального. Я хочу сказать ей, что знаю – у всех нас есть недостатки, однако это еще не значит, что мы не изумительные.

Но вместо этого я просто пожимаю маме руку, и она отвечает тем же.

– С днем рождения! – говорит мама. – Не бойся летать.

Я отпускаю ее руку и улыбаюсь.

– А я не боюсь. Мы уже почти на месте.

Окружающий мир озаряется светом миллиона миллиардов солнц.

Послание

Город инопланетян представлял собой идеальный круг диаметром примерно десять километров. С воздуха здания (на окраинах города – кубы, посередине города – конусы, пирамиды, тетраэдры) казались неприступными горными пиками. Кольца улиц разделяли город на концентрические секции.

Джеймс Белл заложил двухместный челнок «Артур Эванс»[103] в крутой вираж, пролетая над развалинами во второй раз. Худой, но крепкий мужчина лет сорока с небольшим, он только начинал терять волосы, и в его бороде появилась первая седина. Джеймс отклонил штурвал вперед, направляя челнок вниз, внимательно глядя сквозь стекло кабины голубыми глазами.

Рядом с ним сидела тринадцатилетняя Мэгги, худая и нескладная, словно новорожденный жеребенок. Когда корабль резко нырнул вниз, девушка ахнула и ухватилась рукой за поручень над головой.

– Извини, – сказал Джеймс. Лорен, мать Мэгги, также терпеть не могла то, как он летал, постоянно резко бросая челнок вверх и вниз и закладывая крутые виражи. Явственно представив себе, как Лорен судорожно хватала его за руки, когда он затащил ее прокатиться на «американских горках», Джеймс улыбнулся, но тотчас же это воспоминание сменилось смесью сожаления и негодования.

Стряхнув это чувство, Джеймс выровнял корабль.

– Джулия, – обратился он к искусственному интеллекту челнока, – возьми управление на себя. Лети медленно и плавно.

ИИ пискнул, подтверждая, что понял приказ.

– Меня так и тянет на безрассудства, когда я летаю над планетой с рабочей атмосферой и магнитным полем, – виноватым тоном начал объяснять Джеймс, в основном чтобы заполнить тишину. – Поскольку мы защищены от вредного космического излучения, я оставляю тяжелую наружную оболочку с радиационной защитой и мониторами на орбите и беру с собой только ядро. Так челнок получается гораздо более маневренным.

Смахнув с лица прядь длинных рыжих волос, Мэгги упорно не смотрела на него, сосредоточив взгляд на чуждых строениях, проплывающих под челноком.

Она вела себя так с тех самых пор, как два дня назад поднялась на борт, отвечая Джеймсу односложными предложениями или вообще ничего не говоря. У него не было с ней общего прошлого, на фоне которого можно было бы интерпретировать ее жесты, не было контекста, который позволил

бы наполнить смыслом ее молчание. В ее присутствии он чувствовал себя неловко, не зная, как с ней общаться. Родная дочь представляла для него бóльшую загадку, чем те многие погибшие цивилизации, которые он изучал.

Шесть месяцев назад, как раз когда Джеймс торопился завершить исследования Пи Баэо – до того как в процессе терраформирования поверхность планеты будет начисто стерта астероидами и кометами, – он получил послание от Лорен, впервые за десять лет. Она сообщала, что смертельно больна. Он был нужен Мэгги.

Мэгги родилась уже после того, как они с Лорен расстались. Больше того, Джеймс даже не подозревал о ее существовании до тех пор, пока Лорен через год после рождения дочери не прислала ему ее фотографию. Он долго смотрел на спеленатую розовую плоть, не зная, как к этому отнестись. Джеймс не был готов стать отцом, и Лорен, должно быть, понимала это: вот почему она ничего не сказала при расставании. Она приняла его предложение выделять ей средства на содержание ребенка, не требуя ничего больше, и он испытал облегчение.

Без торжественных фанфар и почти без разъяснений того, как ему быть, Джеймс получил опеку над угрюмым, сраженным горем подростком. «Ну как я должен был научиться быть отцом за те два дня, что потребовались для возвращения на Пи Баэо?»

Джеймс вздохнул. Он не любил усложнять свою жизнь. Теперь, когда они с Мэгги вернулись на Пи Баэо, у него оставалось меньше недели до прибытия комет и астероидов.

– Там какие-то надписи, – тихо промолвила Мэгги.

Письмена и рисунки покрывали стены инопланетных зданий, казалось, высеченных из цельного камня. Ни окон, ни дверей не было.

Джеймс удивился, но в то же время обрадовался тому, что Мэгги проявила какой-то интерес к развалинам. Он чувствовал себя в своей тарелке, читая лекции любознательным студентам.

– Это одна из причин, почему меня заинтересовало это место. Большинство культур, перешагнувших границу Куни-Маклина, погружаются в цифровые «темные века» и перестают выдавать аналоговую письменность. Вся их информация оказывается сосредоточена в хрупких цифровых артефактах, которые очень трудно сохранить и еще труднее расшифровать. Здесь также перешли на цифру, но эти образцы…

Челнок набрал скорость, накренился и провалился вниз. Мэгги вскрикнула.

– Джеймс! – послышался встревоженный голос Джулии. – Похоже, в процедуре стабилизации ошибка, которую я не могу

исправить. Ты должен перейти на аналоговое управление.

Схватив штурвал, Джеймс резко потянул его на себя. Двигатели взревели. Но было слишком поздно. Корабль падал чересчур быстро.

– Приготовьтесь к столкновению, – произнес голос Джулии.

Джеймс непроизвольно обхватил Мэгги, прижимая ее к креслу, словно силы его руки было достаточно для того, чтобы защитить девушку от стремительно приближающейся земли.

* * *

Роботы, механические пауки размером с домашнюю кошку, ползали по корпусу «Артура Эванса», определяя характер повреждений. В воздух взлетали снопы искр электрической сварки.

– Ну пока что сойдет, – сказал Джеймс, перебинтовав порез у Мэгги на лбу. – При падении Джулия спасла нас, деформировав корпус корабля, принявший на себя всю силу удара. На то, чтобы починить корабль, роботам потребуется несколько дней, но у нас все равно останется полно времени на то, чтобы убраться отсюда до появления первых комет.

Сев, Мэгги ощупала повязку. Вытянув ноги, осмотрела свои руки.

– А что делать мне, пока ты работаешь? Просто сидеть здесь?

«По крайней мере, сейчас она разговаривает», – подумал Джеймс.

– Ты можешь пойти со мной. Но мне нужно будет работать, так что я не смогу постоянно следить за тобой.

– Я сама могу о себе позаботиться, – поджала губы Мэгги. – Мне не пять лет!

– Я вовсе не хотел…

– Лучше бы я осталась одна в нашем доме, вместо того чтобы едва не погибнуть здесь, с *тобой!* – Голубые глаза Мэгги наполнились слезами. – Этот глупый судья! Он понятия не имел…

– Хватит! – «Быть может, было лучше, когда она молчала». Единственным звуком в кабине челнока был периодический писк диагностической консоли, свидетельствовавший о том, что Джулия продолжала проводить тестирование. Мэгги с вызовом глянула на отца.

Сделав над собой усилие, Джеймс постарался говорить спокойнее.

– Суд отправил бы тебя в детский дом, если бы я не взял над

тобой опеку, понятно? Я делаю это, потому что твоя мать написала…

Гнев и скорбь, которые девушка так долго сдерживала закупоренными в себе, вырвались на свободу. Начав говорить, Мэгги решила выложить все по полной.

– О, это так *благородно* – взять на себя бремя в виде *собственного ребенка*! Я тебя ненавижу!..

– Заткнись и выслушай меня! – рявкнул Джеймс. Дочь казалась ему неразумным сгустком чистой злобы и ненависти. – Да, я знаю, что все эти годы меня не было в твоей жизни. Мы с твоей матерью… – Он усомнился в том, что Мэгги поймет. Вряд ли он сам понимал, как все так обернулось. – Это очень сложно.

– Да, «сложно». Ты предпочитаешь заниматься мертвыми инопланетянами, вместо того чтобы позаботиться о родном человеке! Вот это *действительно* трудно объяснить.

Слова больно ударили Джеймса, он услышал в них отголоски своей покойной бывшей жены.

Джеймс подождал, пока его дыхание успокоится.

– Ты можешь меня не любить. Но я отвечаю за тебя до твоего совершеннолетия. Я постараюсь по возможности оставлять тебя в покое, и ты можешь со мной не разговаривать. И все же нам обоим будет проще, если ты, по крайней мере, постараешься вести себя вежливо.

Диагностическая консоль пискнула громче.

– Я установила причину аварии, – объявила Джулия. – Во время полета случилось множество одиночных сбоев в аппаратной памяти, повлиявших на работу навигационной системы. Сбои произошли во всех системах.

– Неисправные микросхемы памяти?

– Такое возможно. Подозреваю, это связано с твоей попыткой сэкономить, когда во время последнего технического обслуживания ты использовал дешевые компоненты.

– Точно, – театрально покачала головой Мэгги, – и ты собираешься заботиться обо мне так же, как заботился о своем корабле!

* * *

Атмосфера Пи Баэо содержит мало кислорода и практически лишена влаги. Хотя необходимости облачаться в полный скафандр не было, Джеймсу с Мэгги пришлось надеть кислородные маски и комбинезоны, препятствующие испарению.

Они разглядывали громадные развалины. Даже кубы,

образующие внешнее кольцо размерами значительно меньше мегалитов внутри, поднимались вверх на добрых пятьдесят метров. Два человека казались муравьями, ползающими среди разбросанных гигантских игрушек.

Верный своему слову оставить Мэгги в покое, Джеймс направился к городу, даже не оглянувшись на нее. Постояв немного, девушка последовала за ним, держась на расстоянии нескольких метров.

Если честно, Джеймс радовался тому, что больше не нужно изображать какую-то идеализированную версию хорошего отца. У него это не получится – он всегда знал, что у него это не получится. Лорен не ошиблась на этот счет, и он больше не хотел ломать комедию.

Кольцо кубов образовывало сплошную стену. Джеймс направился к проходу в том месте, где один куб обвалился. Вблизи стало видно, что куб состоял из маленьких блоков, скрепленных вместе гравитацией и силой трения за счет сложной системы шипов и пазов.

Отец и дочь перелезли через груды мусора. Мэгги оказалась спортивной и ловкой, она скакала по каменным обломкам как горная козочка. Джеймс сдержался, не став предлагать ей помощь.

За проломом на ровной поверхности громоздились, подобно горным вершинам, монументальные пирамиды, отбрасывающие длинные гнетущие тени. Несмотря на свободное пространство между пирамидами, город навевал чувство клаустрофобии.

Джеймс фотографировал большие письмена на гладких поверхностях пирамид. Он различал несколько отчетливых шрифтов – свидетельство того, что надписи были сделаны на разных языках. Однако надписи на всех видимых поверхностях выглядели полностью идентичными. Казалось, одни и те же несколько предложений повторялись снова и снова.

– Лингвистических данных для анализа здесь очень мало, – пробормотал Джеймс, разговаривая сам с собой.

Ругань с отцом и последовавший изнурительный переход частично высосали из Мэгги энергию. Любопытство и желание показать себя взяли верх.

– Должно быть, они считали очень важным то, что хотели сказать, раз повторили это столько раз, – предположила девушка. – Грубая, но эффективная избыточность информации.

Она говорила так, словно цитировала книгу. Джеймсу стало смешно, однако эта версия Мэгги нравилась ему больше. Он чувствовал себя уютнее, говоря о работе.

– Ты увлекаешься теорией информации, да?

– Да. Я неплохо разбираюсь в компьютерах и… Когда была маленькой, я просто умоляла маму купить мне книги по ксеноархеологии и сохранению данных. И я ездила в археологическую экспедицию. Я знаю все то, что ты говорил о цифровых «темных веках».

Джеймс попытался представить себе маленькую Мэгги, читающую книги по ксеноархеологии. «Должно быть, это сводило Лорен с ума». Он улыбнулся. После чего задумался, почему девочка, ни разу в жизни не видевшая своего отца, захотела изучить то, чем, как она полагала, занимался он. У него зачесался нос.

Джеймс постарался поддержать разговор.

– Что ты думаешь об этих рисунках? – Он кивнул на многочисленные изображения среди надписей, по большей части все еще различимые, несмотря на долгие годы эрозии.

– Это план города?

Рисунки изображали концентрические окружности с маленькими квадратами, треугольниками, пятиугольниками и кружками в промежутках. Но тут Мэгги нахмурилась.

– Это же какая-то бессмыслица! Они все разные!

Сделав несколько снимков рисунков крупным планом, Джеймс сравнил их с планом расположения зданий, составленным по данным аэрофотосъемки. Мэгги была права: рисунки не соответствовали действительному расположению зданий и не соответствовали друг другу.

– И как могли эти люди, эти инопланетяне, жить в городе с одними только концентрическими улицами? Я не нашла ни одной дороги, ведущей из центра.

Пораженный Джеймс посмотрел на дочь.

– Очень тонко подмечено!

Мэгги закатила глаза. То, как она склонила голову набок, было практически точной копией жеста Лорен. Джеймс почувствовал, как его захлестнула волна нежности.

– На самом деле я не думаю, что люди Пи Баэо хоть когда-нибудь здесь жили. Исследования с воздуха не показали поблизости никаких следов захоронений или свалок. Я также просветил строения георадаром. Они сплошные, внутри нет никаких пустот. Так что, пожалуй, не совсем точно называть это место «городом».

– Тогда что это?

– Понятия не имею. Будем надеяться, я смогу это установить до того, как через неделю здесь все полностью исчезнет.

– Каков его возраст?

– Насколько я могу судить, Пи Баэо потерял всю воду около

двадцати тысяч лет назад. Хотя я не знаю, что именно произошло, процесс, по-видимому, занял всего несколько столетий. По мере того как запасы воды иссякали, жители сражались за скудеющие ресурсы. Все поселения, которые я обнаружил, уничтожены в ходе военных действий. Разрушения такие сильные, что роботы смогли найти совсем немного уцелевших артефактов.

– Однако это место выглядит нетронутым.

– Совершенно верно. Расположенное в тысячах километров от ближайших обжитых районов, это место уцелело, в то время как остальной Пи Баэо умер. И я хочу выяснить почему.

– Но это же были совершенно чуждые людям существа. *Почему* они тебя так волнуют? Они ведь даже не подозревали о нашем существовании! – В голосе Мэгги опять появилось осуждение. Она снова вспомнила о том, что отец столько времени не пытался связаться с ней, хоть как-то ее узнать.

– Это правда, – подтвердил Джеймс. Перемена в голосе дочери встревожила его. Он не хотел снова иметь дело с разъяренным, безрассудным подростком. К тому же вопросы Мэгги огорчили его. Джеймс никогда не мог толком объяснить, почему работа так важна для него. И все-таки он решил попробовать. Быть может, дочь поймет его, в отличие от жены.

– Человечество долгое время изучало звезды. Однако мы по-прежнему одни во Вселенной. Все инопланетные цивилизации, обнаруженные нами, погибли.

Подавляющее большинство цивилизаций эгоцентричны и сосредоточены только на настоящем. Они особо не заботятся о том, чтобы оставить наследие для тех, кто придет, когда их уже не будет. Их живопись и поэзия, возвышение и падение, их краткое существование во Вселенной – практически все это не поддается восстановлению. А меньше чем через неделю ледяные кометы и астероиды, направленные специалистами по терраформированию, подвергнут бомбардировке поверхность этой планеты и вернут на нее воду. После чего даже последние следы старой цивилизации будут уничтожены.

Но мне всегда казалось, что народы, которые я изучаю, оставили какое-то послание, которое я должен передать дальше. То, что я обнаружу, станет завещанием и шепотом народа Пи Баэо. Изучая его, я установлю с ним связь, передам их послание, и человечество перестанет быть полностью одиноким.

Задумчиво посмотрев на него, Мэгги пожевала губу.

Джеймс осторожно выдохнул; он испытал необъяснимую радость, увидев, как дочь едва заметно кивнула.

Солнце погружалось за стену из кубов.

– Уже поздно, – сказал Джеймс. – Вернемся сюда завтра.

* * *

Пока Джеймс готовил на камбузе ужин, Джулия занималась обучением Мэгги. Вывесив в воздухе голографическую проекцию периодической системы элементов, ИИ бубнил о свойствах лантаноидов. Проведя много времени в обществе Джеймса Белла, ИИ приобрел вкус к заумным рассуждениям. Постепенно веки Мэгги сомкнулись, и она клюнула носом.

Джулия остановилась.

– Ты даже не стараешься меня понять! Ты не ходишь в школу уже два месяца! Как ты намереваешься наверстать упущенное, не прилагая усилий?

– Не кричи на меня! Я не по своей воле не хожу в школу.

Джулия смоделировала свой голос, сделав его более мягким.

– Извини. Понимаю, тебе очень нелегко – ты потеряла мать.

– А *ты-то* что в этом понимаешь? – сердито воскликнула Мэгги.

– Пусть я машина, но я много лет провела с доктором Беллом… И я также знала твою мать.

Мэгги вскинула голову.

– Расскажи мне о моих родителях… Что у них произошло?

– Не могу. Это личное.

Мэгги оглянулась на суетящегося на камбузе отца. Придется подождать.

– Ты не можешь выбрать тему поинтереснее химии?

– А что ты считаешь интересным?

– Как насчет археологии? Мы можем попытаться расшифровать тексты, обнаруженные сегодня на пирамидах?

Эта тема не значилась в стандартной программе обучения, однако Джулия решила уважить желание девушки.

– Хорошо. Как ты понимаешь, здесь нет никакой надежды найти Розеттский камень[104]. Поэтому предположения о значении текста должны основываться на нелингвистических…

– Да, да, знаю. Просто покажи мне образцы других письменностей, имеющих хоть что-то общее с тем, что мы увидели на пирамидах.

Джулия пискнула, выражая недовольство тем, что ее перебили, но убрала периодическую таблицу и вывела вместо нее фотографии надписей, обнаруженных в других разрушенных городах на Пи Баэо.

– Вот эти символы, кажется, совпадают с подпоследовательностью надписей на пирамидах.

Мэгги изучила фотографии.

– Увеличь немного. Я хочу понять, где вы их нашли.

Джулия повиновалась. Мэгги озадаченно нахмурилась. Распознавать фотографии оказалось значительно сложнее, чем аккуратные рисунки в учебниках по археологии. Девушка не могла понять, что это такое. Ей казалось, она видит перед собой груды мусора.

Джулия молчала, все еще злясь на нее.

– Станет гораздо легче, если ты посмотришь на трехмерное изображение, – сказал Джеймс, выходя с камбуза. – Джулия, выведи модели и покажи Мэгги, где были обнаружены эти символы.

Голографическое изображение сменилось на реконструкцию высоких красивых домов инопланетян, покрытых сотовым узором окон и дверей. Джулия выделила места, где были обнаружены совпадающие символы.

– Видишь закономерность? – спросил Джеймс.

– Все эти надписи обнаружены рядом с дверными проемами, – сказала Мэгги.

– Возможный перевод?

– Вход?

– Или выход.

– То есть после всего объема работ мы по-прежнему не можем понять самую содержательную часть послания? – рассмеялась Мэгги. – Мы так и не знаем, что говорят эти надписи: «Добро пожаловать! Заходите!» или «Убирайтесь прочь и не смейте сюда соваться!».

Джеймс впервые услышал смех дочери, восторгаясь тем, что уловил в нем отголоски смеха Лорен, а также своего собственного. Его захлестнула волна чувства близости, приправленная сожалением.

* * *

Мэгги на цыпочках прокралась мимо отцовской каюты в кабину челнока. За стеклом в восточной части небосвода были видны сотни ярких полосок. Несущие разрушение и одновременно возрождение кометы омывали чуждый ландшафт серебристым сиянием.

Осмотревшись по сторонам, девушка отыскала отцовский шлемофон, надела его и обратилась шепотом к безмолвному мраку:

– Джулия!

В наушниках послышался голос ИИ:

– Да?

– Расскажи мне о моих родителях.

Джулия молчала.

– Хорошо, не хочешь по-хорошему, сделаем по-плохому. – Пододвинувшись вперед, Мэгги достала из-под консоли клавиатуру. Она нажала несколько клавиш и подождала, когда оживет проекционный дисплей на стекле кабины. В левом верхнем углу появился мигающий курсор.

Мэгги набрала команду:

> (DEFINE ACKERMANN-HEAP-FILL (LAMBDA () ([105]

– Так, хватит! – нарушила тишину Джулия. Мэгги улыбнулась, уловив в голосе ИИ злобное шипение. – Вовсе не обязательно опускаться до машинного кода. Я разрешу тебе доступ, но затем обязательно извещу доктора Белла…

– Ничего подобного ты не сделаешь, – склонившись к клавиатуре, Мэгги снова начала стучать по клавишам.

– Ну хорошо, хорошо!

– И не будь такой угрюмой. Никакой это не взлом системы безопасности. Даже если отец узнает, он не будет особенно злиться. А ты всегда сможешь свалить все на дешевые микросхемы памяти, из-за которых возникают все эти сбои оборудования.

Джулия пробормотала что-то нечленораздельное.

* * *

Мэгги пришла к заключению, что рыться в электронных архивах отца во многом сродни археологии. На протяжении нескольких лет она изучала археологию, чтобы чувствовать себя ближе к отцу, чтобы поддерживать с ним какую-то связь. Так долго ей хотелось раскрыть человека, о котором ее мать никогда не говорила, извлечь из-под земли отца, бросившего ее еще до того, как она появилась на свет.

Фотографии, электронные сообщения, аудио– и видеозаписи были свидетельствами безвозвратно ушедшего прошлого, созданными двумя людьми, которые никак не могли предположить, что в будущем эти свидетельства будет изучать кто-то посторонний, и посему смеялись, писали и смотрели в объектив только для самих себя. И все же Мэгги не покидало такое чувство, будто родители с самого начала рассчитывали на нее как на зрителя. Они оставили ей послание – возможно, сами того не желая.

Мэгги вставляла отдельные детали в контекст, выстраивала хронологию. Она вела археологические раскопки, восстанавливая

загадку, каковой был ее отец.

* * *

Видео показывало крохотную квартиру-студию. Прильнув к экрану, Мэгги смотрела на более молодую, гладко выбритую версию отца. Он говорил в объектив камеры, нервно теребя в руках маленькую шкатулку.

– Джулия, ты можешь еще раз пройтись по цифрам?

– Цифры не изменятся. – В голосе ИИ прозвучало раздражение. – Я могу поискать похожее кольцо подешевле…

– Нет! Мне *не нужно* кольцо подешевле. Лорен заслуживает этого.

– В таком случае я не вижу другого выхода, кроме как отказаться от покупки челнока. Позволить себе и то и другое ты не можешь.

* * *

Теперь Мэгги видела более молодую версию своей матери, сидящую в одиночестве в квартире-студии из предыдущего видео. Молодая Лорен сияла надеждой и юностью. Мэгги не сдержала слез. Ей очень не хватало матери.

– Джулия, спасибо за то, что предупредила меня, – сказала Лорен. – Иногда мы должны спасать Джеймса от него самого.

(«А тебе не впервой сливать секреты отца близким ему женщинам», – шепнула в микрофон Мэгги. Джулия протестующе пискнула и умолкла.)

Лорен с восторгом посмотрела на кольцо у себя на руке.

– Оно *правда* очень красивое. – Она покрутила кольцо на пальце. – Но тяжелое.

– Я пыталась помешать ему затащить тебя на «американские горки», – сказала Джулия. – Я знаю, что ты их терпеть не можешь. Однако он рассудил, что для него лучший шанс услышать от тебя «да» – это сделать предложение в тот момент, когда ты перепугана до смерти и прижимаешься к нему.

– Его шансы всегда были стопроцентными.

– Когда-нибудь вы повеселите этим рассказом своих детей.

Лорен сняла кольцо с пальца.

– Я скажу Джеймсу, что у меня аллергия на металл и кольцо нужно вернуть. Пусть он лучше купит челнок, и мы будем вместе бороздить звездные просторы, ничем не обремененные.

* * *

Теперь на видео была кабина двухместного челнока, в котором Мэгги признала «Артур Эванс», но только гораздо новее и чище, чем сейчас. В креслах сидели Джеймс и Лорен.

– Я полагал, ты хотела этого, – вздохнул Джеймс.

– Хотела.

– Так что же изменилось?

Лорен прикусила губу.

– Мы скитаемся по галактике уже пять лет. И какими достижениями мы можем похвастаться? Двадцать контейнеров сломанных артефактов. Несколько монографий, которые никто не читает. У мертвых инопланетян нет потомков, заботящихся о сохранении культурных ценностей, и все цивилизации, которые мы изучали, рухнули до того, как смогли покинуть свои родные планеты, так что разжиться у них какими-либо новыми технологиями также не получится. Взгляни правде в лицо – никому нет дела до мертвых инопланетян!

– *Мне* есть до них дело. *Мне* важно, чтобы их понимали и помнили. Человек хочет оставить после себя свое имя, а цивилизация хочет оставить после себя свою историю. Я единственный, кто отделяет эти цивилизации от полного забытья.

– Джеймс, мы с тобой уже не молоды. Мы не можем вечно блуждать среди звезд. Нам нужно подумать о будущем, о нас самих.

Лицо Джеймса стало твердым, губы сжались в узкую полоску.

– Я не собираюсь сидеть за столом в конторе только ради того, чтобы мы купили домик с участком земли на какой-нибудь недавно освоенной планете и нарожали детей. Терраформирование идет очень быстро, и я должен спасти то, что могу, прежде чем все эти тайны будут стерты навсегда.

– Когда наши дети вырастут, мы сможем вернуться к этой жизни, снова отправиться в дорогу.

– Если мы где-нибудь пустим корни, мы больше никогда не снимемся с места. Одно бремя влечет другое.

– Ты не хочешь даже попробовать? Несколько лет?

– Я не понимаю, что изменилось.

– Ты так глубоко сочувствуешь исчезнувшим цивилизациям, но не понимаешь того, что хочу я?

– Разговор закончен. – Джеймс встал и покинул кабину.

Лорен осталась одна. Посидев немного, она вздохнула и погладила живот.

– Почему ты ему ничего не сказала? – Это была Джулия.

Лорен покачала головой.

– Если я ему скажу, он уступит, потому что попытается проявить ответственность, но он будет до конца своих дней злиться на меня и на ребенка. Пусть я лучше буду жить без него, чем с ним, полагающим, что мы навесили на него неподъемное бремя.

* * *

– Знаешь, я пытался.

Отец на видео не брился уже несколько дней. В кабине царил полный беспорядок, повсюду валялись упаковки из-под продуктов, на креслах висела грязная одежда. Чувствовалось, что отец пил.

– Лорен не хотела вынуждать тебя выбирать между тем, что ты хочешь делать, и тем, что считаешь своей обязанностью, – сказала Джулия.

– Она считала, что я еще не готов! – выпалил в ответ Джеймс. – Она мне не верила. Возможно, она была права.

* * *

После завтрака Джеймс приготовил мотоцикл на воздушной подушке.

– У тебя под глазами мешки, – озабоченно посмотрел он на Мэгги. – Ты не выспалась, да? Может, тебе сегодня лучше остаться на корабле и отдохнуть.

Однако отговорить дочь ему не удалось. Она села на мотоцикл у него за спиной и обхватила его руками за пояс. После чего наклонилась вперед и прижалась лицом к его спине.

Какое-то мгновение Джеймс не мог пошевелиться, ошеломленный этим проявлением доверия. У него перед глазами мелькнула фотография малышки Мэгги, и внезапно он ощутил безмерную нежность к этому беспомощному розовому комочку с крепко стиснутыми кулачками и зажмуренными глазками.

Мотоцикл на воздушной подушке быстро летел вперед, направляясь к сердцу развалин.

– Наверное, это какая-то шутка, – пробормотал Джеймс, резко останавливая мотоцикл.

Перед ними начиналась первая из многих концентрических улиц-окружностей, которые они видели с воздуха. Но только теперь было очевидно, что эта окружность – вовсе не улица. Это был ров с гладкими отвесными стенами, глубиной свыше

пятидесяти метров и вдвое шире.

– Защитный ров *внутри* города? – недоуменно промолвила Мэгги.

– Я начинаю думать, что смысл этого послания весьма прост: мы не хотим, чтобы вы шли в центр.

– В таком случае мы просто обязаны туда попасть. – Лицо Мэгги было по-детски озорным. – Там нас ждет какая-то тайна!

Джеймс усмехнулся, однако восторг дочери заразил и его. Он сложил мотоцикл в транспортировочный вид (что-то вроде старинного чемодана) и бросил его в ров. Мотоцикл с грохотом упал на дно. Затем Джеймс достал альпинистские крючья и веревки и показал Мэгги, как всем этим пользоваться. Девушка быстро усвоила, что к чему, и они спустились в ров, пересекли его и поднялись по противоположной стенке.

Через несколько минут они остановились у подножья одной огромной пятигранной пирамиды.

– Ты только посмотри! – сказал Джеймс. – Новые рисунки!

Рядом с уже знакомыми повторяющимися изображениями вдоль подножья пирамиды тянулись панели с новыми рисунками, похожими на комиксы.

– С какой стороны начнем? – спросила Мэгги.

– Понятия не имею, – пожал плечами Джеймс. – Ты видела, что до сих пор мне удалось лишь выделить совпадающие символы, что-то вроде идеограмм. Я не знаю, в каком порядке здесь читается текст – слева направо, справа налево или вообще как-то нелинейно.

Мэгги решила сперва попробовать слева направо.

Всего панелей было пять. На первой содержался уже знакомый «план» города. На следующей добавлялись две яйцевидные фигуры, каждая с восемью длинными ногами. Одно яйцо, в центре города, свернуло ноги, а тело его было покрыто паутиной тонких линий; второе яйцо находилось далеко за пределами города.

– Эти похожие на пауков существа являются стилизованными изображениями жителей Пи Баэо, – предположил Джеймс.

– Почему один из них растрескался?

– Точно не знаю. Но возможно, этим обозначается, что существо мертво, болеет или ненастоящее. С ним что-то не так.

На третьей панели обе фигурки были изображены с гладкими поверхностями и прямыми ногами. Та, что первоначально находилась в самом центре, переместилась ближе к краю, а другая приблизилась к городу.

– Возможно, это миф о воскресении и возрождении, – сказал Джеймс.

На четвертой панели оба яйца еще больше сблизились, а на пятой, последней, они объединились на самом краю города, переплетясь ногами.

Мэгги возбужденно ухватилась за предположение отца.

– Значит, это место подобно волшебной пещере, где можно встретиться со своими близкими, вернувшимися из объятий смерти! – Она рассмеялась.

Джеймс смеялся вместе с ней. Только сейчас до него дошло, как же ему не хватало любимого человека рядом, когда он исследовал эти безжизненные развалины.

Нахмурившись, он двинулся в обратную сторону.

– Но если идти справа налево, история получится совсем другая: два друга прибыли в город, один решает зайти внутрь, в то время как второй предпочитает уйти. Отважный погибает в центре.

– В таком случае эта версия должна называться «Проклятие Фараона Пи Баэо». Берегитесь, искатели сокровищ и археологи! – Мэгги хлопнула отца по спине. – Все это очень странно. Нам нужно доказать, что проклятие не действует!

«Она совсем как я, – подумал Джеймс. – Бесстрашная, безрассудная. И совсем как Лорен. Этот смех…»

Какое-то мгновение ему казалось, что это Лорен стоит там, где стояла Мэгги, молодая, как в тот день, когда они попрощались друг с другом.

– Повезло тебе! Ты пропустил подгузники, ушные инфекции, скандалы при укладывании спать, жуткие два года, три года, пять лет, – сказала Лорен. Однако она улыбалась. – Но зато тебе придется иметь дело с переходным возрастом.

– Извини, – сказал Джеймс. – Я сожалею… – Он не смог договорить.

– Наша Мэгги – это что-то, правда? – Лорен подняла руку, чтобы смахнуть с лица волосы. У нее на пальце по-прежнему было то самое простенькое пластмассовое колечко, которым она заменила подаренное Джеймсом.

Его сердце пропустило удар, взор затуманился, и он перестал ее видеть.

– Папа! Папа! Что случилось?

Джеймс украдкой вытер слезы. Впервые Мэгги назвала его «папой». Он посмотрел на нее, и чувство ответственности оказалось совсем не тяжелым. Теперь оно было похоже на крылья.

– Ничего. Ветер.

– Идем в центр города!

Джеймс обнял дочь за плечо.

– В других местах на Пи Баэо я видел следы использования

очень мощного оружия. Народ, построивший эти сооружения, был технологически продвинутым, и я не думаю, что эти предостережения – лишь дань предрассудкам. Я считаю, что эти люди пытались предупредить о какой-то настоящей угрозе.

– Какая угроза может продержаться двадцать тысяч лет?

– Не знаю. Но я полагаю, что нам следует проявить осторожность.

Мэгги посмотрела на отца, широко раскрыв глаза от изумления.

– Я думала, ты хочешь понять смысл этих надписей.

Джеймс чувствовал непреодолимое влечение загадки, спрятанной внутри. Намеки на опасность делали ее еще более увлекательной. Ему неудержимо хотелось полностью отдаться загадке, сделать так, как предлагала Мэгги.

Он вспомнил свои чувства, когда Мэгги прижалась головой к его спине. «Есть кое-что поважнее мертвых инопланетян и их посланий».

– Теперь все по-другому… – сказал Джеймс. Медленно, неохотно он развернул мотоцикл. – Это слишком опасно.

– Не понимаю. Что изменилось?

Посмотрев на дочь, Джеймс вместо ответа крепко ее обнял. Мэгги напряглась было на мгновение, затем расслабилась, отдаваясь его объятиям.

* * *

Мэгги крутилась и ворочалась, не в силах заснуть.

Она предложила отцу отправить роботов в центр города (это было бы безопаснее, чем исследовать его самим), но Джеймс отказался. Роботы были нужны, чтобы завершить ремонт «Артура Эванса» до подлета комет.

Чем больше думала Мэгги, тем больше убеждалась в том, что никакой опасности нет. Отец утверждал, что здешняя цивилизация достигла высокого уровня технологического развития, однако строения тут были из камня и украшены комиксами! Это напоминало храм суеверий, а не продвинутое военное сооружение со смертельными ловушками, сохранившими работоспособность по прошествии двадцати тысяч лет.

«Теперь все по-другому…» – сказал отец. У Мэгги перед глазами стояла тоска, написанная у него на лице, когда он принимал решение вернуться.

Отец полагал, что у мертвых инопланетян были истории, которые они считали нужным рассказать. Но он любил мать

Мэгги и обязательно полюбит – уже начинает любить – ее саму.

«Пусть я лучше буду жить без него, чем с ним, полагающим, что мы навесили на него неподъемное бремя».

Мэгги быстро оделась.

* * *

– Джулия! – окликнул со своей койки Джеймс.

– Не спится?

– Эта загадка не дает мне покоя.

– Я так и думала.

Джулия зажгла свет. Джеймс уселся на койке.

– Просмотри еще раз эти «планы» города. В них должна быть какая-то закономерность.

Джулия молчала несколько минут.

– Кажется, у меня кое-что есть. Семь рвов разделяют город на семь концентрических колец и одно в середине. Хотя расположение пирамид на всех рисунках разное, количество и форма пирамид в кольцах постоянны.

Джулия вывела на стену каюты таблицу.

Кольцо	Тетраэдры	Квадратные пирамиды	Пятигранные пирамиды	Конусы	Всего
1	2	0	00	0	2
2	2	6	0	0	8
3	2	6	10	0	18
4	2	6	10	14	32
5	2	6	10	3	21
6	2	6	1	0	9
7	2	0	0	0	2

– Хорошо. Но что это означает? – спросил Джеймс.

– Я могу тупо проверить базы данных на эти числа и посмотреть, нет ли там чего-нибудь.

– Займись этим. Я тоже покручу их в голове, посмотрю, смогу ли что-нибудь найти.

* * *

Кометы подлетели значительно ближе. В их бледном сиянии земля казалась покрытой инеем. Мэгги быстро летела вперед на мотоцикле на воздушной подушке. Она упросила Джулию

выделить ей транспорт и взяла с нее клятвенное обещание молчать.

– Это как то, что было у него с моей мамой. Я не хочу, чтобы он меня осуждал, – сказала Джулии девушка. – Я докажу, что ему не придется меняться из-за меня.

Выбираться из первого рва с привязанным за спиной мотоциклом оказалось очень трудно.

– Я не стану для тебя бременем, – пробормотала Мэгги, подтягиваясь на очередном крюке.

Каждый последующий ров оказывался глубже и шире предыдущего. Вскоре девушка покрылась потом, и ночь перестала казаться прохладной.

Наконец, выбравшись из последнего рва, Мэгги увидела в центре огромную каменную колонну, поднимающуюся на сотни метров в небо подобно указующему персту.

* * *

У Джеймса кружилась голова, его подташнивало. Произошло столько всего: авария челнока, воспоминания о Лорен, общение с Мэгги. У него не было аппетита, спал он плохо.

Джеймс постарался очистить голову. *Девяносто две пирамиды, расположенные концентрическими кольцами подобно огромным кристаллам.*

Перед глазами возник непрошенный образ: задремавшая от скуки Мэгги и Джулия, бубнящая про периодическую таблицу Менделеева. Джеймс улыбнулся, представляя свою дочь, мирно спящую в соседней каюте. Ему захотелось заглянуть к ней и просто посмотреть на нее…

– Джулия, я понял, в чем дело!

ИИ выжидающе пискнул.

– План города представляет собой модель атома, но только такую, к какой мы не привыкли. Концентрические окружности – это уровни электронов, а сооружения изображают электроны разных орбиталей. Ну-ка, выведи одну картинку, я тебе покажу.

Джулия спроецировала на стену каюты один из чертежей. Джеймс продолжал, указывая на него:

– Тетраэдры – это электроны s-орбиталей, квадраты – p-орбиталей, пятиугольники – d-орбиталей и конусы – f-орбиталей. Это изображение атома урана, атомная масса 92, с 92 электронами.

– Это объясняет сбои оборудования.

Эйфория сменилась холодными мурашками, пробежавшими у

Джеймса по спине.

– Я полагал, все дело в дешевых микросхемах памяти…

– Я тоже сначала так думала, однако наличие поблизости источника альфа-частиц – более правдоподобное объяснение частых сбоев. Поскольку все мониторы и радиационная защита остались на орбите, полной уверенности у меня нет, однако, учитывая, что уран является самым распространенным в природе радиоактивным элементом, стилизованное изображение его атома является хорошим указателем на наличие радиации.

Джеймс был потрясен.

– Ты считаешь, что это место является громадным знаком, предупреждающим о радиации? Как быстро мы сможем взлететь?

– Я могу ускорить ремонт и подготовить челнок в течение нескольких часов. Но сначала я хочу сообщить тебе кое-что о Мэгги.

* * *

Земля между последним рвом и каменным столбом была усеяна острыми камнями и чем-то похожим на осколки стекла. Мэгги была рада тому, что передвигается на мотоцикле на воздушной подушке. Если бы она шла пешком, заключительный участок пути стал бы сущим кошмаром. Определенно, строители не хотели никого сюда пускать.

Последний отрезок пути к колонне Мэгги преодолела пешком. Ну вот, наконец! Она раскроет тайну древних развалин и докажет отцу, что не станет для него тяжким бременем.

«Мы сможем жить вместе среди звезд».

У подножия колонны была пещера. Закрепив яркий фонарик на шлеме, Мэгги вошла внутрь. Пещера уходила по спирали вниз. Вспотевшая, девушка остановилась, чтобы вытереть лицо. «Похоже, наконец начинает сказываться недосып», – подумала она.

Внизу проход был перегорожен металлическим барьером. Мэгги проделала в нем отверстие горелкой, имевшейся в наборе археологического инструмента.

Она пролезла в дыру.

Пещера была заполнена стеклянными сферами, расставленными многими рядами. Мэгги взяла одну. Сфера имела в диаметре около полуметра. Внутри лежали плотно уложенные металлические бусинки. В свете фонарика бусинки вспыхнули всеми цветами радуги.

Сфера оказалась очень тяжелой и горячей.

* * *

Несясь к развалинам на мотоцикле, Джеймс ругал последними словами Джулию и себя.

– Я рассудила, что лучше ее отпустить, – пытался оправдываться ИИ. – Я хотела дать ей возможность проявить себя там, где у вас с Лорен такой возможности не было.

Народ Пи Баэо владел технологиями атомной энергии. Понимая, что на распад отработанного топлива до безопасных значений радиации потребуется огромное количество времени, здешние специалисты захоронили отходы здесь, как можно дальше от цивилизации.

Возможно, понимая, что планета умирает (а может, и просто в качестве дополнительной предосторожности), они постарались построить хранилище так, чтобы оно своим обликом предостерегло их потомков или пришельцев из космоса. Даже умирая, они старались заглянуть вперед, обратиться к будущему.

Они попытались зашифровать свое предостережение на многих уровнях, различными способами. Для строительства использовали камень, единственный материал, который простоит миллионы лет. Они надеялись, что их послание поймут все: «Здесь нет ничего ценного. Опасность! Не приближаться!»

Джеймс понял это слишком поздно.

Он поспешно спускался во рвы и карабкался на противоположную сторону. Он начал задыхаться, так что пришлось увеличить подачу кислорода в маску. Все это время у него не выходили из головы невидимые частицы, несущиеся к нему, проходящие сквозь него, раздирая клетки и ткани.

Наконец Джеймс выбрался из последнего рва.

– Мэгги! – крикнул он.

Крошечная фигурка у подножия громадного каменного шпиля в центре помахала ему рукой.

Джеймс выкрутил до отказа ручку мотоцикла и через минуту был уже рядом.

Мэгги стояла рядом с двадцатью-тридцатью стеклянными сферами. Ее лицо раскраснелось и вспотело.

– Разве это не прекрасно? – сказала она. – Папа, там, внизу, их еще много. У меня получилось, я раскрыла эту тайну! Папа, мы с тобой сможем все! – Тут она упала на землю и сорвала с лица маску. Ее вырвало.

Взяв дочь на руки, Джеймс отнес ее к мотоциклу и, как мог быстро, погнал прочь от сфер, пока его не остановил ров.

Мэгги так ослабла, что не было и речи о самостоятельном спуске по крючьям вниз, а затем о подъеме с противоположной

стороны. И Джеймс не мог безопасно спустить ее на одной веревке.

Он мысленно помолился о том, чтобы Джулия успела как можно быстрее завершить ремонт челнока и забрать их отсюда. А пока что они застряли здесь, беззащитные перед смертельным излучением отходов погибшей цивилизации.

Джеймс всмотрелся в лихорадочно раскрасневшееся лицо дочери. Она подвергалась воздействию радиации значительно дольше него; к тому же она была маленькой. Возможно, она не дотянет до прибытия Джулии. Нужно снова захоронить сферы под землей, чтобы уменьшить смертоносное излучение. А для этого придется самому приблизиться к источнику.

Джеймс осторожно уложил Мэгги на землю, вернулся к сферам и по одной отнес их обратно в пещеру. Он старался не думать о том, что происходит с его телом. «Надежда еще есть, – думал он. – Джулия скоро вернется сюда на корабле. Нас с Мэгги введут в стаз до тех пор, пока мы не окажемся в больнице».

Когда Джеймс вернулся, Мэгги попыталась сесть.

– Папа, мне плохо… – простонала она.

– Знаю, малышка. Ты заболела, потому что трогала сферы. Подожди совсем немного! – Джеймс сместился так, чтобы заслонить своим телом Мэгги от колонны в центре, словно его плоть могла защитить девушку от смертельно опасных частиц.

Вдруг все вокруг потонуло в реве несущих винтов. Яркий свет прожекторов залил землю. Прибыла Джулия на «Артуре Эвансе».

Джеймс перенес обмякшее тело Мэгги на борт челнока. Кожа ее стала на ощупь грубой, словно обожженной.

– Джулия, подготовь камеру для стаза. Мэгги, не бойся, тебе просто придется немного поспать.

Устроившись в безопасности в камере, Мэгги кивнула и закрыла глаза.

Джеймс умирал от жажды, у него кружилась голова, он чувствовал себя бесконечно уставшим. Напоследок он еще раз взглянул на навигационную панель, собираясь передать управление Джулии, чтобы самому забраться в камеру для стаза.

На панели тревожно мигали красные лампочки. *Неисправность оборудования.*

Выход на орбиту планеты – операция деликатная. Любые, даже самые незначительные, ошибки недопустимы.

На мгновение Джеймса захлестнула бесконечная злость – на самого себя, на строителей этого хранилища, на погибшую цивилизацию Пи Баэо, на Вселенную. Они с Мэгги погибнут, убитые древней загадкой, которую он не успел разгадать вовремя.

– Мне совсем не страшно, – хрипло прошептала в полудреме

Мэгги.

Джеймс посмотрел на спящую дочь. У нее на лице появилась слабая улыбка. Она полностью доверяла ему.

Джеймс понял, что должен сделать. Он был готов – он всегда был готов, хотя и не сознавал этого.

Он заглянул в камеру. Когда Мэгги проснулась от его прикосновения, он смахнул с ее лица волосы и поцеловал в лоб.

– Слушай меня внимательно, Мэгги. Как только я выведу челнок на орбиту, Джулия подаст сигнал бедствия. Через несколько месяцев сюда прибудут специалисты по терраформированию и заберут тебя. Не беспокойся, Джулия будет поддерживать тебя в анабиозе до тех пор, пока ты не окажешься в настоящей больнице. Тебя вылечат, и ты будешь как новенькая.

– Папа, извини, что так получилось.

– Все в порядке, моя милая. Ты импульсивная и хочешь получить ответы на все вопросы. Совсем как я. – Джеймс помолчал. – Нет, ты лучше меня. Ты всегда понимала, в чем главное.

– Когда я проснусь, мы будем вместе исследовать Вселенную и рассказывать всем истории умерших миров.

Сделав глубокий вдох, Джеймс задержал его в себе. Мэгги должна была знать правду.

– Мы с тобой больше не увидимся, малышка. Я навсегда прощаюсь с тобой.

– Что? – Мэгги попыталась усесться. Джеймс силой ее остановил.

– Доверять Джулии вести челнок слишком опасно. Радиация вызвала многочисленные неисправности оборудования. В общем, именно это и стало причиной аварии. Я должен буду вести корабль в ручном режиме, с помощью аналогового управления. К тому времени как я выведу его на орбиту, лучевая болезнь поразит мой организм настолько, что стаз уже ничем не поможет. Я умру, Мэгги. Извини.

– Нет! Пусть корабль поведет Джулия! Ты должен быть здесь, вместе со мной! Я не могу потерять обоих…

– Ты была лучшей загадкой из всех, какими я занимался, – перебил ее Джеймс. – Я тебя люблю.

Прежде чем Мэгги успела что-либо сказать, он закрыл крышку камеры.

Его лихорадило, у него начинался бред. Он представил себе, как безжалостные лучи вспарывают его тело – остаточное тепло погибшей цивилизации. Но он не испытывал ни страха, ни печали, ни злости. Даже умирая, народ Пи Баэо пытался спасти тех, кто придет следом. И вот сейчас он делал то же самое для

своей дочери. Эта история всегда будет иметь смысл – это послание нужно передавать дальше, даже в холодной, черной и умирающей Вселенной.

Кометы на небе были такими яркими. Скоро все начнется сначала.

Джеймс потянул рычаг управления на себя и почувствовал, как планета осталась позади.

Вырезание

На вершине горы, выше облаков, монахи храма Сю годами вырезают слова из священной книги.

Вера монахов родилась давным-давно. Они знают это из пергамента, на котором написана Книга, хрупкого, растрескавшегося, местами испорченного водой, так что читать написанное нелегко. Настоятель, старейший монах в храме, вспоминает, что Книга уже была такой, еще когда он только пришел сюда юным послушником.

– Эта Книга написана людьми, общавшимися и говорившими с богами. – Трясущийся настоятель дает своим словам впитаться в сердца молодых монахов, сидящих перед ним ровными рядами. – Они записали то, что помнили, из своего опыта, а посему читать Книгу – это снова слушать голоса богов.

Молодые монахи прикасаются лбами к каменным плитам пола, молитвенно распластав руки.

Но монахам также известно, что боги частенько говорили туманно, а человеческая память – инструмент хрупкий и деликатный.

– Вспомните друга своего детства, – продолжает настоятель. – Мысленно представьте себе его лицо и опишите его, приведя столько подробностей, сколько сможете. А теперь снова представьте это лицо. Оно неуловимо изменилось у вас в памяти. Слова, которые вы использовали, чтобы его описать, заменили какую-то часть ваших воспоминаний. Процесс вспоминания – это процесс извлечения, и, занимаясь этим, мы стираем и заменяем оригинал.

Точно так же обстояло дело с теми, кто составлял эту Книгу. В своем страстном рвении они записывали то, что считали правдой, однако многое они исказили. Они ведь были только людьми.

Мы изучаем слова Книги и размышляем над ними, для того чтобы извлечь истину, погребенную во многих слоях метафор.

Настоятель гладит свою длинную седую бороду.

– И поэтому каждый год монахи после долгих споров и обсуждений принимают решение, какие новые слова нужно вырезать из Книги. После этого обрезки пергамента сжигаются как подношение богам.

Монахи верят, что так, отделяя лишнее и раскрывая книгу внутри книги, повествование внутри повествования, они и сами общаются с богами.

На протяжении десятилетий книга становится легче, ее

страницы, изрешеченные вырезками, дырами, пустотами там, где прежде покоились слова, стали похожи на филигрань, на кружева, на рассыпающиеся пчелиные соты.

– Мы стремимся не помнить, а забыть, – говорит настоятель, вырезая из Книги очередное слово.

* * *

вера
хрупкая,
испорчена

людьми, которые
тонут
в ровных рядах.
воспоминаний,
прикасаемся,
молимся.
знаем, что
память хрупкая и нежная.
детство

воскрешает
тех, кто
был
погребен под слоем метафор.
соглашаемся
с

вырезками, дырами, пустотами.

стремимся помнить, забыть.

* * *

помнить забыть.

Слова благодарности

Эмодзи, использованные в этой книге, взяты из шрифта Twitter Color Emoji SVGinOT Font, созданного на основе художественной библиотеки Twitter Emoji for Everyone. Я признателен создателям за то, что они сделали свое творение доступным для широкой публики. Всю информацию о лицензионных соглашениях можно найти на https://github.com/eosrei/twemoji-color-font/blob/master/LICENSE.md.

Я хочу выразить искреннюю благодарность следующим людям, которые помогли этой книге появиться на свет: Джо Монти (величайшему редактору на свете); Расселу Галену, Дэнни Барору, Хитер Барор-Шапиро и Анджеле Чен Каплан (моим агентам, с чьей помощью у меня появилась возможность сделать писательскую карьеру); Нику Читэму и его команде в «Хед оф Зюс» (британском издательстве); Лорен Джексон (реклама); Мэдисону Пенико (работа с рукописью); Валери Ши, Стиву Болдту и Александре Сью (корректура); Мишель Марчиз (дизайн-макет); Кейтлин Сноуден (продюсирование); Джону Вейро и Джону Йю (иллюстрации и обложка); Каролин Палотте и Эллисон Грин (выпускающим редакторам); различным редакторам, публиковавшим эти рассказы по отдельности; друзьям, которые поддерживали меня, щедро помогая советами; и читателям, которые не пожалели о том, что прочли эти рассказы, и сообщили мне об этом, – без вас я бы давно сдался.

Наконец, я благодарен своей семье. Она наполняет смыслом мою жизнь.

notes

Примечания

1

Рейган, Рональд (1911–2004) – 40-й президент США в 1981–1989 годах (*прим. пер.*).

2

Свинина му-шу – блюдо китайской кухни из нарезанной свиной вырезки, огурца и яиц, обжаренных в кунжуте или арахисовом масле вместе с небольшими кусочками грибов (*прим. пер.*).

3

Тяньаньмэнь – площадь в центре Пекина. С 15 апреля по 4 июня 1989 года на площади проходили акции протеста, главными участниками которых были студенты. Ранним утром 4 июня, по решению политического руководства страны, выступления были подавлены армией с применением огнестрельного оружия и бронетехники. Оценки числа погибших варьируются от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч и тысяч раненых (*прим. пер.*).

4

В Европе, и в особенности в Северной Америке, принято на День всех святых наряжаться в маскарадные костюмы, ходить от дома к дому, пугая хозяев, и выпрашивать у них сладости (*прим. пер.*).

5

Смит, Адам (1723–1790) – шотландский экономист и философ-этик, один из основоположников экономической теории как науки (*прим. пер.*).

6

Вегетарианская утка – блюдо китайской кухни – рулет из тонкого листа теста из сои с начинкой из грибов, моркови и бамбуковых побегов; готовилось на китайский Новый год в бедных семьях, которые не могли позволить себе настоящую утку (*прим. пер.*).

7

«*Великая пролетарская культурная революция*» – серия идейно-политических кампаний 1966–1976 годов в Китае, в рамках которых под предлогом противодействия возможной «реставрации капитализма» в КНР выполнялись цели по дискредитации и уничтожению политической оппозиции; одними из наиболее активных ее участников были хунвэйбины, члены отрядов студенческой и школьной молодежи (*прим. пер.*).

8

Период Нара – эпоха в истории Японии (710–794). Особенностями эпохи являются ускоренная китаизация японского общества, создание первых исторических хроник и расцвет культуры, а также широкое распространение буддизма во всех слоях японского общества и превращение его в мощную политическую силу (*прим. пер.*).

9

«*Кэмпэйтай*» («корпус безопасности») – служба безопасности Сухопутных войск Императорской Японии в 1881–1945 годах (*прим. пер.*).

10

«*Хиномару*» – «солнечный круг» (*япон.* яз.), государственный флаг Японии (*прим. пер.*).

«Говори о других хорошее» (*прим. пер.*).

12

Учина-гучи (окинавский яз.) – язык коренных жителей Окинавы и близлежащих островов (*прим. пер.*).

13

Ямато – древнее самоназвание Японского государства (*прим. пер.*).

14

Хатимаки – белая головная повязка, символизирующая у японцев непреклонность намерений и поддерживающая боевой дух (*прим. пер.*).

15

Пинкер, Стивен (род. 1954) – канадско-американский ученый и популяризатор науки, специализирующийся в области экспериментальной психологии, психолингвистики и когнитивных наук (*прим. пер.*).

16

«План 9 из открытого космоса» – американский низкобюджетный фантастический фильм ужасов 1959 года, многими критиками считается «худшей постановкой за всю историю кинематографа» (*прим. пер.*).

17

В переводе с *лат.* яз. «преступное намерение» (*прим. пер.*).

18

Корабль Тесея (парадокс Тесея) – парадокс, который можно сформулировать так: «Если все составные части исходного объекта были заменены, остается ли объект тем же объектом?»

Согласно греческому мифу, корабль, на котором герой Тесей вернулся с Крита в Афины, хранился афинянами и ежегодно отправлялся со священным посольством на остров Делос. Перед каждым плаванием осуществлялась починка корабля, при которой заменялась часть досок, в результате чего спустя некоторое время были заменены все доски; из-за этого среди философов возник спор о том, все ли это еще тот корабль или уже другой, новый? Кроме того, возникает вопрос: если бы все замененные доски были сохранены и из них был построен корабль, то какой из этих двух кораблей являлся бы настоящим? (*Прим. пер.*)

19

Вторая поправка к конституции США гарантирует права граждан на хранение и ношение оружия (*прим. пер.*).

20

«Песенка Хомяка Хэмптона» – один из первых интернет-мемов, созданный в 1998 году (*прим. пер.*).

21

В *англ*. яз. глагол не содержит указания на пол говорящего; в данном случае мужской род – условность (*прим. ред*.).

22

РИП-троллинг, от «requiescat in pace» – «покойся с миром» (*лат.* яз.), – наихудший вид троллинга, который сознательно направлен на усиление страданий скорбящих от утраты людей (*прим. пер.*).

23

Мунк, Эдвард (1863–1944) – норвежский живописец и график, один из первых представителей экспрессионизма; самым узнаваемым его образом стала картина «Крик» (*прим. пер.*).

24

Нейпьидо – город, с 2005 года столица Мьянмы, бывш. Бирмы (*прим. пер.*).

25

Непереводимая игра слов: *брандмауэр* (система, образующая границу между двумя сетями с целью защиты от несанкционированного проникновения) – по-английски дословно «пожарная стена»; отсюда отсылка к Великой Китайской стене (*прим. пер.*).

Майнинг – деятельность по созданию новых структур для обеспечения функционирования криптовалютных платформ (*прим. пер.*).

27

«*Бурдж-Халифа*» – самое высокое здание в мире, 163 этажа и 828 метров, находится в Дубае, ОАЭ (*прим. пер.*).

28

Байцзю – традиционный китайский алкогольный напиток, наиболее близкий к водке (*прим. пер.*).

29

Аллюзия на фильм «12 разгневанных мужчин» о заседании коллегии присяжных, решающих, виновен ли подсудимый в убийстве, за которое его судят (*прим. пер.*).

30

Понятия из науки, занимающейся исследованием видеоигр: *нарратология* изучает игру как некий организованный текст, ключевую роль в котором играет нарратив (самостоятельно созданное повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленное читателю или слушателю в виде последовательности слов или образов), в то время как *людология* подходит к изучению видеоигры как игрового процесса (описывающего взаимодействие игрока с игровым миром, реакцию игрового мира на действия игрока и определяющего действия, которые предлагает игроку игра), включающего в себя правила игры, которым она подчиняется, вместе с вариативностью и соревновательностью (*прим. пер.*).

31

Эспланада – музейно-парковая зона в самом центре Вашингтона между зданием Конгресса США и мемориалом президента Линкольна (*прим. пер.*).

32

Блокчейн – выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию. Блокчейны широко применяются при майнинге криптовалют (*прим. пер.*).

33

От «*дезинтермедитация*» (*финанс.*) – снижение роли банков и сберегательных институтов в качестве посредников на финансовом рынке и, как следствие, отток финансовых ресурсов из банковской системы (*прим. пер.*).

34

Смарт-контракт (с англ. яз. «умный контракт») – компьютерный алгоритм, предназначенный для формирования, контроля и предоставления информации о владении чем-либо; чаще всего речь идет о применении технологии блокчейна (*прим. пер.*).

35

«Вики-Ликс» – международная некоммерческая организация, которая публикует секретную информацию, взятую из анонимных источников или при утечке данной информации (*прим. пер.*).

Вынужденное (тактическое) *голосование* – такое голосование, при котором избиратель поддерживает кандидата, отличного от его реальных предпочтений, так как оценивает его шансы на победу как более высокие (*прим. пер.*).

37

Основным принципом японских боевых искусств джиу-джитсу является «мягкая», «податливая» техника движений (*прим. пер.*).

38

Буквально: «Нет Закону 2005 года о контроле за информацией» (*прим. пер.*).

39

«*Лига плюща*» – ассоциация восьми престижных частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США (*прим. пер.*).

40

Макартур, Дуглас (1880–1964) – американский военачальник, в 1950–1951 годах главнокомандующий войсками ООН в Корейской войне. Выступал за распространение войны на территорию Китая и ядерную бомбардировку Китая, что повлекло за собой серьезное усиление кризиса в Корее. Был отправлен в отставку президентом Г. Трумэном (*прим. пер.*).

41

Эмотикон – пиктограмма, выражающая эмоцию; чаще всего состоит из типографских символов. *Эмодзи* – язык идеограмм, используемый в электронных сообщениях и на веб-страницах, а также сами пиктограммы. Эмодзи появился в Японии и распространился по всему миру (*прим. пер.*).

42

«*Пикшенари*» – популярная графическая игра-головоломка (*прим. пер.*).

43

Первая строка XLII сонета американской поэтессы Сент-Винсент Миллей, Эдны, 1892–1950 (*прим. пер.*).

Агентство национальной безопасности (АНБ) – подразделение министерства обороны США, занимается радиоэлектронной, научной и технической разведкой и защитой электронных коммуникационных сетей госучреждений (*прим. пер.*).

NP-полная задача – в теории алгоритмов задача с ответом «да» или «нет» из класса NP, к которой можно свести любую другую задачу из этого класса (*прим. пер.*).

Эвристика – стратегии, основанные на предыдущем опыте решения аналогичных проблем (*прим. пер.*).

Диджерати – элита компьютерной индустрии и онлайн-сообществ, объединяющая известных ученых в области вычислительной техники, авторов техноизданий и блогеров (*прим. пер.*).

48

Непереводимая игра слов: слово everlasting – «вечность» (*англ.* яз.) образовано от фамилии основателя корпорации (*прим. пер.*).

49

Отсылка к белым поселенцам на Диком Западе, которые для защиты своего лагеря от индейцев и грабителей окружали его повозками (*прим. пер.*).

Семиотика – междисциплинарная область, охватывающая различные науки (естественные, гуманитарные и технические) и изучающая знаки и знаковые системы (*прим. пер.*).

51

«*Игрок против игрока*» (PvP) – вариант интерактивного конфликта между двумя или более пользователями, реализуемый в игровом мире персонажами, которыми они управляют (*прим. пер.*).

52

Грифер – в компьютерных играх игрок, который портит другим игровой процесс без всякой пользы для себя и других игроков (*прим. пер.*).

53

Беовульф – центральный персонаж древнеанглийской поэмы «Беовульф», воин-герой; *Виглав* – персонаж этой же поэмы, начальник дружины (*прим. пер.*).

«*Угроза нулевого дня*» – только что обнаруженная уязвимость программного обеспечения, о которой еще не известно производителю и для борьбы с которой еще нет средств защиты (*прим. пер.*).

«*Юникод*» – стандарт кодирования символов, включающий в себя знаки почти всех письменных языков мира. В настоящее время стандарт является преобладающим в интернете (*прим. пер.*).

Управляющие последовательности – совокупность идущих подряд значащих элементов, в группе теряющих для обрабатывающего механизма свое индивидуальное значение с одновременным приобретением всей группой нового значения (*прим. пер.*).

«*Развилочная бомба*» – вредоносная программа, бесконечно создающая свои копии, которые также начинают создавать свои копии и так далее. Выполнение такой программы может вызывать большую нагрузку вычислительной системы или даже отказ в обслуживании вследствие нехватки системных ресурсов, что и является целью (*прим. пер.*).

58

Строки из стихотворения «Падение Рима» англо-американского поэта У. Х. Одена, 1907–1973 (*прим. пер.*).

59

КЯК – единая система кодировки китайских, японских и корейских иероглифов, а также не использующегося в настоящее время старовьетнамского письма тьы-ном (*прим. пер.*).

Кватернион – термин из теории гиперкомплексных чисел. *Множество Жюлиа* – термин из голоморфной динамики; множество точек, всегда замкнутое, всегда непустое (*прим. пер.*).

61

Мур, Джордж Эдвард (1873–1958) – английский философ, основатель аналитического течения в философии (*прим. пер.*).

Ликопен – каротиноидный пигмент, определяющий окраску плодов некоторых растений, например томатов (*прим. пер.*).

63

Кортес, Фернандо (1485–1547) – испанский конкистадор, завоевавший Мексику (*прим. пер.*).

64

«Никс против Хеддена» – решение Верховного суда США о принадлежности томата к овощам. Дело было возбуждено братьями Никс против Эдварда Хеддена, таможенного чиновника из Нью-Йорка. Таможенный тариф 1883 года облагал пошлиной импорт овощей и не облагал импорт фруктов (*прим. пер.*).

65

Эффект «зловещей долины» – явление, основанное на гипотезе, которую сформулировал японский ученый-робототехник Масахиро Мори. Она подразумевает, что робот или другой объект, выглядящий или действующий примерно как человек (но не точно так), вызывает неприязнь и отвращение у людей-наблюдателей (*прим. пер.*).

Сапфо, или *Сафо*, (ок. 630 до н. э. – 572 или 570 до н. э.) – древнегреческая поэтесса и музыкант; *Эсхил* (525–456 до н. э.) – древнегреческий драматург, отец европейской трагедии (*прим. пер.*).

67

Торо, Генри Дэвид (1817–1862) – американский писатель, философ, публицист, натуралист и поэт, видный представитель американского трансцендентализма (*прим. пер.*).

68

Аллюзия на одну из самых известных цитат Торо: «Я нахожу полезным проводить большую часть времени в одиночестве. Общество, даже самое лучшее, скоро утомляет и отвлекает от серьезных дум» (*прим. пер.*).

Чар квай теов – блюдо малайской и сингапурской кухни из лапши, имеет китайское происхождение (*прим. пер.*).

Бак кут тех – блюдо из свиных ребрышек, приготовленное в бульоне, популярно в Малайзии и Сингапуре (*прим. пер.*).

71

Катонг-лакса – острый китайский суп с приправой из кокосового молока и сушеных креветок (*прим. пер.*).

Айам-пеньет – индонезийское блюдо из жареной курицы с овощными приправами (*прим. пер.*).

Ми-горенг – блюдо из жареной лапши в индонезийском стиле (*прим. пер.*).

Роти-прата – индийское блюдо из лепешек, распространенное в Юго-Восточной Азии (*прим. пер.*).

Наси-лемак – традиционное малазийское блюдо, рис, отваренный в кокосовом молоке и листьях пандана (*прим. пер.*).

Чар-сию – блюдо кантонской кухни из запеченной свинины (*прим. пер.*).

В переводе с *лат.* яз. «Акидалийская планета» (*прим. пер.*).

Облако Оорта – гипотетическая сферическая область Солнечной системы, являющаяся источником долгопериодических комет (*прим. пер.*).

79

Мемориальная библиотека Гарри Элкинса Уайденера, в которой хранится около трех с половиной миллионов книг, является центральным элементом библиотеки Гарвардского университета (*прим. пер.*).

80

Эмерсон, Ральф Уолдо (1803–1882) – американский поэт, философ, общественный деятель, один из виднейших мыслителей и писателей Соединенных Штатов (*прим. пер.*).

81

Дикинсон, Эмили (1830–1886) – американская поэтесса, при жизни опубликовавшая менее десяти стихотворений из тысячи восьмисот написанных (*прим. пер.*).

82

Тайцзицюань – китайское боевое искусство, одна из разновидностей ушу (*прим. пер.*).

83

Дионисии – одно из основных празднеств в Древней Греции, сопровождалось театрализованными представлениями, участники которых были в масках (*прим. пер.*).

Асикаги – самурайский род в средневековой Японии, основная резиденция находилась в Киото; неотъемлемой частью самурайских доспехов является маска мэнгу, выполняющая как защитные, так и декоративные функции (*прим. пер.*).

85

На языке индейцев кри «*пими-окан*» – «род жира»; спрессованное блюдо из сушеного и вяленого мяса, ягод, ягодного сока, иногда специй; легкое, занимает мало места, очень питательное (*прим. ред.*).

Паруса, которые ставятся при слабом ветре: прямые паруса *мунсель* – на самом верху мачты, *трюмсель* – под ним, *бомбрамсель* – еще ниже и *топсель* – треугольный парус на бизань-мачте, последней на трех– и многомачтовых судах (*прим. пер.*).

87

Крупная административная должность в средневековом Китае; то же, что генерал-губернатор (*прим. ред.*).

88

Юркая ящерица, прожорливая небольшая рептилия (самые большие представители в длину достигают тридцати шести сантиметров), может удержаться практически на любой поверхности (*прим. ред.*).

Кимвал – парный ударный музыкальный инструмент, предшественник современных тарелок (*прим. пер.*).

Эрху – старинный китайский смычковый музыкальный инструмент с двумя металлическими струнами (*прим. пер.*).

91

Он же зизифус, унаби, китайский финик – колючий, засухоустойчивый кустарник со съедобными плодами, мякоть имеет сладкий или кисло-сладкий вкус; широко используется в кулинарии и народной медицине (*прим. ред.*).

92

Архат – в буддизме человек, достигший полного освобождения от клеш (интеллектуальных или инстинктивных омрачений) и вышедший из «колеса перерождений» (*прим. пер.*).

93

Сеть Индры – метафора из буддийской философии – бесконечно большая сеть шнуров, принадлежащая ведическому богу Индре, которая висит над его дворцом на горе Меру (*прим. пер.*).

Царь Обезьян Сунь Укун – китайский литературный персонаж, известный по роману «Путешествие на Запад» У. Чэнъэня (*прим. пер.*).

95

Эней – в древнеримской мифологии герой Троянской войны, легендарный предок основателей Рима, Ромула и Рема. Собрав уцелевших троянцев, он покинул разрушенный город на корабле. Богиня Юнона, ненавидевшая троянцев, упросила бога ветра Эола наслать на корабль бурю (*прим. пер.*).

Кракатау – вулкан на одноименном острове в Индонезии. В 1883 году произошло катастрофическое извержение, значительно разрушившее остров и сам вулкан (*прим. пер.*).

В переводе с *лат.* яз. «в кремнии» (*прим. пер.*).

Рой Дайсона – самая простая мегаструктура, предложена американским физиком-теоретиком Ф. Дж. Дайсоном; массив очень больших солнечных панелей на орбите вокруг Солнца. Предполагается, что технологически развитая цивилизация может применять подобное сооружение для максимально возможного использования энергии центральной звезды и/или для решения проблемы жизненного пространства (*прим. пер.*).

Море Спокойствия – море на видимой стороне Луны; *Эритрейское море* – название обширной темной области на поверхности Марса (*прим. пер.*).

100

Куско – древний город инков на территории современного Перу, разрушен конкистадорами Франсиско Писарро; *Виньлонг* – провинция во Вьетнаме, место ожесточенных войн в эпоху династии Тэйшон в конце XVIII века (*прим. пер.*).

101

Вестфальская система международных отношений – система международных отношений, созданная в Европе на основе Вестфальского мира, который подвел итоги Тридцатилетней войны, закончившейся в 1648 году. Некоторые принципы Вестфальского мира действуют и поныне (*прим. пер.*).

102

Двигатель Шкадова – концепция «звездного двигателя», названного так в честь предложившего ее советского ученого в области авиации и космоса Л. М. Шкадова (*прим. пер.*).

103

Эванс, Артур Джон (1851–1941) – английский историк и археолог, первооткрыватель минойской культуры на острове Крит (*прим. пер.*).

104

Розеттский камень – стела, найденная в 1799 году в Египте возле небольшого города Розетта, с выбитыми на ней тремя идентичными по смыслу текстами, в том числе двумя на египетском языке, начертанными иероглифами и египетским демотическим письмом, которое представляет собой сокращенную скоропись эпохи позднего Египта, и одним на древнегреческом языке. Древнегреческий был хорошо известен лингвистам, и сопоставление трех текстов послужило отправной точкой для расшифровки египетских иероглифов (*прим. пер.*).

105

Мэгги вводит команду рекурсивного стирания памяти (*прим. пер.*).